Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

На правах рукописи

Пирова Рена Низамиевна

Персидско-азербайджанская (шиитская) община Астрахани: социально-экономические аспекты формирования и развития (XVII – начало XX вв.).

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
Доктор исторических наук
Имашева Марина Маратовна

Казань – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..……...5
1. Научно-теоретические основы исследования…….……...22
1.1. Концептуальные подходы к исследованию…….....22
1.2. Историография проблемы…….……36
1.3. Источниковая база исследования…….……71

2. Российско-иранские экономические и политические отношения, в XVII – начале XIX вв. как фактор формирования и развития персидско-азербайджанской общины в Астрахани……103
2.1. Экономические условия осуществления русско-иранской торговли через Астрахань в конце XVI – XVII вв. Начало формирования персидско-азербайджанской общины в Астрахани……103
2.2. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности иностранного купечества в России как фактор развития персидско-азербайджанской общины в Астрахани в XVII-XVIII вв. ……..125
2.3. Влияние международных событий и войн на развитие астраханской персидско-азербайджанской общины в XVIII – первой трети XIX в…….....154

3. Социально-правовой статус, взаимоотношения с властями и другими народами персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв. ……178
3.1. Гилянский (Персидский) Гостиный двор в XVII – XIX вв. ……178
3.2. Социально-правовой статус и эволюция форм общественной организации персидско-азербайджанской общины в Астрахани в XIX – начале XX вв……...199
3.3. Подданнический статус и проблема учета численности персидско-азербайджанской общины в конце XVIII – начале XX вв……..227

4. Экономическая и хозяйственная деятельность персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв. ……...257
4.1. Русско-иранская торговля через Астрахань в XVII – первой половине XIX вв……...257
4.2. Экономическая деятельность персидской общины в Астрахани в конце XVII – I половине XIX вв. и персидско-армянское взаимодействие…….....290
4.3. Персидско-азербайджанская община Астрахани в пореформенный период: новые формы социально-экономической деятельности……317

5. Особенности социально-культурной жизни общины и общественная деятельность персов и азербайджанцев в Астрахани в XIX – начале XX вв……...344

5.1. Особенности организации быта, повседневность и праздничная культура астраханской шиитской общины ……..344
5.2. Общественная деятельность, благотворительность и национальная школа персидско-азербайджанской общины в XIX – начале XX вв…….372
5.3. Участие азербайджанцев в татаро-мусульманском общественном движении Астрахани в начале XX в…….394
5.4. Азербайджанцы и татаро-мусульманская периодическая печать в Астрахани в начале XX в……431

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….449
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ…….458
ПРИЛОЖЕНИЕ…….522

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Для Российского государства Астрахань на протяжении более чем пятиста лет является одним из главнейших форпостов на южных границах страны, важнейшим торгово-экономическим центром международной торговли. В современных геополитических условиях, эта роль стала особенно важной и актуальной, в связи с тем, что Иран является дружественным России государством и ключевым экономическим и политическим стратегическим партнером.

С момента присоединения Астраханского ханства и основания русской Астрахани в середине XVI в., Волжско-Каспийский путь стал одной из главных, если не главнейшей, транспортных и торговых артерий нашего государства. Он связывал и связывает центральные регионы России со странами и территориями, прилегающими к Каспийскому морю.

На протяжении столетий, этот путь обеспечивал России товарный обмен, настолько значительный по объемам, что в определенном смысле способствовал развитию ее экономики, а в начале Нового времени – складыванию единого российского внутреннего рынка. Для российского мануфактурного, а затем и промышленного производства, сырье – хлопок и шелк, поступавшие к Астраханскому порту из Средней Азии, Закавказья и Персии, во многом обусловили его становление, а затем и развитие. Также абсолютно выгодным для российской экономики был и сбыт промышленных изделий отечественного производства через Астрахань на Восток.

Можно с уверенностью утверждать, что активно участвовавшие в осуществлении торговых операций по этому пути купцы, как русские, так и иностранные, способствовали экономическому развитию Российского государства, особенно в период Нового времени. При этом, на протяжении многих десятков лет, в отечественной науке много внимания уделялось именно истории развития экономики, связанным с объемами производства, а

также экспортно-импортной торговли. Также в советский период, подавляющее большинство специалистов по экономической истории разрабатывали вопросы связанные с теорией феодально-крепостнических и капиталистических отношений, их социальной стороной, но вообще не занимались историей этноконфессиональных групп и их вкладом в социально-экономическое развитие страны.

Российские власти на протяжении многих десятилетий направляли все усилия на то, чтобы город стал центром международной торговли и создавали максимально благоприятные условия для привлечения в город торговцев из стран Азии, особенно из государств и территорий, прилегавших к Каспийскому морю. Одной из этнических групп таких торговцев стали «кызылбаши», персы и азербайджанцы – мусульмане-сунниты, которые и основали весьма успешную в экономическом отношении торговую факторию – общину, которая внесла огромный вклад как в социально-экономическое развитие региона, так и в развития российско-иранских и российско-азербайджанских связей.

История персидско-азербайджанской общины Астрахани в заявленный период тесно и неразрывно связана с историей российско-иранских и российско-закавказских отношений. Купцы персидско-азербайджанского происхождения внесли огромный вклад в продвижение экономических и политических интересов России в Закавказье и Иране, способствовали экономическому процветанию Прикаспия и Нижнего Поволжья.

Следует отметить, что и российские власти прекрасно осознавали «полезность и нужность» общины и создавали режим наибольшего благоприятствования и покровительства для нее. Налоговая, таможенная и сословная политика, определенные преференции во внутренней и внешней политике, внимание к этноконфессиональным особенностям – неизменно сопутствовали жизни персов и азербайджанцев в российском губернском центре. Безусловно, все эти моменты говорят о том, что персидско-азербайджанская община российскими властями воспринималась и как

важнейший элемент социально-экономического развития региона и как значимый агент геополитического влияния здесь.

В связи с этим, необходимо важным представляется изучение всех аспектов и особенностей социально-экономической и общественной жизни персидско-азербайджанской общины XVII – начала XX вв., в том числе и для того чтобы понять, логику принятия российской властью ключевых государственно-политических решений во внутренней и внешней политике в регионе Прикаспия в рассматриваемый период.

Изучение истории персидско-азербайджанской общины Астрахани самоценно и само по себе ввиду того, что это позволит нам всесторонне рассмотреть все аспекты и особенности жизни достаточно закрытой и изолированной этноконфессиональной группы в принимающем российском социуме. Образ жизни, обычаи и правила коммерческого оборота, семейная жизнь, религиозные практики, праздничная культура, взаимоотношения между членами общины и с представителями иных этнических групп и представителями власти и т.д. – все это дает возможность воссоздать комплексную историю бытования персов и азербайджанцев в Астрахани в Новое время.

Еще одним важным обстоятельством, особенно в контексте изучения этнической и социальной истории коренных народов Российской Федерации является взаимодействие астраханских персидско-азербайджанской и татарской общин в XIX – начале XX вв. Особенно это важно для понимания истории формирования этнотерриториальной группы астраханских татар, составной частью которых в течении XIX в. стало население астраханского городского общества татар Трех Дворов, в том числе и Гилянского. Ну, а в начале XX в. лидерами астраханского татаро-мусульманского общественного движения стали этнические азербайджанцы, в том числе будущий лидер Советского Азербайджана Нариман Нариманов. Таким образом, изучение истории персидско-азербайджанской общины Астрахани имеет значение и в

контексте истории российского мусульманского общественного движения в предреволюционный период.

Сегодня, когда Астрахань вновь стала форпостом России в Прикаспийском регионе и здесь, спустя почти сто лет вновь открыто Генеральное консульство Исламской Республики Иран, а торговля с этой страной и Азербайджаном, является одним из важнейших внешнеэкономических направлений нашей страны. И как много веков назад, предприниматели из Ирана и Азербайджана занимают ключевые позиции в международной астраханской торговле, участвуют во многих социально-значимых проектах в регионе. В этой ситуации, безусловно опыт прошлого должен быть всесторонне изучен и максимально востребован, в том числе и для выбора наиболее оптимальных форм развития экономических и политических отношений с иранским и азербайджанским народами.

В данном исследовании мы придерживаемся понимания того, что община, основанная в Астрахани на рубеже XVI-XVII вв. купцами – «кызылбашами», подданными персидского шаха, является в этническом отношении «персидско-азербайджанской», а не «персидской», как принято транслировать в отечественной науке и публицистике. Дело в том, что исходя из архивных данных, подавляющее большинство тех подданных персидского шаха, которые связали свою жизнь с Астраханью, были этническими азербайджанцами из закавказских и североиранских провинций Персии, соответственно сегодня это – Южный Азербайджан в составе Исламской Республики Иран и собственно Республика Азербайджан.

Члены общины, являясь мусульманами-шиитами и подданными персидского шаха, сами себя в документах «персиянами». Вторят им и российские власти, разделившие к тому же по принципу подданных всех астраханских персиян в XIX в. на «персидско и российскоподданных». При этом, языком общения этих «персиян» был тюркский, что позволяло им свободно общаться с местными татарами и нанимать последних в ряде случаев приказчиками, заключать браки с местными юртовскими татарками.

Лидеры мусульманского общественного движения Астрахани начала XX в. уже сами себя называют «закавказскими мусульманами», «закавказскими тюрками», избегая этнонима «перс».

Ввиду этого, мы пришли к выводу, что об астраханской шиитской общине уместно говорить как о «персидско-азербайджанской», а не «персидской», что и транслируется нами в представленной работе. В ряде случаев, исходя из логики документов и научного изложения, мы пишем о «персидской» общине, но следует понимать, что в действительности имеется ввиду община «персидско-азербайджанская» и понятия эти, в контексте излагаемого события или явления, выступают тождественными.

История персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв. практически не изученная и очень интересная тема, ввиду того, что позволяет понять историю этой этноконфессиональной региональной группы, но и ее вклад в историю всего Российского государства. Ведь традиционно, экономические связи играли определяющую роль в межгосударственных взаимодействиях, определяя опосредованно затем и политические аспекты.

Таким образом, исследование процесса формирования и развития персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв., ее социально-экономической истории, общественной деятельности представляется нам актуальным и научно востребованным.

В качестве **объекта исследования** в работе выступает персидско-азербайджанская шиитская община города Астрахани в период Нового времени, в составе которой были «персидско-» и «российскоподданные персияне», занимавшиеся преимущественно внешней и внутренней торговлей в регионе

Предметом исследования является процесс формирования, развития хозяйственно-экономическая и общественная деятельность персов и азербайджанцев в Астрахани в XVII – начале XX вв., анализ которой подразумевает рассмотрение в динамике различных сторон жизни

представителей этой этноконфессиональной общины в городе, содержание и направленность их торгово-промышленной деятельности, роль в международной астраханской торговле, различные направления общественной активности и системы образования.

Целью представленной работы стало комплексное исследование места и роли персидско-азербайджанской общины в общественной, и деловой жизни Астрахани (во внутренней и внешней торговли и в промышленности), в сфере благотворительности и образования, в XVII – начале XX вв. В соответствии с обозначенной целью нами были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить экономические, внутри- и внешнеполитические условия, правовое регулирование осуществления русско-иранской торговли через Астрахань в конце XVI – начале XIX вв., как основные факторы формирования и развития персидско-азербайджанской общины в Астрахани;
2. Выявить и описать формы внутренней организации, систему управления и взаимоотношений с российской администрацией персидско-азербайджанской общины Астрахани в Новое время;
3. Охарактеризовать характерные особенности астраханской персидско-азербайджанской общины, количественных и качественных характеристик, подданнических отношений в XVII – нач. XX вв.;
4. Проанализировать основные направления экономической деятельности астраханских «персиян», взаимодействие с купечеством иных этноконфессиональных групп, их роль в развитии астраханского направления российско-азиатской торговли в XVII – нач. XX вв.
5. Охарактеризовать особенности общественной деятельности, быта и праздничной культуры, благотворительности и системы

образования персидско-азербайджанской общины в XIX – начале XX вв.;

6. Показать участие азербайджанских общественных деятелей в развитии татаро-мусульманского общественного движения Астрахани в начале XX в.

Для достижения поставленной цели и обозначенных задач мы использовали следующие **методологию и методы исследования**. Методологическую основу работы составил многофакторный подход, который принят в отечественной исторической науке. Применение этого подхода позволило нам выявить комплекс условий и причин, породивших определенные социокультурные явления, проследить на конкретных примерах взаимосвязь и взаимовлияние социально-экономического, политико-правового, этнокультурных и других факторов исторического процесса.

Определяющими методологическими принципами диссертационного исследования стали принципы историзма и объективности. Под историзмом мы понимаем принципы научного познания, которые позволяют изучить всех явления социально-экономической жизни в их конкретно-исторической обусловленности и развитии. Принцип объективности, исходящий из предположения, что историческая реальность объективна, позволил изучить источники различного содержания и исторические факты с точки зрения их исторически объективного содержания.

При исследовании проблемы формирования и развития астраханской персидско-азербайджанской общины в Новое время были отобраны компоненты различных методологических подходов, которые широко используются в разных системах социально-гуманитарного научного знания: исторический, институциональный, культурно-антропологический, географический. Комплексное использование методов позволило выявить особенности и тенденции в исследовании заявленной темы.

Представленная работа выполнена на основе комплексного использования общенаучных, историографических, источниковедческих и специально-исторических методов, в частности: системного и сопоставительного, синхронного и диахронного, методов экстраполяции и периодизации и др. Опора на эти методы позволили нам решить поставленные в исследовании задачи.

К общенаучным методам, которые были использованы в работе относятся: научные анализ и синтез, обобщение, описание и объяснение, дескриптивный, хронологический, периодизации. Большое значение было уделено изучению неопубликованных источников, жизнеописаниям отдельных представителей астраханской персидско-азербайджанской общины и лидеров регионального общественного мусульманского движения.

Применение аналитического метода предоставило возможность осуществить многоступенчатое познание отдельных элементов объекта исследования. Дескриптивный метод позволил нам описать те исторические явления, которые, в целом, характеризуют историю региона и страны в обозначенный период. Его применение также позволило выделить нам самостоятельный объект данного исследования, вне контекста того, что он является частью более обширной темы по истории российско-персидских и российско-азербайджанских отношений.

Хронологический метод позволил реализовать задачу рассмотреть события и явления с точки зрения их последовательности, движения и изменения в русле исторического времени и влияния на персидско-азербайджанскую общину Астрахани в Новое время. Метод периодизации, в свою очередь, помог определить промежутки времени, в течении которых происходил и те или иные события, непосредственно влиявшие на исследуемый объект.

Метод ретроспективного анализа явлений и событий помог в определении выводов и заключения нашей работы. Компонентный анализ позволил выявить составляющие структурные компоненты в определении

персидско-азербайджанской общины, в частности в определении ее этноконфессиональных характеристик и характеристик подданства в отношении России и Персии.

Конечно же, определяющими для максимального научного обоснования проблемы, стало использование методов, которые являются общими для наук социально-гуманитарного блока и специально-исторических методов.

Применение системно-структурного метода позволило охарактеризовать роль персидско-азербайджанской общины в социально-экономической жизни и международной истории Астрахани и Прикаспийского региона в Новое время. История становления и развития персидско-азербайджанской общины была рассмотрена в сравнении с историей других этноконфессиональных общин Астрахани: армян, индийцев, сартов, татар.

При помощи метода институционального анализа астраханская персидская община была рассмотрена как общественный институт, по отношению к которому была выработана законодательная база; у которого существовали свои обычаи и правила торгового взаимодействия; правила поведения, отношений и связей как внутри общины, так и с другими этническими группами, и с властями. Метод персонификации исследуемой этноконфессиональной общины на основе архивных источников конца XVIII – начала XX вв. также оказался востребован нами.

Использовался при исследовании структурно-функциональный метод, который ориентирован на выявление системных и культурологических характеристик этноконфессиональной общины астраханских мусульман-шиитов. Он нацелен на выявление общих принципов бытия с точки зрения его функционирования в системе общественных отношений. Применительно к теме исследования это означало проведение сравнительного анализа отношений в сфере быта, повседневности, праздничной культуры в среде

астраханских мусульман-шиитов, имевших свои национальные и конфессиональные традиции и неукоснительно их придерживавшихся.

Специально-исторические методы позволили осуществить историографический анализ различных составляющих проблемы истории персидско-азербайджанской общины Астрахани на основе проблемно-хронологического подхода. Также они позволили достаточно объективно и системно выявить особенности формирования и развития этой общины.

В современных исторических исследованиях широко применяется типологический метод исследования. Нами он был востребован в качестве метода позволившего провести анализ общего и особенного в эмпирическом многообразии этнических явлений. Благодаря этому мы выявили этнокультурные и социокультурные особенности предпринимательской и общественной деятельности представителей персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв. Метод историко-типологический позволил определить особенности менталитета купцов персидско-азербайджанского происхождения, сравнить эти характеристики с деятельностью предпринимателей, принадлежавших к другим этническим группам в регионе.

Историко-генетический метод позволил рассмотреть динамику развития процессов и явлений, связанных с историей персидско-азербайджанской региональной общины с момента основания до начала XX в. позволил выявить качественно новые этапы в ее развитии, связанные с изменением статуса Астрахани как пограничного города и центра международной торговли на рубеже XVIII-XIX вв. Аналитически-индуктивный метод позволил определить основные этапы в развитии астраханской персидско-азербайджанской общины и их особенностей

В связи с тем, что персидско-азербайджанская община была неразрывно связана с торговой деятельностью, нам потребовалось изучить и проанализировать достаточно объемный статистический материал. В его изучении оказался востребован количественный метод. Он позволил выявить

объемы и динамику астраханской внешней торговли, и участие в ней членов общины на протяжении практически всего изучаемого периода. Также были выявлены и количественные характеристики общины, их половозрастные, сословные и иные характеристики

Историко-статистический метод предоставил возможность сделать достоверные выводы о наиболее значимых тенденциях в предпринимательской и общественной жизни изучаемой этноконфессиональной общины на разных этапах ее развития.

Изменения в социальном статусе, отношениях подданства России и Персии со стороны членов шиитской общины, их экономических и общественных занятий в заявленный период были изучены с помощью одного из направлений новой локальной истории - микроистории. Метод микроанализа помог нам охарактеризовать взаимоотношения между членами шиитской общины, их отношения с российскими и персидскими властями, участие в политических и культурных событиях и т.д.

С помощью историко-биографического метода были изучены биографии наиболее выдающихся представителей персидско-азербайджанского купечества и общественных деятелей азербайджанского происхождения в регионе, а также их практическая деятельность в экономической и общественной сферах.

Совокупность примененных методов позволила проанализировать различные аспекты основания, формирования и развития персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII – начало XX вв. Выбор начального периода - начало XVII в. связан с основанием «кызылбашской» торговой фактории в Астрахани, который был основан Российским государством как центр торговли со странами и территориями Востока. Восточное купечество, в том числе и персидское, рассматривалось как главный агент этой торговли. В связи с этим российские власти приступили к созданию этнических торговых факторий – гостиных дворов,

одним из которых стал Гилянский (Персидский) двор, первые достоверные сведения о котором относятся к рубежу XVI-XVII вв.

Конечная хронологическая рамка – начало XX в., выбран в связи с тем, что одновременно с падением Российской империи и становлением советской государственности, в ряду других глобальных социальных трансформаций, произошла отмена сословного и национального законодательства. Среди прочих перестали существовать и учитываться властями как самостоятельные общественные группы и институты этноконфессиональные общины. Не стала исключением и персидско-азербайджанская астраханская община, большинство членов которой, представленных средней и мелкой буржуазией, предпочли регион покинуть.

Территориальные рамки исследования охватывают границы Астрахани XVII - начала XX века, как российского города – центра международной российско-азиатской торговли, в котором возникли торговые фактории восточных купцов. Одной из этих факторий стал Гилянский (Персидский) Гостиный двор, ставший основой формирования персидско-азербайджанской общины. После утраты Астраханью статуса центра российско-азиатской торговли, персидско-азербайджанская община стала развиваться в качестве одной из этноконфессиональных групп многонационального губернского города, имевшая определенное влияние на его социально-экономическое развитие.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое комплексное исследование, посвященное истории персидско-азербайджанской общины Астрахани, которая являлась важнейшей составляющей в реализации торгово-экономической и геополитической экспансионисткой программы Российского государства в отношении государств и территорий, прилегающих к Каспийскому морю.

Впервые на основе значительного круга опубликованных и неопубликованных источников определен процесс формирования и особенности развития обособленной этноконфессиональной общины в

составе российского города. Рассмотрена роль купцов персидско-азербайджанского происхождения в экономической жизни региона, их подданнический статус, количественные характеристики, взаимоотношение с другими национальными группами купечества, российскими и персидскими властями.

В представленном исследовании впервые в научном плане определено понятие «персидско-азербайджанской», «шиитской» общины в контексте этнического происхождения ее членов и их конфессиональной принадлежности в конкретный исторический период.

Безусловной новацией в исторических исследованиях является то, что в представленной работе мы осуществили анализ всех сторон общественной жизни персидско-азербайджанской шиитской астраханской общины в Новое время: быт, повседневность, праздничная культура, система благотворительности и культурно-просветительская деятельность. Также определена роль азербайджанцев в региональном астраханском тюрко-мусульманском общественном движении начала XX в., которое являлось составной частью общероссийского мусульманского движения.

В процессе написания диссертации нами выявлен и впервые введен в научный оборот значительный архивный материал, который позволил воссоздать историю формирования и развития персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв., ее существенных особенностей, с новых научных и методологических позиций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Персидско-азербайджанская община г. Астрахани возникла в конце XVI в. и в течении XVII-XVIII вв. развивалась как торговая колония (фактория) купцов «кызылбашей», выходцев из северных и закавказских провинций Персии, при непосредственном участии и покровительстве российских властей. Основу общины составлял Гилянский (Персидский) Гостиный Двор.

2. В начале XIX в. произошло обособление персидско-азербайджанской шиитской общины во главе со старостой (векилем) от Гилянского Гостиного Двора. Последний вошел в состав астраханского общества Татар Трех Дворов (Бухарского, Гилянского и Агрыжанского), которое стало основой для формирования астраханской городской татаро-мусульманской суннитской общины, включив в себя и татар-переселенцев из Средневолжских и Приуральских губерний и проживавших в городе астраханских юртовских татар.
3. В этническом отношении подавляющее большинство членов «персидской» шиитской общины Астрахани в Новое время были азербайджанцами, о чем свидетельствуют данные об их происхождении из северных и закавказских провинций (ханств) Персии (соответственно – Южного и Северного Азербайджана), отложившиеся в делопроизводственной документации органов исполнительной власти Астрахани и Астраханской губернии. В связи с этим более объективным представляется определение общины не «персидской», а «персидско-азербайджанской». При этом объединяющим фактором во многом выступал ислам шиитского толка, что позволяет определять эту общину и как «шиитскую».
4. Основным, а в некоторые периоды и единственным, видом деятельности членов персидско-азербайджанской общины на протяжении рассматриваемого периода была торговля, международная – по Волго-Каспийскому пути, и внутренняя, в Астрахани. Остальные виды предпринимательской деятельности носили вторичный, подчиненный характер. В связи с этим, община длительное время представляла собой экономически успешную, состоятельную группу горожан, лишь во второй половине XIX – начале XX вв. в ее составе появляются представители социальных «низов».
5. Ввиду того, что персидско-азербайджанское купечество на протяжении столетий было своеобразным проводником экономических и

политических интересов России на территориях и в государствах, прилегающих к Каспийскому морю, в Астрахани российскими властями был создан режим наибольшего благоприятствования и покровительства для членов персидско-азербайджанской общины. Выражалось это в определенных «послаблениях» налогового и таможенного законодательства, в игнорировании нарушений членами общины норм общегражданского и сословного законодательства, в наградной политике в отношении наиболее состоятельных членов общины.

6. В XIX в. в связи с включением Закавказья в состав Российской империи остро встал вопрос о подданническом статусе членов астраханской персидско-азербайджанской общины. При этом произошло разделение их на «персидско- и «российскоподданных персиян», что, однако, не сказалось на ее единстве. Для российских астраханских властей вести количественный, сословный и подданнический учет членов общины было затруднительно;
7. На протяжении всего периода существования верхушка и рядовые члены персидско-азербайджанской общины находились в непрерывном взаимодействии с местной российской администрацией и персидской консульской миссией (с момента ее учреждения в начале XIX в.), астраханским российским и, в большей степени, армянским купечеством. Лидеры общины, представленные гильдейским купечеством во второй половине XIX - начале XX вв. участвовали в городском самоуправлении, значимых общественных акциях. Но даже в начале XX в. традиционными, обособленными и закрытыми для посторонних оставались образ жизни, быт, праздничная культура и т.п. астраханских мусульман-шиитов;
8. Экономическая состоятельность членов персидско-азербайджанской общины обусловила успешность практически всех общественно значимых мероприятий, ею инициированных. На средства общины

была построена каменная Персидская мечеть, осуществлялись благотворительные акции, проводились праздничные мероприятия, были открыты национальное культурно-просветительское общество и начальная школа при нем.

9. В начале XX в. Астрахани возникло татаро-мусульманское общественное движение, выступавшее за модернизацию мусульманского сообщества Российской империи, последовательно проводившее в жизнь идеи джадидизма, национально-культурного развития. Были созданы региональные татаро-мусульманские культурно-просветительские общества, возникла национальная печать, открыта школа вне рамок конфессиональной общины. Лидерами этого движения стали трое азербайджанцев – М.Л. Измайлов, Н. Нариманов, Х. Хаятов. Они предпринимали попытки объединить татаро-мусульманское и шиитское общественное движение в Астрахани, но ввиду консервативности и закрытости персидско-азербайджанской общины, осуществить это не удалось.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования истории персидско-азербайджанской общины Астрахани в Новое время, на наш взгляд, вносят существенный вклад в программы реализации научных тем по истории этноконфессиональных групп России. Представленные в работе сведения, сформулированные выводы и обобщения, апробированные методы, могут представлять интерес для использования их в изучении современных социально-экономических и общественно-политических процессов в полиэтничном и поликонфессиональном российском обществе.

Межнациональный и межкультурный диалог на современном этапе, является одним из векторов общественной стабильности Российской Федерации. Безусловно, данное историческое исследование, может служить примером этого диалога и социального сотрудничества представителей

инонациональной и иноконфессиональной группы персидско-азербайджанского происхождения с представителями российских властей и сотрудничества в прошлом, для современных органов местной и центральной власти и общественности. Этот исторический опыт можно и нужно учитывать в государственных программах поддержки национального развития нетитульных народов РФ, в условиях масштабного реформирования, которое свойственно нашему государству на современном этапе.

Материалы диссертации могут быть также использованы при написании комплексной работы по истории тюрко-мусульманских народов России, истории российско-иранских и российско-азербайджанских отношений. Также они будут полезны в работе преподавателей высшей школы, при подготовке к чтению лекций и проведению семинарских занятий, в разработке спецкурсов по истории Астрахани в Новое время, персидской и азербайджанской общин России, российского мусульманского общественного движения во второй половине XIX - начале XX вв.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена в отделе Истории Поволжья и Приуралья Института истории Академии наук Республики Татарстан им. Ш. Марджани и рекомендована к защите. Основные положения исследования представлены в выступлениях автора на научных конференциях Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, всероссийских, межрегиональных и международных конференциях (2016-2024 гг.), отражены в 55 авторских публикациях. В том числе, 2 монографиях, 22 статьях в журналах, рецензируемых ВАК при Минобрнауки РФ,2 статьях в журналах международных без цитирования SCOPUS и Web of Seience и 31 научной статье.

Работа соответствует паспорту научной специальности 5.6.1 Отечественная история и следующим пунктам Направлений исследований: 3 Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития. 4 История взаимоотношений

власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов. 7 История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности. 10 Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений. 13 История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России. 19 История развития российского города и деревни.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка, приложения. Структура диссертационной работы определяется поставленными целью и задачами.

Глава 1. Научно-теоретические основы исследования

1.1. Концептуальные подходы к исследованию

Центральной категорией, используемой в диссертационном исследовании, является понятие «диаспора». Хотя в самой работе мы используем понятие этноконфессиональной персидско-азербайджанской шиитской общины в Астрахани, но имеется ввиду, именно диаспора, включавшая обозначенную группу городского населения. Связано это с тем, что в исторических источниках, а также имеющихся на сегодняшний день научно-исторических исследованиях по заявленной теме, которые составили основу нашего исследования, относительно исследуемой астраханской этноконфессиональной группы в Новое время употребляется обозначение «община», которым оперируем и мы. Но в теоретико-методологическом плане, конечно же, рассматривается диаспора «персиян» в городе Астрахани в обозначенный период.

Ситуация с определением понятия «диаспора» и, в целом, с изучением вопросов, связанных с формированием и существованием диаспор в прошлом и настоящем, в науке, достаточно парадоксальна. Несмотря на то, что феномену «диаспора» посвящены многие исследования, разными учеными оно трактуется по-разному, и четкого определения понятия нет. Объяснение кроется в том, что диаспора изучается разными науками гуманитарного цикла – историей, философией, социологией, политологией, культурологией и др., что и предполагает, априори, многообразие в подходах к пониманию этого сложного социального института. Чуть ли не каждый специалист дает свое собственное определение понятия, что породило серьезнейшие научные дискуссии в рамках научных дисциплин.

Обычно под диаспорой понимают, во-первых, «процесс рассеяния первоначального единого человеческого сообщества», а во-вторых,

«совокупность возводящих себя к этому сообществу групп, проживающих вне изначального района обитания»[1]. Но это определение не является исчерпывающим. И чтобы понять, что же такое «диаспора» в современном мире, следует обратиться к истории.

При анализе концепта «диаспора», прежде всего, стоит остановиться на историческом (традиционном) контексте понятия. Уже финикийцы, греки, евреи в древности, знали, что такое диаспора. И, как и на современном этапе, были связаны с процессами миграции. При рассмотрении в ближайшем приближении, видно, что понятие это не имеет никакого универсального содержания и даже больше, научным понятием, в строгом смысле, не является. Этим словом называли изначально один или несколько исторических сюжетов.

Если обратится к словарям, то чаще всего упоминаются армянская, цыганская, реже – конфессиональная (например, христианская) диаспора. И, конечно же, прежде всего – еврейская диаспора. Упоминается больше в метафорическом смысле, как «рассеяние Нового Израиля». Именно так переводится греческое слово diaspora – рассеяние, которое впервые было использовано в Септуагинте, в греческом переводе еврейской Библии. И уже в Новом Завете, у христианских авторов словом «диаспора» обозначено расселение еврейского народа вне Палестины, что связано было с политическими катаклизмами[2]. Отсюда происходит и первое осмысление причин появления диаспоры, как процесса, связанного с переселением части какого-либо народа из своей страны на другие территории вследствие каких-либо насильственных действий, угроз, социально-исторических, экологических и иных причин[3].

[1] Обидина Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. – 2012. -№4-5. – С. 5-18. С.5.
[2] Милитарев А. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспоры. - 1999. - №2. - С.57.
[3] Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый сл оварь иностранных слов. Ростов-на-Дону, 1995. Т.1. С.42.

Но, уже в древности, а затем и в Средневековье, и в Новое и Новейшее время, появлялись компактные переселенческие группы населения, которые переселялись отнюдь не по политическим причинам. И, очевидно, что процесс образования диаспор не мог и не может быть объяснен только политическими причинами, хотя они, в большинстве случаев, бывают главными. В связи с этим, в современном гуманитарном знании, область явлений, которая обозначается как «диаспора», значительно увеличилась. И смысл, вкладываемый в понятие, существенно изменился. Объясняется это тем, что дискуссия о диаспоре ведется в поле не только разных наук, но и общественной жизни, в ней принимают участие историки, этнологи, социологи, журналисты, режиссеры, писатели. В силу социально-экономических и политических катаклизмов Новейшего времени, слово «диаспора», стало даже, в какой-то степени «модным», в контексте объяснения бытования этнических групп[4].

В свою очередь, этнографы определяют диаспору «в узком смысле, как совокупность мест поселения евреев после разгрома Вавилоном Израильского царства (VI в. до н.э.) и увода живших там евреев в плен, позже – совокупность всех мест расселения евреев по странам мира вне Палестины; в широком смысле – для обозначения мест расселения тех или иных этнических групп, оторвавшихся от родной этнической территории: армянская диаспора, ирландская диаспора и т.д.»[5]. В социологии, политологии, культурологии, психологии на современном этапе, понятие «диаспора» используется и для обозначения таких явлений, как этнические меньшинства, беженцы, трудовые мигранты и т.п. То есть, под «диаспорой» понимаются любые национальные группы, проживающие вне своей родной страны по разным причинам. Такое понимание диаспоры нашло отражение в

[4] Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. - 2004. - №3. - С. 126–138.
[5] Козлов В.И. Диаспора // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986. С. 26.

известном определении диаспоры, данном Уолкером Коннором, увидевшем в диаспоре «ту часть народа, которая живет вне родины»[6] .

Очевидно, что употребление понятия «диаспора» в прошлом, стало попыткой объяснить все варианты этнических миграций в отношении и «старых» (исторических и классических диаспор) и «новых» (только формируют отличительные признаки на современном этапе) диаспоральных групп. В результате, существует много разных мнений о том, что же такое «диаспора», что связанно с многогранностью явления, которое, все же, требует отчетливого определения.

В последние десятилетия, в связи с усилившимися во всем мире миграционными процессами, феномен диаспоры стал весьма изучаемым социальным феноменом. Работы, посвященные общетеоретическим проблемам диаспор в нашей стране и за рубежом, стали выходить с завидной регулярностью. В центре внимания оказались общетеоретические проблемы диаспоры: условия возникновения и эволюция; идентификационные признаки; процессы интеграции; взаимодействие с принимающим социумом и т.д. Также дискуссию вызывали такие научные вопросы, как дефиниция самого понятия «диаспора», методологическая база, критерии «диаспоральности», типология диаспор, перспективы научного поиска.

Одним из первых в науке, кто обратился к понятию «диаспора» стал западноевропейский ученый У. Сафран[7]. Он выделил 6 базовых характеристик этого явления, обозначенного им как «классическая диаспора». Во-первых, это переселение (рассеяние) со своей родины, центра, в две или более зарубежных региона или области на периферии относительно небольшими группами. Во-вторых, память о стране происхождения, сохраняющаяся на коллективном уровне. В-третьих, ощущение себя членами диаспоры, чужеродным этническим элементом в принимающем обществе. В-

[6] Connor Walker. The impact of homelands upon diaspors // Modern Diasporas in Internetional Politiks, London: Groom Helm. 1989. P. 16.
[7] Safran W. Deconstructing and comparing diasporas. Diaspora, identity and religion: New directions in theory and research. Routledge, 2003.

четвертых, постоянно существующее в группе стремление к репатриации. В-пятых, помощь исторической родине в самых разных вариантах. В-шестых, сохранение идентификации со своей исторической родиной и сформировавшееся на этой основе чувство групповой сплоченности. Это понимание признаков диаспоры, сегодня считается классическим и дальнейшее рассмотрение вопроса в науке (или науках) отталкивается от идей Сафрана.

В российской науке большинство работ посвящены диаспорам, связанным с РФ: русские и представители других национальностей, из числа российских, в ближнем и дальнем зарубежье; национальные меньшинства из различных уголков бывшего СССР в пределах РФ. Главной проблемой, по-прежнему оставалось отсутствие общих дефиниций в отношении научного понимания диаспоры.

В целом, все научные исследования в нашей стране, которые посвящены проблеме диаспор, можно разделить на три группы. К первой относятся теоретико-методологические работы, заложившие основы исследовательского поиска. При этом следует учитывать, что проблемы диаспоры в советской, а затем и российской науки всегда изучались в контексте теории этноса. В 1960-1980-х гг. эта концепция оказалась в центре внимания Ю.В. Бромлея[8] и Л.Н. Гумилева[9]. В это время проблемы, связанные непосредственно с диаспорой, напрямую не рассматривались, но были заложены теоретические основы для изучения этносоциальных общностей разного уровня и характера[10]. Тогда этнические общности были классифицированы, были определены их признаки и особенности. В 1980-1990 гг. новое поколение исследователей (Р.Г. Абдулатипов, И.В. Арутюнян,

[8] Бромлей Ю.В. К типологии этнических общностей. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1988.

[9] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

[10] Абдулатипов Р.Г. Государственное регулирование национальной политики М., 2001; Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998; Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность // Вопросы истории. - 1976. - № 4; Затеев В. И. Национальные отношения при социализме. Улан-Удэ, 1975; Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитический и международный аспекты. М., 1999; Тишков В.А. Политическая антропология // Российские исследования в гуманитарных науках. Lewiston, 2000. Т.1, и др.

Л.М. Дробижева, Т.А. Полоскова, В.А. Тишков), уже обратились к изучению диаспор, их политико-правового статуса, роли и места их во внутренней жизни и международных отношениях государств. В их работах широко использовались приемы использования социологического подхода к исследованию диаспор, считающегося классическим.

Ко второй группе работ относятся исследования, рассматривавшие диаспоры в качестве специфического этносоциального феномена, в которых были разработаны различные аспекты ее бытия и институциональных особенностей[11]. В это группе работ, первой можно считать монографию Т.С. Иларионовой «Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры)»[12]. На основе системного и социокультурного анализа написана содержательная работа З.И. Левина «Менталитет диаспоры»[13]. Как объект социологического анализа рассмотрели диаспору также Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыкова[14]. Их работа внесла большой вклад в науку, так как обобщила все предыдущие наработки, авторы определили типологию, функции и особенности диаспор.

К третьей группе исследований следует отнести многочисленные статьи и обобщающие работы, посвященные региональным аспектам проблемы диаспор, сложившихся на постсоветском пространстве, вышедшие в 1990-2000-е гг. в научных журналах и сборниках статей[15].

---

[11] Арутюнов С.А. Диаспора — это процесс // Этнографическое обозрение. - 2000. - №2; Аствацатурова М. Северокавказские этнические сообщества Ставрополья: движение к диаспоре // Диаспора. - 2001. - №1; Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. - 2000. - №3; Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994; Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993; Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. - 1996. - №12 и др.

[12] Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994.

[13] Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.

[14] Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. - 1996. - №12. – С.33-42.

[15] Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспора. - 2001. - №1; Буяхаев С. Этнические меньшинства в республике Бурятия // Российский этнограф. - 1993. - №12; Гапеева А.В. Национальнокультурные центры как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтническом обществе: Дис. … канд. культурологии. Улан-Удэ, 2002; Остапенко Л., Субботина И. Проблемы социально-экономической адаптации выходцев из Закавказья в Москве // Диаспоры. - 2001. - №1; Попков В. Как живется кавказцам в

В начале XXI в., среди множества определений термина «диаспора», К.С. Гаджиев и Э.Г. Соловьева выделили два наиболее общих направления, которые, как они считают, вобрали в себя все имеющееся многообразие научных подходов. Прежде всего, «диаспора – это полемическая категория, широко употребляемая в публицистике и даже научных дискуссиях, но не имеющая качества научного термина»[16]. Так, А. Милитарев отмечает, что «термин этот (диаспора) никакого универсального содержания не имеет и термином, строго говоря, не является»[17]

Другое направление, наоборот, опирается на терминологическую определенность, предпринимает попытку дать исчерпывающее определение понятию. В итоге, у авторов, смысловые границы определяемого понятия, постоянно расширяются, включая все новые аспекты, или они начинают постоянно уточнять само понятие. Определение усложняется, «обрастает множеством дополнительных условий, а его универсальный характер безвозвратно теряется»[18]. И представители обоих подходов, рассуждая о диаспоре как о сугубо социальном феномене, неизбежно противоречат научному подходу.

Ю.В. Бромлей рассматривал понятие «диаспора» как тождественное понятию «субэтноса» или «этнической группы»[19]. С этой точки зрения диаспора, как раз определяется «как часть народа, проживающая за пределами страны своего происхождения, имеющая общие этнические корни и духовные ценности»[20].

В современных реалиях масштабных миграций и глобализации, содержание понятия «диаспора» все более расширяется, становится все более

российской провинции? (на примере Калуги) // Диаспора. - 2001. - №1; Хабенская Е.О. Татары о татарском. М., 2000 и др.

[16] Гаджиев К.С., Соловьева Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. М., 2006. С. 5.

[17] Милитарев А. О содержании понятия «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспоры. - 1999. - №12. - С.24.

[18] Гаджиев К.С., Соловьева Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. М., 2006. С. 24.

[19] Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1998. С. 36-37.

[20] Обидина Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. – 2012. -№4-5. – С.7.

универсальным и, как следствие, - неопределенным. Об этом, в частности, пишет В. Дятлов, отмечая, что термин «диаспора», включает все новые смыслы, часто отличающиеся друг от друга и первоначальной ситуации, породившей само это понятие[21]. Дальнейшая работа ученых над определением термина привела к расширению дискуссионного поля, выдвижению разнообразных гипотез и концепций, что, конечно же, способствует появлению новых интерпретаций.

Понятие «диаспора» в российской науке часто связано с понятиями «этнос», «нация», «национально-этническое меньшинство». На основе этого М.А. Аствацатурова и ее ученики стали рассматривать диаспору в рамках методологии инструментализма и конструктивизма. Инструментализм предлагает учитывать ассимиляционные процессы, а этничность рассматривать как средство для достижения групповых целей членов диаспор. Принадлежность человека к диаспоре, считают сторонники этого подхода (Дж. Девис, Н. Глезер, Д. Мойнихан, М. Губогло, Л. Дробижева, В. Ядов), определяется не только в силу этнического происхождения, но и зависит от сознательного самоопределения. Так, в случае с нашим диссертационным исследованием, мы увидим, как этнические азербайджанцы в Астрахани, сами себя определяли «персиянами». Конструктивистский метод подходит для объяснения особенностей и потребностей диаспоры, так как эта группа подвижна, численность ее постоянно меняется, у нее свои уровень этнической дистанции и степень дисперсности и т.д.[22]

В российской науке также сложилось несколько подходов к определению понятия «диаспора». Советский и российский историк, специалист в исторической демографии и географии Ю.А. Поляков, сформулировал два определения диаспоры: 1) этническая общность, находящаяся в иноэтничной среде; 2) население той или иной страны,

[21] Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. - 1999. - №1. - С.230.
[22] Жовтун Д.Т. Конфликтология. Межэтнические конфликты в структуре современного российского социума // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. С.134, 137.

этнически и культурно принадлежащее другой стране[23]. В качестве возможных причин образования диаспоры, среди прочих, он указал и изменение государственных границ государств по международным соглашениям и иные исторические обстоятельства.

Феномен диаспоры был изучен и ведущим этнологом России В.А. Тишковым. Его подход отличается от традиционных, которые он обозначил как «объективистскими», то есть «не учитывающими исторической ситуативности и личностной идентификации»[24]. А понятие «диаспора» Тишков называет условным, так как история и культурные отличия и «особость», это только основа диаспоры, но она сама по себе явно не достаточна: «Диаспора, это культурно отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Если нет подобных характеристик, значит, нет и диаспоры. Другими словами диаспора — это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность, и тем самым это явление отличается от остальной рутинной миграции»[25]

Для нашего исследования, интерес представляет тот факт, что В.А. Тишков настаивает, что диаспоры могут быть многоэтническими (собирательными). Ведь, говоря о персидской общине Астрахани Нового времени, мы имеем в виду, не только и не столько персов, а прежде всего этнических азербайджанцев – подданных персидского государства, происходивших из провинций Южного (иранского) и Северного Азербайджана, прилегающих к Каспийскому морю. По аналогии – в США и странах Западной Европы русскими считаются все прибывшие из РФ, хотя это могут быть люди самых разных национальностей.

[23] Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сборник статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Составитель Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 4.
[24] Там же. С.14.
[25] Там же. С.22.

По мнению Тишкова, диаспора выполняет особую миссию – «сопротивления, служения, борьбы и реванша». Производителем диаспоры является страна-донор (в нашем случае – Персия). Если такой страны исхода нет, соответственно не сложится и диаспора в принимающем обществе. И главным моментом в процессе образования диаспоры является не этническая общность, а национальное государство: «Диаспора как жесткий факт и ситуация, и ощущение — это порождение деления мира на государственные образования с охраняемыми границами и фиксируемым членством»[26] .

Исследователь проблем современных диаспор Т.В. Полоскова, считает, что, прежде всего, следует выделять системообразующие признаки диаспоры. К ним она отнесла этническую идентичность, общность культурных ценностей, стремление сохранить этническую и культурную самобытность на новой территории, представление о наличии общего исторического происхождения. Все эти признаки характерны для астраханской персидско-азербайджанской общины XVII – начала XX вв.

Как политолог, Полоскова исследовала диаспору при помощи категорий политологии, определив место диаспор в системе политических институтов. И пришла к выводу, что для диаспоры важно не только осознание себя как части народа, проживающей в другом государстве, но и выстраивание собственной стратегии взаимоотношений с родиной (страной исхода) и государством проживания. А также формирование институтов и организаций, которые будут способствовать сохранению и развитию этнической идентичности и самобытности. То есть, диаспора (в нашем случае этническая община) от этнической группы отличается тем, что она имеет институты и несет в себе этнополитическое содержание[27].

Т.Н. Полоскова также пришла к выводу, что в современной науке четкого определения понятия «диаспора» нет несмотря на то, что сам термин очень широко используется социально-гуманитарными науками. Это дает

[26] Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 38.
[27] Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные проблемы. М., 2000. С. 18.

основание обозначить «неидентифицированную определенность диаспоры как научной категории»[28]. Но сама она выделила признаки диаспоры, обозначив ее, как «этнокультурный и этнополитический феномен, возникающий на основе этнических групп, проживающих за пределами «титульного» государства и обладающих рядом признаков, к которым относятся: множественная этническая самоидентификация, предполагающая наличие этнокультурной связи и со страной проживания, и с этнической родиной; создание институтов, призванных обеспечить сохранение и развитие диаспоры, в том числе международного характера; существование стратегии взаимодействия с государственными институтами как страны проживания, так и «титульного» государства»[29].

В науке плюрализм мнений существует не только по вопросу определения понятия «диаспора», но и по поводу классификации диаспор. И наиболее интересной представляется классификация С.А. Арутюнова и С.Я. Козлова, которые разделяют диаспоры на «старые» и «новые», по времени их образования. К «старым» относятся те, которые существовали уже в Древнем мире и в раннем Средневековье (еврейские, греческие, армянские в Европе и в Западной Азии; китайские и индийские в Юго-Восточной Азии). «Молодые» диаспоры – сформированные различными гастарбайтерами в XX в. в различных уголках мира[30].

Р. Брубейкер в своей попытке классифицировать диаспоры, сформулировал понятие «диаспоры катаклизма». Их появление он связал с распадом крупных государств и изменением границ[31]. Уорвик Р. Коэн выделил четыре типа диаспор: диаспоры-жертвы, трудовые диаспоры, торговые диаспоры и имперские диаспоры[32].

---

[28] Там же.
[29] Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей: дисс. … доктора политических наук. Москва, 2000.
[30] Арутюнов С.А., Козлов С.Я. Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. - 23.11.2005.
[31] Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien., 2000. P. 19.
[32] Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. Second edition. N. Y., 2008. P. 31.

Дж. Армстронг, исходя из характера взаимодействия диаспоры с мультиэтничным государством, выделил «мобилизованные» и «пролетарские» диаспоры. Первые складывались столетиями и имеют сложную и длинную историю, они обладают высокой степенью социальной адаптации в принимающем обществе и глубоко в нем укореняются. В качестве таковых Армстронг называет еврейскую и армянскую. Соответственно, «пролетарские» диаспоры, это молодые, возникшие на современном этапе, диаспоры, возникшие на волне миграций XX в.[33]

Г. Шеффер выделил 6 типов диаспор: с глубокими историческими корнями; дремлющие; молодые; зарождающиеся; бездомные; этнонациональные. Главный критерий типологии, которым руководствовался автор – чувствует ли диаспора поддержку от своего «родительского» государства[34].

В.Д. Попков классифицировал диаспоры на основании выделенных им 8 критериев: 1) общность исторической судьбы; 2) юридический статус; 3) обстоятельства появления диаспор; 4) характер мотивации к переселению; 5) характер пребывания на территории региона поселения; 6) наличие «базы» в регионе нового поселения; 7) «культурная схожесть» с принимающим населением; 8) наличие государственных образований на территории страны исхода[35].

В типологии М. Брюно основаниями для деления выступает степень структурализации и организации диаспор, а также определение роли, которая играет в жизни эмигрантской общины страна исхода. Они проявляются в религии, профессиональной деятельности и (или) политике. На основании этого исследователь выделил три типа диаспоры: 1) диаспора, в которой доминирует профессиональная деятельность, а религия и политика являются несущественными; 2) диаспора, в которой главную роль занимает религия,

[33] Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. Washington, 1976. Vol. 70. № 2. P. 393.
[34] Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. - 2003. - № 1. - С.165.
[35] Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.

которая обеспечивает длительное существование общины, профессиональная деятельность при этом играет большую роль, но не является основной; 3) диаспора возникшая на политической основе в результате геополитических и исторических событий[36]. Именно второй тип, как нам представляется, подходит к определению астраханской персидско-азербайджанской общины Нового времени.

Еще одной типологией, которая объясняет суть исследуемой нами темы, является типология М. Эсмана. Согласно ей выделяются три типа диаспор: исторические, диаспоры-буржуа и трудовые диаспоры. Исторические диаспоры образовывают этнические мигранты-завоеватели, получившие со временем статус коренных этнических групп в стране проживания. Диаспора-буржуа состоит в основном из предпринимателей (купцов) и обладает более высокими навыками и возможностями чем коренное население в реализации различных коммерческих проектов. При этом высокий экономический статус такой диаспоры не всегда удается «уравнять» с политическим равноправием в стране пребывания. Диаспоры трудовые (пролетарские) возникли в результате исторических процессов XX в. и связаны с массовыми миграционными процессами[37].

Торговые диаспоры выделил У.Р. Коэн (наряду с трудовыми, имперскими или колониальными, культурные и жертвенные). Торговые диаспоры по его определению относятся практически все классические диаспоры – армянская, еврейская, китайская и т.д.[38].

В контексте нашего исследования, две последние классификации как раз объясняют феномен астраханской персидско-азербайджанской (шиитской) общины в Новое время. Возникнув как результат развития международной торговли по Волжско-Каспийскому пути, община астраханских персиян существовала несколько столетий, сохраняя и всячески охраняя свою этноконфессиональную идентичность в принимающем

[36] Bruneau M. Espaces et territoires de diaspora – Diaspora. P., 1995.
[37] Esman M. Ethnic politics. Ithaka. N.Y., 1994.
[38] Cohen R. Global diasporas: An introduction. N.Y., 1997. P.180.

российском обществе. Диаспора эта имела ярко выраженный торговый, буржуазный характер, что проявилось в ее экономической и социальной состоятельности.

При всей неопределенности, на современном этапе, термина «диаспора», мы все-таки считаем, что астраханская шиитская община максимально соответствует ее признакам, сформулированным в науке. А именно, тем, что диаспора – это «явление в виде устойчивой совокупности людей единого этнического происхождения, характеризующееся наличием и сохранением собственной стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной, имеющая свои основные и важные характеристики национальной самобытности своего народа (язык, культура, сознание), сохраняет их, поддерживает и содействует их развитию, а также активно функционирует в общественных, национально-культурных и политических движениях»[39].

[39] Обидина Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. – 2012. -№4-5. – С.15.

1.2. Историография проблемы

Историографический обзор темы истории персидско-азербайджанской шиитской общины г. Астрахани в XVII - начале XX вв. очевидно предполагает выделение трех основных направлений нашего научного поиска. Прежде всего, это история экономических отношений России с Персией и другими государствами, и территориями, прилегающими к Каспийскому морю через Астрахань. Это обусловлено тем, что в основном община формировалась и длительное время развивалась как купеческая, торговая. Во-вторых, политическая история региона и влияние историко-политических событий на положение представителей персидской (персидско-азербайджанской) общины в регионе. И, наконец, третий вопрос — это собственно степень изученности социально-правового статуса и экономического положения персидского купечества в Российском государстве и в Астрахани в заявленный период.

Первая составляющая проблемы, на наш взгляд, представляется наиболее изученной и имеет достаточно обширную историографию. При этом следует отметить, что по отдельным хронологическим периодам работы распределены неравномерно. Также следует учитывать, что наибольшее внимание в работах историков всегда уделялось политическим и дипломатическим аспектам. Изучение торгово-экономических отношений и, тем более, роли в них представителей различных этнических групп, имело подчиненный и фрагментарный характер. Одни историки обращались к торговым отношениям в контексте изучения отдельных периодов истории России, Кавказа или Ирана, истории международных отношений. При этом, несмотря на различие подходов, специфику авторских подходов, хронологических ограничений, все они представляют определенный интерес для нашего исследования.

Торговля России с иностранными государствами в XVII-XVIII в., в исторической литературе изучена неравномерно. Большая часть исследований посвящена становлению торговых отношений с европейскими странами через вновь обретенные Россией в XVIII в. торговые пункты – Санкт-Петербург, Одессу, Оренбург и т.д. Работ по истории торговых отношений с восточными странами вообще крайне мало. А среди имеющихся наибольшее внимание исследователей привлекли торговые отношения с Ираном и Китаем. При этом есть работы по истории отдельных восточных стран и территорий и народов, их населявших, в которых в числе других вопросов рассматривались вопросы торгово-экономических отношений с ними России.

Также, дореволюционные историки главное внимание уделяли изучению и анализу различных правительственных постановлений и сочинений, составленных иностранными путешественниками и официальными лицами после посещения региона. По сути, это были единственно достаточные источники доступные для изучения. Главный вывод этих работ состоит в том, что ведущую роль в оптимизации астраханской внешней торговли играла российская казна. А в самой этой торговле, во всяком случае, в XVII–XVIII вв., уверенно доминировало восточное, прежде всего армянское (но персидского подданства) купечество. И именно тогда была заложена основа покровительственного отношения российских властей к купцам с Востока вне зависимости от их национальной или конфессиональной принадлежности[40].

Тем не менее, первые работы по истории торговых отношений России с иностранными государствами появляются уже во второй половине XVIII в. Особо значима, в том числе, и по объему привлеченных источников,

[40] Лаппо-Данилевский А.С. Русския промышленныя и торговыя компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899; Улъяницкий В.А. Сношения России со Средней Азией и Индией в XV-XVII вв. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1888; Шипов А. О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России. М, 1861; Шперк Ф.Ф. Индусы в Астрахани // Астраханский листок. 1898 № 42-52; Штылько А.Н. Из истории астраханской торговли и промышленности. Астрахань, 1898.

многотомная работа М.Д. Чулкова[41]. В ней присутствует большое преувеличение роли «коммерции», которая, по мнению автора, является «узлом, который один только силен, содержать благосостояние человеческого общества». Но, при этом, это была едва ли не первая попытка в отечественной науке, рассмотреть историю торговых отношений России в неразрывной связи с развитием мануфактурной промышленности. В работе также содержится обширный фактический материал, статистика, личные наблюдения, и, наконец, понимание проблем, которые были у России в связи с выходом на мировой рынок. Торговле с восточными странами и территориями посвящены второй и третий тома сочинения.

В этот же период В.Н. Татищев[42] и П. Рычков[43] оставили с вои записи по истории российско-среднеазиатской торговли через вновь основанный Оренбург, который стремительно «отвоевывал» у Астрахани первенство в ней.

В первой половине XIX в. интерес к Ирану со стороны правительственных и военных кругов Российской империи принимает уже системный характер. Причин можно назвать много, но самые главные: колонизационные планы России в отношении Закавказья, а затем и Средней Азии и, вызванное этим, англо-российское соперничество. В связи с этим организовываются различные научные экспедиции, посольства, военные и торговые миссии. Интерес, естественно, вызывали и русско-иранские войны первой половины XIX в. и гератские походы 1830 и 1840-1850-х гг.

Статьи и очерки их участников внесли значительный вклад в изучение российско-иранских отношений. Это работы А.О. Дюгамеля, Н.Н. Муравьева, Е.И. Чирикова[44]. Следствием военных действий и научных

[41] Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от давних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. СПБ.; М., 1781–1788. Т. 1–7 (22 кн.).
[42] Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. М., 1990.
[43] Рычков П. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч.1. Оренбург., 1762.
[44] Мальцева Т.В. Восточная тема в русской документальной прозе XIX в. // Art Logos. 2019. №4(9). С.6-19.

экспедиций стало отображение их результатов в литературе дореволюционного периода. Например, экспедиция Н.В. Ханыкова в Хорасан, путешествия И.Н. Березина и академика Б.А. Дорна в Прикаспийские провинции Персии[45]. Русско-иранские войны были рассмотрены в работах В.А. Потто, Н.Ф. Дубровина, А.П. Щербатова и др.[46]. Англо-российское соперничество – М.И. Венюковым и П.И. Пашино[47]. А.П. Берже много писал о влиянии политики европейских держав на российские планы в Персии[48].

Значительный материал по истории российско-иранских отношений XIX в. содержится в работах чиновников российских дипмиссий. Прежде всего, это «Воспоминания полномочного министра» И.О. Симонича[49] и «Воспоминания о Персии» Ф. Корфа[50]. Среди центральных сюжетов, относящихся к дипломатическим отношениям между двумя странами и вообще мировой «Большой» политике, оба автора останавливаются и на торговых отношениях и правах персидского купечества в России и Иране в период, когда Закавказье окончательно стало российским и российское сословное законодательство распространилось на часть «персиян» - предпринимателей.

С 40-50-х гг. XIX в., в связи с переориентацией внешнеполитических задач России на Среднюю Азию, прослеживается определенный рост интереса к истории торговли с этим регионом. Появляются работы, в

---

[45] Действия Хорасанской экспедиции // Вестник Имп. Русского географического общества. Ч.23, 1858. С. 37-41; Березин И.Н. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852; Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861.

[46] Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I-IV. СПб., 1885-1888; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.III-IV. СПб., 1885-1888; Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т.II-III. СПб., 1890-1891.

[47] Венюков М.И. Очерк современного состояния английских владений в Азии. СПб., 1875; Пашино П.И. Из воспоминаний драгомана // Колосья. СПб., 1884, № 7-8; Он же. Из воспоминаний секретаря посольства: О тегеранской жизни // Колосья. СПб., 1887, № 7-8.

[48] Берже А.П. Александр Сергеевич Грибоедов. Деятельность его как дипломата 1827-1829 г. // Русская старина. 1874. Т.11; Он же. Грибоедов в Персии и на Кавказе 1818-1828 г. // Там же; Он же. Посольство Ермолова в Персию: Исторический очерк // Русская старина. 1877. № 6; Он же. Хосров-Мирза, персидский принц 1802-1875 гг.: Историко-биографический очерк // Русская старина. 1879. № 6-7.

[49] Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. М., 1967.

[50] Корф Ф.Ф. Воспоминания о Персии 1834-1835 гг. СПб., 1838.

которых содержатся статистические, законодательные, исторические сведения о российской восточной торговле, охватывающие значительный промежуток времени. Именно к таким сочинениям, в настоящее время имеющим еще и значение источника, относятся работы А. Семенова[51] и П.Г. Буткова[52]. В сборниках Т. Юзефовича[53] и К. Ладыженского[54] был систематизирован материал по законодательному оформлению торговых отношений России с иностранными государствами, в том числе по правам «торговых людей». А.С. Лаппо-Данилевский представил значительный для своего времени труд по истории «компанейского дела» в России в XVIII в.[55], а В.А. Ульяницкий – по истории российских консульств в то же время[56].

В отношении среднеазиатской торговли XVIII – начала XIX вв., в которой, через туркменское побережье, принимали участие купцы-персияне из Астрахани, в XIX в. также появляется ряд интересных работ, в которых был представлен значительный фактический материал по истории политических, дипломатических и торговых связей России с ханствами. При этом освещение военно-дипломатических отношений доминировали.

Например, в своей работе «Сношения России со Средней Азиею и Индией в XVI-XVII вв.» В.А. Ульяницкий[57] сделал важные выводы о причинах интереса России к Среднеазиатским территориям, которые являются актуальными и в наше время. Также интерес представляют исследования А. Попова[58] и Н.И. Веселовского[59]. Г. Хилков[60] стал автором

[51] Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII столетия по 1858 г. СПб., 1859. Ч.1–3.
[52] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г. СПб., 1869. Т.1–3.
[53] Юзефович. Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1869.
[54] Ладыженский К. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886.
[55] Лаппо-Данилевский А.С. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. СПб., 1899.
[56] Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Т.1–2.
[57] Уляницкий В.А. Сношения России со Среднею Азиею и Индиею в XVI–XVII вв. М., 1889.
[58] Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853.
[59] Веселовский Н.И. Приём в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал министерства народного просвещения. 1884. № 7. С. 68-105; Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
[60] Хилков Г. Хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

подробного хронологического обзора истории российско-бухарских политических отношений второй половины XVI – первой половины XVIII вв.

Работы специалистов XIX в. основаны на привлечении значительного количества документов, «относящихся до Министерства иностранных дел». При этом их анализ достаточно односторонен и, как правило, рассматривает какую-либо одну сторону политического процесса или акта, без учета комплекса социально-экономических причин, которые ему предшествовали. Также все работы написаны в контексте поддержки великодержавных амбиций Российской империи. Поэтому, всегда стоит помнить, что, несмотря на значимость привлеченного материала, они все отличаются тенденциозностью и необъективностью.

Следует отметить также, что в этих исследованиях отсутствовал анализ целей, задач и механизмов реализации государственной политики в торговых отношениях с Востоком. А также то, что основное внимание было сосредоточено на истории и современном состоянии политических и дипломатических отношений с азиатскими странами и территориями. Интерес вызывали и внутреннее социально-экономическое и политическое состояние этих стран.

В первые десятилетия XX в. в науке фактически сложилось направление по изучению истории внешней торговли России, что, безусловно, связано с распространением идей марксизма с его утверждением о первичности экономики в общественном развитии. В это время появляется сразу несколько интересных работ, содержащих комплексный исторический обзор исследуемого предмета[61]. Но самое интересное, что появляются исследования, в центре которых стоят отдельные вопросы внешнеторговых отношений России с другими странами.

В это время по истории торговых отношений с Ираном в раннее Новое время вышли в свет работы Б.Г. Курца, П.П. Мельгунова, А.Я. Шпаковского.

[61] Мельгунов П. Очерки по истории русской торговли IX-XVIII в. М., 1905; Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898–1902. Вып. 1-3; Кулишер И.М. История русской торговли до XIX в. Пг., 1923 и др.

Б.Г. Курц исследовал русскую торговлю с Персией в царствование Алексея Михайловича[62], рассмотрев роль торговых путей и торговых факторий в портовых городах. В работе П.П. Мельгунова[63] рассмотрена роль Астрахани, Рязани и Нижнего Новгорода как крупных транзитных центров российско-иранской торговли. А.Я. Шпаковский[64] изучал материалы тайного посольского приказа по русско-иранской торговли второй половины XVII в.

Историю российского торгового права изучил Б.И. Сыромятников[65]. Европейский транзит шелка из Закавказья и Персии через территорию России по условиям англо-российского соглашения 1734 г. был рассмотрен П.А. Остроуховым[66]. Торговую и промышленную политику России в XVIII в. рассмотрел В.И. Пичета[67]. Историю российских торгово-промышленных компаний, отношения правительства и общества к внешней торговле России в том же, XVIII в. – Н.Н. Фирсов[68]. Актуальным и в настоящее время является фундаментальный труд П.Б. Струве по истории торговой политики России[69]. Один из первых российских социологов, экономист, автор теории кооперации М.И. Туган-Барановский написал работу по истории российской фабрично-заводской промышленности, которая, по его мнению, была неразрывно связана с торговлей[70].

Продолжилось изучение российско-иранских отношений в контексте теории колониализма и борьбы европейских держав за Иран. Вышла монография Н.Н. Бобынина, в которой были исследованы исторические аспекты внешней торговли Ирана на основе документов Министерства

---

[62] Курц.Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 68-154; Он же. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родесса.-Киев, 1915.
[63] Мельгунов. П.П. Очерки по истории русской торговли IX-XVIII вв. М., 1905.
[64] Шпаковский.А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI-XVII вв. Киев, 1915.
[65] Сыромятников Б.И. История русского торгового права. М., 1914.
[66] Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914.
[67] Пичета В.И. Торговая и промышленная политика в России XVIII в.: книга для чтения по истории нового времени. М., 1911. Т.2.
[68] Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. Казань, 1922; Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование Екатерины II. Казань, 1902.
[69] Струве П.Б. Торговая политика России. СПб., 1913.
[70] Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.

торговли и промышленности[71]. Тогда же вышел в свет сборник А.А. Зоннештраль-Пискорского, представляющий значительный научный интерес и в наше время, в котором содержится значительный материал по истории российско-иранских торговых отношений[72].

Во многом, благодаря этим специалистам, определились основные направления изучения внешней торговли России, как в масштабах всего государства, так и по отдельным направлениям. Они с успехом продолжили развиваться в XX в., в рамках уже советской историографии. По-прежнему были актуальны вопросы международно-правового и внешнеполитического регулирования торговых отношений[73]. Конечно же, особое внимание уделялось истории промышленного производства и связи его с внешней торговлей[74]. Например, забегая немного вперед, отметим, что в 1940 г. была защищена диссертация Е.С. Зевакина «Русско-иранские торговые и дипломатические отношения в XVI-XVII вв.»[75], в которой впервые в науке были привлечены материалы отечественных архивов.

В ранней советской исторической науке 1920-1930-х гг. российско-азиатские торгово-экономические отношения XVI-XVII вв. изучали Е.С. Зевакин (поиск торгового пути в Индию)[76], Н.А. Бакланова (ассортимент восточных товаров и их востребованность у российского потребителя)[77], А. Чулошников (частная инициатива в торговых отношениях России с государствами Средней Азии и Индией)[78], К.В. Базилевич (российская казенная торговля и конкуренция межу русскими и восточными купцами на

[71] Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля: 19011923 гг. Тифлис, 1923.
[72] Зонненштраль-Пискорский А.А. Международные торговые договоры и соглашения. М., 1925.
[73] Зевакин Е.С. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1934; Зонненшталь-Пискорский А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931; Мавродин В.В. Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика в конце XVII – первой половине XVIII в. М., 1957.
[74] Любомиров П.Г. Очерки по истории внешней промышленности. М., 1947; Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. М., 1986.
[75] Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации в начале XVIII века. Баку, 1927.
[76] Зевакин Е.С. Роспись торгового пути из Астрахани в Индию в середине XVII в. // Новый Восток. 1925. № 8-9.
[77] Бакланова П.А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII - начале XVIII столетия. М., 1928.
[78] Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией и Индией в XVI-XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933.

азиатских рынках)[79], А.Н. Штраух (о развитии торгового капитала как фактора развития российско-азиатской торговли)[80].

В работах историков 1920-1930-х гг. большое место занимали вопросы, связанные с разоблачением экспансионистской политики царской России. Например, работа М.П. Павловича[81]. Связано это было с необходимостью опровергнуть взгляды дореволюционных авторов, которые, наоборот, стояли на промонархических позициях. Новый взгляд на экономические отношения между двумя странами присутствует в работах В.А. Гурко-Кряжина, Г.В. Шитова, А.С. Султан-заде[82] и др.

В тот период были опубликованы интересные работы, затрагивающие российско-иранские отношения: монографии и статьи В.В. Бартольда[83], Е.И. Заозерской[84], А.Р. Иоанисяна[85]. Межгосударственные (прежде всего политические) отношения между Россией и Ираном в XVI-XVIII вв. и, опосредованно, роль в них персидских купцов, исследованы в статье А.П. Новосельцева[86].

Очевидно, что с 1930-х гг. все исторические исследования в советском государстве стали осуществляться на основе марксистко-ленинских принципов и методологии. Все исторические процессы могли объясняться исключительно с этих позиций, во главу угла в сфере экономической истории российского государства ставились задачи «обличения» несправедливой имперской колониальной политики. Этим задачам максимально соответствовала статья историка И.П. Петрушевского «Система русского

---

[79] Базилевич К.В. Новоторговый устав // Известия АН СССР. 1932. № 7; Он же. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. Л., 1933; Он же. Элементы меркантилизма в экономической политике Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. М., 1940. Вып. 41.

[80] Штраух А. 'Торговый капитал в Московском государстве. М., 1931.

[81] Павлович М.П. Революционный восток. Часть I: СССР и Восток. М.-Л., 1927.

[82] Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. М., 1925; Шитов Г.В. Персия под властью Каджаров. Л., 1933; Султан-заде А.С. Современная Персия. М., 1922.

[83] Бартольд В.В. Культура мусульманства. Пг., 1918.

[84] Заозерский А.И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом. // Россия и Запад. Пг., 1923. С.6-94.

[85] Иоанисян А.Р. Дела и дни Захария Акулисского. // Историк марксист. 1937. №1. С.2-22.

[86] Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения XVII - первой половины XVIII в. в зарубежной историографии // История СССР. 1960. № 3.

колониального управления в Азербайджане в I половине XIX века»[87], которая заложила основу для исследования российско-закавказско-иранских отношений именно в этом направлении. И до начала 1960-х гг. вышли в свет работы и статьи А.Л. Попова, Е.В. Бунакова, М.К. Рожковой, А.В. Фадеева, Н.А. Смирнова, Н.А. Халфина[88], которые развили идеи И.П. Петрушевского.

С конца 1930-х гг. иранисты стали разрабатывать вопрос «изобличения политики европейских государств» в Персии, стараясь не останавливаться на роли в этом процессе России. Также, в связи с разработкой теории «восточного способа производства», уделялось большое внимание и торговле на восточном направлении[89]. В контексте нашего исследования из этих работ особо значимы исследования Е.Н. Кушевой[90] и Б.Б. Кафенгауза[91], которые среди иных сюжетов описали и участие купечества персидского происхождения во внутренней российской торговле XVIII в. Последней работой советского периода, трактующей вопросы экономической политики России на Востоке с позиций политических интересов, стала вышедшая в 1947 г. монография С.А. Покровского[92]. Также этой проблеме были посвящены несколько диссертаций[93].

В 1950-1960-е гг. в советской исторической науке особое внимание было сосредоточено на развитии концепции становления капиталистических отношений и формирования единого всероссийского рынка. В связи с этим в

---

[87] Петрушевский И.П. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане 20-60-х гг. XIX в. М.-Л., 1937.

[88] Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. //Исторические записки. 1940. №7; Его же. Из истории завоевания Средней Азии. //Исторические записки. 1940. №9; Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. Вып.2. М.-Л., 1941. С.5-26; Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во II четверти XIX в. и русская буржуазия. М.-Л., 1949; Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х гг. XIX века. // Исторические записки. 1955. №№ 54, 55.; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958; Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. М., 1960.

[89] Лебедев В.И. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 121–132; Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С.135–143.

[90] Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30–40-х гг. XVIII в. // Исторические записки. М., 1947. Т.23. С.44–104.

[91] Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958.

[92] Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

[93] Джесанидзе Д.В. Иранский вопрос во внешней политике России во второй половине XVIII в. (1747–1787): дис. … канд. ист. наук. Кутаиси, 1954; Юхт А.И. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ереван, 1952.

центре внимания оказались темы формирования торгового капитала и истории российских городов, как центров торгово-экономической жизни. Классический труд В.Н. Яковцевского[94] о значении российского купечества в системе международной торговли XVII в., определил, в том числе, роль иностранного купечества в торговле российской. Проанализировав Торговый и Новоторговый уставы и их последствия для экономики России, историк пришел к выводу, что их положения не привели к полному вытеснению иностранцев с российского внутреннего рынка.

В этот период вышло в свет несколько исследований в которых рассматривались торговые связи российских городов с Астраханью и участие в этом купцов разных национальных групп[95]. Существенным недостатком этих работ было отсутствие анализа социально-экономического статуса купеческого сословия как российского, так и иностранного.

Н.Б. Байкова в своих исследованиях по российско-индийским торговым отношениям подробно исследовала торговые пути и ассортимент «восточных» товаров, ввозившихся в Россию[96]. Г.Д. Дахшлейгер подробно изучал деятельность индийских купцов в Астрахани, задав тем самым вектор для исследования истории других национальных торговых колоний в городе[97]. Экономическому взаимодействию между членами разных этнических купеческих корпораций в России, а также политическим отношениям с их странами, посвящена работа О.Ф. Соловьева[98].

Конечно же, для истории астраханской торговли XVII-XVIII вв. по настоящее время остаются актуальными фундаментальные работы А.И.

---

[94] Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.

[95] Тверская Д.И. Москва - центр складывающегося всероссийского рынка. М, 1956; Сербина К.Н. Из истории местного рынка XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962; Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60 гг. XVII в. // Исторические записки. М., 1955. Т.53; Мерзон А.Ц. Устюг Великий в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960.

[96] Байкова Н.Б. К вопросу о русско-индийских торговых отношениях в XVI-XVII вв. / Институт востоковедения АН УзССР. Ташкент, 1956 Вып. 4; Она же. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент, 1964.

[97] Дахшлейгер Г. Д. Из истории русско-индийских связей в XVII - первой половине XVIII вв. // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1956. № 3.

[98] Соловьев О.Ф. Из истории русско-индийских связей. М., 1958.

Юхта[99], основанные на привлечении широкого круга архивных источников, прежде всего, таможенных книг. Историк подробно осветил направления деятельности восточных купцов, прежде всего индийцев и армян – подданных Персии, в астраханской международной торговле, динамику привоза и вывоза, ассортимент и место происхождения товаров.

Недостатком этих работ, с точки зрения нашего исследования, было то, что автор сосредоточился, в основном, на исследовании российско-индийских торговых связей и индийской диаспоры в Астрахани. Частично в них была отражена роль армянских купцов и их торговой колонии. И практически не содержались сведения по истории персидской шиитской общины XVII в.

На 1960-1990-е гг. приходится «всплеск» интереса к теме российско-азиатских экономических отношений в связи с возникшим в науке интересом к социально-экономической истории России, в контексте которого были исследованы вопросы общественного и экономического развития страны. Следует отметить работы М.Х. Гейдарова[100], Е.Н. Кушевой[101], А.Г. Воробьевой[102] в которых подробно рассмотрена номенклатура ввозившихся и вывозившихся закавказских и персидских товаров по Волжско-Каспийскому пути, а также европейский транзит. Уделено внимание и этноконфессиональным группам предпринимателей, осуществлявших эту торговлю и транзит, экономическим и политическим условиям, которые создавались в России и других странах для купцов, пошлинному обложению, различным рискам и т.п.

В эти десятилетия вышли работы Н.Б. Голиковой по истории социально-экономического развития российских городов в XVI-XVIII вв.

---

[99] Юхт А. И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3; Он же. Русско-восточная торговля в XVII - XVIII веках и участие в ней индийского купечества // История СССР. 1978. № 6.

[100] Гейдаров М.Х. О товарах ремесленного производства, вывозимых из Азербайджана по Каспийско-Волжскому пути в XVII в. // Известия АН АзССР. 1965. №5. С.32-45.

[101] Кушева Е.Н. Материалы Астраханской таможни как источник по социально-экономической истории России XVII-XVIII вв. // Из экономической и общественной жизни России. М., 1976. С.261-272.

[102] Воробьева А.Г. О торговых пошлинах в российско-азербайджанской торговле // Известия АН АзССР. 1981. №1. С.43-48.

Среди многих исследовательских сюжетов историк уделила значительное внимание и Астрахани, которая в обозначенный период входила в число главных городов страны[103]. Автор выделила отдельные социальные категории горожан, охарактеризовала род их занятий, а также городскую астраханскую торговлю и ассортимент товаров, который был актуален на Астраханской ярмарке.

Значительный вклад в историографию российско-иранских экономических отношений внесли работы Н.Г. Кукановой[104]. По сути, она впервые обозначила тему персидского предпринимательства в России, как значимую научную проблему. Объемы торговли, торговые маршруты, участие во внутренней российской экономической жизни, в том числе и на крупнейшей российской ярмарке – Нижегородской (Макарьевской), на которую азиатские товары попадали через Астрахань.

Большое значение для нашего исследования имеют и фундаментальные работы по истории торговых отношений России со странами Востока в XIX в. М.К. Рожковой[105]. Автор на большом количестве архивных данных показывает процесс проникновения российского капитала в страны и регионы, прилегающие к Каспийскому морю и то, как российская и национальная буржуазия осуществляла здесь международную торговлю в период, когда Российская империя приступила к политическому завоеванию этих территорий.

Также значимый вклад в изучение истории российско-азиатских торговых связей внес советский узбекский ученый Х.З. Зияев[106]. Он на

---

[103] Голикова Н.Б. Торговые связи городов Подмосковья в конце XVII - начале XVIII вв. // Русский город. М., 1976; Она же. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII - первой четверти XVIII вв. // Русский город. М., 1980; Она же. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII вв. М., 1982; Она же. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // Архив русской истории: Научно-исторический журнал М., 1995.

[104] Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII - первой половине XIX вв. Саранск, 1977; Она же. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993.

[105] Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949; Она же. Экономические связи России со Средней Азией: 40-60-е годы XIX века. М., 1963.

[106] Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (II половина XVI-XIX в.). Ташкент, 1964; Он же. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина. XVI—XIX вв.). Ташкент, 1965.

большом количестве архивных материалов, выявленных в различных регионах Советского Союза, создал объективную картину российско-среднеазиатских торгово-экономических связей в XVI-XIX вв. на сибирском и астраханском направлениях. Значительная часть его исследований посвящена участию различных групп восточного купечества, в том числе и персидско-азербайджанского (хотя в меньшем объеме, чем среднеазиатского) в международной торговле. Такой же значительный вклад в исследование российско-иранских торговых отношений внес советский туркменский историк Х.А. Атаев[107].

О различных аспектах российско-азиатской торговли и участия в ней иноземных купцов в Новое время писали Л.К. Ермолаева Р.К. Кисалов, Н.Н. Репин, Ш.Л. Хачикян[108]. С работой последнего перекликаются статьи Э.Л. Мелконяна[109] и А.М. Халмухамедова[110]. И хотя в них рассматриваются особенности жизни и деятельности армянской общины, но в силу политико-экономических связей между двумя народами, косвенно (и фрагментарно) затрагиваются и различные стороны бытования персов в России. Е.Н. Юнусова представила научный анализ участия англичан в транзите иранского шелка через территорию России[111]. Также был защищен ряд диссертаций по сходной проблематике[112].

---

[107] Атаев Х.А. Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900-1917 гг.). Ашхабад, 1989; Он же. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. М., 1991.

[108] Ермолаева Л.К. Крупное купечество России XVII - первой четверти XVIII вв. // Исторические записки. М., 1986 Т. 114; Кисалов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII - первой половины XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Репин Н.Н. К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России со второй половины XVII - первой четверти XVIII вв. // Вестник МГУ. Москва, 1970. №6; Хачикян Ш.Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII-XVII вв.). Автореф. дисс. …канд. ист. наук. Ереван, 1984.

[109] Мелконян Э.Л. Армянская семья в условиях диаспоры // Советская этнография. 1988. № 6. С.98-104.

[110] Халмухамедов А. М. Армянская диаспора как этнополитический феномен // Этнографическое обозрение. 1999. №2. С. 82-92.

[111] Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988.

[112] Абдуллаев Г.Б. Северо-восточный Азербайджан и Россия во второй половине XVIII в.: дис. … д-ра ист. наук. Баку, 1961.Ч. 1-2; Козинцева Р.И. Очерки внешней торговли и таможенной политики России первой трети XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1963; Мамедова Г.Н.-К. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е гг. XVIII в.): дис. … канд. ист. наук. Баку, 1979; Шарашанидзе З.М. Иран во второй половине XVIII в.: дис. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1971; Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

В силу того, что Астрахань являлась одним из крупных торговых городов России, необходимо упомянуть и работы, в которых рассматривалась история других крупных торговых центров государства XVII-XVIII вв. Это статьи и монографии по экономической истории Архангельска, Ярославля, Пскова и Тобольска[113].

В это же время были сделаны большие успехи в изучении российско-персидских политико-дипломатических отношений. М.А. Игамбердыев[114], Л.С. Семенов[115], Б.П. Балаян[116], Н.С. Киняпина[117], Ф.А. Абдуллаев[118] ввели большой объем фактического материала, неопубликованных материалов (архивные делопроизводственные документы, дипломатическая переписка, мемуары, материалы прессы) по проблеме в научный оборот. В контексте политических событий, вопросов соперничества Великих держав, авторами были достаточно подробно рассмотрена тема торгово-экономического взаимодействия Персии и Российской империи. До настоящего времени эти работы остаются актуальными и высоко востребованными в науке.

Следует отметить и монографии советских иранистов М.С. Иванова и Н.А. Кузнецовой[119], в которых показана внутренняя жизнь Ирана, развитие экономики, социально-экономическое положение разных групп населения этого государства, в том числе и купечества, дана характеристика российско-иранским экономическим отношениям в Новое время.

---

[113] Репин П.П. К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России со второй половины XVII - первой четверти XVIII вв. // Вестник МГУ. 1970. №6; Флоря Б.П. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске // Средние века. М., 1973 Вып. 36; Рухманова Э.Д. Архангельская торговля России (XVII в.) // Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1980; Бахрушин С.В. Ярославские торги в XVII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987; Головщиков К.Д. История города Ярославля. Ярославль, 1889; Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. М., 1950. Т.34; Вилков О.П. «Русские товары на Тобольском рынке в XVII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып.2; Он же. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967.

[114] Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века Самарканд, 1961.

[115] Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. Л., 1963.

[116] Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. Ереван, 1967; Он же. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. - Ереван, 1988.

[117] Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963.

[118] Абдуллаев Ф.А. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX века. Ташкент, 1971.

[119] Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952; Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. М., 1983.

Среди работ, освещавших общеисторические процессы на Кавказе в этот период, следует выделить монографии А.В. Фадеева[120], Н.А. Смирнова[121]. Развитие российско-иранских отношений в Закавказье было рассмотрено Г.Г. Мехтиевым[122], Н.А. Тавакаляном[123], А.Р. Иоаннисяном[124], Х.М. Ибрагимбейли[125]. Главное отличие работ этих авторов состоит в том, что здесь впервые в отечественной историографии Закавказье, в целом, и Азербайджан, в частности, рассматриваются самостоятельно, вне контекста принадлежности их в государственном плане Персидскому государству.

В 1998 г. в Институте Востоковедения вышла совместная монография Л.М. Кулагиной и Е.В. Дунаевой «Граница России с Ираном (история формирования)»[126], в которой получили освещение межгосударственные отношения между двумя странами в связи с формированием границ между ними с начала дипотношений в XVI в. до конца XX в. Авторы изучили как внешнеполитические, так и социально-экономические аспекты этого процесса. Ими был привлечен значительный архивный материал. Это была первая значимая работа по проблеме уже в постсоветской, российской историографии.

Также во второй половине XX в. ряд историков занимались изучением российской торговли на среднеазиатском направлении. Относительно XVIII в. в центре внимания часто оказывались торговые проекты империи в отношении Индии, реализации индо-российского транзита через территорию Средней Азии. В результате история российско-среднеазиатской торговли и ее параметры, часто рассматривалась как второстепенный сюжет[127].

---

[120] Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX века. М., 1958; Он же. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960; Он же. Россия в системе международных отношений 1815-1849 гг. М, 1961.
[121] Смирнов Н.А. Политика России па Кавказе в XVI - XIX вв. М., 1958.
[122] Мехтиев Г.Г. Присоединение Азербайджана к России и его историческое значение. Баку, 1950.
[123] Тавакалян Н.А. Переселение армян из Персии и Турции в Закавказье после присоединения Восточной Армении к России // Историко-филологический журнал, 1978. № 3. С.26-40.
[124] Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958.
[125] Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969.
[126] Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). М., 1998.
[127] Матвиевский Н.Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. № 3. 1968. С.98-111; Люстерник Е.Н., Шапот Е.Г. О некоторых проектах организации русско-индийской торговли в

Поэтому можно с уверенностью говорить, что комплексный труд по истории торгово-экономических отношений России со среднеазиатскими территориями и государствами и участии в этой торговле купцов разных этнических групп в XVIII в. - первой половине XIX вв. отсутствовал в советский период и не существует сегодня. Связано это с тем, что в национальных и региональных архивохранилищах отсутствуют многие документы, а те, что имеются – крайне фрагментарны и не позволяют составить полную картину исследуемого явления.

В 2000 г. Институт востоковедения РАН предпринял попытку издать комплексное исследование по истории русско-азиатской торговли с выявлением и анализом ее количественных характеристик в контексте макроэкономического развития стран и регионов. Собственно это и было главной целью сборника статей «Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией»[128]. Авторы статей охватили значительный хронологический период – со второй половины XVII в. до 1917 г.

Особый интерес для нашей работы представляют статьи из этого сборника С.В. Сопленкова «"Златая стезя в Азию", или Российские планы XVIII - середины XIX в. относительно сухопутной торговли с зарубежной Азией» и О.И. Жигалиной «Некоторые тенденции деятельности русского торгового капитала в Северном Иране и Средней Азии (конец XIX в.)». Но при всей значимости этой коллективной работы для истории российско-азиатской внешней торговли в целом и со странами и территориями, прилегающими к Каспийскому морю, в ней практически не затронут вопрос о роли и месте персидского купечества. Не были охвачены и все сюжеты рассматриваемой темы, поэтому признать сборник исчерпывающим и

XVIII в. // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Л., 1960 Вып. 9. С.15-30; Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI - середина XIX в.). М., 1958; Гулямов Х.Г. Посольские связи бухарского ханства с Россией в XVIII в.: дис. … канд. ист. наук. Ташкент, 1984; Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. // Исторические записки. М., 1951. Т. 36. С.269-286; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVII - начале XIX в. М., 1960; Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент, 1983 и др.

[128] Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией: сб. ст. / под ред. А.М. Петрова. М., 2000.

полностью осветившим все поставленные задачи, не представляется возможным.

В 2007 г. В.Н. Шкунов предпринял попытку комплексно проанализировать торговлю России с восточными странами за сто лет – со второй половины XVIII до конца первой половины XIX вв.[129]. В 2012 г. вышла монография А.Л. Рябцева, посвященная государственному регулированию восточной торговли в России в XVII-XVIII вв.[130]. А в 2014 г. им же была защищена диссертация, в которой подробно были рассмотрены все направления транзита из восточных стран через территорию России в XVIII в., в том числе и астраханское[131].

В продолжение советской научной традиции, в начале XXI в., было защищено несколько диссертаций по истории дипломатических и, отчасти, экономических отношений России и Ирана. Например, внимания заслуживают диссертационные исследования Е.В. Андроновой[132] и А.Г. Бугаевой[133]. Диссертации по истории российско-азиатской торговли на астраханском направлении[134] также в качестве основных рассматривали внешнеполитические вопросы.

Все рассмотренные нами выше работы посвящены очень важной теме российско-иранских (и даже шире – российско-азиатских) торгово-экономических и политических отношений. При этом, в них практически не рассматривается тема участия российского и иностранного купечества в этих

---

[129] Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Ульяновск, 2007.

[130] Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. Астрахань, 2012.

[131] Рябцев А.Л. Роль евро-азиатского транзита в восточной торговле России XVIII века: автореф. дис. … докт. ист. наук. Владикавказ, 2014.

[132] Андронова Е.В. Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII – первой половине XVIII вв. Дисс. … канд. ист. наук. Москва, 2002.

[133] Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. Владимир, 2009.

[134] Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII-XIX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011; Кулаков В.О. Роль Астрахани в государственной политике России в отношении Персии в первой половине XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Астрахань, 2010; Андронова Е.В. Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII - первой половине XVIII в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

отношениях. В связи с этим необходимо отдельно рассмотреть отдельно историографию и по этому направлению научного поиска.

Главной отличительной чертой историографии по этой проблеме является то, что в работах, так или иначе затрагивавших эту тему, вопрос участия купцов торговли во всех его проявлениях носил подчиненный характер по отношению к заглавной теме, которую мы уже разобрали – истории русско-азиатской торговли. И тенденция эта была заложена уже в XVIII в. в работах М. Чулкова, В. Татищева и др., о которых мы уже писали выше.

Собственно, работа М. Чулкова, вышедшая в 1781 г.[135], стала первой, в которой был затронута тема изучения роли купечества в российской международной торговле. Уже в первой половине XIX в. экономист Г.П. Небольсин[136] написал объемное исследование по внешней торговле России, основанное на данных статистики, в котором был и раздел, посвященный участию в ней российского и иностранного купечества. Также в этом фундаментальном труде автор впервые в отечественной экономической литературе предпринял попытку объяснить «движение» международной торговли развитием внутренней промышленности, таможенной (через анализ тарифов) политикой государства и внешнеполитическим взаимодействием со странами-контрагентами. В числе прочих направлений было описано и астраханское направление внешней торговли России.

Сведения по истории российско-персидской торговли в первой половине XIX в., в том числе и через ее главный пункт – Астрахань, содержатся в работах К.И. Арсеньева, И.Ф. Бларамберга, Ю. Гагемейстера, К.О. Герца[137]. А в произведениях этого же периода Б. Бюлера, И. Михайлова,

---

[135] Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной…». Спб.-М., 1781-1788.

[136] Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России, составленные Григорием Небольсиным. Ч.1-2. СПб., 1835; Его же. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850.

[137] Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848; Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 г., СПб., 1853; Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838; Герц К.О. О европейской и преимущественно российской торговле с Турцией и Персией. М., 1839.

М. Рыбушкина, И.В. Ровинского[138] рассматривались различные аспекты экономического состояния Астраханской губернии, в том числе и оценка роли персидского и иных национальных групп купечества в нем.

Вопрос транзитной астраханской торговли отчасти был затронут П. Миллером и Н.Н. Шавровым[139]. Об особенностях торговли, в которой были задействованы купцы-персияне с Ираном и Закавказьем писали Ф.И. Бакулин, Е. Берар, Л.Ф. Богданов, В.П. Вощинин, А.Ф. Губаревича-Радобыльский, С.С. Остапенко[140].

Некоторые данные по истории российско-персидской торговли и участия в ней купечества обоих государств через анализ развития промышленного производства России содержатся в работах П. Крюкова, А. Башуцкого, М.В. Довнар-Запольского, Е. Зябловского, В.С. Пельчинского, Л.В. Тенгоборского, А.П. Шипова, Г.М. Эфроса[141]. Также в дореволюционный период вышли в свет работы, рассматривавшие русско-азиатскую торговлю как следствие реализации различных направлений российской внешней политики на Востоке: Ф. Булгарина, И. Грацианского, В.В. Григорьева, Б. Гурьева, А.М. Золотарева, В.А. Зубова, Н.И. Тарасенко-Отрешкова, Г. Тер-Гукасова[142].

---

[138] Бюлер Б. Особенности Астраханской губернии, ее жители и промыслы. СПб., 1847; Михайлов И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. СПб., 1851; Рыбушкин М. Записки об Астрахани. Астрахань, 1841; Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. СПб., 1809.

[139] Миллер П. Русская транзитная торговля в XIX столетии. // Русское экономическое обозрение. СПб, 1903. №5. С.79-118, №6. С.66-100; Шавров Н.Н. Внешняя торговля Персии и участие в ней России. СПб., 1913.

[140] Бакулин Ф.И. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875; Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб., 1909; Вощинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. Пг., Остапенко С.С. Персидский рынок и его значение для России Киев, 1913.

[141] Крюков П. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853; Башуцкий А. Вторая Московская выставка российских мануфактурных произведений в 1835 г. Отдел I-II. Шерсть. Шелк. СПб., 1836; Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. Пг., 1911. Т.1; Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи. СПб., 1815. Кн.1; Пельчинский В.С. О состоянии промышленных сил России до 1832 г. СПб., 1833; Шипов А.П. О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России. М., 1861; Его же. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России. СПб., 1857; Эфрос Г.М. Шелковая промышленность в России и наша таможенная политика. М., 1918.

[142] Грацианский И. Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877; Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку. Одесса, 1840; Гурьев Б. Торговля России с Персией и проект Великого индийского пути. В кн.: Восточный сборник. СПб., 1913. С.89-158; Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Персии. СПб., 1888; Зубов В.А. Общее обозрение торговли с Азией (Записка В.А. Зубова). // Русский Архив. 1873. Кн.1. С.879-894; Тарасенко-Отрешков Н.И.

Следует отметить, что все перечисленные работы не содержат анализа какого-либо значимого фактического материала. В центре внимания авторов – насущные проблемы российско-азиатских политических, международно-правовых и экономических отношений, причем вторые имели второстепенное, подчиненное значение. Вопросы участия в российско-азиатской торговле различных групп национального купечества практически не рассматриваются. Основное внимание уделяется военным действиям, реализации геополитических планов Российской империи на различных азиатских направлениях[143].

Историография истории социально-экономических отношений советского периода имеет одну особенность, которая состояла в негласном запрете на исследования роли купечества в российском обществе, особенно, выявления положительных характеристик в его деятельности, будь то сектор экономики или социальный. История купечества, предпринимательства в более широком смысле, в советской историографии изучалась лишь в контексте изучения экономической истории и культуры народов бывшей Российской империи.

Так, тема купечества в связи с историей различных отраслей российской экономики в 1920-1950-е гг., косвенно была рассмотрена в трудах «классиков» советской экономической истории П.А. Хромова[144], П.И. Лященко[145], К.А. Пажитнова[146], А.П. Погребинского[147], Н.Н. Дмитриева[148],

---

Индия и ее отношение к России. СПб., 1858; Тер-Гукасов Г. Экономические и политические интересы России в Персии. Пг., 1915.

[143] Шавров Н.Н. Русский путь в Закавказье. СПб., 1893; Федоров М.П. Соперничество торговых отношений на Востоке. СПб., 1903; Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1885 гг. СПб., 1883-1884; и др.

[144] Хромов П.А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М.-Л., 1946.

[145] Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.1. М., 1947.

[146] Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955; Его же. Очерки истории хлопчатобумажной, льнопеньковой и шелковой промышленности. М., 1958.

[147] Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). М., 1954.

[148] Дмитриев Н.Н. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. М.-Л., 1935.

Г.С. Исаева[149], П.Г. Любомирова[150], И.В. Мешалина[151], Б.Н. Миронова[152], А.И. Парусова[153] и В.К. Яцунского[154].

Особо стоит отметить работу Н.М. Гольдберга, в которой речь идет об истории возникновения и особенностей бытования индийской торговой колонии в Астрахани XVII в. Косвенно в этой работе затронут и вопрос возникновения и первых десятилетий существования армянской и персидской торговых колоний[155].

Об участии иностранцев в развитии российской экономики в отечественной исторической науке первые работы появились в 1920-е гг.[156], связано это было с планами восстановления экономики, которые разрабатывало правительство молодого советского государства. И наряду с изучением истории отдельных отраслей и степени монополизации российской экономики, актуальным стал и вопрос о роли иностранных капиталов[157].

Наиболее изученной в советский период оказалась тема становления класса российской буржуазии. При этом характерно резко отрицательное отношение к фигуре предпринимателя-купца, зажиточного мещанина или крестьянина. У этих «носителей чуждой буржуазной идеологии» советские историки стремились выявить различные девиации.

---

[149] Исаев Г.С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в Росси 1760-1860 гг. Л., 1970.

[150] Любомиров П.Г. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII-I пол. XIX века. Астрахань, 1926; Его же. Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России. // Исторический сборник. М.-Л., 1936. №5. С.39-76; Его же. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947.

[151] Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII - I половине XIX века. М., 1950.

[152] Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во II пол. XVIII – I пол. XIX вв. М., 1986.

[153] Парусов А.И. Из истории внутренней торговли России к. XVIII – I четверти XIX вв. // Ученые записки Горьковского Гос. Университета. Т.41. Вып.4. Горький, 1960. С.3-57.

[154] Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. М., 1973; Его же. Крупная промышленность России в 1790-1860 гг. В кн.: Очерки экономической истории России I половины XIX в. М., 1959. С.118-220.

[155] Гольдберг Н.М. (Русско-индийские отношения в XVII в. // Ученые записки Тихоокеанского института. АН СССР. М., 1949. Т. 2.

[156] Оль П.В. Иностранный капитал в России. Пг, 1922; Ванаг Н.Н. Финансовый капитал России накануне первой мировой войны. М., 1925; Ронин С.Л. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926; Кулишер И.М. Очерки истории русской промышленности. Пг., 1922: Он же. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923 и др.

[157] Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С.5-8.

Берлин П.А. первым в российской историографии предпринял попытку исследовать историю российской буржуазии с начала XVIII до начала XX вв.[158]. Работе, как и всякой новации, свойственны некоторые недостатки, в том числе крайне ограниченная источниковая база. Но большое и несомненное достоинство состоит в том, что впервые было сформулировано само направление научного поиска – история буржуазии (предпринимательства) в России. И.М. Кулишер в своих работах 1920-х гг. исследовал социально-экономические характеристики российского купечества[159].

Историк П.Г. Любомиров достаточно подробно изучил развитие ведущей отрасли российской промышленности – текстильной в XVII – первой половине XIX вв. Одна из монографий посвящена собственно астраханскому текстильному производству, в котором в рассматриваемый период значительную роль играли купцы-персияне. По сути, это первые исторические исследования, в которых на статистических архивных данных была представлена картина ткацкого производства в Астрахани и участия в нем местных предпринимателей, в том числе и мусульман – татар и персов[160].

С конца 1930-х и до середины 1950-х гг. история российской буржуазии оказалась «за бортом» научных исследований. В этот период были сформулированы, но никак не разработаны отдельные вопросы: становление российской буржуазии как класса, источники его пополнения, роль и экономическое значение различных групп (сословных и этнических) в развитии буржуазии, оценка масштабов и характера общественно-политической деятельности российских предпринимателей в дореволюционный период и др.

---

[158] Берлин П.А. Русская буржуазия в новое и старое время. М., 1922.

[159] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск, 2008; Он же. Очерки истории русской промышленности. Пг., 1922: Он же. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923.

[160] Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII – нач. XIX вв. М., 1947; Он же. Ткацкая промышленность в Астрахани в XVIII - I половине XIX вв. Астрахань, 1926.

Все эти недочеты в полной мере присущи работе В.Н. Яковцевского[161]. Тогда же вышла и «История народного хозяйства» классика советской историко-экономической науки П.Я. Лященко[162], в которой автор впервые охарактеризовал экономику российского капитализма, как многонациональную и настаивал на дальнейшем подробном изучении всех национальных групп буржуазии (купечества)[163].

В рамках следующего этапа, который приходится на вторую половину 1950 – конец 1980-х гг., в связи с формированием социалистического лагеря, встал вопрос о закономерностях смены капитализма социализмом[164], в связи с чем, востребованной стала разработка темы российской буржуазии и ее активности не только в экономической, но и общественной сфере и пр. Начинается активное вовлечение в научный оборот самых разных архивных материалов. В 1958 г. вышел ряд работ, в которых рассматривались самые разные стороны экономической истории, в том числе и вопросы, связанные с национальными группами городского гражданства[165].

В конце 1950 – начале 1960-х гг. некоторые историки, показывают свою неудовлетворенность достигнутым уровнем исследования социально-экономических предпосылок становления капитализма и роли в буржуазии в экономике России. Тогда и вышла в свет статья И.Ф. Гиндина[166]., в которой была представлена типология российских предпринимателей на основе регионально-отраслевого подхода. В соответствии с разным уровнем социально-экономического развития, все российские предприниматели были разделены на несколько групп: московская, петербургская, провинциальная. Эта типология получила признание и в советской и в зарубежной науке. Но

---

[161] Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.
[162] Лященко П.И. История народного хозяйства. М., 1952.
[163] Там же. С.26.
[164] Тарновский К.Н. Социально-экономическое развитие России. Начало XX в. М., 1990. С.18.
[165] Боровой С.Я. Кредит и банки России (середина XVI в. – 1861 г.). М., 1958; Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958; Половников А.П. Торговля в старой России. М., 1958; Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958 и др.
[166] Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. 1966. №3. С.61.

национальные группы в структуре российской буржуазии историк не выделил, что является актуальным для нашей работы.

В это время вышли в свет несколько коллективных монографий, в которых рассматривались особенности становления и развития, отличительные черты торгового капитала и империализма в России, отдельные отрасли хозяйства страны XIX – нач. XX вв. и т.п.[167]. Значимыми являются работы 1950-1980-х гг. одного из «столпов» советской историко-экономической науки П.Г. Рындзюнского. Его монография «Городское гражданство дореформенной России» на обширном архивном, статистическом, актовом материале освещает эволюцию социально-правового статуса и численности различных групп населения в городах, в том числе и в Астрахани[168]. Хотя и достаточно фрагментарно, затронут был и вопрос иностранного восточного купечества в Астрахани.

В своих последующих работах Рындзюнский исследовал социальные и национальные источники формирования предпринимательских групп в российских городах[169], сделал вывод о постоянных изменениях в составе и пополнении их за счет мещанства и купечества и иностранных купцов, вступавших в российское подданство[170].

Социально-экономическую историю российского города во второй половине XVIII в. изучил Ю.Р. Клокман[171], а его классовую структуру – Л.М. Иванов[172]. Крупную буржуазию пореформенного времени всесторонне исследовали В.Я. Лаверычев и Л.Е. Шепелев[173]. Последний, в 1980-е гг. изучил разные стороны взаимодействия российских властей и буржуазии и

[167] Материалы сборников статей. Из истории империализма в России. М.-Л., 1959; Монополии и иностранный капитал в России. М.-Л., 1962.Об особенностях империализма в России. М., 1963.
[168] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
[169] Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978. С.4.
[170] Там же. С.250.
[171] Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города (II половина XVIII в.). М., 1967.
[172] Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. М., 1971.
[173] Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861-900 гг.). М., 1974; Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.

торгово-промышленную политику царского правительства в пореформенный период[174].

В последнее десятилетие существования советского государства, в науке постепенно было преодолено отрицательное отношение к классу предпринимателей, наметились новые подходы. Первыми в этом направлении стали работы М.К. Шацилло и А.Н. Боханова, в которых был вовлечен значительный круг новых архивных документов по социальной и национальной структуре российской буржуазии[175]. Тогда же вышли в свет исследования Н.Н. Репина и Н.В. Козловой по истории российского купечества XVIII-XIX вв.[176].

Вполне очевидно, что уже в российской историографии экономической истории с 1990-х гг., после распада СССР, тема истории купечества стала весьма актуальной. Началось массовое выявление новых источников, некоторые из которых были недоступны ранее, в том числе и мемуарного характера, стремительно развивались научные связи между отечественными и западными историками, развивались междисциплинарные подходы и новая методология, сменившая казавшуюся незыблемой марксистскую. Практически все аспекты истории российского предпринимательства оказались в центре внимания исследователей, в том числе и история предпринимательства различных национальных групп торгового мира России прошлого.

---

[174] Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во II половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1981; Он же. Царизм и буржуазия в в 1904-1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1987.

[175] Шацилло М.К. Источники по социальной структуре российской буржуазии начала XX в. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1986; Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1985. №4; Он же. Дореволюционная буржуазия: парадоксы российского предпринимательства // Российская провинция. 1995. №2; Он же. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1990. №4.

[176] Репин Н.Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII-XVIII вв. (К вопросу периодизации борьбы за рынок) // Торговля, промышленность и город в России XVII - начала XIX в. М., 1987; Козлова Н.В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1987; Она же. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1989; Она же. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.

Б.В. Ананьич изучил историю столичного предпринимательства[177] и социально-экономического развития российских городов[178]. Продолжил свои исследования по истории российской буржуазии и А.Н. Боханов, поставив перед наукой вопросы о необходимости определение численности российского купечества и выявления всех источников его пополнения, «социально-генетических особенностей социальных и национальных элементов» в его составе[179].

Во второй половине 1990-х гг. вышли коллективные монографии по истории российского купечества, которое рассматривалось с самых разных сторон его жизни и деятельности – хозяйственной, социокультурной, общественно-политической[180]. В.А. Нардова стояла у истоков изучения последнего аспекта[181]. Изучались и социокультурные особенности российского предпринимательства, например, М.Н. Барышниковым[182].

Работы начала 2000-х гг. делают акцент на соотношении различных элементов (корпоративных, национальных, сословных и т.д.) в структуре российского делового мира в конкретных исторических условиях XVIII – начала XX вв. Начинает учитываться и этноконфессиональный компонент в обычаях деловой практики и повседневности торгового мира страны[183].

Развитие социально-гуманитарного знания предопределило появление работ, рассматривающих в комплексе самые различные исторические сюжеты и процессы: проживание и взаимодействие на одной территории различных этноконфессиональных групп, теория и практика взаимоотношений центра и периферии Российской империи, соотношение

[177] Ананьич Б.В. Банкирские дома в России в 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л, 1991.
[178] Ананьич Б.В. Петербург. История банков. СПб., 2001; Предпринимательство и городская культура в России 1861-1914 гг. (под ред. Брумфильд У., Ананьич Б., Петров Ю.). М., 2002.
[179] Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: конец XIX в. – 1917 г. М., 1992. С.6.
[180] Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Н.Б. Голиковой. М., 1994; Менталитет и культура предпринимателей России XVII-XIX вв.: Сб. ст. РАН Институт рос. истории / Под ред. Пушкарева Л.Н. М., 1996; Купечество в России, XV – первая половина XIX вв.: Сб. статей в честь проф. А.А. Преображенского / РАН Ин-т российской истории. Отв. Ред. Семенова А.В. М., 1997; Предпринимательство и городская культура в России. 1861-1914: сборник. / Сост.: У. Брумфилд, Б. Ананьич, Ю. Петров. М., 2002.
[181] Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. М. 1994.
[182] Барышников М.Н. История делового мира России. М., 1994.
[183] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. СПб., 2003.

общеимперского и национального в деловой практике и повседневности. Разрабатываются темы связанные с вопросами национального самосознания, этноконфессиональной идентичности в контексте социально-экономической и политической истории государства.

В связи с этим появился не только интерес, но и общественный запрос на изучение национального фактора в истории предпринимательства. В таких полиэтнических и имевших «солидную» экономическую историю регионах, как Астрахань, на волне возрождения этнического самосознания, начинают изучаться национальные группы, их история и роль в развитии региона.

В 2004 г. Л.И. Ватанина, по сути, впервые в отечественной науке обратилась к теме истории восточного купечества в Астрахани. Ее диссертация «Восточное купечество в Астрахани XVII в.»[184] охватывает начальный период становления национальных купеческих колоний (землячеств) в Астрахани в XVII в. При этом центральное место в ее исследовании занимает армянское купечество, которое в тот период уверенно доминировало в астраханской внешней торговле. На втором месте по значимости в этой работе – индийский купцы. Некоторые сведения содержатся и по истории персидского купечества в городе.

Из всех национальных групп в Астрахани XVII – начала XX вв. наиболее изучены в отечественной науке армяне и татары. В 2007 г. в свет вышла работа Э.В. Кугрышевой по истории армянской общины[185]. История армян в Астрахани рассмотрена на обширном источниковом материале, что является безусловным достоинством монографии. Из вопросов межэтнического взаимодействия автор, в основном, останавливается на взаимодействии армян с русским населением региона.

Также достаточно изученным представляется на сегодняшний день история татарского предпринимательства в Астрахани. М.М. Имашева в своих многочисленных статьях и монографиях, посвященных

[184] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Дисс. … канд. ист. наук. Саранск, 2004.
[185] Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. Астрахань, 2007.

мусульманскому предпринимательству Астраханской губернии, достаточно подробно исследовала историю татаро-мусульманской общины Астрахани[186]. Торгово-экономическая, общественная, благотворительная деятельность астраханских татар попала в центр внимания историка. Из большого числа сюжетов, для нас наибольший интерес представляет история общества Татар Трех дворов, в число которых входил и Гилянский Гостиный двор, который в течении XVIII в. из обособленной колонии персидского купечества трансформировался в часть татарского мещанского городского общества.

Также исследования Имашевой М.М., Оздамировой Э.М. и Рябцева А.Л.[187] позволяют составить картину участия персидского купечества в астраханской внешней торговле. В их работах этому вопросу посвящены соответствующие разделы. При этом все вопросы, касающиеся персидского купечества, рассматриваются исключительно через призму российско-персидских торговых отношений, что в целом, характерно для всей отечественной историографии по этой проблеме. Хронологические рамки данных исследований охватывают вторую половину XVIII - первую половину XIX вв. Большим достоинством этих работ является то, что исследования основаны на использовании большого количества архивного материала, большую часть которого авторы впервые ввели в научный оборот.

Особенно стоит отметить, что если история имущей и экономически состоятельной части персидско-азербайджанской общины Астрахани, то есть купечества, получила освещение в научной литературе, то социальные низы этой общины, никогда не попадали в поле зрения исследователей. Тоже самое можно сказать и об участии представителей персидско-

[186] Имашева М.М. Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. Астрахань, 2004; Она же. Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии в к.XVIII – начале XX вв. Дисс. … докт. ист. наук. Грозный, 2016.

[187] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010; Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII в. Дисс. … канд. ист. наук. Москва, 1995; Он же. Роль евро-азиатского транзита в восточной торговле России в XVIII в. Дисс. … докт. ист. наук. Владикавказ, 2014; Оздамирова Э.М. Восточное купечество в русско-азиатской торговле через Астрахань в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. Грозный, 2018.

азербайджанской общины Астрахани в общественной деятельности, социально-ориентированных и благотворительных проектах Нового времени

В зарубежной историографии история различных аспектов международной торговли традиционно занимала важное место. Связано это с тем особым вниманием, которое уделялось теме колониального соперничества зарубежных государств в Новое время. При этом торговые отношения с Россией особо значимого места в исследованиях зарубежных авторов не имели. Подробный обзор этих работ был представлен в статье В.Н. Захарова еще в 1985 г.[188].

Исходя из того, что в Иране развернулось серьезное колониальное соперничество между Россией и Англией, российско-иранские торговые отношения стали предметом исследовательского интереса Д.К. Ридинга[189] и Н. Ханта[190]. В них рассматривались содержание русско-английского договора 1734 г. и транзит иранских и закавказских товаров через территорию России.

Есть в западной науке и работы, в которых исследованы закономерности развития мировой экономической системы, различные ее стороны. Это работы, считающиеся сегодня классическими, П. Бэрока[191], Дж. Мак-Грегори[192] и др. В них дан анализ истории и динамики мировой торговли. К этим работам, по логике изложения и кругу исследуемых вопросов, следует отнести и работу российского исследователя В.А. Мельянцева, который предпринял достаточно успешную попытку проанализировать и сравнить Восток и Запад[193] по основным параметрам экономического развития, к которым относится и торговля, за последнюю тысячу лет.

---

[188] Обзор этих исследований дан в статье Захаров В.Н. Торговля западноевропейских купцов в России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1985. Т.112. С. 179-183.
[189] Reading D. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Hanven, 1967.
[190] Hunt N.C. The Russian Company and the Government, 1730-1742. Oxford Slavonic Papers, 1957. Vol.7. P.27-65.
[191] Bairoch P. De Jericho a Mexico. Villes et Economies dans l'Histoire. P., 1985; Bairoch P. Economics and World History. N.Y., 1993.
[192] Mac Gregor J. Commercial Statistics. Vol. 4. L.:Whittaker and Co, 1850.
[193] Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. Sykes P.M. History of Persia. London, 1921. V.I-III. P. 24-31.

В работах иностранных авторов в течении всего XX в., все старания российского правительства по оптимизации российско-азиатских торговых отношений рассматривались сквозь призму некоего «Завещания Петра Великого», которое, якобы, и предопределило агрессивную политику Российской империи на восточном направлении, а конечной целью была Индия. Так, книга английского историка П. Сайкса «История Персии»[194] выдержала несколько изданий в Великобритании и в Иране. В ней автор настаивает, что английская колонизация Ирана была «мирной» и основана на «бескорыстной деятельности» английских купцов. А вот Россия осуществляла колонизацию крайне «агрессивно», преследуя цель лишения Персии государственности.

Те же идеи прослеживаются в работах В. Аллена[195], А. Вукинич[196], В. Коларц[197] и др. Например, В. Коларц, поход Степана Разина «за зипунами» в Персию называет «завоевательным походом Российского государства». Авторы откровенно не замечают установления мирных отношений между двумя государствами в XVI-XVII вв. и после заключения Константинопольского договора 1724 г., формируя искаженную историческую картину отношений России и Персии в течении веков.

В работе англичанина Л. Локкарта «Падение Сефевидской династии и афганская оккупация Персии»[198] рассматриваются и политико-дипломатические и торгово-экономические отношения России и Персии в к. XVII – первой трети XVIII вв. В отличие от многих западных историков Локкарт отрицал существование петровского «Завещания», считая его фальсификацией, писал о настоящих экономических причинах интереса России к Персии и Кавказу.

---

[194] Sykes P.M. History of Persia. London, 1921. V.I-III. P. 24-31.
[195] Allen W.E. Caucasian battlefields… London, 1953. P.4-12.
[196] Vucinich.A. Russia and the Near and Middle East // Current History. V. 28.-№ 162, 1955.
[197] Kollarz.W. Russia and her colonies. N.Y., 1952. P.21-26.
[198] Lockhart.L. The foil of the Safavi dinasty and the Afghan occupation of Persia. L.-N.Y., 1958. P.41-60.

Российско-иранские отношения XIX – начала XX вв. оказались в центре внимания, прежде всего английской исторической науки, что связано с англо-российским соперничеством в регионе. Монографии Г.Н Кюрзона[199], В.А. Арчибольда[200], К. Атчисона[201] содержат значительный фактический материал. Но, как и советская литература по этому вопросу, английская страдает крайней тенденциозностью и стремлением объяснить все исторические процессы агрессивной политикой России и игнорированием собственно английских колониальных интересов. Такая же позиция свойственна и американским историкам П. Авери[202] и М. Аткин[203].

Очень важно отметить, что работ, в которых рассматривались бы непосредственно вопросы участия различных групп национального купечества в российско-азиатской торговле Нового времени, крайне мало[204]. Как и во всех работах западных авторов XX в., основные вопросы, которые рассматривались в них, - это агрессивный характер царского правительства в Азии и Закавказье и стремление последнего вытеснить Англию с этих территорий. В отношении российского купечества выдвигался главный тезис, что оно было не способно экономически осуществлять здесь масштабную торговлю, вследствие своей неразвитости.

История российского торгового сословия в зарубежной историографии как особое направление не сложилось. При этом некоторые теоретические построения западной науки были представлены в работе И.В. Поткиной[205].

---

[199] Curson G.N. Persia and the Persian question. London and New-York, 1892. - V. 2; Кюрзон Г.Н. Персия и персидский вопрос. Извлечение из I тома Десино... II том Грен- даль // Сборник материалов по Азии. - Вып. 52. СПб., 1893.

[200] Archbold W.A. Afganistan, Russia and Persia. The Cambridge History of the British Empare. Cambridge, 1929. V.IV.

[201] Aitchison C.U. Collection of treaties, engagements and sanads relating to neighbouring countries. - 5 th. ed. V.13. Calcutta, 1933.

[202] Avery P.W. Modern Iran. New-York - Washington, 1965.

[203] Atkin M. Russia and Iran, 1780-1828. Minneapolis, 1980.

[204] Boulgen D.C. England and Russia in Central Asia. London, 1879, v.2; Conolly A. Jorney to the North of India overland from England through Russia, Persia and Afganistan. London, 1838, v.I; Gurzon G.N. Persia and the Persian Question. London, 1892. V.1; Rawlinson H. England and Russia in the East: a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of central Asia by Major-General Sir Henry Rawlinson, K.C.B., F.R.C., President of Royal Geographical Society, and member of the Council of India. London, 1875.

[205] Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.

Она отмечает, что главный вывод западной науки об уровне развития российской буржуазии состоит в том, что она «экономически, социально, политически и этнически фрагментарна», что и обусловило «ее историческое поражение»[206], т.е. не смогла противостоять большевистскому перевороту.

Х. Хауман писал о соотношении в российской экономике пореформенного периода промышленников «нового типа» и упадке гильдейского купечества[207]. Этнические и культурные особенности российской буржуазии исследовал Д. Ракман[208]. Д. Фокс отметил изменение исследовательских подходов в изучении истории предпринимательства в России в 1990-2000-е гг. и формирование новых направлений исследовательского поиска[209].

Конечно же, стоит рассмотреть и иранскую историографию проблемы. В конце 1940 – начале 1950-х гг. в Иране вышло в свет несколько работ иранских специалистов по истории торгово-экономических отношений Персии с европейскими странами, в том числе России. Это работы М. Махмуда[210], Али Акбара Бина[211]. Работы их во многом повторяют неверные тезисы и выводы западноевропейских историков. Даже опиравшийся на русские источники Неджеф Кули-Хисам Моэззи, достаточно предвзято оценивает российскую внешнюю политику в регионе в XVII – начале XX вв.[212]

В поле зрения иранской историографии отношения между двумя странами попали в первой половине XX в. В первую очередь во внимание историков из Ирана попали политические связи, история дипмиссий, роль Великобритании и Российской империи в колонизации страны. Например, в

[206] Rieber A. Merchants and enterpreneurs in Imperial Russia. – Chapel Hill, 1982. P.232.
[207] Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906-1917. Organisationsformen, Machtverhaeltnisse und Leistunbilanz im Industrialisierungprozess. Hain, 1980. S.41-43.
[208] Ruckman D.A. The Moscow business elite. A social and cultural portrait of two generations, 1840-1905. North Illinois Univ. Press, 1984, P.3.
[209] Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С.17.
[210] Махмуд М. История политических связей Ирана с Англией. Т. I.-Тегеран, 1958. С.23-37, пер. с англ.
[211] Али Акбар Бина. Политическая и дипломатическая история Ирана. Т.I. Тегеран, 1958. С.11-14, пер. с англ.
[212] Кали-Хисам Моэзи. История международных отношений Ирана. Т.I. Тегеран, 1946, пер. с англ.

работах М. Махмуда успех российской экспансии в Закавказье и Северном Иране объясняется тем, что это произошло при попустительстве и даже помощи британцев[213].

Н. Фальсафи и А.А. Шамим пришли к выводу, что Туркманчайский мирный договор 1828 г. был крупнейшим дипломатическим успехом России в ущерб Персии, так как российские интересы «были соблюдены неизмеримо больше, чем обычно соблюдались интересы любой европейской державы в отношениях с любой побежденной страной»[214]. А.Р. Хамадани также с ними согласен. Он пишет, что принятый затем «Акт о торговле» вообще лишил Иран экономической независимости[215].

Все упомянутые иранские авторы подробно изучили росийско-иранские отношения в XIX – начале XX вв. Опираясь на доступный круг источников, историки выделили этапы российско-иранских отношений, а также их эволюцию, делая упор на исследовании «имперских» притязаний в политике России.

Подводя итог историографического обзора, хочется отметить, что российская историография, особенно советского периода, а также историография зарубежная, при всей широте вовлечения неопубликованных источников в научный оборот, в известной степени страдают излишней политизацией и опорой на те идеологические подходы, в рамках которых исследовались проблемы темпов роста и векторов развития российской экономики в Новое время. В связи с этим, очевидно, что круг научных вопросов по заявленной и близкой тематике далеко не исчерпан и в настоящее время. И все они являются актуальными для современного российского исторического востоковедения.

---

[213] См.: Махмуд М. Тарих-е равабет-е сияси Иран ва Энглис дар гарне нуздахом (История политических отношений между Ираном и Англией в XIX веке). Т.1. Тегеран, 1328(1949). С.132.

[214] См.: Фалсафи Н., Шамим А.А. Тарих-е мофассал-е кешвар-е Иран ва тарих-е омуми (Полная история Ирана и общая история). Тегеран, 1940. С.185.

[215] См.: Хамадани А.Р. Тарих-е Иран (История Ирана). Тегеран, 1937. С.651.

К этим вопросам относится и воссоздание максимально полной истории российско-азиатской торговли и торгового мореплавания, участия в этой торговле различных национальных групп восточного купечества, торговой и национально-сословной политики Российской империи в отношении восточного купечества в Новое время. В связи с чем, нами и была предпринята попытка, на основании обширного архивного источникового материала восполнить эти пробелы в отношении персидско-азербайджанской общины Астрахани, так как в основе своей она была купеческой и максимально была задействована в российско-иранско-закавказских торговых связях в заявленный период.

Мы можем уверенно утверждать, что во всех изученных нами работах очень мало уделено внимания роли персидского купечества в астраханской торговле; социально-экономическим условиям бытования этой этноконфессиональной общины в Астрахани; тому значению, которое она имела в социально-экономическом развитии и в геополитических процессах региона. В представленной работе мы предприняли попытку ответить на эти и некоторые другие вопросы.

1.3. Источниковая база исследования

В ходе работы над диссертационным исследованием был исследован широкий круг источников. Все они были классифицированы по следующим основаниям: 1) происхождение источника; 2) способ его использования; 3) форма отражения исторических фактов. На основании этой классификации, мы выделили следующие группы источников:

- законодательные (правовые) акты;
- статистические документы (о ходе торговли, о «движении» населения и т.д.);
- делопроизводственные документы;
- документы частноправового характера;
- справочные материалы;
- периодическая печать;
- документы личного происхождения.

При этом, еще одним базовым критерием деления источников на группы является их деление на опубликованные и неопубликованные (архивные). Большая часть неопубликованных источников была выявлена и введена в научный оборот нами впервые.

Законодательные (правовые) акты. Период Нового времени (XVII – нач. XX вв.) в российской истории является временем, когда государственная власть перешла к тщательной правовой фиксации всех сторон жизни общества, с целью всеобъемлющего контроля над социально-экономической жизнью населения страны. Начиная с Соборного Уложения 1649 г., все законодательные акты в России печатались в типографии и в обязательном порядке доводились до сведения органов и лиц, в компетенцию которых входили. При Николае I все они были собраны специальной комиссией и изданы. В связи с этим, значительное количество законодательных актов, которые регламентировали жизнь российского общества, всех сословных и

национальных групп, оказались доступными для изучения и научного осмысления.

В данном диссертационном исследовании были использованы акты, опубликованные в «Полном Собрании Законов Российской Империи» (ПСЗРИ – I, II), в специальных Сводах Законов: «Своде Законов Российской Империи» (Т.IX. Законы о состояниях; Т.X. Законы гражданские и межевые, Т.XI. Свод уставов гражданского благоустройства), «Своде законов о состояниях», «Полном своде законов для купечества» и в сборнике «Российское законодательство X-XX вв.»[216].

Законодательные акты Нового времени регламентировали социально-правовой статус российских и иностранных подданных, разных сословных групп российского общества. Они позволяют реконструировать эволюцию правового положения членов персидско-азербайджанской общины в Астрахани, а также любые колебания правительственного курса, в зависимости от смены государственных и внешнеполитических экономических и геополитических интересов, в их отношении.

Так как на протяжении практически всего исследуемого периода основу персидско-азербайджанской астраханской общины составляли предприниматели – купцы и торговцы, владельцы «торговых предприятий», мануфактур и торговых судов, то важными для нас являются документы, регламентировавшие промышленную и предпринимательскую деятельность в Российском государстве XVII – нач. XX вв. В совокупности, их можно отнести к трем основным группам.

Во-первых, это законодательные акты, которые регламентировали взаимоотношения и ответственность (в случае неисполнения или нарушения обязательств) между предпринимателями при заключении ими между собой

[216] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825. СПб., 1830. В 48 т.; Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825−1881 гг. СПб., 1830−1885. В 55 т.; Свод законов российской империи (СЗ РИ). СПб., 1899; Свод законов о состоянии. СПб., 1911; Полный свод законов для купечества. М., 1873; Российское законодательство X-XX вв. Т.1-7. М., 1984-1988; Просьбин С.А. Торгово-промышленный сборник. Свод действующих в Империи узаконений и правил о торговле и промышленности. СПб., 1910.

различных сделок. Во-вторых, законы, касавшиеся порядка открытия и деятельности промышленных и торговых предприятий. В-третьих, документы, определявшие круг лиц, имевших право заниматься торгово-промышленной деятельностью, их права и обязанности[217].

Ввиду того, что персидско-азербайджанская община Астрахани XVII – начала XX вв. носила ярко выраженный торговый характер, в первые столетия своего существования состояла исключительно из купцов – «людей торговых», занимавшихся внешней торговлей по Волжско-Каспийскому пути и внутри города, большинство ее характеристик, напрямую связано с торгово-экономической деятельностью в регионе. Поэтому основные сведения об истории общины, содержатся в документах, так или иначе связанных с историей российско-иранских отношений и астраханской международной и внутренней торговли.

В контексте истории российско-иранских отношений востребованы международные двусторонние договоры, которые были двух видов: мирные, заключенные по окончании войн; и торговые, в которых обговаривались условия торговли между странами и пошлинное обложение импортируемых и экспортируемых товаров.

В уже упоминавшемся нами Полном своде законов Российской империи содержатся документы, отражающие нормы торгового права «касательно» условий российско-иранской торговли с середины XVII в.: Торговый и Новоторговый Уставы, жалованные грамоты персидским и армянским купцам на право торговли шелком-сырцом, в частности Джульфийской компании, мирные и торговые договоры с Ираном и т.д. Межгосударственные договоры регламентировали торговые права подданных обоих государств, устанавливали размеры таможенного пошлинного обложения.

[217] Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во II половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. М., 1981. С.34.

Еще одно издание, содержащее официальные документы конца XVI – начала XVII вв. – «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией»[218]. Документы, которые содержатся в сборнике представляют интерес и для изучения всех аспектов торговли между двумя государствами в последующие периоды, так как на протяжении всего XVII в. характер и условия российско-персидских торгово-экономических отношений практически не менялись. В трех томах «Памятников…» содержатся материалы по истории девяти российских посольств в Персию и ответных шахских дипмиссий в Москву. Здесь перечислены «заповедные» российские товары, которыми торговать могла только российская казна. Отчасти есть сведения о торговле персидских купцов в Астрахани, Москве и Ярославле, тех торговых путях, которыми они пользовались.

Определяющее значение для характеристики социально-правового положения персидского купечества в Российском государстве и его торговых прав имеют правовые акты, как международного, так и внутригосударственного характера. Прежде всего, важными для нашего исследования, являются торговые и мирные договоры: Константинопольский договор 1724 г., Гюлистанский договор 1813 г., Туркманчайский договор 1828 г., российско-иранское соглашение 1854 г.

В них нашли отражение условия сотрудничества между Россией и Ираном на разных исторических этапах, определение норм таможенного обложения и условий торговли между двумя странами, права купечества на территории обоих государств. Все они собраны как в Полном своде законов Российской империи, так и в специальные сборники российско-иранских международных договоров[219]

Следующие группы исследованных источников относятся к а*рхивным (неопубликованным) источникам*. Данное диссертационное исследование основано в основном на неопубликованных документах извлеченных из

[218] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Веселовского. Т.I-III. СПб, 1890.
[219] Юзефович Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1869.

архивохранилищ Российской Федерации: Государственного архива Астраханской области (ГААО), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) и Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Прежде всего, в архивах нами был исследован обширный корпус документов актового и делопроизводственного характера. Это документы центральных и местных органов власти: переписка между ними по самым различным вопросам управления, социально-экономического регулирования, правового статуса жителей и т.п.; указы и манифесты; таможенные тарифы и правила; консульские донесения; ведомости различных ведомств учреждений; протоколы заседаний Астраханской губернской канцелярии, Астраханского городского правления; таможенные книги и ведомости; иные документы.

Делопроизводственные документы являются самым массовым и разнообразным по содержанию историческим источником по исследуемой теме. В связи с этим, мы выделили несколько групп документов, в зависимости от их ведомственной принадлежности и содержания:

1) Документы государственных учреждений (Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий МВД; Канцелярии астраханского гражданского губернатора; Казенной палаты; Астраханского полицмейстера; Астраханского губернского жандармского управления, Астраханской Таможни);
2) Судопроизводственные документы (Сиротского суда; Астраханской татарской управы);
3) Документы делопроизводства органов сословного и городского самоуправления (Астраханской Купеческой управы; Астраханского губернского правления; Городской думы);
4) Документы торговых и промышленных предприятий, частных лиц.

Источниковая база, извлеченная из архивохранилищ, на наш взгляд, выглядит вполне репрезентативной для научного изучения истории астраханской персидско-азербайджанской общины XVII - начала XX вв. Тем более, что в российской исторической науке значение делопроизводственной документации для изучения социоэтнического состава городской среды, уже было неоднократно высоко оценено[220].

Архивные источники по истории российско-иранских торговых отношений и роли в них купцов-персиян, были исследованы нами и введены в научный оборот в нескольких архивохранилищах Российской Федерации.

Документы, в основном, нами были выявлены в Государственном архиве Астраханской области. Наиболее значимая информация содержится в фондах: 542 «Астраханское купеческое общество», 1 «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора», 13 «Астраханское губернское правление», 94 «Астраханская купеческая управа», 480 «Астраханская Городская дума», 542 «Астраханское купеческое общество».

Относительно XVII-XVIII вв. большой объем документов выявлен нами в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Разнообразный материал, содержащийся в фондах 1356 «Астраханская торговая и портовая таможня», 19 «Финансы», 1261 «Фонд Воронцова», 276 «Коммерц-коллегия» и 397 «Комиссия о коммерции», характеризует торгово-экономические и дипломатические отношения России с Персией, в том числе и участие в них купцов – подданных обоих государств.

В фондах РГАДА содержатся документы с подробными статейными списками царских и шахских посольств, грамоты шемахинских и гилянских ханов, царские указы и распоряжения астраханских воевод и губернаторов. Все документы написаны на русском языке, шахские и ханские грамоты на персидском языке в обязательном порядке сопровождаются переводами,

[220] См., например, Котляр И.Б. «Справочная книга Санкт-Петербургского купечества» как источник этнической антропонимики Санкт-Петербурга // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987; Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX – 1917 г. М., 1992; Шацилло М.К. Иностранцы в составе российского предпринимательства // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.

составленными переводчикам российских дипломатических ведомств (Посольского приказа, Коллегии иностранных дел, Министерства иностранных дел).

Фонд 19, посвященный персидским делам содержит значительное количество документов, касающихся непосредственно торговых отношений. Интересны документы, связанные с деятельностью астраханского губернатора и посла (1715-1718) А.П. Волынского. Его послания и дневники достаточно подробны и часто касаются различных аспектов торгово-экономических отношений между Россией и Персией, о внутреннем положении Персии, о персидских купцах и ростовщиках начала XVIII в. В фонде 1361 имеется пятнадцать таможенных книг по астраханской торговле самого разного типа за 1725–1750 гг.

Также в РГАДА отложились дела, в которых содержатся подробные сведения о приезде в Россию (главным образом, в Астрахань) и торговле здесь восточных купцов, принадлежащих к разным этническим группам: персидских, армянских, индийских, среднеазиатских в XVII – первой половины XVIII вв. Эти документы позволяют составить насколько возможно объективное представление об участии азиатских и русских купцов в астраханской внешней торговле, о торговых путях того времени, таможенном обложении, условиях провоза товаров по Волжско-Каспийскому пути.

В фондах Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) отложился значительный комплекс документов о российско-иранских дипломатических, политических и торгово-экономических отношениях. Это различные рапорты, донесения диппредставителей, переписка между различными российскими ведомствами и чиновниками, ответственными за международные отношения. Для нашей работы востребованными оказались документы из фондов 144 «Персидский стол», 152 «Библиотека Азиатского Департамента», 161 «Главный Архив», и 194 «Миссия в Персии».

В означенных фондах нами выявлены официальные отчеты о ходе торговли с Ираном и Закавказьем и участии в ней различных групп российского и национального купечества; записки по экономике, географии, этнографии чиновников МИДа. Эти документы помогли выяснить цели и практическую реализацию экономической политики России в регионе, оценить степень вовлеченности в эту торговлю представителей астраханской персидско-азербайджанской купеческой общины.

Для характеристики торгово-экономических «занятий» персидско-азербайджанского купечества в Астрахани большое значение имеют астраханские таможенные книги первой половины XVIII в., уникальную коллекцию которых выявил и ввел в научный оборот А.И. Юхт. Относительно второй половины XVIII – первой половины XIX вв. нами были выявлены годовые ведомости астраханской торговли через таможню. Отложились они в фондах «Астраханская таможня» (681), «Начальник астраханского таможенного округа» (680), «Астраханская казенная палата» (687), «Канцелярия астраханского гражданского губернатора» (1), «Астраханская губернская канцелярия» (394), Астраханская городская шестигласная дума» (880), «Астраханский городовой магистрат» (433) ГААО.

В астраханском архиве хранится более шестидесяти таможенных книг с торговыми ведомостями, рапортами, сведениями самого разного характера «до торговли относящихся» за 1724–1755 гг., с 1798 по 1851 гг. сохранились ведомости о «привозных» и «отпускных» товарах в общей сложности за 18 лет. После 1850-х гг. ведомости «о ходе торговли» при астраханской таможне не составлялись, так как ее роль в международной торговле практически свелась к нолю. Вскоре была закрыта и сама таможня, а все ее чиновники переведены в Баку.

В связи с морским торговым судоходством в Астраханском архиве отложились «тетради», в которых были записаны «товарные паспорта» купцов, которые перевозили товары на торговых судах. Также в фондах

обнаружены «ведомости прибывающих и отплывающих судов», перевозившихся на них товарах с указанием имен владельцев и мест назначения.

Массовым характером обладает делопроизводственная документация различных астраханских органов исполнительной власти. Прежде всего, это переписка по разным вопросам с астраханскими губернаторами, таможенными органами, органами городского самоуправления, казенной палатой и т.д. и т.п. Большое значение имеют ведомости мореходных судов и ведомости купечества, протоколы заседаний Астраханской губернской канцелярии и правления городской думы, рапорты полицейских и таможенных должностных лиц, материалы ревизий, прошения частных лиц, указы разных уровней. Они содержат ценные сведения о мерах, способствовавших развитию и «охранению» торговли, о численности и хозяйственных занятиях членов персидско-азербайджанской общины.

Также документы, относящиеся к деятельности органов исполнительной власти на местах и органов самоуправления, позволили нам реконструировать изменение численности и персонального состава персидско-азербайджанской общины г. Астрахани. При этом следует учитывать, что такие данные наиболее достоверны лишь относительно периода, начиная с 1810-х гг. Среди этого вида документов важны «Ведомости…», «Списки…», «Метрические книги…» и «Книги о купцах и мещанах», «Ревизские сказки» за разные годы. Также отложились различные «опросы» персидских старост со стороны губернских властей о численности и подданническом статусе, местах происхождения торговцев, проживавших в Астрахани в к. XVIII – первые десятилетия XIX вв. В основном эти документы представлены в фондах ГААО 687 «Астраханская Казенная Палата» и 13 «Астраханское губернское правление».

В документах этой группы из года в год повторяются сведения биографического характера: фамилия и имя, год и место рождения, отношение подданства, вероисповедание, сфера деятельности, место

жительства в городе и место нахождения торгового или промышленного предприятия, имена и фамилии, возраст всех членов семьи (жен, детей, внуков, иных лиц, находящихся на попечении), в браке состоит человек или холост, вдов. В книгах о купцах указывалась принадлежность к гильдии и с какого именно года, прежний сословный статус. Если вопрос относился к мусульманам – количество жен. Обязательно указывались отношения родства для членов больших семей. Можно встретить и сведения об уровне образования, общественной и благотворительной деятельности, о наличии или отсутствии судимости.

Эти сведения, которые можно охарактеризовать как материалы сословно-демографического учета, позволили исследовать социально-экономические характеристики членов персидской общины и позволили выявить наиболее состоятельных из них, состав семьи, размеры имущества, род занятий и т.д.

При этом, данный вид источника имеет и определенные недостатки, в частности, в них есть пробелы в сведениях. В зависимости от года, в который составлялись ведомости, заносились сведения, которые в данный момент были интересны властям. Например, могут отсутствовать сведения о составе семьи, возрасте, об общественных «занятиях».

После окончания русско-иранских войн первой трети XIX в. остро встал вопрос о подданнической принадлежности проживавших в Астрахани «персиян». В связи с этим, губернские власти в конце 1820 – 1860-х гг. несколько раз губернское правление через полицию делало запросы персидским старшинам, о том, какое количество персидско- и русскоподданных персиян проживало в городе, откуда они родом, чем занимаются, где проживают и т.д. Благодаря этим сведениям, мы имеем достоверные сведения о составе и занятиях персидской общины в Астрахани в эти десятилетия.

В пореформенное время российское государство отказывается от подушного налогового обложения, вводятся новые налоги. Одним из главных

для регулирования предпринимательской деятельности в стране стал промысловый налог[221]. Собирали его сословные органы в регионах на основе промысловых свидетельств, которые были разделены на несколько разрядов, соответствовавших объему предпринимательской деятельности. Чтобы получить соответствующее свидетельство, предприниматель подавал платежное объявление и заявление с паспортными данными и сведениями о торговом или промышленном предприятии, которым он владел. Отложившиеся в фондах ГААО сведения о промысловом налоге позволяют также составить картину предпринимательской деятельности членов астраханской персидско-азербайджанкой общины в начале XX в. Чиновники Казенной палаты на основании этих сведений составляли ведомости под названиями «Книги на записку промысловых гильдейских свидетельств», «Алфавит лицам выбравшим промысловые гильдейские свидетельства», в которых перечислялись все астраханские предприниматели-налогоплательщики, в том числе и «персияне» и не российские подданные.

Мелкие торговцы (владельцы торговых предприятий 3-5 разрядов) и ремесленники (владельцы «промышленных» предприятий 6-8 разрядов), число которых из года в год в дореволюционный период увеличивалось из года в год, в том числе и персидско-азербайджанского происхождения, записывались в «Книгу на записку негильдейских промысловых свидетельств» или «Журналах проверки торговых, промышленных и промысловых занятий», составлявшихся по городским частям. Благодаря последнему обстоятельству нам представилась возможность реконструировать картину проживания в рамках города представителей персидско-азербайджанской общины. Эти документы выявлены нами фондах 94 «Астраханская Городская Управа» и 687 «Астраханская Казенная палата».

В течении последних десятилетий XVIII в. и всего XIX в., практически ежегодно, в городских и губернских учреждениях составлялись «Ведомости фабрик и заводов по г. Астрахани и Астраханской губернии». Эти ведомости

[221] Положение о государственном промысловом налоге. СПб., 1899.

содержат сведения общего характера, такие как имя, фамилия, сословная принадлежность, подданство, место рождения владельца предприятия. Описывается в общих чертах и само предприятие. В ведомостях за отдельные годы присутствуют и более подробные сведения: вид, сорт, качество производимых изделий, количество станков и наемных рабочих, годовой оборот предприятия, стоимость произведенного и реализованного за год товара.

Также большую информативную ценность для исследования представляют «Ведомости судов и судовладельцев» при Астраханском порте за 1800-1820-е гг. В них указывалось название судна, имя владельца, год постройки, способ приобретения (покупка или постройка), грузоподъемность. Эти данные помогли реконструировать процесс формирования торгового флота у астраханских купцов персидского происхождения, которые к началу 1830-х гг. стали практически монополистами в этом виде предпринимательской деятельности в регионе, вытеснив из него предпринимателей других национальностей.

Определенный интерес представляют и выявленные нами за 1840-1845 гг. «Книги на записку кредитных доверенностей, представляемых астраханскими купцами всех трех гильдий». В них фиксировались доверенности астраханских купцов своим приказчикам и иным «доверенным людям» на торговлю с киргизами (казахами) Букеевской Орды. Среди русских и татарских купцов мы встречаем здесь и фамилии купцов персидско-азербайджанского происхождения, в частности Мир Абуталипа Мир Багирова.

Фонды Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), находящихся в Москве, помогли составить объективную картину участия купцов-персиян в астраханской внешней торговле в период Нового времени, а также процесс формирования городской астраханской шиитской общины. В фондах АВП РИ «Миссия в Персии», «Библиотека Азиатского Департамента», «Главный

архив» отложилась консульская переписка с астраханскими губернаторами о ходе торговли между двумя странами через Астрахань и участии в ней «персидско- и российскоподданных персиян» в XIX в. Содержатся сведения о паспортном режиме, сословном статусе, численности персидского купечества в регионе.

Относительно второй половины XVIII в. аналогичные данные были выявлены в фонде «Финансы. Коллекция государственного архива Российской империи» (19) РГАДА. Также представление о роли купечества разных национальностей, в том числе персидского, в экономике Астрахани позволяют составить так называемые «балансовые ведомости», составлявшиеся Коммерц-коллегией. Они отложились в фондах РГАДА: «Воронцова» (1261), «Комиссии о коммерции» (397) и «Коммерц-коллегии» (276).

Для исследования истории астраханской персидско-азербайджанской шиитской общины оказались информативными и документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), г. Санкт-Петербург. Фонд «Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов» (20), содержит документы о структуре, особенностях функционирования торговой и производственной деятельности исследуемой общины. Документы фонда «Министерство торговли и промышленности» (23) характеризуют отдельные стороны экономической жизни персиян в Астрахани в рассматриваемый в диссертации период. Документы фонда «Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий» (821) характеризуют религиозные дела шиитской общины и ее взаимодействие с российскими властями.

В Государственном архиве Астраханской области (ГААО) нами были выявлены документы, отражающие создание и деятельность частных предприятий и фирм, принадлежавших персам и азербайджанцам в пореформенный период. Речь идет, прежде всего, о промышленных предприятиях, так как торговые заведения, как правило, не требовали

специального документального оформления. В фонде «Астраханская Городская Управа» (94), отложилось несколько дел о регистрации и утверждении уставов торговых товариществ азербайджанцев-предпринимателей в Астрахани. У этого рода документов высокая степень достоверности, так как они заверялись у нотариуса.

Отдельного упоминания заслуживает фонд «Астраханская контора нефтяного производства Шамси Асадуллаева» (656). Филиал бакинского предприятия занимался содержанием, обслуживанием и ремонтом судов для перевозки нефти по Волго-Каспийскому пути. Документы дел фонда содержат подробную информацию о структуре филиала, количестве и заработной плате работников, нефтеналивных и буксировочных судах, материальном и техническом обеспечении конторы[222].

Делопроизводственная документация региональных органов исполнительной власти и полицейско-охранительной системы имели для нашего исследования большое значение в контексте истории общественной, культурно-просветительской и благотворительной деятельности персидско-азербайджанской общины и отдельных ее представителей в последние предреволюционные десятилетия. В фондах ГААО «Астраханская Городская Дума» (480), «Астраханское купеческое общество (542), «Астраханская Городская Управа» (94) содержатся документы, отражающие различные аспекты этой деятельности. Например, списки кандидатов в гласные и избранных гласных Астраханской Городской Думы по четырехлетиям, в числе которых были и купцы-азербайджанцы[223]. Освещается их участие в заседаниях Думы, работа в различных городских комиссиях и т.п.

Особо значительного внимания заслуживает изучение документов, касающихся истории общественного мусульманского движения в Астрахани в начале XX в. Революция 1905-1907 гг. дала толчок формированию, развитию и легализации самых разных общественных и политических

[222] ГААО. Ф.656. Оп.1. Д.1.
[223] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3008; ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.2984; ГААО. Ф.542. Оп.1. Д.12; ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34274.

движений в Российской империи. Оформление институтов гражданского общества не обошло стороной и мусульманскую умму страны. В 1906 г. состоялся учредительный съезд российской мусульманской партии «Иттифак-аль-муслимин», главную роль в которой стали играть татары и азербайджанцы, в деловой среде которых к этому времени активно развивались капиталистические отношения. В регионах со значительным мусульманским населением стали возникать местный мусульманские общественные, как правило, культурно-просветительские, организации, национальная пресса и национальная школа.

В Астрахани, где мусульмане составляли третью часть населения, также возникли такие общества. «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» по национальному составу были обществами татарскими, но главным лозунгом тогда была мусульманская конфессиональная идентичность. Поэтому во главе астраханского татарского общества «Шурай-Ислам» в Астрахани оказался азербайджанец Мустафа Лутфи Измайлов, а деятельными членами общества – Хусаин (Гусейн) Хаятов и политический ссыльный доктор Нариман Нариманов[224].

Деятельность этого общества и вообще всех мусульманских общественных институтов в Астрахани попала под бдительное наблюдение губернских властей, полиции и жандармерии, в связи с опасением последних, что в регионе распространятся идеи пантюркизма и панисламизма. В фондах ГААО «Астраханское губернское жандармское управление» (286), «Астраханский полицмейстер» (289), «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора» (1), отложились документы по истории астраханского мусульманского общественного движения: уставы обществ, списки членов, отчеты об общих собраниях, благотворительных мероприятиях, деятельности школ при обществах, материалы цензуры периодической печати и т.д.

[224] Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астраханской губернии в к. XIX – н. XX вв. Казань, 2020.

Агентурная сеть и сотрудники астраханской жандармерии в 1906-1913 гг. вела постоянное наблюдение за мусульманским населением губернии, собирались разные сведения о мусульманском общественном и культурно-просветительским движением. Особо тщательно велось наблюдение за лидерами и активистами движения, в числе которых были и азербайджанцы. В отношении Мустафы Измайлова было инициировано обвинение и уголовное преследование. Благодаря этим материалам, отложившихся в делах «О мусульманах, пропагандистах и агитаторах», «Об обществе «Шурай-Ислам»[225], «Осман Мусин давал сведения о мусульманах»[226], «О мусульманском движении»[227] нам удалось достаточно полно воссоздать картину участия азербайджанцев в общественно-политических процессах астраханских мусульман в начале XX в.

Также в Астрахани на волне «общественного пробуждения» в начале XX в. состоятельными членами шиитской общины, при непосредственном покровительстве персидского консула было открыто персидское (шиитское) культурно-просветительское общество «Энджумен-Хаийрия» и начальная школа при нем «Музафария». Деятельность этого общества также отражена в жандармских и полицейских документах, а также в материалах региональной периодической печати.

Дела фонда астраханского гражданского губернатора[228] также содержат сведения о мусульманском астраханском общественном движении и его лидерах начала XX в. Но это уже не специальные расследования и сведения агентурной сети, а документы в делах «общего» характера, открывавшихся, как правило по какому-то актуальному вопросу общественной жизни, касавшегося всего населения, а не только местных мусульман[229].

Здесь также сохранились материалы сведения об избирательных кампаниях регионального и общероссийского уровня. Списки кандидатов и,

[225] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.334.
[226] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514.
[227] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.414.
[228] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722.
[229] ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.799.

что особенно ценно, выборщиков от губернии, составленные на основе имущественного избирательного ценза. Это позволило выявить данные о движимом и недвижимом имуществе астраханских персов и азербайджанцев в губернском центре и за его пределами в предреволюционное время.

Следующая значительная группа источников – материалы статистики. Данные демографической, социальной и экономической статистики позволили изучить количественные характеристики персидско-азербайджанской общины в Астрахани и основные направления экономической и хозяйственной деятельности ее членов. Также эти документы позволяют обозначить исторически обоснованную роль шиитской общины в хозяйственной жизни Нижнего Поволжья, выявить социально-экономические характеристики ее жизни.

Статистические данные отложились в делах фондов ГААО «Астраханское губернское правление» (13), «Астраханская Городская Дума» (480), «Астраханская городская управа» (94), «Астраханское купеческое общество» (542). При посредстве количественных методов исторических исследований мы сумели извлечь из этих документов данные о количестве предпринимателей-персиян в Астрахани в рассматриваемый период, основных направлениях их деятельности, охарактеризовать половозрастную и поколенную структуру семей персидско- и российскоподданных персиян в городе.

Данные статистики, выявленные нами в ГААО, относятся в основном ко второй трети XIX- началу XX вв. Дело в том, что с 1832 г., когда в губернии был открыт Статистический комитет, правительственные органы городского и губернского уровней (Таможня, Казенная Палата, Полицейское управление, Городская управа, Губернское правление, Канцелярия губернатора и др.) стали составлять соответствующие ведомости по учету населения и самых разных сторон его жизни. К таковым, например,

относятся «Списки купцов», «Книги на записку лиц, выбравших гильдейские и негильдейские свидетельства…» за разные годы[230].

Значительную информативную ценность для нашего исследования имеют «Списки…» персиян (вступивших и не вступивших в подданство российской империи), бухарцев и хивинцев, туркмен «постоянно или временно проживающих в городе Астрахани», которые составлялись в XIX в. несколько раз по требованию губернаторов[231]. Эти ведомости позволили выявить количество персов и азербайджанцев, занимавшихся предпринимательской деятельностью в городе, которые составляли основную часть шиитской астраханской общины. Также, на основании документов, вполне определенно можно судить и о подданнической принадлежности этой группы городского населения.

Статистические данные астраханских губернских и городских учреждений лежат и в основе Всероссийской переписи 1897 г. Прежде всего нам были интересны сведения об этноконфессиональной принадлежности и месте рождения учтенных в переписи астраханцев[232]. Также представлены половозрастные характеристики населения, данные о роде занятий, составе семей, численности отдельных сословных групп и т.д. При анализе этих данных легко воспроизводится картина динамики численности сословных групп, выявить в их составе группы городского населения не только по конфессиональному (в нашем случае - мусульмане), но и по этническому (татары, персияне, киргизы, персияне и т.д.) признакам; определить семейный статус и, в отдельных случаях, образовательный уровень учтенных.

Именно этот набор сведений, извлеченных из данных статистики, позволил нам, как представляется, наиболее объективно и всесторонне,

---

[230] Например, ГААО. Ф.1. Оп.7. Д.2837; ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.779; ГААО. Ф.687. Оп.1. Св.199. Д.2; ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.45779; ГААО. Ф.542. Оп.1. Д.9.

[231] Например, ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.29503; ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.42.

[232] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетрадь 2 (последняя). СПб, 1904.

изучить все социальные характеристики персидско-азербайджанской общины в Астрахани в позднее Новое время, а также определить ее место в социально-экономической структуре региона.

Конечно, этот вид источников не лишен и некоторых недостатков. В частности, следует отметить достаточно поверхностный уровень учета всех возможных характеристик хозяйственно-экономических занятий общины. Статистические данные собирались чиновниками администрации, сотрудниками полиции, служащими органов самоуправления. Это были люди, имевшие довольно смутное представление о статистике вообще и, в силу этого, относившиеся к сбору и представлению сведений формально, не углубляясь в какие-либо детали.

Также и практика статистического учета населения в масштабах и условиях Российской империи была весьма далека от совершенства. Данные переносились в специальные таблицы чисто механически, без уточнений и проверок, на основе текущих данных, представлявшихся приходским духовенством всех официальных конфессий или государственными органами. Единообразных методов и инструкций сбора статистической информации не было. Поэтому зачастую данные о численности населения, его хозяйственно-экономической деятельности, приписке к сословиям, были весьма приблизительными.

Относительно населения Астраханской губернии XIX – нач. XX вв. вышеперечисленные обстоятельства особо негативно отразились на учете двух этнических групп: казахов Внутренней (Букеевской) Киргизской Орды (из-за кочевого образа жизни)[233] и азербайджанцев. Последних во всех документах статистического учета неизменно указывали как «персиян» - по месту «происхождения» их самих или родителей. Или же азербайджанцев как самостоятельную этническую группу вообще не указывали старшины шиитской общины, а русские чиновники вообще предпочитали в этих тонкостях не разбираться. В связи с этим обстоятельством на имя

[233] Внутренняя Киргизская Орда. Краткий статистический очерк. Астрахань, 1891.

астраханских губернаторов от таможенных и полицейских чинов постоянно поступали жалобы, о том, что невозможно точно «учесть» ни количество постоянно проживающих в городе персиян, ни количество персиян приезжающих «по торговым делам на время»[234].

Данные статистики о разных предприятиях (кустарно-ремесленных, мануфактурных, промышленных, торговых), также не обладают абсолютной точностью. В ежегодных «Статистических обзорах Астраханской губернии» часто различные категории перепутаны. Так, кустарно-ремесленные мелкие предприятия могли быть указаны как фабрично-заводские. Из чего следует, что точный сбор и тщательная выверка сведений не осуществлялись и никем не контролировались. Одни и те же предприятия могли быть учтены разными ведомствами и учтены не два, а несколько раз. В связи с чем, данные о промышленных и торговых предприятиях и лицах, которым они принадлежали, сведенные статистиками, не совсем достоверны[235].

Таким образом, можно сделать вполне определенный вывод, что данные статистики, даже относящиеся к пореформенному периоду, имеют целый ряд существенных недостатков. Очень часто они не неточны, не характеризуют все стороны явления, несопоставимы и между собой, и с данными, которые могут быть получены из других источников. В связи с этим, статистические данные требует более тщательного анализа на основе критического отбора и проверки данных, сопоставления с данными из других исторических источников.

В связи с тем, что объектом исследования в представленной работе является персидско-азербайджанская шиитская община, целесообразным было привлечь и источники, относящиеся к конфессиональной стороне ее жизни, а именно приходу Персидской мечети. Губернские власти периодически собирали сведения о всех городских «магометанских» приходах, численности прихожан и духовенства, наличии примечетных

[234] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.42. Л.54.
[235] Сергеев А.П. Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX в. Дисс… канд. ист. наук. Волгоград, 1971. С.27,29.

учебных заведений и количества обучающихся в них детей. При этом российские чиновники не делали различия между суннитскими «татарскими» и шиитским «персидским» приходами, собирая информацию сразу по всем мечетям города.

Таким образом, еще одним источником статистических данных по населению общины являются ведомости учета мечетей Астраханской губернии[236]. Данные эти обладают большой степенью достоверности ввиду того, что приходские имамы вели метрические книги с записями актов гражданского состояния: рождений, смертей, браков прихожан.

В фондах ГААО метрические книги некоторых приходов сохранились, но в интересах нашей работы они оказались не полностью востребованы в силу того, что есть трудности перевода: записи велись на языке фарси или тюрки (арабографический алфавит). Также в период советской власти часть книг из-за ненадлежащего хранения (как относящихся к «религиозному культу») была утрачена или вообще уничтожена при закрытии мечетей. Ну а в отношении персов и азербайджанцев, поживавших в Астрахани, они могут быть вообще не информативными, так как большая часть членов общины была рождена за пределами города и вообще России. В связи с последним обстоятельством, есть и определенные сложности при определении семейных, поколенческих и родственных связей членов общины.

Материалы фонда «Сиротский суд» (33) содержат документы, касающиеся наследственных и опекунских дел астраханских «персиян», начиная с 1780-х гг. Вопросы, касающиеся раздела имущества, установления опеки над ним и несовершеннолетними членами семьи, рассматривались в этом учреждении, созданного в ходе реализации губернской реформы 1775 г. И хотя, в основном, наследственно-брачные дела мусульман рассматривались духовными лицами в соответствии с нормами шариата, некоторая часть членов астраханской шиитской общины, особенно наследники тех из них, которые вступили в российской подданство,

[236] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.51318; ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.54433 и др.

обращались за разрешением спорных вопросов о наследовании в губернский Сиротский суд. Благодаря этому, сегодня мы можем составить представление об их имуществе, сфере «приложения капиталов», семьях.

Эта группа источников может быть отнесена к категории документов частноправового характера, или актового материала. Они, в основном, дополняют делопроизводственные документы. В делах фонда «Сиротский суд» в качестве подтверждающих документов прикрепляются свидетельства от имамов – выписки из метрических книг на русском языке, о бракосочетаниях, рождении детей, смерти мусульман. Важную информацию содержат и описи движимого и недвижимого имущества, подлежащего опеке до изменения оговоренных обстоятельств. Также прикреплены ежегодные отчеты опекунов, сведения о них самих – личные данные, степени родства с опекаемыми, роде занятий, происхождении. На основании этих данных реконструируются семейно-родственные коммерческие связи внутри общины. Все эти сведения имеют очень высокую степень достоверности[237].

Первые обращения персиян за установлением опеки над различным имуществом в Сиротский суд, как уже отмечалось, относится к 1780-м гг. Благодаря этому, мы составили достаточно полное представление о географии расселения персиян и нахождения их недвижимого имущества, мануфактурных и торговых предприятий в городе, характере и методах предпринимательской деятельности[238].

Для изучения истории общины XVIII-XIX вв. и определенных этнических трансформаций в ее составе большой интерес представляют материалы фонда «Астраханская Татарская Управа» (488). Учреждение было создано на рубеже XVIII-XIX вв. в качестве специального суда для разрешения, прежде всего, мелких гражданских дел для предпринимателей-мусульман. Также АТУ собирала налоги, управляло делами общества. Управе были подчинены так называемые астраханские городские татары

[237] ГААО. Ф.33. Оп.1. Д.1617; ГААО. Ф.33. Оп.1. Д.1425.
[238] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX - начала XX вв. М., 1999. С.61.

общества Трех дворов: Бухарского, Гилянского и Агрыжанского. Общество сформировалось из этнических Гостиных дворов, которые были созданы российским правительством в целях привлечения в город восточных торговцев и активизации торговли с Востоком. Как следует из названия, один из дворов принадлежал выходцам из северных провинций Ирана. В 1870-е гг. общество Татар Трех Дворов было интегрировано в состав астраханского мещанского общества, а население стало составной части этнотерриториальной группы астраханских татар.

В делах фонда «Астраханская Татарская управа» отложились документы, которые позволяют изучить хозяйственную деятельность, образ жизни, семейные отношения жителей всех трех дворов и, конечно, Гилянского. А также процесс этносоциальных трансформаций, в ходе которых разноэтничное население, представленное узбеками и азербайджанцами, ногайскими и средневолжскими татарами, стало составной частью астраханских татар, мусульман-суннитов. При этом, существовавшая отдельно от Гилянского гостиного двора персидское общество, во главе со старостами-векилями, сумело сохранить свою этноконфессиональную идентичность.

Для изучения наиболее успешной части астраханского персидско-азербайджанского общества значительный интерес представляют различные справочные издания, касавшиеся хозяйственно-экономической сферы, издававшиеся как в самой Астрахани, так и в столицах и других городах Российской империи[239]. Те справочники, которые затрагивали хозяйственно-экономическую жизнь Астраханской губернии, содержали сведения в том числе и о предпринимателях персидско-азербайджанского происхождения или об их предприятиях[240].

---

[239] См.: Справочники по истории дореволюционной России. М., 1978.

[240] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1891 г. Нижний Новгород, 1891; Андросов В. Хозяйственная статистика России. М., 1827; Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848; Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь. СПб., 1895-1913; Гагарин кн. С. Всеобщий географический и статистический словарь. М., 1843; Государственная внешняя торговля в разных ее видах. СПб., 1802-1917; Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909; Материалы для

Справочные издания по социально-экономической жизни Астраханской губернии (адресные и памятные книги, путеводители, календари содержат сведения о предпринимателях биографического характера, о месте проживания и расположении предприятий, о составе семей, государственных наградах, участии в общественных делах и благотворительности[241]. Нами были исследованы «Астраханский торгово-промышленный календарь» (Астрахань, 1904), ежегодное издание «Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии за 1873-1917 гг.» (Астрахань, 1873-1917), «Роспись города Астрахани на 1884-1897 гг.» (Астрахань, 1884-1897).

Опубликованные источники. Относительно характеристик русско-иранской торговли XVII – первой половины XVIII вв. и участия в ней купцов-персов, к сожалению, источниковая база крайне ограничена. Источников по истории внешней торговли этого периода в региональном (ГААО) и центральных (РГАДА) архивах отложилось крайне мало. В связи с этим на помощь приходят опубликованные источники – сборники документов, составленные известными специалистами в разные годы.

Так, некоторые, фрагментарные факты содержатся в «таможенных выписях», их использовали в своих работах Н.Б, Голикова, Л.К. Ермолаева и А.И. Юхт. Но содержание этих «выписей» не решает наших исследовательских задач. Это же можно сказать и о таможенных книгах по астраханской торговле за 1724-1753 гг., которые были введены в научный оборот тем же А.И. Юхтом[242].

статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Министерства внутренних дел. Т.1-2. СПб., 1839-1841; Российская статистика: В 2 ч. Ч.II. / Е.Ф. Зябловский. СПб., 1832 и др.

[241] Астраханский торгово-промышленный календарь. Астрахань, 1904; Астрахань (спутник-указатель). Саратов, 1911; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии за 1873-1917 гг. Астрахань, 1873-1917; Некоторые документальные сведения к статистической таблице о городе Астрахани. Астрахань, 1914; Обозрение состояния городов Астраханской губернии в 1835 г. СПб., 1837; Отчет Правления Попечительства о бедных мусульманах г. Астрахани за 1899 г. Астрахань, 1899; Роспись города Астрахани на 1884-1897 гг. Астрахань, 1884-1897; Соколов В.Д. Статистические сведения о рыбной промышленности по Волге с приданной ей системой. Астрахань, 1874 и т.д.

[242] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России /20-60 годы XVIII века /. М., 1994. С. 8-10

Также исследовательский интерес для изучения истории российско-иранских торговых отношений представляют «Книги персидских товаров»[243] за 1663-1675 гг., то есть за тот период, который получил минимальное освещение в архивных источниках. Но и здесь приводятся сведения только по объемам торговли российской казны, а не по операциям частных лиц. Четыре книги, между тем, содержат подробные сведения об ассортименте импортно-экспортной торговли в Астрахани и торговых центрах Персии и Закавказья: Шемахе, Тавризе, Кашане, Исфахане.

Анализ делопроизводственных документов Астраханской таможни XVII – первой половины XVIII вв. был осуществлен А.И. Юхтом, Л.К. Ермолаевой, Е.Н. Кушевой, А.Л. Рябцевым. При этом следует учитывать, что основной интерес для российских таможенников представляли сведения о привозе и транзите шелка-сырца, все остальное, связанное с астраханской международной торговлей, чиновники не всегда фиксировали. Поэтому полных сведений, в том числе и о численности и роли купцов различной этнической принадлежности, в таможенных книгах этого периода не отложилось. Наиболее полными считаются таможенные книги за 1733 и 1744 гг., которые подробно зафиксировали все обстоятельства «привозной» торговли с Ираном и Закавказьем. Наиболее сложно на основании данных источников реконструируется «вывозная» торговля. Но таможенные книги, как источник, по сравнению с «таможенными выписями» более полные и ценны в качестве исторического источника.

В результате таможенной реформы 1753-1754 гг., были отменены внутренние таможни, а вместе с ними и таможенные книги, была введена новая форма отчетности – «Сводные ведомости», которые фиксировали группы товаров, подлежащих пошлинному обложению. С 1756 г. эта форма таможенной документации стала основной. Ведомости имели несколько колонок, в которых фиксировались: местность, откуда товар поступил,

[243] Книга персидских товаров. Русская историческая библиотека, издаваемая русскою императорской археографическою комиссиею. – Т. XXIII. Дела тайного приказа. Кн. 3. СПб., 1904.

причем часто оно не совпадало с местом производства этого товара; место назначения; наименования и сорта товаров; стоимость и количество товаров; размер пошлинного обложения; национальную или подданническую принадлежность купцов.

Конечно, эти ведомости гораздо информативнее, чем таможенные книги и «выписи», но и в них были некоторые недостатки. В частности, что касается купечества, ведомости не дают сведений об оборотах отдельных купцов и их специализации. Так или иначе, ведомости представляют собой значимый массовый источник, который позволяет максимально подробно исследовать ассортимент, количественно-качественные характеристики и национальную принадлежность товаров, и, что особо важно для нас, участие купцов разных национальных групп купечества в астраханской международной торговле.

Большое значения для нашего исследования имеют материалы, собранные Кавказской Археографической комиссией, в которых были рассмотрены российско-иранские отношения[244]. В издании опубликованы официальные документы, письма, мемуары, отчеты, донесения российских и иностранных дипломатов и чиновников. В большинстве своем все эти документы относятся к различным аспектам восточной политики России. Здесь помещены документы из региональных архивов и Архива Главного Управления Кавказского Наместника. При этом материалы в сборнике, собраны достаточно тенденциозно с точки зрения политического обоснования присутствия России на Кавказе.

В 1984 г. под руководством известного советского историка-ираниста Н.Г. Кукановой был составлен и вышел в свет сборник документов «Русско-иранская торговля. 30-50-е гг. XIX в.»[245]. В нем представлены документы, выявленные в Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ).

[244] Архив Кавказской археографической комиссии (АКАК) // Под ред. А.П. Бержс. Тифлис, 1866-1885. Т. 1-8.
[245] Русско-иранская торговля, 30-50-е годы XIX века Сборник документов / АН СССР, Ин-т востоковедения, составитель Н.Г. Куканова. Москва: Наука, 1984.

Это донесения российских консулов, касающиеся торгово-экономических отношений между двумя странами, экономическую политику российского правительства в отношении Ирана, англо-российского соперничества в регионе. То есть, в центре внимания составителей были преимущественно политические аспекты торгово-экономических отношений Ирана и России, а объемы, динамика и другие стороны торговли рассматривались с этих позиций. Как мы уже отмечали в историографическом обзоре, такой подход был в целом характерен для работ советского периода.

Периодические издания. Данный вид источников оказался весьма информативным для нашего исследования. В основном были изучены материалы газет, издававшихся в Астрахани. Первая газета в городе – «Восточные известия», выходила в 1815-1817 гг. Одной из главных тем этого издания было значение Астрахани как форпоста российско-азиатской торговли и роль в ней восточных купцов из Персии, Закавказья, Средней Азии, Индии.

В 1832-1918 гг. выходили в свет «Астраханские губернские ведомости» - главная официальная газета региона. В ней кроме официальных известий о событиях в регионе, стране и мире, часто печатались и небольшие заметки, и большие статьи о ходе российско-азиатской торговли через Астрахань и т.п. В 1860-е гг. выходила в свет газета «Волга», на смену которой пришел «Астраханский справочный листок», позже поменявший название на «Астраханский листок». В начале XX в. в частной типографии С. Никифорова издавались, последовательно сменившие друг друга «Прикаспийская газета», «Прикаспийский телеграф», «Астраханский телеграф».

На волне революционных событий 1905-1907 гг. в городах Российской империи, где было значительное мусульманское население, одна за другой, стали издаваться газеты на национальных языках. Не стала исключением и Астрахань. Всего в межреволюционный период в Астрахани выходило 12 разных газет на старотатарском языке, но две из них – «Идель» («Волга»)

1907-1913 гг. и «Бургани-Тараккый» («Довод Прогресса») 1907-1911 гг. вышли за рамки региона и имели общероссийское значение. С учетом того, что вторая издавалась азербайджанцем М.Л. Измайловым, а в первой постоянно печатались критические статьи и заметки о нем, газеты были востребованы нами в ходе написании диссертации. Переводы на русский язык наиболее актуальных для того времени публикаций отложились в делах Астраханской жандармерии. Также некоторые статьи были переведены и напечатаны в местной русскоязычной демократической прессе.

Среди изученных нами газетных материалов этих газет особый интерес представляют сообщения корреспондентов о деятельности обществ «Шурай-Ислам» и «Энджумен-Хаийрийя», других общественных организаций астраханских мусульман, ежегодные отчеты об их деятельности, статьи по различным острым вопросам жизни астраханских мусульман и персидской общины и т.д. и т.п.

Газета «Астраханские губернские ведомости» до 1870-х гг. выходила с обязательным приложением под рубрикой «Неофициальная часть». В этой части публиковались различные материалы, касающиеся «народонаселения» (быта, повседневности, этнографии разных народов региона), истории и краеведения, географии, культуры Астраханской губернии. Здесь были напечатаны различные записки и воспоминания путешественников, экономистов, военных, коммерсантов и т.п., посещавших губернию и город. Приветствовались редакцией газеты и документы личного происхождения, написанные представителями народов: «…Нам известно, что в числе лиц хорошо знакомых с краем, с событиями имевшими влияние на его судьбу – есть много Туземцев, Грузин, Армян, Татар и Горцев. …Их безыскусственные рассказы были бы гораздо интереснее многих литературных произведений, тщательно отделанных»[246].

Документы личного происхождения (или эго-документы), такие как дневники путешествий, воспоминания, жизнеописания, письма и т.п., имеют

[246] Астраханские губернские ведомости. – 24 июля 1853 г. - №30.

большую ценность для описания бытования, повседневности, этнографии и иных аспектов жизни населения.

Персия долгое время в глазах европейцев была страной не только загадочной, но и чрезвычайно «изобильной» разным «дорогим товаром» - шелком, драгоценными камнями, коврами, «изукрашенным» оружием и т.п. Это привлекало иностранцев, некоторые из которых не только путешествовали по Персии, но и длительное время проживали в стране. Они оставили свои воспоминания о Персии, о тех путях, которые вели в страну и из нее. Неизменно затрагивались и вопросы торговли с сопредельными странами и территориями.

Свои воспоминания о Персии XVII в. оставили А. Олеарий[247], Ж. Шарден[248], Дюманс[249] и др. История Голштинского посольства в Персию 1634-1639 гг., зафиксированная А. Олеарием, можно сказать, что этот часто цитируемый в научной литературе труд, обладает высокой степенью информативности о торгово-экономической жизни региона. Эти записки являются также свидетельством того, как быстро европейцы разобрались в тех экономических выгодах, которые могла им принести спекулятивная торговля с Ираном. И даже незначительный европейский монарх, герцог Голштинии Фридрих IV, посчитал возможным для себя начать переговоры о транзите шелка по Волжско-Каспийскому пути, с целью чего и отправил посольство к персидскому шаху Сефи и московскому царю Федору Михайловичу. Голштиния, разумеется, несмотря на оказанный хороший прием при обеих дворах, никаких торговых выгод не получила, но записки секретаря посольства А. Олеария стали значимым источником по истории, этнографии, географии и экономике России, и Персии того времени. Записал Олеарий и свои впечатления о посещении Астрахани.

[247] Подробное описание Голштинского посольства в Московию и в Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870. С.5-27.
[248] Charden. J. Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de L'Orient. V. I-II. Amsterdam, 1735. P.34-39.
[249] Estât de la Perse en 1660 par P.- Raphaël Du Mans. 1900.

Первая четверть XVIII в. связана с масштабными реформаторской деятельностью и военными походами Петра I, превратившими страну в Российскую империю. В числе многих мероприятий царя-реформатора был и Персидский поход, при подготовке к которому тщательно собиралась разведывательная информация об экономическом и политическом состоянии Ирана, его прикаспийских областей. Активизировались и посольские связи с Кавказом и Ираном. И уже члены российских миссий и экспедиций оставляли свои записки о современном им состоянии стран и территорий.

В Персию было отправлено посольство А.П. Волынского, в котором состоял врач Бел, составивший дневник с описанием пути посольства из Астрахани в Исфахан через Дербент, Шемаху, Тавриз, Султанию, Кум, Кашан. Врач подробно описал эти торговые города[250]. В 1719 г. с такими же разведывательными целями в Персию «для обследования западного и южного берегов Каспийского моря» был послан лейтенант Л. Соймонов[251]. Он составил несколько картографических работ и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний». Здесь содержатся новые сведения о русско-иранской торговле, условиях морской торговли, торговых путях и т.д.

Относительно астраханской персидско-азербайджанской общины сохранилось достаточное количество таких материалов, авторами которых были русские чиновники, военные, путешественники, дипломаты, краеведы. Это и небольшие в одно-два предложения упоминания об астраханских персиянах, и достаточно подробные очерки об особенностях жизни общины, составленные в основном в XIX в. При этом следует учитывать тот факт, что все они с описываемой средой знакомились поверхностно, наблюдали лишь то, что им готовы были показать сами члены закрытой общины.

[250] Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разныя асиятские земли, а именно: в Пекинъ, в Дербентъ и Константинополь. Перевод с фран. М. Попов. Ч. 1-3, СПб., 1776. С.4-36.
[251] Соймонов Л. Описание Каспийского моря и чиненном на оном российских завоеваний. СПб., 1780. С.6-19.

Особую ценность представляют материалы И.С. Аксакова, Н.А. Ермакова, П. Огродникова, М. Рыбушкина, А.Н. Штылько[252]. В меньшей степени информация, интересующая нас, содержится А.П. Ермолов, Н.Н. Муравьев, И.П. Березин, А.Д. Салтыков, И.О. Симонич, Н.Ф. Массальский, Ф. Корф, В.А. Зубова, Г. Друвиль, Г.С. Карелин, А.П. Бутенев, А.Вамбери, А. Бернс, Э.А. Эйхвальд[253].

Эти работы содержат богатый источниковедческий материал. Некоторые из этих работ выдержали несколько переизданий, и в советское и в постсоветское время, что говорит об их высокой востребованности в научной среде. Непосредственные наблюдатели жизни и обычаев людей Нового времени оставили воспоминания, которые непосредственно передают колорит эпохи, неизменно «оживляют» сухие факты документов официальных органов и учреждений. Они служат и дополнительным доказательством неизменной актуальности изучаемой темы, даже в то время, когда она не являлась исторической, а была составной частью современности.

Привлеченный нами комплекс источников по истории астраханской персидско-азербайджанской общины XVII – начала XX вв., как мы видим, содержит значительную информацию о разных сторонах ее жизни: состав, численность, особенности социально-экономической и хозяйственной жизни, общественная деятельность и религиозно-духовная жизнь. Информативный

[252] Аксаков И.С. Письма к родным 1844-1849 гг. М., 1988; Карелин Г.С. Путешествие по Каспийскому морю. СПб., 1883; Ермаков Н.А. Астрахань и Астраханская губерния : описание края и общественной и частной жизни его, состящее из записок, веденных во время 11-ти месячного пребывания в нем. М., 1852; П. Огородников. На пути в Персию и Прикаспийские провинции ее. Спб., 1878; Штылько А.Н. Астраханская летопись. Астрахань, 1897; Он же. Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1909; Рыбушкин Н. Записки об Астрахани. Астрахань, 1841.

[253] Ермолов А.П. Журнал посольства в Персию генерала А.П. Ермолова. В кн.: Чтения общества истории древностей Российских. М., 1863, кн.2, №4; Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 гг. М., 1822; Березин И.П. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1852; Салтыков А.Д. Путешествие в Персию. Письма. М., 1849; Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. М., 1967; Его же. Письма об Индии. М., 1985; Массальский Н.Ф. Письма русского из Персии Н. Массальского. СПб., 1844, ч. 1-2; Корф Ф. Воспоминания о Персии 1834-1835 гг. СПб., 1838; Зубов В.А. Общее обозрение торговли с Азией. Записка графа В.А. Зубова (Сообщено Н.Ф. Самариным). Русский архив, 1873, кн. 1; Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812-1813 гг. М., 1824, ч. 1-2; Карелин Г.С. Путешествие по Каспийскому морю в 1832-1836 гг. СПб., 1883; Бутенев А.П. Воспоминания А.П. Бутенева. // Русский Архив. 1881, кн.3, с.5-84; Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874; Бернс А. Путешествие в Бухару. Отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию в 1831-1833 гг. М., 1849; Эйхвальд Э.И. Путешествие по Кавказу и Каспийскому морю в 1827 и 1828 гг. СПб., 1881

потенциал всех групп источников, привлеченных нами, позволил, в целом, реконструировать процесс формирования и развития персидско-азербайджанской общины г. Астрахани в Новое время.

То обстоятельство, что нами были выявлены и изучены разнообразные по виду, происхождению и содержащимся сведениям материалы и документы, несомненно свидетельствует о высоком уровне их фактологического содержания. Данные этих источников разного происхождения вполне сопоставимы, взаимодополняемы и имеют высокую степень достоверности.

Таким образом, нам представляется, что источниковая база исследования предоставила возможность вполне исчерпывающе раскрыть особенности процесса формирования и развития астраханской шиитской общины с момента ее образования до революционных событий 1917 г., определить ее место в хозяйственно-экономической жизни Астраханской губернии и российско-азиатской торговле по Волго-Каспийскому пути, в социально-культурной жизни губернского центра в XVII – начале XX вв.

Глава 2. Российско-иранские экономические и политические отношения в XVII – начале XX вв. как фактор формирования и развития персидско-азербайджанской общины в Астрахани

2.1. Начало формирования персидско-азербайджанской общины в Астрахани. Экономические условия осуществления русско-иранской торговли через Астрахань в конце XVI – XVII вв.

Формирование и дальнейшее развитие персидско-азербайджанской (шиитской) купеческой общины в Астрахани неразрывно связано с экономической историей Российского государства, историей российско-азиатских торговых отношений. А Астрахань – это город, стоящий в дельте реки Волги, при впадении ее в Каспийское море, на протяжении столетий выполнял роль главного торгового посредника между странами Востока и Запада[254].

Еще до завоевания Астраханского ханства, караванные дороги связывали Восточные (азиатские) страны и территории с Европой через Нижнее Поволжье. На самом Волжском пути, в начале XVI в., сформировались три крупных торговых центра: Нижний Новгород, Казань и Астрахань. Ярмарки в этих городах стали центрами притяжения для торговцев Азии и Европы. Сигизмунд Герберштейн, дипломат Священной Римской империи, посетивший Московию в 1517 и 1526 гг. оставил уникальные «Записки о Московии», в которых, упоминает и Астрахань: «богатый город и великий татарский рынок (emporium), от которого получила имя вся окрестная страна, лежит в десяти днях пути ниже Казани

[254] Кулишер И.М. История русской торговли. Пг., 1923. С. 180-249; Бакланова Н.Д. Внешняя торговля России в XVII в. // В кн.: Очерки по истории торговли и промышленности России в XVII и в начале XVIII столетия. М., 1928. С. 6-42.

на ближнем берегу Волги, почти у ее устьев»[255]. К этому времени (первая половина XVII в.) исследователи относят и начало торгово-дипломатических отношений между Ираном и Россией[256].

В результате развития торгово-экономической активности в Русском государстве, необходимость овладения торговым путем по Волге с выходом в Каспийское море и далее на Восток, стала одной из важнейших причин (среди прочих), приведших к завоеванию Россией Астраханского и Казанского ханств. Тем более, что к середине XVI в. основные торговые партнеры Московского царства определились. Это были ханства Средней Азии, Северный Азербайджан, Иран, Крымское ханство и, немного позже, Османская Турция.

К этому времени Казань и Астрахань стали не только значимыми торговыми пунктами на Волжско-Каспийском пути, но и основными центрами торговли с Ближним и Средним Востоком, деловые расчеты в которых велись преимущественно золотой монетой. Говоря другими словами, центры татарских ханств оказались, чуть ли не главными поставщиками золота в Московию, о чем свидетельствуют и русские летописи того периода[257]. Поэтому Казань и Астрахань нужны были Российскому государству в том числе и для того, чтобы получать «звонкую монету» с Востока и тем самым пополнять государственную казну.

Включение в состав Российского государства в середине XVI в. Казанского и Астраханского ханств, привело к тому, что весь Волжский торговый путь оказался в его руках. Основанный в 1558 г. на Заячьем бугре новый российский город со старым названием – Астрахань, на несколько столетий стал центром восточной торговли России. Во главе города были поставлены царские воеводы, в задачи которых входили и забота о развитии международной торговли с восточными странами, и создание благоприятных

[255] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 181
[256] См.: История Ирана / Отв. ред. М.С. Иванов. М., 1977.
[257] Полное собрание русских летописей, Т. XXIII. СПб., 1910. С. 197

условий для восточных купцов-мусульман, которые эту торговлю осуществляли.

Доказательством этого является тот факт, что на территории Астраханского ханства, в отличии от Казанского, никогда и никаких религиозных репрессий, и «понуждений» к переходу в православие в отношении местного мусульманского населения не было. Это стало следствием того, что в глазах иностранных предпринимателей-мусульман с целью их привлечения на астраханский рынок, необходимо было создать, говоря современным языком «положительный имидж» власти. Что, в принципе, и удалось.

Первые иранские купцы – «кызылбаши» (так называли шиитов в тюркском суннитском исламе), появились, согласно донесениям астраханских воевод уже в первый год после закладки русской Астрахани[258]. Они, по приказу царского правительства, были здесь «обласканы» местными воеводами, и, беспрепятственно получили право осуществлять здесь международную торговлю. Впрочем, до начала XVII в. персидская торговля, судя по дошедшим фрагментарным сведениям, носила во многом непостоянный, эпизодический характер.

Сразу же после завоевания Астраханского ханства были предприняты и дипломатические шаги, направленные на активизацию торговли по Волжско-Каспийскому пути. Еще до основания русского города, в 1556 г., в Персию было отправлено царское посольство. Предполагалось, что оно предложит шахским властям возможность осуществления транзитной торговли через российскую территорию в «свейские» земли, начиная уже со следующего, 1557 г., к обоюдной выгоде обоих государств[259].

Юрисдикция астраханских воевод распространилась на среднее и нижнее течении Волги (здесь были основаны новые города – Саратов в 1590 г. и Царицын в 1589 г.), а также на Северо-Западный Прикаспий, где

[258] См.: История Астраханского края. Астрахань, 2000.
[259] Хрестоматия по истории средних веков. М., 1950, Т.3. С. 307.

опорным пунктом стали Тарки (с 1588 г.), в которых расположился гарнизон стрельцов, подчинявшийся астраханскому воеводе[260].

Небольшую сумятицу в развитие двусторонних связей с шахским государством, внес неудачный для османов Астраханский поход 1569 г. Он был инициирован Турцией и Крымским ханством с целью освободить захваченные «неверными» территории двух татарских ханств и восстановить здесь власть мусульман. Цель эта не была достигнута, но туркам удалось закрепиться в значимых опорных пунктах Северного Кавказа и Северного Азербайджана, что ударило по торговым отношениям России и Персии. В это время (начало 1570-х гг.) транзит товаров временно стал осуществляться не через Астрахань, а через расположенную на восточном берегу Каспия (полуостров Мангышлак) Тюб-Караганскую (Караганскую) пристань[261].

С середины 1580-х гг. персидско-турецкое противостояние вступает в активную фазу, а Россия терпит сокрушительное поражение в Ливонской войне и вообще вступает в полосу системного кризиса, приведшего в итоге к Смуте. Угрожают безопасности Российского государства и Османская Турция с Крымским ханством. В этой ситуации, имея одного общего противника и серьезные экономические и политические проблемы внутри своих государств, Россия и Персия идут на сближение, между ними устанавливаются регулярные дипломатические отношения.

Осенью 1586 г. ко двору царя Федора Иоанновича прибыло посольство шаха Султан-Мухаммеда во главе с Гади-беком с предложением дружбы и просьбой о военной помощи против Османов. Посольство планировало договориться о совместном военном выступлении против турок в Закавказье. В 1589-1590 гг. в Москву прибыли еще два посольства – Бутак-бека и Анди-бека.

---

[260] Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки института ист. яз. и лит. им. Г. Цадасы. Махачкала, 1958. Т.4. С. 12.

[261] Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. СПб., 1898. С. 66.

Несмотря на то, что политические мотивы доминировали в переговорах, экономические интересы также не были забыты. Итогом переговоров стало письменное обязательство «московитов», дозволившее свободную торговлю иранским купцам на своей территории. На «основе взаимности» московское правительство разрешило им «повальный торг» [262]. Это обязательство стало отправной юридической точкой для начала формирования постоянных торговых колоний персидских купцов в российских городах, прежде всего, в Москве и Астрахани.

Согласно положениям документа (обязательства) провоз персидских товаров по территории Российского государства осуществлялся за счет российской казны. Посол и персидские купцы, которые его сопровождали, получали также от казны бесплатное питание, жилье, транспорт; и любые иные потребности также обеспечивались за счет русских (например, наем складских помещений, магазинов, охрана и др.)[263].

В последнее десятилетие XVI в. персидские посольства прибывали в Россию едва ли не ежегодно: в мае 1592 г. во главе с Хаджи Хосровом, в середине 1593 г. - Хаджи Искандером, весной 1594 г. - Анди-беком и Али Хосровом, в 1597 г. - Хаджи Назимом, Анди-беком, Перкули-беком и др.[264]

В 1603 г. Персия и Османская империя начали войну, а в России начинается Смутное время, до основании потрясшее основы государства и чуть не приведшее к утрате суверенитета. Естественно, в этих условиях говорить о развитии какой-либо торговли, внутренней или международной, не приходится. Понятно и то, что Россия надолго перестала интересоваться и развитием российско-персидских политических и экономических отношений.

События Смутного времени начала XVII в. также затронули Астрахань. В 1605 г. здесь произошло казацкое восстание. Появлялись в городе и сторонники Лжедмитрия, были и свои самозванцы. Марина Мнишек и

[262] Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. М., 1947, Т. 1. С. 146.
[263] Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений в 1586-1612 гг. М., 1976. С. 183.
[264] Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII -XIX вв. М., 1991. С. 32-35.

атаман И.М. Заруцкий нашли здесь поддержку у местных казаков и были пленены уже в начале царствования царя Михаила Романова.

В самой России события Смутного времени, привели к полному прекращению каких-либо торгово-экономических связей с иностранными государствами. Гражданская война ввергла страну в полный хаос. И лишь ее окончание, изгнание интервентов и заключение мира, ликвидация всех внутренних очагов сопротивления, привели к возрождению внешнеторговых отношений России с соседями в начале 1620-х гг.

С правления первого царя династии Романовых наступает отсчет истории русской Астрахани, как центра российско-азиатской торговли. Царь Михаил Федорович, понимает, что развитие торговли для России очень важно для экономического возрождения страны и приказывает астраханским воеводам «призвать в Астрахань русских и иноземных купцов, обнадеживая их спокойствием в крае»[265].

В это же время, в ходе войн Персии с Османской империей, в первые три десятилетия XVII в., Сефевидам удалось отстоять свои интересы в Закавказье и на столетие с лишним утвердиться в регионе. И в Астрахань, после окончания Смуты, направился новый поток персидских подданных мусульман-шиитов – азербайджанцев из Северного Азербайджана. Что, в итоге, привело к тому, что персидско-шиитская купеческая община в Астрахани в этническом отношении, несмотря на свое название, была представлена в основном азербайджанцами.

С 1620-х гг. налаживается торговля по Волжско-Каспийскому пути. Русский историк XIX в. С.М. Соловьев, приводит в своем многотомном труде по истории России, «записки» торговых людей от 1620 г., в которых говорится, что торговля с Персией возобновилась, туда отправились с товарами русские купцы из Москвы и «понизовых городов». В Россию через Астрахань же прибывают персияне – «тезики», с которых власти здесь берут пошлину «с рубля по 4 алтына». Отмечается также, что торговля эта была

[265] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.23.

крайне выгодной и способствовала обогащению купцов – поданных обоих государств и давала значительное пополнение российской казне[266].

О том, что торговля персидских купцов в Астрахани и через Астрахань развивалась успешно в последующие десятилетия, свидетельствуют и документы, касающиеся развития российско-индийских отношений. Так, в 1639 г. астраханский воевода писал, что морским путем (через Каспийское море) в Персию отправились «по торговым делам» персидские, русские и индийские купцы[267]. Также воевода писал и о том, что персидские купцы из Астрахани в Персию и Закавказье вывозят товары российского производства[268]. И в этих же документах о российско-индийских отношениях в 1630-е гг. упоминается о том, что в Астрахани российской казной были построены для купцов из Индии, Ирана и Средней Азии Гостиные дворы. Это, пожалуй, первое зафиксированное в источниках, их упоминание[269]. При них же были выстроены первые в русском городе Астрахани мечети.

Если после завоевания Среднего Поволжья, российскими властями и миссионерами Русской Православной церкви был взят курс на насильственную христианизацию местных мусульман-тюрок, были сломаны мечети и здания медресе; то в Нижнем Поволжье такие процессы не наблюдались. В Астрахани правительство не препятствовало строительству мечетей, местное (правда, малочисленное) татарское население обращению в христианство не подвергалось. Наоборот, астраханских (юртовских) татар считали связующим звеном в российско-азиатской торговле в контексте их этнической и конфессиональной идентичности. Эта же политика религиозной свободы была распространена и на мусульманских купцов с Востока и на их торговые колонии в городе.

Так, уже в 1586 г. у живших около Астрахани татар была своя мечеть, как свидетельствуют источники. В 1616 г. в Гилянском торговом дворе была

[266] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. II. Т.VI-X, С.1175-1177.
[267] Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958. С.40-43.
[268] Там же. С.12.
[269] Там же. С.182.

выстроена мечеть, скорее всего она была шиитской[270]. В 1620 г. ногайский сеид Сайфеддин «поставил» мечеть в городе, «испросив на то разрешение» местного воеводы[271]. В 1666 г. Астрахань посетил турецкий путешественник Эвлия Челеби, сообщивший тогда же, что в «нижнем городе» (то есть за кремлевской стеной, в посаде), есть 7 мечетей[272].

С.Г. Гмелин побывал в Астрахани уже в 1769-1770 гг. По его свидетельству, в Агрыжанском, Бухарском и Гилянском Гостиных дворах (в так называемом обществе Татар Трех дворов) было 4 мечети, по крайней мере одна из которых была шиитской (Персидской)[273].

В результате, в первой половине XVII в. Астрахань приобрела уникальный образ города-ярмарки, который не был присущ больше ни одному другому городу в Российском государстве. С одной стороны, это был крупный административный центр со значительным населением, с системой управления, промышленностью и торговлей. Город обладал оборонительным сооружением – крепостью (Кремлем), развитой слободской инфраструктурой. Составной частью Астрахани стали караван-сараи – Гостиные дворы – торговые подворья, основанные торговцами из восточных государств и территорий прилегающих, прежде всего, к Каспийскому морю – Персии, Закавказья, Средней Азии.

При этом следует отчетливо понимать, что Россия, даже овладев Астраханью и выходом в Каспийское море, не получила главного – выхода в Мировой океан и, по сути, в XVII-XVIII вв. была весьма ограничена в возможностях масштабного участия в международной торговле. Но определенные преференции, все же, Астрахань предоставила – непосредственный выход на Персию, Закавказье и Среднюю Азию. В ограниченной степени (ввиду географических трудностей) оказалась доступной и торговля с Турцией и Индией. Путешественник и дипломат из

[270] Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С.104.
[271] Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С.569.
[272] Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1979. С.132.
[273] Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч. II. СПб.: 1777. С.146, 163.

Курляндии Яков Рейтенфельс (Рутфель) в своем «Сказании о Московии» 1680 г. издания писал о том, что Астрахань «находится на самой границе между Европой и Азией», и поэтому «постоянно посещается многочисленными купцами из Персии, Армении, Татарии, Бактрии и Индии»[274].

Подъем международной торговли через Астрахань в XVII в. был связан также с упадком Великого Шелкового пути, когда регион стал главным перевалочным пунктом для азиатских и европейских государств. Подъем этот начался еще в ханский период, русским властям же оставалось лишь перехватить инициативу и продолжить развивать международную торговлю на этом направлении. Уже в первые десятилетия после своего основания русская Астрахань стала центром притяжения для значительного числа восточных купцов и на протяжении нескольких десятилетий. В то время, в самом городе, они едва не превысили русское население.

В XVII в. город испытал несколько социально-политических потрясений. В 1630 г. он подвергся нападению калмыков, в 1660 г. – крымских татар. В ходе движения под руководством С. Разина город в 1670 г. оказался в руках восставших, в 1671 г. царская власть была восстановлена. В первой половине 1690-х гг. по городу прокатилась чумная эпидемия, унесшая более 10 тысяч жизней[275]. Очевидно, что эти события каждый раз приводили к упадку торговых отношений, что влияло и на устойчивость шиитской общины.

Вместе с тем, в течении столетия, окончательно сформировались условия для развития международной торговли. Удобное географическое положение порта, длительный период навигации (с конца марта до конца ноября), относительная дешевизна свободной рабочей силы (грузчики, матросы, бурлаки, лоцманы) способствовали этому. Особенности климата сказались и на экономических занятиях населения. Засушливые полупустыни

[274] Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. М., 1905. С. 195.
[275] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.6. СПб., 1901. С.540.

Нижнего Поволжья не способствовали развитию пашенного земледелия, хлеб был привозным из Центральной России[276].

Не знал регион и крепостного права. Поэтому основным занятиями населения стали торговля, ремесленное производство и промыслы – в основном рыбная ловля и соледобыча. В 1650-е гг. каждое лето к Астраханскому порту приходило до 500 малых, средних и больших судов с продовольствием, назад везли рыбу и рыбопродукты, азиатские товары, привезенные в Астрахань восточными купцами[277].

Приезжавшие в Астрахань купцы останавливались в постоялых (гостиных) дворах – караван-сараях, организованных, как правило по этническому принципу. Здесь они складывали свои товары в специальных складских помещениях, здесь же снимали порой лавки и магазины для мелкооптовой продажи, здесь располагались и лавки менял для удобства приезжих. Некоторые из восточных купцов, которые вели торг с Астраханью на постоянной основе даже заводили здесь семьи с местными татарками (ислам разрешает иметь до четырех жен), приобретали в городе недвижимость.

Признание Астрахани центром международной торговли привело к учреждению здесь уже в конце XVI в., таможни с соответствующим штатом чиновников, в числе которых был и толмач-переводчик с тюркских языков. В начале следующего, XVII в., была учреждена и специальная служба «сухопутных дорог», которой подчинялись стрельцы, для обеспечения безопасности караванной торговли близ Астрахани.

Л.И. Ватанина в своей работе по истории восточных колоний в Астрахани, относительно XVII в. выявила отличительные черты г. Астрахани, как центра российско-азиатской торговли:

[276] Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С.194.
[277] Там же. С.193-195.

«- наличие огромного количества рынков и базаров, имеющихся как на территории города, так и в его предместьях, делало Астрахань более похожим на восточный город;

- здесь постоянно проживало большое количество восточных, а также русских купцов, приехавших из других городов Российского государства;

- весь уклад жизни горожан был подчинен обслуживанию самой ярмарки. Практически все жители Астрахани были в определенной степени вовлечены в работу ярмарки. Это, в первую очередь, торговля и ростовщичество, охрана купцов, предоставление в аренду складов, изб, лавок и других помещений для производства торговой деятельности, большая армия чиновников, ведущая учет товаров и взимающая налоги;

- преобладание восточного купечества, которые образовывали целые слободы со своими культовыми сооружениями и органами управления (старейшинами);

- внутренняя и внешняя торговля для Астраханской ярмарки равнозначны, в отличие от других русских городов, где обычно преобладала одна из этих форм. В XVII в., кроме Астрахани, такое же значение для русско-иноземной торговли имел Архангельск. Астрахань и Архангельск были магистралью международного товарооборота;

- Астрахань имела самый обширный диапазон торговых связей по сравнению с другими русскими городами. Товары в Астрахань через Великий Шелковый путь попадали из Персии, Индии и Китая, транзитным путем отправлялись в Западную Европу и обратно. Во второй половине XVII в. она стала основным поставщиком товаров на Всероссийский рынок;

- на Астраханской ярмарке был самый богатый ассортимент товаров широкого потребления, представленный десятками стран»[278].

Все эти обстоятельства в совокупности способствовали основанию и развитию национальных торговых колоний: армянской, индийской, бухарской (среднеазиатской), «кызылбашской» (персидской) Этот пестрый

[278] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.64.

национальный состав Астрахани неоднократно отмечали все посещавшие город иностранцы и российские путешественники и чиновники.

Например, А.Н. Штылько в своей «Астраханской летописи» перечислил восточные народы, участвовавшие в астраханской торговле в XVII в.: «кызылбаши, бухаряне, армяне, кумыки, черкесы, астраханские татары»[279]. Уже в 1876 г. великий русский режиссер В.И. Немирович-Данченко отмечал: «Зеленые халаты и пестрые чалмы бухарцев, черные чухи расшитых позументами армян, высокие конусы персидских бараньих шапок, голые груди и лохмотья калмыков, серые кафтаны ногайских татар... Лица – одно оригинальнее другого, совершенно нам чуждые, то скуластые, медно-красные, с оливково-сверкающими из косых щелок глазами, то правильные красивые физиономии персов, с длинными красными бородами и черными, но совершенно безжизненными глазами; сухие, словно вниз вытянутые ногайские лица и толстые, раскормленные лукавые бухарцы... Астрахань в древности была жалкою татарскою деревушкой, она и теперь смотрит не русскою; все какой-то басурманской окраиной кажется она туристу, привыкшему к великорусскому населению нашей Оки и Волги. Чужой говор, чужое обличье... Гостями мы здесь до сих пор сидим и, право, любой перс или армянин лучше чувствует себя в этом ханском городе, чем заезжий русский, которому здесь все в диковинку»[280].

Став ключевым центром российско-восточной торговли и главным пунктом на Волжско-Каспийском пути, Астрахань стала осуществлять и функции крупной торговой ярмарки, как необходимого элемента развития внутренних и международных торговых отношений. По сути дела, ярмарка в Астрахани была круглогодичной, это был непрекращающийся торг, затихавший (но не прекращавшийся) лишь на несколько зимних месяцев, когда не осуществлялась навигация при порте. Но сделки продолжали

[279] Штылько А.Н. Астраханская летопись. Астрахань, 1898. С.10.
[280] Немирович-Данченко В.И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб., 1877. С.134.

заключаться, товары закупались и продавались, вне зависимости от навигации, просто изменялись объемы товаров.

Особое положение города-ярмарки было обусловлено выгодным географическим положением, тем, что он был расположен на перекрестке дорог из России в Азию. Экономическое благосостояние города было не в последнюю очередь обусловлено деятельностью восточных купеческих колоний. Одной из самых успешных из которых, уже с начала XVII в. становится Персидская (Гилянская).

Практически вся инфраструктура города была подчинена обеспечению функционирования международной торговли в городе, торговля практически определяла облик города, она была неотъемлемой частью всей социально-экономической жизни. При этом, безусловно, развитие торговли в Астрахани не получило бы такого развития без соответствующих условий, созданных российскими центральными и местными властями: административных, социальных и экономических.

Наряду с социальными потрясениями в Российском государстве в период «бунташного века» серьезной проблемой для развития торговли были разбои на Каспии и в Низовьях Волги. В XVII в. это были и казаки, и беглые крепостные из Центральной России. Но с течением времени правительство приняло серьезные меры для обеспечения безопасности торговых людей на Волге. Пойманных разбойников ждала виселица. И со второй половины XVII в. многие беглые переключаются на легальные формы заработка, увеличивается рабочее население края.

Российское правительство прекрасно понимало, что лишь путем создания благоприятных условий для торговли, оно сможет не только сохранить, но и увеличить объемы астраханской торговли со странами и регионами Востока. Просьбы восточных торговых людей по созданию безопасного режима торговли всегда находили отклик. В правление первого Романова – Михаила Федоровича, за военной помощью для охраны своей коммерции, непосредственно к царю обращались несколько дербентских

купцов. Царь Алексей Михайлович в 1663 г. разрешил персидским и армянским торговым людям отправиться из Астрахани в Персию «через Хвалынское море» (в целях безопасности) с российским посольством Ф.Я. Милославского[281].

Всякий раз, как только возникал вопрос борьбы с разбоями в отношении иностранных купцов близ Астрахани, российские власти изыскивали любые возможности для его решения. Причина была очевидна: «заинтересованность в поддержании стабильных дипломатических отношений с южными соседями, в торговле с восточными странами, в большой потребности в иноземных товарах»[282].

Очень большой урон развитию торговли через Астрахань по Волжско-Каспийскому пути наносила работорговля. О том, что таким видом «промысла» на Нижней Волге занимались прибрежные казахские и туркменские племена, а также жители Северного Кавказа, сообщал еще в дороссийский период С. Герберштейн в начале XVI в. Тогда на невольничьи рынки рисковали попасть русские – «московиты»[283]. Спустя столетие, в Астрахани можно было приобрести уже плененного «татарина» за 4-5 форинтов, о чем сообщал руководитель имперского посольства (Священной Римской империи – Р.П.) в Персию в 1602-1603 гг., Стефан Какош[284].

После окончания Смуты, когда международная торговля понемногу восстановилась, вновь начались нападения на купеческие суда и увод экипажей и купцов в рабство. Такая практика существовала на Каспии вплоть до 1830-х гг. и установления постоянного крейсерства военно-морских сил России на Каспийском море. Хотя следует отметить, что и первые Романовы предпринимали попытки для активизации борьбы с пиратством и захватом людей и товаров.

---

[281] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С. 143.
[282] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.53.
[283] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С.175.
[284] Какашь и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1896. Книга вторая (177). Раздел III. С.26-27.

Еще при царе Федоре Иоанновиче (около 1595 г.) была организована небольшая флотилия, состоявшая из двух-трех десятков «стругов» небольших кораблей, скорее всего таких, которые позже, в источниках XVIII в., получили название «расшив». При этом официальное оформление этой Астраханской флотилии произошло сто лет спустя, в 1699 г.[285].

Несмотря на это, восточное купечество, и, в очень большой степени, персияне, также было крайне заинтересовано в развитии торговли с Россией через Астрахань с самого ее основания. Никакие препятствия (грабежи и разбойные нападения, штормы на Каспийском море, мздоимство российских и шахских чиновников и толмачей, другие риски) не могли ее остановить совсем. Дело в том, что российско-персидская торговля через Астрахань шелком, хлопком, кожаными и текстильными изделиями, пряностями, красильными материалами и т.д., давала огромные прибыли. Получала значительный доход и российская казна – на протяжении столетий таможенный сбор составлял 5%. И российские власти, как могли, способствовали тому, чтобы торговля через Астрахань процветала. Поддерживалось торговое судостроение; насколько возможно обеспечивалась охрана водного пути, самих восточных торговых людей и их товаров[286].

При этом, конечно же, нельзя говорить, что торговля между Россией и Персией развивалась безупречно и никаких субъективных препятствий не существовало. Злоупотребления представителей власти – чиновников различных рангов и ведомств, как с российской, так и с персидской сторон, конечно же, существенно и негативно влияли на нормальное течение торговых отношений, на деятельность купцов.

С российской стороны астраханская внешняя торговля («Астраханская ярмарка» - так она называлась в документах XVII в. – Р.П.) была «под неусыпным попечением» местного воеводы и целого штата приказных людей

[285] Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. Астрахань, 2012. С.28.
[286] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.54.

при нем. Об этом свидетельствует, например «Дело о взяточничестве астраханских воевод» от 1616 г. Согласно ему, чиновники царской администрации контролировали практически все аспекты внешнеторговой деятельности: выдавали разрешение на торговлю иностранным купцам и в Астрахани и на территории всего Российского государства, осматривали товары, конфисковывали контрабанду, разбирали коммерческие споры, налагали штрафы и иные взыскания, «производили» суд по административным и уголовным делам[287].

Очевидно, что имея такие широкие полномочия, астраханская администрация, не раз была уличена и в злоупотреблениях. И это были не только сами взятки, но и различные действия, чтобы склонить купцов к ним. Например, в 1641 г. посол персидского шаха жаловался царю Алексею Михайловичу, что воеводы в Астрахани мешают торговать шахским купцам, и чинят различные препятствия. В ответ же, российская сторона заявила, что в отношении воевод проведут расследование и виновных накажут. Но точно такие же препятствия, русские купцы встречают и в Иране: «русским купцам в Персии от шаховых воевод и приказных людей бывает насилье большое»[288].

Такие действия региональных чиновников с обеих сторон, конечно же, не способствовали нормальному развитию торговли, в чем крайне были заинтересованы центральные власти обоих государств. Шелк, составлявший важнейшую статью иранского экспорта, был нужен и в России и в Западной Европе, в которую он поступал транзитом через российскую территорию.

Западноевропейская политическая и экономическая элита после окончания Смутного времени, очень ревностно следила за тем, как развиваются торговые отношения России с Азией, анализировала роль Астрахани в этой торговле. Делались акценты и на количестве восточных

[287] Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. Астрахань, 2012. С.30.
[288] Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. Спб., 1898 С.216.

купцов, которые включались в эти отношения. В Европе в это время выходят даже специальные аналитические сочинения, посвященные этим вопросам. Об этом свидетельствовал голштинский посол и путешественник Адам Олеарий в 1630-е гг.[289].

Участник шведского посольства в Москву в 1674 г. Иоганн Филипп Кильбургер, до этого в течении пяти лет бывший торговым представителем купца Абрахама Реншерны, в 1679 г. издал книгу на немецком языке «Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России». Конечно, главное внимание здесь было уделено российско-шведской торговле на Балтийском и Белом морях, но автор затрагивает и азиатское направление: «Россия имеет еще свою торговлю и обмен товаров с азиатскими народами: калмыками, бухарцами, монголами, китайцами, индийцами, персами, турками, греками, армянами и со всеми живущими почти на всем Востоке»[290]. Автор при этом сетует, что число этих торговцев постоянно увеличивается, а Россия при этом получает все большие и большие выгоды.

Уроженец Курляндии дипломат Я. Рейтенфельс, автор книги «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии», составленной около 1676 г., т.е. в те же самые годы, также отмечал расцвет торговли России с восточными странами. Он отмечал, что Персия является важнейшим торговым партнером, из которой в Россию привозят шелк, хлопок, предметы роскоши и породистых лошадей[291]. Рейтенфельс отмечал, что одним из важнейших центром международной торговли России является город Астрахань на «Гирканском море», как он называл Каспий. Но в 1670-е гг. еще ощущался серьезный недостаток торгового мореплавания по этому морю[292].

---

[289] Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952. С.67.

[290] Курц Б.Б. Сочинения Кильбургира о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 87-88.

[291] Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. М., 1905. С. 183-184.

[292] Там же. С.388.

В последней трети XVII в. персидское государство вступает в период упадка. Страну охватили восстания, она по сути оказалась на грани распада. Шах Сулейман (1666-1694) и шах Султан Хусейн (1694-1722) практически не контролировали экономическую ситуацию. Внешняя и внутренняя торговля в период их царствования стремительно сокращались. «Осмелели» и чиновники на местах, чиновничий произвол и взяточничество в практически неконтролируемых центром городах и провинциях выросли в разы. Любыми способами персидские купцы стремились получить у чиновников шахские грамоты на право беспошлинного привоза товаров в Россию. И при этом, конечно, ввозили не только и не столько казенные товары, а старались о своей собственной выгоде. А пошлины не уплачивали ни в Персии, ни в Астрахани. Во многом такое положение дел уже в XVIII в. способствовало вытеснению из внешней астраханской торговли армян персиянами, в этой ситуации стала быстро численно увеличиваться и колония персидских купцов в городе.

В марте 1667 г. персидский купец Хасан Хаджи писал, что в Астрахань приезжают «Шахова Величества торговые люди с послы и с купчинами и привозят всякие свои многие товары, называя для своей корысти его шахова величества товарами, и тем меж обоих государств в пошлинных сборах великие убытки и чинят ссоры»[293]

В 1665 г. вновь начались военные действия между Османской Турцией и Венецианской республикой, Средиземное море стало небезопасным для торговли, персы больше не могли вывозить по нему свои товары в Европу. Многие торговцы, преимущественно армяне, разорились. И в результате, транзитный путь через территорию России в Западную Европу для персидских товаров, стал просто жизненно необходим. России развитие торговли по Волжско-Каспийскому пути оказалось крайне выгодно, в том числе и в целях экономического ослабления старого врага – Османской Турции.

[293] Иран: Сборник статей. / Под ред. А.З. Арабаджяна, Н.А. Кузнецовой. М., 1973. С. 69.

Главными бенефициарами сложившегося положения стали купцы-армяне из Новой Джульфы. Следствием чего стал договор 1666 г. между царским и шахским правительствами. Согласно договору, весь иранский шелк должен был из Южного Азербайджана направляться к Астрахани. Армянские и персидские купцы получали ряд льгот и привилегий. По настойчивым просьбам русского «природного» купечества, в 1673 г. было заключено новое соглашение, по которому весь привозной из Персии шелк должен был продаваться в России по строго фиксированной цене. А в 1676 г. армянам и персам удалось добиться, чтобы транзит шелка и других персидских товаров шел не исключительно только через Астрахань, но и через Архангельск[294].

По Волжско-Каспийскому пути восточные купцы, через Астрахань проезжали вглубь России – до Казани, Москвы, Архангельска; могли отправиться и в Сибирь; некоторая часть транзитом через российскую территорию отправлялась в европейские страны. В течении почти двух с половиной веков Астрахань была важнейшим стратегическим экономическим и геополитическим пунктом России. А иранский рынок для Российского государства в это время был важнейшим в структуре ее внешней торговли.

Так называемая Астраханская международная ярмарка в XVII в. (то есть внешнеторговые операции, которые осуществлялись через город), была важнейшим центром формирующегося всероссийского рынка. Город был важен и в контексте установления и развития отношений российского государства с народами Северного Кавказа, Закавказья, Центральной Азии, Персии.

Относительно теплый климат, схожий с азиатским климатом дополнительно привлекал восточное купечество к торговле в городе, а также способствовал и оседанию части его в городе. Наличие местного

[294] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. С.149-163.

мусульманского населения, мечетей и возможность легко получать к своему столу продукцию халяль также привлекали мусульман-купцов. Купцы восточного происхождения, проживая в Астрахани, составили значительную часть населения города, способствовали росту населения. Здесь, благодаря притоку торгового капитала, стремительно росли торговые кварталы и рынки.

Это отразилось на особом колорите города, сделало его самобытным, существенно отличающемся от других российских городов. Прежде всего, это было связано с формированием и развитием восточных колоний, одной из которых стал Гилянский (Персидский) Гостиный двор, в рамках которого первоначально и сформировалась астраханская шиитско-персидская община.

В результате оседания русского населения и появления восточных колоний, Астрахань к середине XVII в. представляла собой один из крупнейших городов России того времени. Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий (Ольшлегель), посетивший Астрахань в 1636 г. писал: «Город красивый из-за множества башен и церквей, очень много деревянных построек». Посол отметил наличие сильного гарнизона, 9 приказов (и по 500 стрельцов при каждом из них). Стрельцы помимо охраны порядка следили и за нерусским населением края (купечеством, татарами, калмыками). Олеарий упомянул, что в пределах городской черты, но за стенами Кремля располагалось селение татар (так он зафиксировал начало формирования Татарской слободы в городе), которые время от времени привлекались к охране границ. Всего с города ежегодно собиралось до 12 тысяч рублей пошлин в царскую казну[295].

В XVII в. крупным центром внутренней торговли в России был Ярославль, купечество которого быстро завязывает взаимовыгодные отношения с «астраханскими» персиянами. Также активные торговые связи установились с Казанью и Нижним Новгородом. Торговля в этих городах во многом зависела от деловой активности восточного купечества в Астрахани.

[295] Олеарий А. Описание путешествия через Московию в Персию и обратно. СПб.., 1906. С.460.

На Макарьевской ярмарке персияне, причисленные к жителям астраханского Гилянского Гостиного двора фиксируются уже в 1640-е гг. И ежегодная торговля персов на Нижегородской ярмарке будет продолжаться вплоть до крушения Российской империи[296].

Товары при этом облагались большим количеством различных пошлин и платежей, таких как попудная, продажная, проездная, за место реализации и т.д. Причем в налоговой правительственной политике XVII в. российских властей особой последовательности не наблюдалось. Торговлю азиатским купцам своими товарами то разрешали производить повсеместно, то ограничивали только Астраханью, Казанью и некоторыми «порубежными городами»[297]. Впрочем, торговля в мусульманских странах также была не урегулирована, размер и количество пошлин ничем не определялись, кроме прихотей местных правителей и чиновников[298].

Итак, в конце XVI – XVII вв. Астрахань становится главным центром международной торговли Российского государства и важнейшим центром транзитной торговли между Востоком и Западом, вплоть до последних десятилетий XVIII в. Важнейшей составной частью этого торгового центра, города-ярмарки стала персидско-азербайджанская община.

Персидские купцы, реализовывая практически идентичный ассортимент товаров, вступали очень часто в жестокую конкуренцию на астраханском рынке, что вело к формированию достаточно приемлемого ценового диапазона и в конечном итоге, способствовало дальнейшему развитию торговли здесь. Во второй половине XVII в. персидские купцы принимают активное участие уже не только в торговле. Те из них, которые оседают в городе, участвуют в ростовщичестве, ремесленном производстве, разводят сады и бахчи. Эта осевшая в Астрахани часть купцов-персиян и

---

[296] Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993. С.5.

[297] Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII веках. Астрахань, 2012. С.8.

[298] Байкова Н.Б. К вопросу о российско-индийских торговых отношениях в XVI-XVII вв. // Институт востоковедения АН УзССР. Вып.4. Ташкент, 1956. С.80.

стала основой формирования и развития местной этнической городской общины, первоначально в границах Гилянского (Персидского) Гостиного двора, признанной властями частью социально-экономической структуры российского центра международной торговли.

2.2. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности иностранного купечества в России как фактор развития персидско-азербайджанской общины в Астрахани в XVII-XVIII вв.

В XVII–XVIII вв. большое значение для развития русско-иранской и русско-закавказской торговли и, как следствие, для развития персидско-азербайджанской колонии в г. Астрахани, имело развитие российского законодательства, направленное на регулирование российского и иностранного купечества в этой торговле (т.е. национальная политика). В свою очередь, на объемы и ассортимент торговли персидско-азербайджанского купечества влияли и таможенная политика (регулирование сборов и пошлин) и стратегическая политика (определение главных задач и перспектив международной торговли).

Как известно, главным регулятором внешнеэкономической деятельности любого государства является таможенное законодательство. В России, в течении нескольких веков, оно было представлено Таможенными тарифами. До конца XVIII в., когда государство разделило Таможенные тарифы на две категории: для торговли по европейской границе и для торговли с Востоком, тарифы регулировали таможенное обложение при каждом конкретном пограничном пункте. Но на протяжении XVII-XVIII вв. Россия не имела таможенного тарифа для Астраханской ярмарки. В основном, взимание пошлин в Астрахани в этот период осуществлялось на основании Тарифов (Уставов), действовавших для внешней торговли в целом или для европейской торговли.

При этом, преодолев экономические и политические трудности, оставшиеся от Смутного времени ко второй половине XVII в., вступив в последнюю стадию формирования единого всероссийского рынка, Россия переходит к целостному юридическому оформлению своей торговой политики. Это стало следствием, прежде всего, ходатайств и просьб русских

подданных – купцов, которые страдали от недобросовестной конкуренции иностранцев на российском рынке.

Система таможенных сборов в 1650-е гг. попадает в центр внимания правительства, тем более что для ведения активной внешней политики, которую вел Алексей Михайлович, нужно было пополнять казну, а пошлины с иностранных купцов и товаров были вполне легитимным средством для этого. В итоге, система таможенных сборов Российского государства была приведена в более-менее стройную систему, соответствовавшую его интересам. Конечно, на первом месте стояла задача упорядочить систему сборов с англичан, но в итоге, и восточные купцы также попали под новые законодательные нормы.

В 1653 г. был принят Торговый Устав. Он отменил всякую дифференциацию таможенных сборов в стране и установил единую пошлину по всем таможенным и торговым пунктам: 10 денег с каждого рубля или 5% с цены любого проданного товара. Также были упразднены внутренние «проезжие» пошлины, «богоненавистная» (так в тексте закона – Р.П.) откупная система сбора таможенных пошлин[299]. Но все же главным документом XVII в., регулировавшим российскую международную торговлю, который можно считать и первым самостоятельным российским Таможенным Тарифом, стал Новоторговый Устав 1667 г.[300]

В Новоторговом Уставе таможенные пошлины были разделены на отпускные и ввозные. С российских товаров, «отпускаемых» за границу, пошлины брались или «с веса» или «с цены» - соответственно 4 и 5%% с рубля. При этом ряд товаров был объявлен относящимися к «заповедной царской торговле» по регионам. В Астрахани к ним отнесли «учужную» рыбу[301] и соль. А из Архангельска в числе прочих «заповедных товаров» к

[299] ПСЗ РИ-I. Т. 1. №107.

[300] Российское законодательство X – XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. М:, 1986. Т. 4. С. 117 – 136.

[301] То есть, рыба осетровых пород, добытая на учугах.

Учуг – старинный способ добычи рыбы на Нижней Волге, представляло собой громоздкое сооружение из бревен, перегораживающее протоки реки, расположенные параллельно урезу воды. Посередине сооружения

вывозу был запрещен иранский шелк-сырец, очевидно поступавший сюда из Астрахани.

Русские купцы получили право не уплачивать пошлины с иностранных привезенных ими товаров из-за границы, если они были закуплены там на деньги, вырученные от продажи товаров российского производства, или «выменянных». Если эти товары поступали на внутренний российский рынок, то они уже облагались 5% пошлиной от цены на каждый рубль. Иностранцам при этом Уставом провоз товаров внутрь России был совсем запрещен, но если они каким-либо способом разрешение получали, то должны были заплатить казне дополнительную рублевую пошлину.

В отношении непосредственно иранского купечества и российских купцов, торговавших с этой страной, вводились два ограничения: 1) запрет на вывоз в Персию золота и серебра («в монете и в деле»); 2) «остережение» на покупку и ввоз предметов роскоши в Россию. Забегая вперед, следует отметить, что запрет на вывоз в Персию (и вообще в Азию) золота и серебра и борьба с этим явлением, при Астраханской таможне, продолжались вплоть до ее закрытия в начале 1860-х гг.

Необходимость в ограничении вывоза золота и серебра в Персию со стороны России было продиктовано соображениями недопустимости утечки этих металлов из страны. Торговля России со странами Западной Европы была профицитной, а с Азией – наоборот. Россия же была заинтересована в том, и Новоторговый Устав встал на страже этого интереса, чтобы драгоценные металлы накапливались в стране, в том числе и для дальнейшей перечеканки в российские деньги, что составляло прямую прибыль для казны.

Новоторговый Устав 1667 г. стал первым документом, в котором были закреплены принципы отечественного меркантилизма, на его самой ранней – монетарной, стадии. И связаны эти принципы в тот период были только со

имелись ловушки, «учушные избы», в которых и задерживались осетровые. По мере необходимости рыбу из двориков вынимали баграми, выбирая наиболее крупные экземпляры, и увозили потребителю или высаживали в садки.

сферой торговли. Устав смог предотвратить захват иностранными предпринимателями (преимущественно англичанами и другими европейцами) российского рынка, содействовал расширению отечественного торгового капитала как внутри страны, так и за границей. Но в отношении некоторых сопредельных России регионов, в частности Персии и Закавказья, этого добиться не смог. Доминировать в торговле с азиатскими странами и территориями продолжали восточные купцы, а их торговые колонии в Астрахани увеличивались.

Статья 60 Устава предписывала: «А чтоб иноземцы приезжим торговым людям товаров сих не продавали и у них ничего не покупали, а продавали б в тех городах купецким людям того города, в коих они станут торговать, и у них також товары всякие покупали, а не у приезжих, а порядков и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили и тем бы у тех московских и городовых купецких людей промыслов не отымали»[302].

Между тем, «протекционистский заслон» против торговли иностранцев в России, в статьях Новоторгового Устава был детально оговорен. Торговать иностранцы могли только в пограничных городах, внутрь страны могли проехать только при наличии специальной царской грамоты и уплате пошлины в двойном размере иностранными деньгами (которые были заведомо дороже российских – Р.П.). Торговать в розницу внутри России и между собой иностранцам запрещалось. В случае нарушения этих норм, товары у купцов изымались в пользу казны[303].

Следует отметить, что еще до принятия Новоторгового Устава, в январе 1665 г. персидскому и индийскому купечеству был объявлен царский указ, по которому им запрещалась розничная торговля в столице - Москве[304].

---

[302] Там же.

[303] Российское законодательство X – XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма .Т. 4. С. 127.

[304] Русско-индийские отношения в XVII. Сб. документов. М.: Восточная литература, 1958. С. 151.

Выявленные властями нарушители высылались на родину, а товары их изымались в пользу казны.

Новоторговый Устав 1667 г. оказал определяющее влияние и на торгово-посредническое положение Астрахани. Во многом положения закона имели покровительственный характер и были направлены на защиту интересов российского купечества в международной и внутренней торговле. Соответственно, Устав регламентировал и права иностранного купечества в России, которые были значительно ограничены в плане реализации торговой деятельности в центральных и торговых городах Российского государства.

Согласно Уставу, основные ограничения, которые были распространены на восточных торговцев в Астрахани сводились к следующему:

«- торг ограничен местом (то есть торговать можно только в приграничных городах и крупных городах – Москве, Казани, Новгороде, Пскове, Архангельске, Астрахани и др.);

- временем (торговать можно только во время работы ярмарки);

- перечнем товаров (был составлен список, существенно ограничивший ассортимент);

- запрещена розничная торговля;

- запрещен торг между собой (то есть торговля иностранцев, особенно торговля между европейскими и азиатскими купцами);

- кроме рублевой таможенной пошлины стали взимать проезжую пошлину в повышенном размере»[305].

Но даже эти меры не привели к сокращения астраханской внешней торговли. Персидские купцы по-прежнему были заинтересованы в торговле с Россией и приспособились к новым правилам. Торговать в Астрахани для них (как, впрочем, и для других групп восточного купечества) было намного

[305] Российское законодательство X – XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. Т. 4. С.130.

безопасней чем в азиатских центрах торговли – Шемахе, «кызылбашских землях».

После 1667 г., когда внутренние города России оказались для персов недоступными, резко в гору пошли торговые обороты пограничной Астрахани. Тем более, что конкуренция со стороны российских «природных» купцов здесь, на восточном пограничье, была минимальной, в отличии от западного направления. Успеху персов способствовала в немалой степени боязнь русских самостоятельно вести торговлю с восточными мусульманскими странами.

Русские купцы специально приезжали в Астрахань для закупки восточных товаров, по возможности оптовыми партиями, чтобы затем со значительной выгодой перепродать внутри России уже в розницу или мелким оптом. Конечно же, было очень заманчиво, вообще осуществлять закупки самостоятельно в странах Востока и не пользоваться посредничеством тех же персидских купцов. Но в мусульманских странах к неправоверным купцам относились далеко не доброжелательно. Существовало повышенное налогообложение по отношению к ним, процветали обман и грабежи, зачастую при полной осведомленности местных властей. В самих этих странах постоянно велись различные междоусобные войны и купец легко мог стать их жертвой. Таким образом, риски были значительными, а выгода более чем сомнительной. Поэтому товары предпочитали покупать у восточных купцов уже в самой Астрахани[306].

Между тем, российские купцы имели большой коммерческий интерес к товарам из Персии и Кавказа, тем более что Устав предоставил им возможность развития торговли восточными товарами внутри России. И персидские купцы, в свою очередь, успешно пользовались ситуацией, завозя в Астрахань восточные товары. Хотя российские власти строго следили за соблюдением порядка в торговле. Так, одном из документов второй половины XVII в. указано: «в летних и зимних привозах у иноземцов

[306] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С.307-309.

расспрашивать и пересматривать в сундуках, и ларцах, и в ящиках, и в зепях жемчугу и каменья неоплошно, чтоб нигде всяких узорочных вещей в утайке не было»[307].

В ситуации, когда торг был ограничен только Астраханью, персы вынуждены были вступить в коалицию с армянским купечеством, которое по особому договору между царским правительством и Армянской торговой компанией, обладало правом торговать во всех внутренних городах России. Армяне часто, от своего имени, торговали товарами, принадлежавшими на самом деле персам. Кроме того, многие персияне вступали в армянскую торговую корпорацию, чтобы обрести право торговать беспрепятственно в России.

Новоторговый устав, как мы видели, установил одно очень важное положение: иностранцам был запрещен провоз товаров во внутренние города и уезды России. Если же иностранный торговец получал разрешение на торговлю внутри России, то он должен был дополнительно платить 5% пошлину с каждого рубля. Это положение, в контексте истории формирования астраханской персидско-азербайджанской общины, привело к очень серьезным последствиям. Многие из предпринимателей, чтобы получить дополнительные пошлины, стали вступать в российское подданство с целью получить статус «природного российского купечества». Уже в следующем, XVIII в., это приведет губернские власти к выводу о том, что все приписанные к Гилянскому Гостиному двору персияне должны подчиниться российскому гильдейскому законодательству. На этом эпизоде мы остановимся подробно в соответствующем параграфе.

Российские власти тщательно следили со своей стороны за исполнением правил Новоторгового Устава. Пресекали попытки восточных купцов найти лазейки для осуществления торговли в «недозволенных» местах; выявляли и сурово карали чиновников-взяточников, которые разрешали такую торговлю. У восточных купцов, которые были уличены в

[307] Там же. С.158-159.

неразрешенной торговле внутри России, конфисковывались в пользу казны товары и деньги[308].

В результате, ограничение возможности торговать в России только территорией Астрахани, привело к тому, что значительное число торговцев-персиян начинают обустраиваться в Астрахани, приобретать недвижимость, строить каменные дома. Персидская колония в городе выросла численно в 1670-1680-е гг. Строятся новые торговые помещения и базары. Многие персияне начали заниматься ростовщичеством, постоянно пребывая в городе. А для торговли внутри России стали нанимать русских приказчиков[309].

Во второй половине XVII в. Астрахань стала основным пунктом российско-азиатской торговли, большинство оборотов ее приходилось на этот город-ярмарку. Многие купцы перешли к постоянной форме торговли. К концу XVII в. Астраханская ярмарка для Персии и Закавказья становится важнейшим пунктом международной торговли. Товарооборот здесь был очень значительным. Некоторые персидские купцы заключали сделки на несколько десятков тысяч рублей, о чем свидетельствуют документы тех лет[310].

В самой Астрахани русские купцы продавали восточные товары российского и европейского производства. Это была продукция ремесленного и мануфактурного производства, сельского хозяйства, а также меха и предметы роскоши. В городе в основном заключались оптовые сделки.

В целом, в XVII-XVIII вв., Астрахань была и одним из важнейших центров мировой транзитной торговли[311], безусловно, сыграв в ее развитии значительную роль. Ведь в это время астраханская ярмарка удовлетворяла потребности Востока в европейских товарах, и, наоборот, Запада и России в восточных. Главное место в этой торговле занимали купцы из Персии –

[308] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. Москва, 1958. С.95.
[309] Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М., 1982. С.196.
[310] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. Москва, 1958. С.101.
[311] Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII в. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1995. С.12.

этнические армяне, персы и азербайджанцы. Со своими товарами, въехав в Россию через Астраханский порт, они зачастую достигали Гамбурга, Парижа, Рима[312].

Развитию астраханской торговли способствовал и большой приток таможенных пошлин в российскую казну от ввозившихся товаров. Прибывая в город, каждый иностранец обязан был «объявить» в таможне ассортимент, количество и стоимость товаров. И с этой, «объявленной» стоимости платилась пошлина. Поэтому чем больше приезжало в город торговцев, со своим ли товаром, или с транзитным, тем выгоднее это было для российского государства.

Самым «горячим» временем года для торговли был весенне-летний период. Связано это с климатическими условиями в России, ограниченными этим временем сроками навигации по водным артериям страны. Кроме того, эти сроки для торговли были обозначены в Новоторговом Уставе 1667 г.

Все эти действия, конечно же, стали серьезным препятствием для иностранного капитала в его попытках утвердиться в российской экономике, с одной стороны; а с другой, «сподвигли» купечество, в частности восточное, к принятию российского подданства (хотя зачастую, только формально)[313].

Заметное влияние на ход торговли и взимание пошлин оказывали в XVII в. и российско-персидские дипломатические отношения. Посольства организовывались обеими сторонами и преследовали цели максимально быстрого и взаимовыгодного устранения каких-либо возникающих препятствий на пути торговых отношений между двумя странами. В 1658 г. в Москве в Посольском приказе состоялись переговоры бояр с послом персидского шаха Докулем Салиатом. Обсуждались различные вопросы, главными из которых были размеры таможенного обложения, условия обеспечения безопасной торговли и безопасного передвижения купцов по

[312] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.80.
[313] Базилевич И.В. Элементы меркантилизма в экономической политике Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. Вып.41. М., 1940.

территориям двух стран, гарантии невозможности уголовного преследования купцов по экономическим вопросам и т.д.[314]

Монархи обоих государств в течении XVII в. неоднократно обменивались «любительскими грамотами» со взаимными заверениями в вечном расположении друг к другу, братской любви а также обещаниями покровительства подданным противной стороны на своей территории. Этот факт еще одно подтверждение заинтересованности развития торговых отношений между двумя странами. Сохранилась «грамота» 1623 г. персидского шаха Аббаса Великого к русскому царю Михаилу Федоровичу с сообщением о взаимном обмене послами, которые вели переговоры «для улучшения отношений»[315].

Итогом этих переговоров стало первое известное утверждение таможенных пошлин в отношении главного предмета персидской экспортной торговли – шелка-сырца. Были определены стоимость при продаже внутри России и пошлины с транзита. При этом учитывались качество («доброта») шелка и «дальность провоза» от территории Персидского государства.

Средняя цена шелка-сырца за пуд в России составляла в начале 1620-х гг. 30 руб. за пуд. При этом стоимость увеличивалась эквивалентно росту затрат на перевозку товара. Так, в Астрахани пуд шелка-сырца оценивался в 20-30 руб. за пуд, а в Москве и Нижнем Новгороде уже в 40 руб. В Архангельске европейские купцы покупали его за 60-70 руб., а в европейских городах – 90-100 руб. за пуд. При этом на всем протяжении транзитного пути по территории России можно было продать шелк в любой момент.

Пошлина от продажи между тем была крайне низкой – от 5 коп. за пуд в Астрахани (т.е. всего 0,4%), в Архангельске пошлина составляла уже около 1 руб. (6-7%). Она могла незначительно колебаться в сторону увеличения или уменьшения. С привозимых в Россию и провозимых через ее территорию товаров с подданных шаха бралась пошлина «на общих основаниях». Такие

[314] Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII в. Дисс. … канд. ист. наук. М., 1995. С.15-16.
[315] РГАДА. Ф.77. 1662. Оп.2. Д.1. Л.42.

условия были выгодны в тот период и для российского и для персидского государств и для персидских купцов. Сам шах Аббас Великий просил русского царя Михаила Федоровича утвердить эти положения в специальном указе «навечно»[316].

В 1666 г. при посредничестве персидского шаха представители Армянской торговой компании вели переговоры уже с царем Алексеем Михайловичем о дальнейшем расширении своих торговых операций в России. Они просили содействовать развитию транзита шелка-сырца ввозимого в Астрахань через территорию России в Западную Европу. Обратно из «немецких земель» в «кызылбашские земли» просили не препятствовать провозу золотых и серебряных денег вырученных от продажи шелка. В итоге, российское правительство согласилось, и для армянских и персидских купцов была установлена 5-процентная пошлина на все товары[317].

В XVII в. большая часть пошлин, которые взимались в Астрахани с азиатских купцов, оставалась в местной воеводской казне и шла на жалование чиновникам, обустройство мест торговли, в том числе и на содержание Гостиных дворов. В результате, город - круглогодичная ярмарка, как центр международной торговли, привлекал сюда все новых и новых торговцев, число торгующих увеличивалось. Увеличивался и товарооборот, через Астрахань проходили всевозможные товары во все увеличивающихся объемах. Увеличению объемов астраханской торговли способствовал и затяжной конфликт между Персией и Османской империей, который дополнительно способствовал тому, что купцы из Персии для транзита товаров в Европу предпочитали территорию Российского государства, на которую попадали через Астрахань, в тот период – единственный восточный порт в стране.

[316] Там же. Л.43-45.
[317] РГАДА. Ф.100. Оп.1. 1667. Д.1. Л.1-52.

31 мая 1667 г. был заключен договор между Россией и Армянской торговой компанией (в которой состояли исключительно подданные шаха – как армяне, так и персияне), который внес некоторые корректировки в условия торговли в России и пошлинного обложения. Так, устанавливалось правило, по которому отныне российские власти по своему усмотрению могли в любой момент изменить цену на шелк-сырец, а пошлины взимать не деньгами, а самим товаром – шелком[318].

Власти в самой Персии были также крайне заинтересованы в развитии торговли через Астрахань, как главном пункте сбыта и транзита шелка-сырца и изделий из него. Производя и перерабатывая сотни тысяч пудов шелка, сделав его главным экспортным товаром, Персия не могла терять выгодного рынка сбыта, тем более что сама страна не могла потребить то количество шелка, которое производила.

Поэтому, в 1672 г. персидский шах Сулейман направил Алексею Михайловичу письмо, в котором высказался о своем одобрении условий договора 1667 г. между своими подданными в лице Армянской торговой компании и российским правительством. Шах также особо подчеркнул, что дает свое разрешение своим подданным на любые торговые операции в России, как в «порубежной» Астрахани, так и в «центральных городах». Также в письме содержалась очередная просьба обеспечить безопасное передвижение подданным шаха в России, как по водному, так и по сухопутным путям, помощь в аренде гужевого и водного транспорта. Шах просил предоставлять, если возможно, охрану от разбойников, помогать в найме благонадежных провожатых и работников. А в самой Астрахани просил – обеспечить персидских подданных (армян и персов) жильем, складскими помещениями, лавками для оптовой и розничной торговли. Если же куцы – подданные шаха ввиду непредвиденных обстоятельств – грабежа,

[318] РГАДА. Ф.100. Оп.1. 1666-1667. Д.1. Л.1-99; 1674. Д.2.Л.1-523.

коммерческого обмана или стихийного бедствия, несли убытки, «сумму утрат отнести на счет налоговых пошлин за провоз»[319].

Если же товары, привезенные в Астрахань, окажутся невостребованными, шах Сулейман просил обеспечить «беспрепятственный пропуск» купцов в Москву для торговли. А если товары не продавались и там, то разрешить его подданным ехать в Архангельск и далее – в «Немецкие земли». На те же, «золотые ефимки», которые будут «выручены» купцами в Западной Европе, разрешить приобретать товары в России местного производства, но при этом просил, пошлин с этих, российских товаров, уже не брать[320].

Правительство Алексея Михайловича, ввиду выгод экономических и политических, согласилось с просьбами персидского шаха, что не соответствовало, в целом, политике протекционизма и нормам, прописанным в Торговом Уставе. В результате, купцы из Персии, в России торговали на тех же условиях, что и российские купцы, что выгодно отличало их от всех иных, торговавших в России иностранцев.

В связи с тем значением, который имел шелк-сырец в структуре международной торговли в рассматриваемый период, Астрахань стала общепризнанным центром международной торговли, а также и одной из крупнейших российских внутренних ярмарок. Конечно, все эти обстоятельства способствовали социально-экономическому расцвету города. Все азиатские купцы, ввозившие товары в Россию были заинтересованы в том, чтобы оплатить таможенные пошлины в Астрахани, так как при отправке вглубь страны, пошлинные ставки увеличивались и зачастую было вообще невозможно предвидеть каков будет их размер[321].

Развитию астраханского направления торговли способствовало и то, что российские власти, со своей стороны, стремились обеспечить максимальную безопасность торговли через Астрахань. Просьбы персидских

[319] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.89-90.
[320] Там же. С.92-95.
[321] РГАДА. Ф.100. Оп.1. 1667. Д.1. Л.34-38.

торговцев об обеспечении безопасности торговых путей (прежде всего Волжско-Каспийского), направлялись на самый высокий уровень. Так, в 1672 г. на имя царя Алексея Михайловича было направлено письмо за подписью 23 купцов – подданных шаха, которые просили дополнительных гарантий безопасности при проезде их с товарами по территории Московии. Они писали, что в предыдущем году не осмелились отправиться с товарами в Астрахань, так как боялись нападений «воровских казаков». Но готовы отправиться в путь в этом году, если получат подтверждение, что путь безопасен и в городах на Волге ведется торговля[322]. Как видим, здесь сказались последствия Разинского восстания, которое непосредственно затронуло и Астрахань и персидские провинции на Каспии (т.н. «поход за зипунами» в Персию – Р.П.)[323].

Опасения купцов, да и, в целом, шахского правительства, были небезосновательными. В результате набегов «воровских казаков, кои в море на стругах ходили», купцы из Персии периодически несли серьезные потери. Персы как могли боролись с тем, чтобы эти казаки «шахову землю не разоряли», но достаточных сил для эффективной борьбы не имели. Ну и апогеем стало, конечно, восстание Степана Разина, во время которого были ограблены купцы, не только находившиеся в прикаспийских провинциях, но и те, кто имели торговлю и проживали в Астрахани.

Некоторые азиатские купцы в городе были захвачены в плен (за них затем требовали выкуп) или убиты, торговые предприятия были разграблены, причем российские власти и старосты дворов, в итоге, даже не могли подсчитать точную сумму убытков. Разорены были не только мелкие и средние торговцы, но и крупные оптовики, которые в большинстве своем так и не смогли после подавления восстания возобновить торговлю, даже несмотря на то, что российское правительство некоторым пострадавшим компенсировало убытки.

---

[322] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.90-91.
[323] Марков А.С. Забытые страницы. М., 1984. С.30.

Новая эпоха в истории России, как известно, началась в правление Петра I. Принесла она существенные изменения и в область таможенной политики. В 1717 г. царь-реформатор посетил Францию и понял, что для развития мануфактурной промышленности в своей стране следует отказаться от некоторых архаичных, закрепленных в таможенном законодательстве, норм. В частности, нужно было принять новые нормы, которые бы привели к удешевлению сырья, поощрению «отпуска» мануфактурных изделий, развитию торгового судоходства, созданию торговых компаний для внешней торговли, поиску рынков дешевого сырья и выгодного сбыта своей продукции и т.д.[324]

В итоге, эти мероприятия в период правления Петра I были осуществлены и привели к становлению мануфактурного производства в России в самых разных отраслях. В Астрахани в этот период возникли хлопко- и шелкоткацкие предприятия, хозяевами которых выступали, в основном, персы (российско- и персидскоподданные). Эти мануфактуры, как никакие другие, соответствовали установке, которая была дана Мануфактур-коллегии: строго контролировать, чтобы мануфактур было немного и были они небольшими по размеру; и чтобы продукции в них производилось «не избыточно» – исключительно для российских потребностей[325]. Вообще реформатора, охваченного идеями меркантилизма, до 1723 г., не интересовали возможности экспорта продукции российских мануфактур за границу[326], считая, что российские производители должны быть ориентированы только на внутренний рынок.

А в 1723 г., после путешествия по России, посещения, в том числе, и Астрахани, император пришел к выводу, что русское мануфактурное производство находится в неудовлетворительном состоянии, и очень, к тому же, страдает от иностранной конкуренции. В связи с этим он пересмотрел свое отношение к вопросу и инициировал создание Таможенного Тарифа

[324] ПСЗ РИ-I. Т.5. №№2789, 3405; Т.6. №№3526,3710, 4002.
[325] Регламент Мануфактур-коллегии. Ст.8, 22.
[326] ПСЗ РИ-I. Т.5. №2789; Т.6. №№3526,3710.

1724 г., протекционистского по своему характеру. Тариф этот, призван был изменить ситуацию[327]. Но введен он был только для торговых пунктов по западной границе[328].

В отношении восточной торговли актуальными остались положения Новоторгового Устава. Транзитная торговля через территорию России была запрещена. Не было также отдано предпочтение ни одному азиатскому государству. В 1717 г. был заключен договор между Россией и Ираном (первое официальное двустороннее соглашение между двумя странами), но он давал торговые преимущества русским купцам. Последние получили право продажи товаров в Иране с условием уплаты пошлины, наравне с иранскими и армянскими купцами. В России пошлина уплачивалась только с ввозившихся в страну товаров. Товары, которые вывозились из России, пошлиной не облагались.

После кончины Петра Великого, Верховный Тайный Совет, который фактически стал правительством в стране, приступил к пересмотру тарифов с целью поощрения российской промышленности и торговли. Всего за год действия Тарифа 1724 г., стало очевидным, что он не выгоден российской казне и объективно приводит к сокращению объемов торговли через Астрахань, так как вывоз сырья и полуфабрикатов здесь был неактуален. В 1726 г. были снижены пошлины на некоторые виды товаров, в 1729 г. начали разрабатывать новый Тариф и он вступил в силу в 1731 г.

В соответствии с положениями тарифа 1731 г., импортные и экспортные пошлины по европейской границе были снижены. В Астраханской таможне с вывозившихся товаров были установлены те же пошлины, что и в других таможнях, а с ввозимых восточных – 5% со всего, вне зависимости от вида товаров. Льготы получили и персидские (восточные) купцы. Если все торгующие в России иностранцы платили 50% от всех товаров (и ввозившихся и вывозившихся), то «азиатцы» - всего лишь 5%.

[327] ПСЗ РИ-I. Т.7. №4431.

[328] Козинцева Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа // Проблемы источниковедения. М., 1952. С.82.

При этом при перевозке товаров на кораблях, принадлежавших российским подданным, и русские и иностранцы дополнительно платили в казну 0,25% с товаров[329]. В 1750 г. специальный Указ подтвердил эти положения[330].

В декабре 1743 г. был принят указ, который специально защищал астраханскую торговлю шелком (а сосредоточена она была в основном на персидском направлении), был запрещен ввоз шелка-сырца, шелковых материй и изделий из них через европейскую границу в Россию[331]. Уже 13 мая 1744 г. этот указ был дополнен, теперь персидским купцам было разрешено ввозить шелк в Россию через Астрахань беспошлинно и в любых объемах[332], пошлины взимались лишь в том случае, если шелк и изделия из него шли транзитом в Европу. 14 мая и 7 сентября 1747 г. были приняты еще два указа, которые разрешили персидским купцам покупать и вывозить из России любые товары, если они были приобретены на деньги, полученные от продажи шелка. Русские купцы, купившие шелк у персов, получали право беспошлинно вывозить его в Европу[333]. По сути, здесь впервые российское законодательство продемонстрировало, что больше не рассматривает торговлю шелком и его транзит в Европу через российскую территорию исключительной прерогативой армянского купечества, оно давало возможность заработать «природным» российским и иранским купцам[334].

В 1740-е гг. вновь возник вопрос о необходимости разработки специального, Астраханского Тарифа. В.Н. Татищев, бывший тогда астраханским губернатором, представил в Сенат в 1743 г. «Рассуждение о проекте тарифа для Астраханского порта»[335]. Проект, который составил сам губернатор, консультируясь с российскими, индийскими и армянскими (в

---

[329] ПСЗ РИ-I. Т.13. №9751.

[330] Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от давних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. СПб.,1781–1788. С.234.

[331] ПСЗ РИ-I. Т.11. №9026.

[332] ПСЗ РИ-I. Т.12. №9361.

[333] ПСЗ РИ-I. Т.12. №9404.

[334] Юхт А.И. Восточная торговля России в 30-40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов //Известия АН Армянской ССР. – 1956. - №8. - С.43-56.

[335] Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750 гг. // Научное наследство. Т.14. М., 1990. С.291-296, 363-368.

руках которых тогда была сосредоточена торговля с Персией) купцами, отложился в делах Комиссии о тарифах при Коммерц-коллегии[336].

В проекте Астраханского тарифа, составленном в феврале-марте 1744 г., прежде всего, проявлялась забота о развитии торговли с Персией, а затем и «другими восточными странами». Предлагалось освободить от пошлинного обложения ввозимое сырье, необходимое российской промышленности, лекарственные средства, золото, серебро и драгоценные камни. Небольшой пошлиной обложить ввозившиеся «не очень нужные», но не производящиеся в России товары – хлопчатую бумагу, медь и т.п. Средней пошлиной – сладости, восточные ткани, медные изделия и т.д. И, наконец, максимальной пошлиной – товары, которые могут составить конкуренцию российским производителям, например хлопчатобумажные ткани низкого качества.

Также предлагалась градация пошлин и для экспортировавшихся из России в Персию товаров. Беспошлинный вывоз предполагался для «ненужных внутри России» товаров – вина, европейских изделий, казенной соли. Небольшой пошлиной следовало облагать «все русские товары, если их в стране избыток». Средней – продукты питания, меха. Высокой – сельскохозяйственные товары, товары казенной монополии, сталь, медь и т.д. И, наконец, предлагалось, некоторые товары совсем исключить из списка дозволенных к вывозу из страны. Это – золото, серебро, корабельный лес, всякое оружие и т.п.

Вывозить драгоценные металлы запрещалось исключительно только по Астраханской таможне. Здесь было явно выражено стремление властей сделать баланс торговли на этом направлении положительным для России, так как на всей западной границе баланс был и так в ее пользу. Новоторговый устав создавал условия для сосредоточения драгоценных металлов и монеты в стране, с целью дальнейшей чеканки и перечеканки, что было крайне выгодно для казны.

[336] РГАДА. Ф.397. Оп.1. Д.407. Л.427-447об.

Последнее запрещение было связано с тем, что российское правительство всерьез опасалось военно-политического усиления Персии, в связи с чем, не желало осуществлять в эту страну поставки оружия, корабельного леса, продукции металлургической промышленности, которые могли бы быть использованы для строительства и вооружения флота. В.Н. Татищев, со своей стороны, считал, что это неправильный подход и торговля этой группой товаров не приведет к усилению Персии, а лишь увеличит обороты российско-иранской и вообще российско-азиатской торговли[337]. В качестве астраханского губернатора он очень хотел, чтобы основными участниками внешней торговли на астраханском направлении стали российские купцы, которые тогда не могли конкурировать с восточным купечеством. Он надеялся, что принятие Астраханского тарифа поможет вытеснить из нее армян, среднеазиатских купцов и персов. Но российские власти по другому оценивали ситуацию. Поэтому предложение Татищева принято не было. Все же некоторые идеи проекта были использованы в таможенном законодательстве второй половины XVIII в.

В 1753 г. внутри Российской империи были отменены таможенные пошлины, которые являлись серьезным препятствием на пути завершения формирования всероссийского рынка. Вместе с тем, пограничные таможенные пошлины были приведены в систему[338]. Вместо внутренних пошлин по всем сухопутным и морским границам империи 22 декабря 1753 г. была установлена единая 13% пошлина[339]. 23 мая 1754 г. были установлены пошлины по Астраханской таможне[340].

Согласно новому закону, с отпускных в Персию товаров российского производства брали портовую пошлину в размере 13% и акциденцию, которая составляла 5%. С привозимых товаров платилась также портовая пошлина 13%. Иностранные купцы также, если желали ехать внутрь России

[337] Юхт А.И. В.Н. Татищев и экономическое развитие в России в первой половине XVIII в. // История СССР. – 1986. – №3. С.81-98.
[338] ПСЗ РИ-I. Т.13. №10164.
[339] ПСЗ РИ-I. Т.13. №10165.
[340] ПСЗ РИ-I. Т.14. №10240.

и сами продавать привезенные товары, должны были уплатить еще 10% со стоимости товаров. Пошлиной не облагался шелк-сырец. Астраханский Таможенный Тариф, принятый 1 декабря 1755 г. действовал до начала XIX в.[341].

В целом, принятие этого Тарифа, который в перспективе должен был увеличить объемы российско-азиатской торговли на астраханском направлении, желаемого эффекта не дал. В 1770 г. всего в России собрали 3,1 млн. руб.[342] таможенных пошлин, из которых лишь 20 тыс. руб. – пошлины по Астраханской таможне[343]. Связано это было с успешным решением Российской империей целого ряда геополитических задач во второй половине XVIII в., присоединением новых территорий и потерей Астраханью статуса главных восточных торговых ворот государства. Начало присоединения Казахстана и появление новых торговых центров – Оренбурга и Троицка, а самое главное – присоединение Крыма и обретение Черноморских портов, открыло России новые, доселе невиданные возможности развития восточной торговли. Объемы астраханской торговли стремительно сокращались, угасал и интерес к ней со стороны российского и армянского купечества. Очень быстро освободившуюся нишу в астраханской внешней торговле занимают персияне.

В 1780-1790-е гг. российское правительство постепенно шло на уступки в отношении торговых интересов Персии по астраханской торговле. В 1782 г. был разрешен вывоз оружия, пороха, железа и меди[344]. В 1798 г. разрешили вывозить серебряную монету, олово и хлеб[345]. Существенной уступкой в отношении персидского купечества стал вопрос об уплате таможенной пошлины ефимками.

Дело в том, что по положениям российских тарифов XVIII в. следовало взимать таможенные пошлины с иностранцев ефимками

[341] ПСЗ РИ-I. Т.14. №10486.
[342] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.601. Л.42об. - 82об.
[343] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.154. Ч.1. Л.17об. -19.
[344] ПСЗ РИ-I. Т.21. №15441.
[345] ПСЗ РИ-I. Т.25. №19792.

(западноевропейскими серебряными талерами, которые использовались русской казной для внутри- и внешнеторговых расчетов). Но с 1750-х гг. количество этих денег значительно уменьшилось, их практически не было в обращении на восточных рынках, что вызывало затруднения у азиатских купцов. Пошлины стали собирать иранской или русской серебряной монетой, но персидские купцы при этом неоднократно просили российские власти разрешить перейти на медные монеты при уплате пошлин. И в 1786 г. просьбы торговых людей были удовлетворены, таможня перешла на сбор пошлин медной монетой (5 копеек с каждого рубля). Но в 1797 г. вышло распоряжение собирать пошлины с персидских купцов российской золотой или серебряной монетой[346].

Все эти мероприятия показывают, что таможенная политика Российского государства на астраханском направлении в течении XVIII в. была целиком подчинена политическим интересам, без учета экономических реалий и возможных выгод. В контексте этой политики российское правительство также упорно делало ставки на российское и армянское купечество (которые представлялись надежными союзниками в деле геополитического продвижения на азиатские территории). Но в последние десятилетия XVIII в., в связи с расширением границ империи и появлением новых торговых центров с азиатскими странами, Астрахань превращается в центр торговли преимущественно с Персией. И власти постепенно пересматривает свою таможенную политику. Это, в итоге, привело к тому, что персидские купцы завоевали ведущие позиции во внешней российской торговле через Астрахань, наступил их «золотой век», продлившийся около пяти десятилетий.

При этом, ориентация именно на русское купечество в астраханской внешней торговле в XVIII в., не было так ярко выражено, как на других направлениях. Дело в том, что в переселенческом регионе русское купечество практически не успело сформироваться, оно не могло

[346] ПСЗ РИ-I. Т.24. №17966.

конкурировать с торговцами из Азии, так как в восточных мусульманских государствах местные жители привыкли иметь дело только со своими единоверцами. В 1743 г. губернатор В.Н. Татищев, в уже упоминавшемся нами ранее проекте, отмечал, что русское купечество в Астрахани имеет очень слабые позиции и не может составлять конкуренцию азиатскому[347].

В связи с изменением границ Российской империи и роли Астрахани в международной торговле в 1780-1790-е гг., впервые встает вопрос о необходимости определения подданнического статуса азиатского купечества в Астрахани. В течении XVIII в. все купцы, торговавшие и постоянно проживавшие в Астрахани, в делопроизводственной документации делились на три категории: 1) азиатское, записанное в российское подданство; 2) азиатское, не записанное в российское подданство; 3) «природное» российское». От того, к какой категории относился купец, зависели и его возможности участия в международной торговле.

К середине XVIII на законодательном уровне были закреплены привилегии отдельных этнических категорий купцов в торговле с Персией, а именно армян и индийцев. Специальные указы 1711, 1723, 1724 и 1726 гг. регулировали права армян[348]. Петровские указы 1720 и 1722 гг. – права индийцев[349].

Через два десятилетия, 13 апреля 1744 г. вышел указ, который был направлен на привлечение азиатского купечества к постоянному проживанию в Астрахани[350]. Персидским купцам было разрешено вступать в российское подданство, при этом российские власти гарантировали сохранение тайны перед иранской стороной. То есть, фактически Россия пошла на предоставление двойного подданства. При условии вступления в российское подданство разрешалось заводить фабрики (мануфактуры) в городе. При этом, персиянам, армянам, индийцам и татарам Гилянского,

[347] Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750 гг. // Научное наследство. Т.14. М., 1990. С.291-296.
[348] ПСЗ РИ-I. Т.18. №№11019, 11020.
[349] Русско-индийские отношения в XVII в. Сб. документов. М., 1958. С.19.
[350] ПСЗ РИ-I. Т.12. №8919.

Агрыжанского и Бухарского дворов разрешалось судиться между собой «на своих основаниях».

Указ от 5 августа 1745 г. более подробно расписал права восточных купцов, принявших российское подданство[351]. Над ними устанавливалось непосредственное покровительство местного губернатора, они автоматически получали права предоставленные российскому купечеству, но при этом не выполняли гражданские повинности («службы»). В случае, если персиянин хотел выехать из России, он платил в казну 10% от объявленного капитала. Указ 1 февраля 1756 г. запретил персидским (и иным восточным) купцам, не вступившим в российское подданство, осуществлять торг с любыми иностранными купцами на территории Российской империи[352].

В правление Екатерины II меры по привлечению иностранного купечества к вступлению в иностранное подданство были усилены. В соответствии с указом от 31 июля 1762 г. иностранцы, вступившие в российское подданство, получали привилегии на 30 лет: им разрешалось беспрепятственно «заводить фабрики и заводы» на территории города и около него, они освобождались на этот срок от податей и налогов[353]. Не вступившие в российское подданство купцы не имели привилегий, кроме тех общих, которые предоставлялись Таможенными Тарифами.

Российское законодательство второй половины XVIII в., делая преференции астраханскому купечеству принявшему подданство всех национальностей в целях развития восточной торговли, отдавало явное предпочтение армянам. В 1760-1770-е гг. они получили свой торговый суд в городе, право строить и содержать торговые корабли для перевозки коммерческих грузов на Каспийском море, им было разрешено строить дома – постоялые дворы в Астрахани[354]. В конце 1790-х гг. был открыт специальный ссудно-сберегательный банк для астраханских армян с целью

[351] ПСЗ РИ-I. Т.12. №9311ю
[352] ПСЗ РИ-I. Т.15. №10503.
[353] ПСЗ РИ-I. Т.16. №11630.
[354] ПСЗ РИ-I. Т.17. №12307; Т.18. №13384; Т.19. №14195.

«поддержания их состояния»[355], по специальному Указу и «Жалованной грамоте» 1785 г. армяне получили равные с русскими купцами права и привилегии, освобождались от постоя и других городских повинностей[356].

Несмотря на все эти усилия со стороны правительства, армяне с 1780-х гг. постепенно отходят от внешнеторговой деятельности. Наряду с русскими купцами, армянские активно вкладывают свои капиталы в развитие рыбной промышленности: добычу, переработку и продажу рыб и икры осетровых пород, дававшую миллионные прибыли. В результате в Астрахани сложились знаменитые купеческие рыбопромышленные династии армянского происхождения: Лианозовы, Панаевы, Дадашевы, Франгуловы, Калустовы, Сергеевы, Григорьевы, Агамжановы, Мизандронцевы, Агамовы, Алабовы, Агабабовы, Федоровы, Асатуровы, Поповы и другие[357]. Внешняя торговля через Астрахань становится в эти годы перспективным полем приложения сил для персидского купечества, чем оно не преминуло воспользоваться.

Купцы-мусульмане российским правительством в астраханской торговле представлялись исключительно как агенты в торговле с государствами и территориями Средней Азии. В силу крайне слабого развития этнографических знаний и следуя устоявшейся традиций всех мусульман называть «татарами», всех торговавших при астраханских Гостиных дворах (кроме индусов и армян) власти называли именно татарами. Хотя из названий самих дворов – Гилянский, Бухарский, нам понятно, что население этих дворов, татарами в этническом отношении не были. Первые были в основном, азербайджанцами (из Южного и Северного Азербайджана), вторые – сартами-узбеками. Жители третьего двора – Агрыжанского – это потомки от браков индусов-мусульман с местными юртовскими татарками. Также как и армяне, все эти «татары», в случае вступления во временное или

[355] ПСЗ РИ-I. Т.20. №14853; Т.24. №17860.
[356] ПСЗ РИ-I. Т.25. №19169.
[357] Васильева Е.А. История становления полиэтничного состава населения Астраханского края // Русские древности. Сборник научных трудов. К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. Труды исторического факультета СПбГУ. Т.6. СПб., 2011. С.340.

постоянное российское подданство получали льготы и привилегии в торговле.

Эти астраханские «торговые татары» 13 января 1765 г., специальным Указом императрицы Екатерины Второй получили право на организацию собственного Азиатского суда, судопроизводство в котором осуществлялось на «собственных их обычаях». Судьями становились избиравшиеся от каждого двора наиболее уважаемы 2-3 купца[358]. 25 августа 1771 г. другим Указом императрицы, татары Трех Дворов были освобождены от городских податей и повинностей, кроме постойной[359].

14 июля 1797 г. на основании еще одного Указа было создано Астраханское городское общество татар Трех Дворов, и статус этой категории торгующих людей как «вечных» подданных российской короны был окончательно закреплен в российском законодательстве. Те, кто обладал капиталами и желанием, записались в астраханское гильдейское купечество. Остальные были «причислены» к астраханскому мещанству. Недоимки, которые накопились за последние два десятилетия XVIII в., были «прощены»[360].

Особой категорией продолжало оставаться азиатское купечество, не вступившее в российское подданство. В течении всего XVIII в. в отношении них продолжало действовать петровское законодательство и положения Таможенных Тарифов. 18 марта 1786 г. российское законодательство установило порядок отправления судопроизводства для азиатцев – не российских подданных через систему судов, организованных по национальному принципу – для каждой нации отдельный суд[361]. Но спустя 14 лет, в ноябре 1800 г., было предписано разбирать дела этих купцов (не вступивших в российское подданство) только в специальных третейских

[358] ПСЗ РИ-I. Т.17. №12307.
[359] ПСЗ РИ-I. Т.19. №13647.
[360] ПСЗ РИ-I. Т.26. №18042.
[361] ПСЗ РИ-I. Т.22. №16356.

судах, без различия национальной и подданнической принадлежности[362]. По сути, это был принуждающий вступать азиатских купцов в российское подданство, закон. Ведь для их соотечественников, вступивших в российское подданство, как мы видели, система национального судопроизводства по не уголовным делам не только сохранялась, но и развивалась.

Вместе с тем все эти «послабления» в отношении азиатского купечества не мешали российским властям лоббировать и продвигать интересы русских купцов. До 1740-х гг., в силу ряда объективных причин (недостаточность капиталов, архаические методы торговли, неуверенность в личной и экономической безопасности и т.д.), русские купцы были мало задействованы в астраханской внешней торговле[363]. Но затем, с принятием новых Таможенных Тарифов, имевших ярко выраженный протекционистский характер, наблюдается активизация российских предпринимателей. Вопрос покровительства русским купцам, торговавшим через Астрахань с Востоком, был неразрывно связан с необходимостью развития отечественной мануфактурной промышленности.

Российские власти в середине XVIII в. помимо реализации покровительственной таможенной политики приняли решение о создании сразу трех торговых компаний в Астрахани с целью усиления участия русских купцов в торговле с Востоком: «Астраханской мореходной компании», «Компании персидского торга», «Коммерцествующей по левую сторону Каспийского моря» графа Воронцова[364].

Эти три компании, по мысли российских экономистов, призваны были в течении 2-3 десятилетий монополизировать астраханскую внешнюю торговлю. Предполагалось, что первая компания объединит всех русских владельцев торговых судов и сконцентрирует у себя все коммерческие перевозки. Никто кроме членов компании не мог осуществлять перевозку

[362] ПСЗ РИ-I. Т.26. №19656.
[363] Юхт А.И. Торговые связи России со странами Востока в20-40-х гг. XVIII в. В кн.: Историческая география России в XVIII в. Ч.1. М., 1981. С. 112-113.
[364] Он же. Торговые компании России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т.111. М., 1984. С. 238-295.

товаров по Каспию, торговать продуктами питания[365]. Две другие поделили между собой территории, прилегающие к Каспийскому морю. Персидская компания торговала в Иране и Закавказье, компания Воронцова – в Средней Азии[366].

Но уже к началу 1760-х гг. стало понятно, что эти планы, по меньшей мере, несостоятельны. Продолжали торговлю восточные купцы, некоторые российские купцы и вельможи хотели таких же привилегий, как и граф М.И. Воронцов, из привилегий самих компаний российское правительство постоянно делало «изъятия». В итоге русским купцам стала очевидна огромная выгода от рыбопромышленности. И 31 июля 1762 г. Указ Екатерины Второй отменил монопольные права и привилегии компаний и ввел свободу международной торговли, разрешил любому российскому подданному строить торговые суда и перевозить на них товары[367].

Гильдейская реформа 1775 г. была призвана упорядочить структуру российского купеческого сословия. Вступление в любую из трех гильдий российского купечества было свободным и предполагало ежегодную уплату «гильдейских денег» - 1% налога с объявленного по гильдии капитала. Любой свободный человек теперь, уплатив положенные деньги, мог стать членом купеческого сословия. Купцы освобождались от подушной подати, их дети не подлежали рекрутской повинности. Первоначально сумма капитала по третьей гильдии была 500 руб., по второй – 1000 руб., по первой – 10000 руб.[368].

Увеличение числа желающих вступить в купечество, налоговые интересы государства привели к тому, что в 1790 г. законодательно были увеличены суммы объявляемых капиталов: по третьей гильдии – 2000 руб., по второй – 8000 руб., по первой – 16000 руб. В 1794 г. суммы были еще

[365] Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от давних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. СПб.,1781–1788. С.258-259.
[366] ПСЗ РИ-I. Т.15. №№10848, 11046.
[367] ПСЗ РИ-I. Т.23. №17223.
[368] ПСЗ РИ-I. Т.20. №14327.

увеличены: с 2 до 8 тыс. руб. для третьей гильдии, с 8 до 16 тыс. руб. для второй; с 16 до 50 тыс. руб. для первой. Купцы, объявившие капитал сверх установленного по первой гильдии становились именитыми гражданами[369].

Несмотря на все меры поддержки, русским купцам так и не удалось завоевать значимых позиций в российской внешней торговле через Астрахань. Российское правительство вынуждено было это признать и прийти к пониманию, что без азиатского купечества торговля с Востоком на этом направлении окажется в упадке. И хотя персидские купцы были главными и успешными конкурентами российских купцов, российские власти вынуждены были поддерживать иностранцев, законодательно приближая их статус к статусу российского купечества.

Таким образом, мы видим, что в XVII-XVIII вв. российское правительство, заинтересованное в развитии Астрахани как центра международной торговли со странами Востока, разработало целый комплекс правовых норм, направленных на поощрение иностранного купечества азиатского происхождения к участию в этой торговле.

Комплекс правительственных мер первоначально был направлен на поощрение торговли армянского и индийского купечества, в которых российские власти видели главных торговых агентов на азиатском направлении. Были определены нормы пошлинного таможенного обложения, приняты законы, которые поощряли иноземцев принимать российское подданство. Персидское купечество, которое было задействовано в торговле через Астрахань, поспешило воспользоваться всеми преимуществами, предоставляемыми российским правительством иностранцам.

С течением времени, к концу XVIII в., когда Персия и Закавказье станут главным, а постепенно, фактически единственным направлением астраханской внешней торговли, само Российское государство уже будет ориентироваться на купцов-персиян и максимально распространять на них поощрительные меры правового характера. Все это, в конечном счете,

[369] ПСЗ РИ-I. Т.23. №17223.

способствовало укреплению экономических позиций персиян в Астрахани и количественному росту персидской-азербайджанской общины здесь, увеличению ее роли в социально-экономической жизни города.

2.3. Влияние политических факторов и войн на развитие астраханской персидско-азербайджанской общины в XVIII – первой трети XIX в.

XVIII в. для России стал переломным, из периферийного государства она превратилась в империю и вошла в число великих мировых держав. Благодаря активной реформаторской и внешнеполитической деятельности первого российского императора Петра I, получившего прозвание Великого, Россия стала морской державой, расширила свои границы, обрела новую столицу и крупнейший центр международной торговли – Санкт-Петербург, урегулировала торговое законодательство и т.д. Российская мануфактурная промышленность получила толчок к развитию, в связи с чем, увеличился спрос на сырье и стали еще более востребованы азиатские рынки сбыта.

С 1730-х гг. началось продвижение России в Казахстан, появился новый пограничный центр торговли на восточном направлении – Оренбург. Оренбургская пограничная линия очень быстро, при поощрении российских властей, становится центром торговли со Средней Азией[370]. Со второй половины XVIII в. постепенно сокращается число караванов и торговцев из Средней Азии, прибывающих в Астрахань. Очевидным становится, что основным направлением астраханской внешней торговли отныне будут северные и закавказские провинции Ирана.

Императрица Екатерина II, тоже Великая, продолжила политику своего предшественника. Был присоединен Крымский полуостров, куда в 1780-е гг. переместился центр морской торговли России на южном направлении. Сословные реформы императрицы существенно повлияли на правовой статус различных групп населения в стране, в том числе и на купечество.

В результате всех этих геополитических событий, с начала XVIII в. постепенно изменяется положение Астрахани, в сторону уменьшения

[370] Матвиевский П.Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. – 1958 - №3. С.105.

значения, как центра российско-азиатской внешней торговли. Укрепилось положение Российской империи на Каспийском море, власти приступили к последовательной регламентации социально-правового статуса иностранного купечества, проживавшего и торговавшего в Астрахани. Изменился характер астраханской торговли, при этом, в течении века увеличился спрос на сырье из Персии. Огромное влияние на развитие персидско-азербайджанской общины в Астрахани оказали внешнеполитические события.

В правление Петра Великого главной целью российского правительства в освоении торговых путей через Астрахань с Азией являлось достижение границ Индии. Первый российский император предполагал, что Волго-Каспийский путь будет способствовать продвижению русских через Среднюю Азию к Индии. Были организованы миссии И. Бухгольца и А. Бековича-Черкасского, которые окончились провалом[371]. Во многом этой идеей было обусловлено и столкновение с Персией в правление царя-реформатора. Последовавшие за тем события напрямую способствовали возвышению персидского купечества в Астрахани и, как следствие, обретению торговой колонией персиян в городе ведущих позиций в российско-иранской торговле.

Итак, в 1722-1723 гг. состоялся успешный для России Персидский поход Петра I. 12 сентября 1723 г. в Петербурге был заключен договор, закреплявший приобретения России[372]. Все западное и южное побережье Каспийского моря отошло победителю, а над юго-восточным был установлен контроль. Одной из важнейших задач этого внешнеполитического события было то, что российский император, прекрасно осознавая все те выгоды, которая несет стране международная торговля, стремился к тому, чтобы никакая конкуренция со стороны других стран в этом регионе была невозможна, а весь объем персидского шелка-сырца шел транзитом

[371] Руссов С.В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самаркандского купца Рукавина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. СПб., 1840. С.23.
[372] Лысцов В.П. Персидский поход Петра I, 1722-1723 гг. М., 1951. С. 110, 168.

исключительно через российскую территорию[373]. Устанавливая контроль над юго-восточным побережьем Каспийского моря, Петр I также стремился к тому, чтобы по Волжско-Каспийскому торговому пути шла торговля не только с Персией, но вообще вся индоевропейская торговля, в идеале – вся индийская и китайская транзитная.

Успехи России в Закавказье встретили негативную реакцию Турции, которая стала угрожать войной. В итоге состоялся компромисс, по которому Россия сохранила за собой Каспийское побережье в Закавказье, но территория Азербайджана была разделена на две зоны влияния. Шемаха стала самостоятельным ханством под протекторатом России, Турция установила контроль над Гянджой и Карабахом. Но смерть Петра I в начале 1725 г. быстро подтолкнула Турцию к активизации своих действий в регионе по пересмотру сложившихся договоренностей. В России тогда началась эпоха дворцовых переворотов, у власти один за другим сменялись откровенно слабые монархи, которых российско-персидские дела мало волновали.

Османы захватывают прикаспийские регионы Южного Азербайджана: Мазендаран и Ардебиль, в перспективе надеясь отобрать у России все побережье. Поспешили воспользоваться ситуацией и в Персии, несмотря на весь политический хаос, который охватил эту страну в 1720-е гг. Здесь отказывались ратифицировать Петербургский договор, и фактически его статьи не соблюдались. На самом деле, после подписания договора военные действия не закончились, и русскому корпусу на протяжении нескольких лет приходилось силой подчинять отдельные районы. Так продолжалось до весны 1728 г., когда к власти пришел Надир-хан Афшар, который признал, наконец, Петербургский договор и согласился исполнять его положения[374].

Новый правитель Персии согласился подписать новый договор с Россией в Реште, 13 февраля 1729 г. Россия получила новые территории на

[373] Новая история стран Зарубежного Востока. М.,1952. Т.1. С.95; Очерки истории СССР. XVIII в. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С.606.
[374] Юзефович Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1868. С.192-195.

Каспийском побережье, а также Ширванскую область на Кавказе. Это были земли Азербайджана – Южного и Северного[375]. Мазендаран и Астрабад были возвращены персам[376]. Важнейшими для развития внешней торговли России стали статьи, которые предоставили ей право свободной торговли через территорию Персии с Бухарой и Восточной Индией.

Рештский договор стал документом, который регулировал российско-персидскую торговлю до конца XVIII в. Возвратив Мазендаран и Астрабад Персии, российская сторона в обмен выторговала льготы для российского купечества[377]. Статья 3 этого договора закрепила за российскими купцами право беспошлинно торговать на всей территории Персии, а также провозить товары транзитом в среднеазиатские ханства и Индию и обратно. Торговые суда, принадлежавшие русским купцам, могли свободно заходить во все персидские порты и выгружать-загружать там товары без каких-либо препятствий. Были предоставлены гарантии личности и имуществу российских купцов. В царствование Анны Иоанновны статьи Рештского договора, касающиеся торговли, были подтверждены Гянджинским трактатом 1735 г.[378].

Персидская сторона осознавала, что такие условия создают серьезные проблемы для торговых интересов своего купечества, попыталась насколько возможно отстоять их. Персидские купцы, в итоге, получили право беспошлинной торговли шелком в России и закупки там товаров «для шахского двора» без уплаты пошлин при предъявлении «шахских грамот и свидетельств». То есть, при подтверждении факта, что они являются торговыми агентами своего монарха. В реальности это породило практику продажи таких свидетельств персидским купцам шахскими чиновниками разных рангов.

[375] ПСЗ РИ-I. Т.8. № 5935.
[376] Юзефович Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1868. С.193.
[377] ПСЗ РИ-I Т.8. № 5935.
[378] ПСЗ РИ-I Т.8. № 6707.

Этот пункт позволил персидским купцам обходить экономические условия Рештского договора. Эта ситуация была изучена известным советским и российским историком А.И. Юхтом. Он подсчитал, что с 1739 г. персидское правительство перешло к ежегодной практике отправки в Россию больших партий товаров (преимущественно шелка-сырца), которые были записаны на имя шаха, но фактически таковыми не являвшихся. Но поставлялись они как «шахские» и поэтому пошлину с них собрать было нельзя. Уже в 1739 г. в Астрахань таких товаров было привезено на сумму около 47 тыс. руб., а в следующем, 1740 г. – на 78,5 тыс. руб. И далее, привоз все увеличивался: в 1742 г. – на 169 тыс., в 1743 г. – на 285,3 тыс. руб.[379].

Злоупотребления были настолько очевидны, что русское правительство предприняло попытку прекратить эту практику, в 1743 г. обратилось к персидской стороне с требованиями проследить за выдачей свидетельств и неукоснительно соблюдать условия Рештского и Гянджинского мирных договоров. Надир-шах отказался эти требования выполнить и, более того, напрямую нарушая договоры, приказал начать взимать пошлины с российских купцов в Персии, о чем было объявлено русскому резиденту В.Ф. Братищеву[380].

Впрочем, это было лишь официальное закрепление практики произвола в отношении русских купцов, которая царила в Персии и существенно влияла на то, что русское купечество все больше «отвращалось» от и так незначительного участия в российско-иранской торговле через Астрахань, передавая ее в руки армян и персов (азербайджанцев). Русские купцы неоднократно жаловались и местным астраханским и центральным имперским властям на то, что постоянно подвергаются «незаконным» поборам, грабежам, насилию, угрозам личной безопасности со стороны представителей официальной власти и просто разбойников.

[379] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. С.33.
[380] Там же. С.34.

А.И. Юхт подсчитал, что ущерб за десять лет действия, а на самом деле «бездействия» статей Гянджинского мирного договора для российских купцов составил 158 тыс. руб.[381.] Российские консулы не могли добиться никаких результатов по защите интересов своих подданных[382].

Еще более сложной ситуация в Персии стала после убийства Надир-шаха в 1747 г. Страну охватили феодальные войны, центральная власть фактически отсутствовала. Русские купцы практически свернули свою торговлю здесь. Да и российский посол весной 1747 г. распорядился «приостановить» всякую торговлю с Персией и Закавказьем. К началу 1748 г. на территории Южного и Северного Азербайджана (кроме Решта) не было уже ни одного русского купца[383]

Но такое положение дел не устраивало, как оказалось, самих российских предпринимателей, которые, несмотря на все риски, получали огромные прибыли от российско-персидской торговли. Поэтому, уже в 1749 г. (и в последующие годы) они обращаются в Сенат с просьбой разрешить торговлю «на свой собственный страх и риск». Объясняя свое стремление и тем, что в их отсутствие на рынке, вся торговля перейдет в руки восточных купцов[384]. В 1750 г. правительство согласилось на такие условия, тем самым, сложив с себя всякую ответственность за судьбы своих подданных[385].

Между тем междоусобицы в Персии не прекращались, государство, по сути, стремительно распадалось. Образовалось самостоятельное афганское государство. Азербайджан, и Северный и Южный, распался на самостоятельные ханства (Ширванское, Карабахское, Ереванское, Бакинское и др.). В восточном Закавказье они очень скоро стали бороться друг с другом за доминирование в регионе, и борьба эта стала главным содержанием политической истории этих ханств во второй половине XVIII в.

---

[381] Там же. С.35.
[382] Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч.2. С. 562-563.
[383] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. С.36.
[384] Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч.2. С.586.
[385] РГАДА. Ф.394. Оп.1. Д.1497. Л.1-1об.

Успех в борьбе оказался в итоге на стороне Дербентско-Кубинского ханства и местного Фатали-хана. Его территория включала северные районы современного Азербайджана и юг Дагестана, и непосредственно граничила с Россией. Фатали-хан Кубинский был сторонником союза с Россией, так как надеялся на военную поддержку со стороны северного соседа. Эти обстоятельства способствовали укреплению политических и торгово-экономических связей между двумя государствами.

Фатали-хану к концу 1760-х гг. подчинились земли северо-востока Азербайджана, от Дербента до Джавада. Северо-восточное побережье Каспия с удобными портами: Дербентом, Баку, Сальянами, оказалось под его властью. В течении XVIII в. промышленные изделия российского и европейского производства из Астрахани отправлялись преимущественно морским путем в Баку и другие каспийские порты Закавказья. В обратном направлении из этих портов в Россию через Астрахань традиционно отправлялся шелк-сырец, хлопок-сырец, ткани и изделия из них. В результате, Фатали-хан, решивший ориентироваться в своих экономических и политических интересах на Россию, сумел сделать Кубинское ханство самым значительным в Закавказье. А весной 1775 г. даже направил к Екатерине II посольство, с просьбой принять свое ханство под протекторат. Впрочем, получил отказ[386] .

Хорошие отношения с Кубинским ханством привели к подъему торговли России и Закавказья, и, как следствие, росту числа закавказских купцов – азербайджанцев в главном торговом форпосте на юге – Астрахани. Крупнейшим торговым центром на Каспии становится Баку, конкуренцию с которым, в итоге, уже в XIX в., Астрахань проиграет.

Между тем политические процессы в Закавказье в 1780-1790-е гг. развивались стремительно. Одержав убедительные победы над Турцией и присоединив Крым, Российская империя перестала скрывать свои интересы

[386] Мустафаев Дж. М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.). Баку, 1989. С. 41.

на Кавказе. В 1783 г. был подписан Георгиевский трактат с Грузией. После чего с просьбами об установлении протектората над ними к России обратились и некоторые ханы Северного Азербайджана и Дагестана, опасаясь воинственного и жестокого иранского Ага Мохаммед-хана, основателя новой персидской династии Каджаров.

В 1787 г. российская дипломатия способствовала заключению союза между Грузией и ханствами Северо-Восточного Азербайджана. В 1789 г. умирает Фатали-хан Кубинский, сильнейшее ханство приходит в упадок и оказывается на грани распада. Этим воспользовался Ага-Мохаммед-хан и летом 1795 г. он вторгся в Карабах, Ширван и Грузию. В ответ в 1796 г. начался второй Персидский поход Российской империи. Русские войска под командованием графа В.А. Зубова взяли Дербент, затем были захвачены Баку, Сальяны, Шемаха и др. Большинство ханов признали власть российской короны[387]. Но в 1797 г., новый император Павел I, отрицавший все наследие своей матери, отозвал войска из Азербайджана[388].

Между тем длительные усобицы ханов, войны с соседями, угрозы новых вторжений персидских войск, все больше склоняли элиты ханств к союзу с сильной Россией. Все это подготовило почву к включению региона в состав Российской империи, новым войнам между двумя странами в первые три десятилетия XIX в.[389].

В центральной и северной Персии относительная стабильность установилась в начале 1750-х гг., когда власть оказалась в руках Карим-хана из племени зендов, достаточно успешного и умного, как оказалось, правителя. Он правил в 1750-1779 гг. и всегда предпочитал решать конфликты путем переговоров. В результате, те провинции Персии, которые ему были подчинены, демонстрировали некоторый экономический подъем. В

[387] Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С. 144.
[388] История внешней политики России. XVIII в. М., 1998. С. 166.
[389] Окончательное вхождение Азербайджана в состав России было оформлено Гюлистанским договором 1813 г. с Ираном. Юзефович Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). СПб., 1868. С. 208-214.

1775 г. он отвоевал у османов Басру – центр международной торговли в Персидском заливе.

В этот период в Южном Азербайджане (или северных провинциях Персии), утвердились правители азербайджанского племени каджаров. На первом этапе противостояния между центром и югом победа оказалась на стороне Керим-хана, который победил в столкновении Мухаммеда Хасана Каджара, а его сына Ага-Мохаммеда приказал оскопить. Пытался подчинить все азербайджанские ханства, но ему это не удалось. Тем не менее, Керим-хан, предпринял попытку наладить торговые отношения с Россией в 1760-1770-е гг. В провинции Персии были разосланы ханские указы, в которых предписывалось чиновникам на местах не препятствовать торговле русских купцов, и всячески «помогать» их торговле внутри страны[390].

После смерти Керим-хана начался новый виток междоусобных войн за власть. Победителем, в итоге, вышел Ага-Мохаммед-хан Каджар, который сразу же начал готовиться к борьбе за Закавказье, что закончилось походом 1795 г. и упоминавшимся уже Персидским походом 1796 г.[391]. Ага-Мохаммед, вернувшись в Тегеран – новую столицу, короновался шахом, утвердив тем самым и новую династию, которая правила страной до 1925 г. Сам новый шах в 1797 г. предпринял новый поход в Закавказье, но в мае этого года был убит своими придворными в Шуше. Шахом Ирана был провозглашен его племянник Фатх-Али шах.

На правление Екатерины II пришлось развитие российского торгового мореплавания на Каспии. Именно она поняла важное стратегическое значение Каспийского моря для геополитических и экономических интересов России в регионе. Для того, чтобы торговля развивалась, необходимы были удобные контролируемые порты на побережье. С середины 1760-х гг. начинается эпоха организованных государством военных и торговых экспедиций с целью исследования акватории и побережья Каспийского

[390] Шарашанидзе З.М. Иран во второй половине XVIII века.: дис….док. ист. наук. Тб., 1971. С.74.
[391] История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. М., 2000. Т.3.С. 445.

моря[392]. Продолжались экспедиции до конца 1840-х гг., когда Россия окончательно утвердилась в качестве единственной морской державы на Каспии и на ее восточном и западном побережьях[393]

Военно-морские экспедиции, так называемое, «морское крейсерство» стали также следствием участившихся морских разбойных нападений на торговые купеческие корабли. Они наносили значительный урон российско-иранской торговле. А ведь в планах российских монархов XVIII в. была не столько торговля с Персией через Каспийское море, а, прежде всего – с Индией. В виду этой перспективы экспедиции отправлялись российскими властями к восточным и юго-восточным берегам моря, чтобы найти удобное место для российской гавани, которая должна была стать перегрузочным пунктом для товаров из Индии.

29 июня 1781 г. из Астрахани вышла военная экспедиция из четырех кораблей во главе с графом М.И. Войновичем. У него при себе было письмо к персидскому шаху Ага-Мохаммеду, с просьбой оказать поддержку российским военным в поисках места для учреждения торговой фактории и морской станции. Предполагалось, что этот пункт станет центром притяжения для индийских и среднеазиатских купцов, и начальной точкой отправления их товаров по Каспийско-Волжскому пути через Астрахань вглубь России. Предполагалось также, что сбыт российских товаров увеличится в Персии, наладится в Индии. Начальник экспедиции был подотчетен самому князю Г.А. Потемкину[394].

В Астрабад российская экспедиция прибыла через год, 30 июня 1782 г. Войнович в рапорте на имя Потемкина сообщил, что отсюда вполне возможно организовать торговлю со всеми внутренними провинциями Персии, в города Средней Азии, Афганистана и Индии. Астрабад и Мешхед в ближайшем будущем «обещают превратиться в средоточие торговли всего

[392] См.: Насыров К.З. Магелланы Каспийского моря. Казань, 2022.
[393] Берг А.С. Туркмения. Т.1. История Туркмении. Л., 1929. С.85.
[394] Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения. Ташкент, 1975. С.25.

Востока»[395]. Без согласия персидского правительства российские военные приступили к строительству предполагаемого форпоста в ноябре 1782 г. «в 75 верстах от Астрабада». Но шах Ага-Мохаммед, узнав об этом, когда крепость была уже практически готова, вызвал начальника экспедиции с сопровождающими к себе и распорядился взять их в плен. Под угрозой смертной казни, члены экспедиции вынуждены были разрушить все построенные укрепления[396]. Экспедиция М.И. Войновича окончилась неудачей.

Еще до ее окончания, в октябре 1782 г., из Астрахани в Астрабад была направлена новая экспедиция во главе с капитан-лейтенантом Н.А. Бекетовым. Когда она прибыла в Персию, летом 1783 г., политические обстоятельства здесь изменились. Шах Ага-Мохаммед в противостоянии с правителем Исфахана нуждался в союзниках как никогда. Поэтому Бекетова он «принял ласково» и высказался, что всегда выступал за поощрение торговли с Россией. И даже согласился организовать «небольшую торговую компанию» из персидских купцов, в капитал которой внес 20 тыс. рублей. Также объявил своим подданным, чтобы «для торга» все купцы съезжались в Астрабад, поощрял и «поселение» их в Астрахани. Согласно документам того периода, в Астрахани, только в январе 1783 г., торговали около 50 персидских купцов[397].

При этом следует понимать, что из всего сказанного и обещанного шахом, действительным было только то, что он был заинтересован в развитии торговой персидской колонии в Астрахани, но ни при каких условиях не желал российского присутствия на своей территории. И в последние годы своего царствования (до 1787 г.) сделал все, чтобы ликвидировать русские пристани и склады в портах Сальяны, Баку, Энзили. Просил он об этом и русское правительство, якобы из-за того, что для российской казны они исключительно убыточны, а все услуги по выгрузке,

[395] РГВИА. Ф.52.Оп.I/194. Д.244. Л.33,37.
[396] Там же. Л.46.
[397] РГВИА. Ф.52. Оп.I/194. Д.288. Л.5.

хранению и погрузке товаров вполне может выполнять персидская сторона самостоятельно[398].

Последней попыткой использовать Волжско-Каспийский путь как плацдарм для развития торговли с Индией, с целью последующего вытеснения отсюда Англии, был предпринят Павлом I в конце царствования. В феврале 1801 г., по приказу императора, начался «индийский» поход казачьих полков[399]. Как показывают современные исследования, он являлся часть совместного плана Павла и Наполеона по завоеванию всего Индостана. Если бы оно состоялось, это, конечно же, серьезно подорвало позиции Великобритании и изменило расклад сил в мире.

Планировался даже совместный российско-французский поход из Астрабада в Индию, численностью союзных войск в 70 тыс. человек. Но Павел решил, что сможет все реализовать самостоятельно. И в феврале 1801 г. казачий корпус под командованием генерала В.П. Орлова выступил из Астрахани в поход. Но 11 марта Павел был убит, а 12 – его сын, Александр I, приказал казакам повернуть обратно. Новый император считал это военное предприятие чистой авантюрой, Индия его не интересовала[400]. Он и его преемники сосредоточились на Закавказье и Средней Азии.

Планы Павла I были неприкрытой авантюрой, так как всему миру было понятно, что после 1799 г., когда Индия фактически превратилась в колонию Великобритании, всякие мечты о налаживании торговых связей с этой страной России следует оставить. Это привело к заметной активизации Российской империи в Закавказье (и в политическом и экономическом отношениях) и тому, что торговля с Ираном и Закавказьем через Астрахань в первой половине XIX в. достигла максимальных значений[401]. Торговые отношения со Средней Азией также активизируется, но центр ее сместился

---

[398] Там же. Л.2.

[399] Загородникова. Т.Н. Индийский поход русской армии // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2004. - № 3. - С.134-142.

[400] Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М: 1997. С. 34.

[401] Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. М., 1991. С.88.

восточнее Астрахани, на Оренбургскую линию[402]. Кроме того, с 1810-х гг. Россия приступила к завоеванию этих территорий.

Ушел в прошлое XVIII в., вместе с ним ушли в прошлое великие планы российских монархов по проникновению в Индию. Практически прекратилась и торговля индусов в Астрахани, их торговая колония – Индийский Гостиный двор уже в 1770-е гг. приходит в упадок, а в первое десятилетие нового XIX в., индийских купцов в Астрахани уже совсем нет. Между тем геополитические интересы Российской империи в этом веке сосредоточились на государствах и территориях, прилегавших к Каспийскому морю – Закавказье и Средней Азии. И, по-прежнему, для России была важна торговля с Персией. Эти обстоятельства способствовали дальнейшему развитию шиитской персидско-азербайджанской общины в Астрахани.

Как мы отмечали выше, междоусобицы охватили Персию и Закавказье во второй половине XVIII в. Они, конечно же, отрицательно сказывались на развитии торговых отношений между двумя странами, но никогда при этом торговля не прекращалась. Даже во время Персидского похода 1796 г. и двух русско-персидских войн первой трети XIX в. При этом русские купцы моли торговать только в прибрежной зоне, а порой, только в портах на западном и южном побережье Каспия. Проезд в азербайджанские ханства и внутренние провинции Персии был крайне опасен и практически невозможен. Не совсем безопасно, впрочем, было и в портах.

Российское правительство прекрасно понимало роль персиян в развитии российско-иранских экономических отношений. Тем более, что все главные торговые пути из Астрахани в азиатские страны вели через Персидские владения. Астраханское направление торговли в официальных документах XVIII в. часто называлось Каспийским. Действительно, основная торговля на этом направлении велась в портах этого моря, а на берегах существовало два централизованных государства - Россия и Персия. И

[402] Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (II половина XVI-XIXв.). Ташкент, 1964. С.74.

поэтому торговля эта велась в интересах обоих государств и осуществлялась торговцами этих стран.

Сохранились документы российских дипломатических миссий в Персии, вернее донесения консулов и резидентов XVIII в. В них они постоянно доносили о том, что русские купцы и армяне в Персии постоянно подвергаются притеснениям со стороны официальных лиц и нападениям разбойников, которые нередко также находятся под покровительством этих официальных лиц[403]. Асессор Н. Черкасов, находившийся в Энзели в качестве резидента во время междуцарствия и борьбы за власть, последовавших за смертью Надир-шаха, в 1748-1749 гг., сообщал в коллегию иностранных дел о захвате русских купцов и армян из Астрахани[404]. Консул при шахском дворе П.М. Чекалевский (1752-1759 гг.) в своих донесениях подробно перечислял все обиды и притеснения, которые в Персии чинились российским подданным – купцам[405], особенно в Мазендаране[406].

Следующий российский консул И.А. Игуменов предложил перевести всю российскую торговлю в порт Сальяны из Энзели, который находился во владениях кубинского Фатали-хана, благосклонно относившегося к развитию торговых отношений с Россией[407]. Поверенный в консульских делах в Персии в Энзели И.У. Ванслов в 1777-1780-х гг. также неоднократно докладывал начальству о притеснениях русских купцов[408]. Консул И.В. Тумановский в первой половине 1780-х гг. сообщал о притеснениях русских в Реште[409].

Консульские миссии в Персии, в числе прочих обязанностей, должны были всячески способствовать тому, чтобы «никаких обид купечеству российскому не чинилось». Иногда что-то удавалось смягчить. Но, в целом, персидские власти не были заинтересованы в торговле русских и армянских

[403] Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899.
[404] ГААО. Ф. 394. Оп.1. Д.1497. Л.1-1об.
[405] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.616. Л.1-90.
[406] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.619. Л.1-12.
[407] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.637. Л.1-10.
[408] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.252. Л.1-3.
[409] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.651. Л.1-95.

купцов и всячески покрывали произвол, а порой и сами выступали его источником. Например, была установлена завышенная цена на шелк-сырец, ниже которой покупать русские не могли. В результате торговля становилась просто невыгодной для них. С 1777 г. торговля в Энзели шелком для русских совсем прекратилась, так как здесь цена на него была установлена 165 руб. за пуд, а персидские купцы привозили шелк в Россию и продавали его в Москве по 140 руб. за пуд, в Астрахани – дешевле.

Рештский правитель брал у русских купцов привезенные российские товары в долг, а расплачивался шелком, за который брал сверху 30 руб. за каждый пуд. Собиралась и традиционная пошлина – 5% с цены товара в прибрежных портах, а при проезде внутрь Персии еще по 1% в каждой провинции. Шахские и ханские таможенники могли произвольно сами увеличивать в любой момент пошлины. Взятки и вымогательство считались нормой, случались и грабежи.

И.У. Ванслов в 1778 г. сообщал в коллегию иностранных дел из Энзели о том, что двух российскоподданных армян Петра Васканова и Артемия Григорьева персидские власти подвергли телесному наказанию по обвинению в нарушении таможенных правил, а затем потребовали уплаты огромного штрафа – 7 тыс. руб. золотом. Консул помог купцам освободиться. Но после этого получил несколько угроз и всерьез опасался, что над ним учинят физическую расправу[410].

При этом, консулы отмечали и, в целом, положительный для России ход торговли через Астрахань с Персией. Бывший до И. Ванслова в Энзели консулом Г. Мерк, в 1776 г. писал в Коммерц-коллегию о своих хороших отношениях с местным Гедает-ханом, а торговлю с Астраханью описывал как весьма успешную и перспективную. Он отмечал, что только весной 1777 г. в Астрахань было отправлено товаров из Энзели 4578,5 пуд., в т.ч. хлопка

[410] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.251. Л.2 об.

538 пуд., «парчового товара» 810 пуд., «сорочинского пшена» (риса) 766 пуд., 1320 пуд. чернильных орехов, 754 пуд. шелка-сырца и др. товаров[411].

При том, что российские и армянские купцы главным препятствием для развития своей торговли в Персии считали царивший там произвол, сами они тоже вносили определенную лепту в создавшуюся ситуацию. Между самими купцами нередки были скандалы и раздоры. Консул М.Д. Скабиневский в январе 1799 г. писал из Энзели: «Купцы помучаемы, будучи завистью, друг перед другом унижали цены товарам, либо в долг отдавали персиянам. Судовщики также…делали друг другу подрыв[412].

Консул решил разобраться в ситуации и, насколько возможно, навести порядок в купеческой среде. Погрузка и выгрузка товаров теперь осуществлялась по очереди, были установлены фиксированные цены для «сбываемых» российских товаров. В «главном Гилянском правлении» он заручился поддержкой, что персидские чиновники не будут за взятки покровительствовать кому-либо из российских подданных, в ущерб интересов других.

Следует отметить, что М.Д. Скабиневский такие действия предпринял не «вдруг» и не самостоятельно. Когда он получил назначение возглавить консульскую миссию, ему также были переданы жесткие инструкции и чрезвычайные полномочия для их реализации. Дело в том, что в 1790-х гг. российские власти оказались всерьез обеспокоены сложившейся ситуацией в Астрахани, где главными агентами в российско-азиатской торговле, очевидно, стали персияне, вытеснив из нее к этому времени и русских и армян.

И если до М.Д. Скабиневского российские консульские службы больше внимания уделяли вопросу злоупотреблений персидских чиновников, то в его компетенции оказались вопросы, связанные с упорядочением торговли. Но, время уже было упущено. Немногие русские и армяне, участвовавшие

[411] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.252. Л.1-5 об.
[412] ГААО. Ф.1. Оп.I. Д.339. Л.1-2об.

еще в международной торговле через Астрахань все больше предпочитали в Энзели и иные персидские порты не заходить. Этому способствовало и законодательство Российской империи. В мае 1765 г. Мангышлакскому порту было даровано право беспошлинной торговли[413]. Там русские и армянские купцы могли без всяких злоупотреблений шахских властей и иных препятствий торговать с приезжавшими с товарами не только персидскими, но и среднеазиатскими купцами.

В результате, становится очевидно, что политические события в Персии и Закавказье в XVIII в., особенно во второй его половине, безусловно, мешали нормальному развитию торговых отношений через Астрахань. Но несмотря ни на что, об упадке российско-персидской торговли говорить не приходится. Для русского и армянского купечества она оказалась затруднительной, что, в итоге, способствовало возвышению персидских предпринимателей и, как следствие», росту и процветанию персидско-азербайджанской общины в Астрахани.

Рубеж XVIII-XIX вв. представляет собой очень значительный этап и в истории российского предпринимательства. Именно в эти десятилетия российское государство через законодательство успешно инкорпорирует в социально-экономическое пространство империи нерусские народы, в том числе и мусульманское купечество Волго-Уральского региона и Закавказья. В числе прочих стояла задача преодоления этноконфессиональной замкнутости торговых корпораций, подчинения их общеимперскому законодательству. Ее реализации способствовало не только развитие внутреннего законодательства, но и успешная внешняя политика, в частности, две русско-иранские войны первой трети XIX в.

До победы над Ираном и включения в состав империи Закавказья, российские власти вынуждены были мириться с ситуацией, когда персияне свободно записывались во временное астраханское гильдейское купечество, не имея ввиду, при этом, смену подданства. Торговлю персияне

[413] ПСЗ РИ-1. Т. 17. № 12400.

осуществляли наравне с российскими подданными, внутри страны и в самой Астрахани. Те же из персидских предпринимателей, которые в Астрахани селились на постоянной основе, вступали в постоянное купечество или причислялись к жителям Гилянского двора. При этом, они в России автоматически начинали считаться подданными.

Но все эти обстоятельства никак не мешали персиянам в Астрахани, при изменении каких-либо жизненных обстоятельств, свободно отказываться от любых статусов, в том числе и подданнических и сословных, покидать Астрахань и Россию, затем приезжать вновь, иногда и под другим именем. Все это порождало хаос в делопроизводстве и отчетах, которые должны были фиксировать статистические и иные данные этой группы купцов в регионе.

Очевидно, что как только стало возможно, российские власти сделали все возможное для упорядочения этой ситуации. Но, так как вопрос определения социально-правового статуса купцов-персиян в России длительное время был тесно связан с геополитическими и стратегическими обстоятельствами[414], то решение его зависело от исхода русско-иранских войн.

Войны с Персией 1804-1813 и 1826-1828 гг. привели к включению западного побережья Каспийского моря в состав Российской империи, в результате чего ближневосточные рынки стали еще ближе. Закавказье было выгодным приобретением, как в экономическом, так в стратегическом, отношениях. Русско-иранские войны были очень нужны растущему российскому капитализму, они стали частью «большого русского разлива» в Азии[415].

Мирные договоры с Персией, заключенные в 1813 г. в Гюлистане и в 1828 г. в Туркманчае, явились важнейшим шагом на пути урегулирования подданнических отношений и сословного статуса персидского купечества в

[414] Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в к.30-н.40-х гг. XIX в. М., 1975. С.6.
[415] Булгарин Ф. Рецензия на Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. полковника барона Мейендорфа. // Северный Архив. 1826. Ч.22. №№14-15. С..225-246; Карпов Н. Экономика современной Персии. Тифлис, 1928. С.162.

России и в Астрахани. Они окончательно разделили предпринимателей из двух частей Азербайджана – Южного (иранского) и Северного (российского) на «персидско»- и «русскоподданных» персиян. Такая терминология сохранялась вплоть до начала XX в.

Гюлистанский договор, был заключен 12 октября 1813 г. и завершил первую войну[416]. Важнейшим геополитическим результатом для России был пункт о монопольном праве мореплавания на Каспийском море (ст.5). В ст. 8, 9 и 10 регулировались торгово-экономические отношения, на основе «взаимности и равенства обеих сторон». Там были оговорены общий порядок и «свобода товарообмена» между двумя странами, содержались гарантии взаимного покровительства купечества обоих государств.

Устанавливалась пятипроцентная таможенная пошлина на экспортируемые и импортируемые товары. При этом, как это было вообще характерно для начала XIX в., при таможенном обложении учитывалось не место происхождения (страна) товара, а подданническая принадлежность купца, который товар перевозил через границу. Это создавало большие возможности для транзитного провоза, так как пятипроцентное обложение было гораздо выгоднее, чем европейские таможенные тарифы в Российской империи.

Гюлистанский договор зафиксировал вхождение в состав России Закавказья, и она приступила к окончательному утверждению своего политического и экономического влияния в регионе[417]. Одним из инструментов стал режим покровительства в отношении купцов-персиян (и персидского и российского подданства) в политике российских властей на всех уровнях.

Вполне закономерно было ожидать, что Гюлистанский договор, станет политической основой для успешного развития торговых отношений между двумя странами в лице национального купечества. Но в реальности,

[416] Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С.208.
[417] Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в.: Автореф. дисс. канд. истор. наук Ташкент, 1965. С.12.

важнейшие торгово-экономические положения, значившиеся в тексте договора, не соблюдались. Прежде всего, это утверждение касается пятипроцентного таможенного обложения, которое обе стороны игнорировали. До 1822 г. продолжали взиматься таможенные ставки Астраханского тарифа 1755 г. В соответствии с ним, со всех товаров в российских портах и таможнях Каспийского моря взималась пошлина 23% со всех привезенных товаров (за исключением шелка-сырца)[418]. Чтобы избежать этого, некоторые персидские купцы объявляли астраханским чиновникам о своем вступлении в российское подданство, без предъявления каких-либо подтверждающих документов, то есть фиктивно.

В феврале 1825 г. астраханский губернатор И.И. Попов отправил российскому министру финансов Е.Ф. Канкрину донесение, в котором описал ситуацию, сложившуюся в Астрахани с персидскими купцами из-за практики применения Астраханского тарифа в таможенных пунктах Каспийского моря, без учета норм обложения, оговоренных в Гюлистанском мирном договоре. К самому губернатору обратились астраханские персидские купцы, которые сообщили, что понадеявшись «на прочность трактата», приехали в Астрахань, построили дома, вступили в гильдии астраханского купечества, исправно платили пошлины. А в ответ, подвергаются обложению не в 5%, а по прежнему, в 23%, что ведет их к разорению и к необходимости вернуться на родину.

Губернатор принял сторону персиян, так как считал, что их отъезд в Персию и прекращение коммерции в Астрахани, приведет к упадку торговли в городе и самого города, как центра международной торговли. Если «продолжить существующую практику, это произойдет несомненно и это самый нежелательный вариант развития событий» для региона[419].

---

[418] Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые отношения Персии. М., 1931. С.124; Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1859, ч.1. С.166-167.

[419] РГИА. Ф.20. Оп.7. Д.183. Л.6.

Между тем экономический интерес обеих стран друг к другу в 1820-е гг. значительно вырос. В виду обострения «восточного вопроса» в начале десятилетия произошло сокращение импорта английских и турецких товаров в Персию. Правительство Фатх-Али шаха в создавшейся ситуации было очень заинтересовано в оптимизации торговых отношений с Россией. И в скором времени это привело к установлению 5%-ной пошлины на всех пограничных с Персией пунктах, как и следовало по Гюлистанскому договору[420]. И к 1823 г. наметился подъем российско-иранской торговли, среднегодовой показатель в 4,3 млн. руб. асс. в 2,5 раза превзошел показатель послевоенных 1814-1818 гг. Причем в структуре российско-азиатского импорта Персия приобретала от 40 до 60% всех российских промышленных товаров[421].

Были другие, политические, причины, почему Санкт-Петербург был не удовлетворен результатами Гюлистанского мира. И как только Персия, в надежде на реванш, начинает новую войну, российское правительство рекомендует дипломатической миссии в будущий договор с Персией внести «ряд усовершенствований»[422]. Новый договор не заставил себя ждать и был подписан 10 февраля 1828 г. в Туркманчае и к лету того же года был ратифицирован обеими сторонами[423].

Туркманчайский договор[424] состоит из двух документов: мирного трактата из 14 статей и особого дополнительного акта из 9 статей. В первой

---

[420] Русско-иранская торговля: 30-50-е гг. XIX в. Сборник документов. М., 1984. С.6-7.
[421] Астрахань-Гилян в истории российско-иранских отношений. Астрахань, 2004. С.128.
[422] АКАК, т. VI, ч. 2., с. 118-119; Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е гг. XIX в.). М., 1955. С.84.
[423] Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые отношения Персии. М., 1931. С.128.
[424] ПСЗ РИ-II. Т.2. №№1794, 1795; Юзефович Т. Договоры России с Востоком. (политические и торговые). СПб., 1869. С.214; Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пг., 1915. С.432-442; Овчинников И.А. Сборник действующих трактатов, конвенций и других международных актов, имеющих отношение к военному мореплаванию. СПб., 1901. С.61-67, 507-513; Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся вопросов частного международного права. СПб., 1889. С.41-46, 284-289; Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права. Ч.1. Киев, 1887. С.372-382; Ключников Ю, Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.1, М., 1925. С.140-141; Ивановский И. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Т.1. Ч.1. Одесса, 1890. С.471-480; Александренко В.Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774-1906).

части ст.10 мирного трактата оговаривалось, что все постановления торгово-политического характера выделяются «в отдельную конвенцию, составляющую интегральную часть всего договора в целом». Так появился Особый Акт о Торговле, который представлял собой отдельный договор о торгово-экономических взаимоотношениях и подданнических отношениях.

В ст.8 Туркманчайского договора определяла права торгового и военного мореплавания судов обоих государств по Каспийскому морю, практически полностью воспроизводя соответствующие положения Гюлистанского мира. То есть, подтверждалось монопольное право Российской империи на мореплавание по Каспию[425]. Следует отметить, что такое положение сохранялось до распада СССР в 1991 г.

Ст.3 регламентировала порядок таможенного обложения в обеих странах. Подтверждены были 5% пошлины с привозимых и вывозимых товаров[426]. Для того, чтобы эта норма стала применяться в реальности в России, еще 20 января 1827 г. (в период военных действий) был издан императорский Указ, в котором предписывалось «для поддержания торговли в Закавказском крае и в губерниях, лежащих между Черным и Каспийским морями» при провозе персидских товаров российскими или персидскими подданными через территорию Грузии в Россию и к таможенным пунктам Астраханского таможенного округа, взимать пошлину размером 5% с цены, не взимая никаких других пошлин[427].

В 1844 г. в дополнение к Туркманчайскому договору была заключена конвенция[428], которая была посвящена паспортному контролю. У купцов, осуществлявших торговлю в обеих странах, обязательно должны были быть паспорта, удостоверяющие их личность и подданство. А также особые

Варшава, 1906. С.144-154; Грацианский И. Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами. СПб., 1877. С.154-160.

[426] ПСЗ РИ-II. Т. 4. №2606.
[427] ПСЗ РИ-II. Т.2. №831.
[428] ПСЗ РИ-I. Т.19. №18242; Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими соединенными штатами. СПб., 1845. С.150.

«разрешения своего правительства на переход границы при передвижении из одной страны в другую».

В действительности, эта Конвенция нужна была больше Персии. В связи с участившимися случаями перехода купцов-персиян в российское подданство, шахское правительство было очень обеспокоено сокращением доходов казны. Подданные Российской империи пользовались экономическими и политическими преимуществами на территории Персии, что было закреплено в ст.1 Туркманчайского договора. И ст.1 конвенции на практике трактовалась как прямое запрещение подданным шаха менять подданство. Все эти противоречивые положения отразились на статусе астраханских купцов-персиян.

Российское государство, в свою очередь, в течении первой половины XIX в. сосредоточилось на сословном законодательстве, особенно в той его части, которая касалась прав и обязанностей купечества, как российского, так и иностранного. Это законодательство затронуло и персидско-азербайджанское купечество в Астрахани, так как времена «вольницы» закончились и им необходимо было определиться с подданническими отношениями, чтобы максимально выгодно использовать все преференции, которое создавало российское право для российских купцов. При этом «российскими» купцами уже считались все те, кто был в подданстве Российской империи, вне зависимости от национальности. Таким образом, российское правительство, через законодательство «понуждало» купцов-азербайджанцев стать российскими подданными.

Таким образом, бурные политические события на территории Персии и прямые военные столкновения этого государства с Россией в XVIII – первой трети XIX вв. способствовали укреплению позиций персидского купечества в российско-иранской торговле через Астрахань. В результате войн был заключен ряд мирных договоров, в которых фиксировались нормы пошлинного обложения и статус персидского купечества в России. Прямым следствием этих событий стало упрочение экономического и политического

положения персидских купцов в Астрахани, а также то, что персидское иранское направление международной торговли стало основным для региона. Естественно, основными преференциями от создавшейся ситуации воспользовалась местная персидско-азербайджанская община.

Глава 3. Социально-правовой статус и экономическая деятельность персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв.

3.1. Гилянский (Персидский) Гостиный двор в XVII – XIX вв.

В середине XVI в. падение и подчинение постордынских Казанского и Астраханского ханств привело к тому, что все течение Волги и ее устье, впадающее в Каспийское море вошли в состав Московского царства. Оно получило выход в Каспийское море, вместо разрушенного татарского города, на Заячьем бугре был заложен русский, но с тем же названием – Астрахань. Уже первым астраханским воеводам было поручено наладить постоянные торговые связи с восточными государствами и территориями Средней Азии и Закавказья, и, конечно же, с Персией.

Закавказье и Персия в следующих, XVII-XVIII вв., стали главными контрагентами российской внешней торговли на Востоке. А Астрахань, соответственно, главным торговым пунктом этой торговли в России. Кроме непосредственно-российско-азиатских торговых отношений через Астраханский порт успешно развивалась и транзитная торговля шелком и шелковыми товарами через территорию России в Западную и Центральную Европу.

В первые несколько десятилетий торговлю через Астрахань с российской стороны «направляла» казна, то есть само российское государство. Казна осуществляла большую часть торговых операций до 1630-х гг.[429] в тот период из Персии, в основном, ввозили предметы роскоши, ковры и драгоценности, и, конечно же, шелк-сырец, очень востребованный на российских мануфактурах. О чем свидетельствует С.М. Соловьев в своей многотомной «Истории России»[430].

[429] Рудных С. География Ирана. М., 1941. С.9.
[430] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т.9-10. М., 1964. С.133-134.

К началу XVII в. Астрахань в восприятии всего азиатского мира являлась крупнейшим центром мировой торговли, который привлекал торговцев из всех пограничных стран и территорий. Многие из них вели торговлю на постоянной основе, оседали в городе. С годами численность восточного купечества в городе росла. Стены внутреннего, т.н. Белого, города (то есть внутренняя территория астраханского Кремля), уже были не в состоянии вместить в себя всех желающих остаться и поселиться на достаточно длительное время. И восточные торговцы стали «обживать» Земляной город.

При этом, индийцы, заинтересованные в наращивании объемов торговли с Россией через Астрахань, были во многом «первопроходцами» в этой торговле. Именно они предложили форму существования инонациональной и иноконфессиональной торговой колонии в российском городе. Индийский Гостиный двор стал первой иностранной торговой факторией Астрахани. Вслед за индийцами свои Гостиные дворы – фактории, отстроили персидские и среднеазиатские торговцы, положив начало формированию, соответственно шиитской и суннитской мусульманских общин в городе. Уже в начале XVII в. индийские источники сообщают о том, что в Астрахани торгуют на постоянной основе купцы из Персии - «кызылбаши»[431], которые основали свой Персидский (Гилянский) Гостиный двор.

В результате, из Гостиных дворов, имевших свои территории и институты социально-религиозной жизни, сформировались этнические колонии (общины), которые способствовали созданию и развитию уникального культурно-исторического и социально-экономического облика города. Все это нашло отражение в архитектуре и инфраструктуре города, складывавшихся в течении столетий, наложило отпечаток на особенности экономической, культурной и общественной жизни в регионе.

[431] Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965. С.43.

В городе образовалось около одиннадцати слобод, по профессиональному и национальному признакам. В границах Татарской слободы как раз были построены Гостиные дворы мусульманских общин – Гилянский (Персидский), Бухарский и Агрыжанский. Жителям дворов было разрешено построить мечети и свой, Татарский, базар – Татар-базар, существующий в Астрахани и в настоящее время (с 1820-х гг. перенесен южнее)[432].

Изначально Гостиные дворы в Астрахани – это типичные караван-сараи восточных купцов при таможенных пунктах. Места, в которых можно было складировать товары, так как хранить их в частных домах горожан было запрещено под угрозой конфискации, и, найти приют на короткое время. Из доверия к своим соотечественникам и единоверцам, в караван-сараях предпочитали селиться по этническому принципу. Богатые восточные купцы, в том числе и персияне, впрочем, были довольны такими обстоятельствами, так как в собственных домах могли проводить сделки со своими соотечественниками без лишних свидетелей.

Важным фактором развития торговой колонии персидских купцов – Гилянского Гостиного двора, стало развитие российско-иранских торговых связей. Со второй половины XVII в. товары из Персии уверенно доминировали в структуре российского импорта[433], причем спрос на них у «московитов» рос от десятилетия к десятилетию. Осознавая взаимную выгоду торговли, российские и шахские власти всеми средствами стремились ее расширить, создавая режим благоприятствования, выражавшийся в таможенном законодательстве. Индийские торговцы, терпевшие убытки из-за этой ситуации, неоднократно отмечали это в своей переписке[434].

Помимо купцов, происходивших непосредственно из провинций Северного Ирана, в рассматриваемый период в астраханской торговле были

[432] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Дисс. … канд. ист. наук. Саранск, 2004. С.51.
[433] Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. // Ученые записки Института Востоковедения. Т.1. Баку, 1959. С.103.
[434] Русско-индийские отношения в XVIII в. Сборник документов. М., 1965. С.40-43.

задействованы и торговцы с Северного Кавказа. Жители различных дагестанских государств (Дербентского, Уцмийства Кайтагского, Шамхальства Тарковского, Аварского аусальства, Эндерийского ханства), из которых в XVII в. состояла территория Северного Кавказа, формально подчинявшаяся персидскому шаху, также были заинтересованы в торговле через Астрахань. И ведущую роль в этой торговле чаще всего занимали азербайджанцы (персы), у которых были налаженные торговые связи в регионе и своя колония в городе.

Азербайджанские купцы умели обходить определенные политические «неудобства», в Дагестане, Борьба между турками и иранцами за влияние в Дагестане в течении всего XVII в. их практически не коснулась. Умело лавируя между политическими режимами, азербайджанское купечество развивало свою торговлю через Дагестан и Астрахань в первой половине века.

В целом, рассуждая о причинах образования восточных колоний (и прежде всего, персидской) в Астрахани в XVII в., нам представляется целесообразным согласиться с мнением Л.И. Ватаниной. Причины эти следующие:

«- удобное географическое положение, благоприятные природно-климатические условия которые предопределили хозяйственную деятельность города, сделав из Астрахани центральный пункт в торговле Российского государства со странами Востока;

- политика Российского государства и социально-экономическое состояние страны, направленные на создание благоприятной обстановки для успешной торговли восточного купечества;

- число иностранных купцов увеличивалось из года в год, многие из них основательно оседали в Астрахани, считая ее более безопасной, чем персидские города»[435].

[435] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.35.

Основание восточных торговых факторий – Гостиных дворов в российской Астрахани было обусловлено и тем, что царское правительство вполне отчетливо понимало те выгоды, которое оно должно получить в неотдаленной перспективе при условии сохранения налаженных торговых отношений. Поэтому и вполне лояльная, по отношению к восточным купцам политика, которая выражалась в уважении национальных и конфессиональных интересов торгующих. Прежде всего, это выразилось в разрешении строить мечети при караван-сараях, возможности разговаривать на своем языке, проживать в городе с учетом своих национальных, религиозных особенностей.

Первые цари из династии Романовых в своей политике последовательно проводили политику покровительства восточному купечеству в городе. Заботились российские монархи о благоустройстве города, создании инфраструктуры, удобстве и безопасности дорог для иностранцев.

В 1625 г. по специальному распоряжению царя Михаила Федоровича были впервые за государственный счет построены каменные здания Гостиных Дворов – караван-сараев («по азиатскому обряду»): Армянский, Персидский и Индийский, заменивших ветхие деревянные здания и лавки, выстроенные в конце XVI в. Видимо и они были выстроены не прочно, так как в 1673 г. эти здания были разобраны и вновь, за счет казны, были выстроены новые каменные дворы, которые вмещали в себя лавки для розничной торговли, складские помещения, отапливаемые помещения для проживания зимой[436].

20 мая 1647 г. царь Алексей Михайлович направил астраханскому воеводе грамоту в которой приказал оказывать приезжавшим в город

[436] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С.182; Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. – 1957. - №3. С.135.

торговцам почет и немедленно создать благоприятные условия для проживания и «осуществления торга»[437].

В результате, Астрахань к концу XVII в., стала городом с числом постоянных жителей-иностранцев, намного превышавшим такие показатели в любом другом российском городе, даже в столице - Москве. Для сравнения, в другом российском городе-порте Архангельске, являвшимся в тот период центром российско-европейской торговли, иностранные купцы не оседали. Они лишь приезжали сюда ко времени открытия ярмарки, а по ее окончании сразу же уезжали. По окончании навигации, в холодное время года, иностранцев в Архангельске практически не было, за исключением единичных случаев. То же самое наблюдалось и в Тоболе и Пскове – других центрах международной торговли в России[438].

В Астрахани же, многие иностранцы приобретали недвижимость, у них были собственные магазины, склады и лавки. Со временем они превратились в национальные колонии, в которых купцы и другие торгующие люди могли всегда найти поддержку у людей своей национальности и веры. Такой колонией стал как раз Персидский (Гилянский) Гостиный двор в Астрахани.

Способствовало развитию колоний в торговых российских центрах и развитие торговых международных связей. В 1664 г. персидский шах Аббас II усилил торговые отношения с Россией и дал исключительные привилегия русским купцам. Через три года шах просил у России дозволить особой армянской кампании, состоящей из персидских подданных, производить торг шелком-сырцом через Россию. Разрешение было получено, и при этом русские брали на себя охрану провозимых товаров за особую плату.

В 1667 г. российское правительство заключило договоров о торговле с Джульфийской компанией. Старинный город Джульфа, стоящий на берегу реки Аракс на старинном торговом пути был практически разрушен шахом Аббасом I в начале XVII в. Новая Джульфа по приказу правителя была

[437] РГАДА. Ф.56. Оп.2. 1647. Д.2. Л.1-3.
[438] Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII - начала XVIII вв. М., 1982. С.28.

основана в пригороде новой персидской столицы г. Исфагана. В рассматриваемый период, город был населен преимущественно армянами, но входил в состав Персии и, соответственно, членами корпорации могли быть и мусульмане. Это была крупнейшая биржа торговли шелком между Востоком и Западом[439].

Центром торговли между Джульфийской компанией и Россией, вполне ожидаемо, стала Астрахань. Несмотря на то, что компания была основана армянами (но и они являлись подданными персидского шаха и порой учитывались в ведомостях как «персияне»), в ее рядах было и значительное количество персов (азербайджанцев), через которых было удобнее торговать с мусульманскими народами. Заключение договора с компанией привело к значительному притоку армянского и персидского купечества в Астрахань[440]. Собственно, с этого момента, Гостиные дворы становятся постоянными местом проживания в городе торговцев этих национальностей.

В договоре оговаривались условия транзита персидского шелка через территорию России. Главным пунктом торговли назначалась Астрахань, через которую шелк должен был отправляться в Москву. При этом часть шелка можно было продавать и в Астрахани и в Москве. А также, с разрешения властей, определенная часть шелка могла быть отправлена в Новгород и Архангельск. Из Москвы, Новгорода и Архангельска шелк везли в Европу. А на обратном пути, после реализации шелка, членов компании обязывали приобрести российские товары за наличные золотые деньги для последующей продажи в Персии[441]. Даже на таких условиях, купцы из Персии получали большие выгоды, а российская сторона получала значительные пошлины в казну.

Маршрут, таким образом, был достаточно сложным. Некий купец Якуб Г. в 1684 г., приехавший в Россию из Голландии с товарами, которые он

[439] Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв. Л., 1949. С.93.
[440] РГАДА. Ф.100. Оп.1. 1666-1667. Д.1. ЛЛ.1-99. Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.44-64.
[441] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.34-40.

приобрел там для продажи в Москве и Астрахани. За эти ввезенные товары (голландские сукна, 66000 булавок, 252000 иголок, 6 пудов бисера, 250 сабельных полос и др. на сумму 7140 рублей, общим весом 250 пудов), въехав через Архангельск, по пути следования по территории России до Москвы, купец заплатил пошлин (в том числе и таможенных) 324 рубля 26 алтын.

От Москвы до Астрахани купец заплатил 499 рублей 26 алтын 4 деньги. В Москве Якуб закупил российских, европейских и китайских товаров общим весом 16 пудов. За эти товары купец заплатил пошлин на 957 рублей 19 алтын 2 деньги. После этого все товары были отправлены в Астрахань из Москвы. Купца сопровождали нанятые работники – 4 человека. Московское правительство выдало жалованные грамоты для беспрепятственного проезда по территории Российского государства (что также обговаривалось условиями договора с Джульфийской компанией). Выделили купцу и средства передвижения (струги), охрана, гребцы, провиант[442].

Таким образом, мы видим, что российское правительство было заинтересовано в развитии российско-персидских отношений посредством привлечения армянского и персидского купечества к ее реализации, создавались все возможные условия, чтобы она осуществлялась «бесперебойно», а также чтобы купцы имели свои опорные пункты – торговые колонии в крупнейших центрах, каковыми и стали Гостиные дворы в Астрахани.

С другой стороны, такой режим благоприятствования, вызывал недовольство у российского купечества, которое не могло конкурировать с подданными шаха. Так, в марте 1675 г., вологодские и ярославские купцы (всего 69 человек), которые в тот период также имели достаточно большой

[442] Там же. С.169-170.

интерес в торговле шелком, наотрез отказались покупать товары у джульфийцев[443]. Но российские власти на этот протест не отреагировали.

40 купцов, «торгующих в Астрахани», которые от имени Джульфийской компании подписали договор с Российским правительством в 1667 г., имели постоянное место жительство в городе. К приобретению и строительству недвижимости здесь их подталкивали особые условия, которые создавало российское правительство, льготы в торговле. В 1670-е гг. Астрахань стала главным перевалочным торговым пунктом между Востоком и Западом. Главным торговым контрагентом России была Персия.

На пути в Европу и обратно, многие персидские купцы предпочитали останавливаться в Астрахани, ожидая товар, или распродавая его здесь мелкими партиями. Они приезжали с семьями, своими родственниками, прислугой, приказчиками. Минимизируя контакты с местным населением, члены общины вели очень замкнутый образ жизни.

Каждая восточная национальная община в городе имела свою внутреннюю строгую иерархию. Каждая при этом подчинялась, в первую очередь, тем правилам, которые существовали внутри этого сообщества, а потом уже – российскому законодательству (налоговому, торговому, сословному, гражданскому и т.д.). Любые спорные ситуации предпочитали решать внутри своего общества. И только в том случае, когда спор не мог быть решен внутри общины, когда в споре затрагивались интересы не только персиянина, но и интересы купца другой национальности (армянина, русского, индийца, бухарца и т.д.), дело передавалось на разрешение городским российским официальным властям[444].

До середины XVII в., персидские купцы при осуществлении торговой деятельности в Астрахани прибегали к услугам переводчиков-толмачей, которые были приписаны к астраханской городской администрации и состояли на государственной службе. Этот факт свидетельствует о том, что

[443] Там же. С.124-125.
[444] Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С.131.

как минимум до 1650-х гг., персидские купцы в Астрахани надолго не задерживались, среди них не было людей, свободно владевших русским языком, которые бы могли выступить в качестве посредника-переводчика.

В качестве переводчиков привлекались астраханские или казанские татары. При этом, они «имели над восточными купцами значительную власть». Злоупотребляя своим положением, толмачи «чинили бесчинства и самоуправства», то есть брали взятки и облагали предпринимателей различными незаконными поборами, могли несправедливо обвинить в провозе товаров беспошлинно. В 1647 г. по жалобе восточных купцов (индийцев, бухарцев и персов) на подобные действия («делал насильства и тесноту и убытки»), был отстранен и выслан из Астрахани в Казань толмач татарин Девлет-Али Абыз. А всем остальным переводчикам в Астрахани из Москвы было велено «заказ учинить крепкой, чтобы они им, иноземцом, никому никаких обид ни насильства и убытков не чинили»[445].

Со второй половины XVII в. услугами переводчиков персияне пользоваться перестали, так как в это время уже окончательно утвердился институт векилей – персидских старшин, которые уже на постоянной основе проживали в городе, знали русский язык и выполняли, помимо прочих функций, и роль переводчика при осуществлении соотечественниками торговых операций в городе. Этот факт позволяет нам сделать вывод о том, что персидско-шиитская община в целом сформировалась в 1650-1670-е гг. и центром ее стал Гилянский (Персидский) Гостиный двор.

Л.И. Ватанина отмечала: «Внутренние распри и разногласия решались старейшинами. Старейшины выбирались пожизненно и имели неограниченную власть над своими соплеменниками»[446]. Главой шиитской общины был персидский старшина (и должность эта сохранилась в общине вплоть до революции 1917 г.), его также принято было называть векиль. Это был особо почитаемый человек, которому доверяли свои семейные и,

[445] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С.86-87.
[446] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.52.

особенно, финансовые дела все члены общины. Существовала своя иерархия в повседневной жизни и в торговых делах. Члены общины следовали строгим законам шариата, являлись прихожанами Персидской мечети, первые сведения о которой относятся к началу в XVII в.: по свидетельству источника, в 1616 г. в Гилянском Гостином дворе была выстроена шиитская мечеть[447].

Персидские купцы оставили значительный след в культурной жизни многих регионов и городов, в том числе и в Астрахани. Даже современная топонимика города сохранила много названий, связанных с Персией. Между тем, точно датировать основание персидской колонии в Астрахани не представляется возможным. Документов об этом событии не сохранилось. Да и вряд ли оно было одномоментным. Нам представляется, что процесс оседания в регионе и формирования колонии занял несколько десятилетий с 1570-х до 1650-х гг., что также соответствует высказанному нами выше мнению о времени окончательного формирования общины «персиян» в городе.

Например, М.М. Имашева отмечает, этот вопрос представлялся неразрешимым для астраханских властей даже в начале XIX в.[448]. Действительно, в 1808 г. в ответ на запрос астраханского губернатора о времени появления Гостиных дворов (восточных колоний) в городе, астраханский полицмейстер писал, что население Гостиных дворов в городе проживает «с давних лет». А когда именно произошло основание колоний, на основании каких законодательных положений, чиновник ответить не смог: «когда именно и на каком положении они были поселены, полиция сведения никакого не имеет». Полицмейстер даже обратился в губернский архив, чтобы найти документы по интересующему вопросу. Но в архиве сведений не обнаружилось[449].

[447] Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С.24.
[448] Имашева М.М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. - 2012. - №3. С.40-50.
[449] ГААО. Ф. 1. Оп.1. Д.4204. Л.27.

Казалось бы, на этот вопрос ответ можно было получить у самих азиатских купцов. Но опрос жителей Гостиных дворов также не прояснил ситуацию. Ни старожилы, ни старейшины, самые «старейшие и достойнейшие» из опрошенных, не смогли ничего сказать, даже приблизительно, указать дату основания дворов[450]. В итоге, в начале XIX в. «…отыскать твердого и утвердительного сведения» о том, когда и как прибыли жители дворов для поселения в Астрахани», местный начальник губернии, так и не смог. Хотя в период перед войной с Наполеоном было предпринято три попытки разъяснить этот вопрос[451].

При этом очевидно, что колония возникла в результате нескольких обстоятельств. Во-первых, это результат постепенного оседания купцов в городе по экономическим причинам. Во-вторых, это связано с покровительственной политикой российского правительства. В-третьих, необходимость развития торговых отношений с российскими подданными. В-четвертых, несовершенство транспортных коммуникаций и зависимость от погодных условий, когда невозможно было в течении короткого времени осуществить торговые операции внутри России, что предполагало необходимость найти место для временного (а затем и постоянного) проживания на ее территории.

Гостиные дворы и проживавшие в них иностранные купцы были неотъемлемой частью русского пограничного города, без них астраханская торговля вообще бы перестала функционировать. Восточные колонии были столь населенными, что были периоды в XVII в., когда число иностранцев (армян, гилянцев, бухарцев, хивинцев, индийцев), значительно превышало число русских (не считая стрельцов – служилых людей по прибору) гражданских жителей Астрахани.

Торговля со странами и территориями Средней Азии и Ближнего Востока (Бухара, Хива, Персия, туркменские и казахские аулы, Закавказье и

[450] Там же. Л.19-20.
[451] ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.105. Л.2об.

т.д.) оставалась основным занятием населения восточных Гостиных дворов до 1770-1780- х гг. (до времени, когда в отношении них не были применены нормы общегосударственного сословного законодательства - о чем речь пойдет ниже).

Астраханский полицмейстер в 1808 г. отмечал: «С первых времен переселения на жительство в Астрахани сих Гостиных дворов … были они люди купеческого звания и жители персидских шахских и бухарских владений. При посредстве вывезенных ими достаточных капиталов, заводили здесь коммерцию, упражняясь в заграничной и отчасти во внутренней торговле, имели заведенные фабрики, платили повинности и за торговый промысел и с привозных заграничных товаров установленную тогда пошлину»[452].

Некоторые восточные купцы проживали в городе десятилетиями, практически его не покидая. Они «перебивали» ход торговли российского купечества, порой возникали конфликты. 7 ноября 1684 г. царям Иоанну и Петру Алексеевичам астраханские русские купцы и посадские (всего 143 человека) направили жалобу, в которой писали, что восточные купцы «живут в Астрахани на гостинех дворах лет по 20 и по 30 и больше… покупали они в городех дворы, и живут многие годы». Азиатское купечество, практически не покидая город, вело здесь розничную и оптовую торговлю, пользуясь льготами и не платя налоги, в том числе и таможенные пошлины, существенно подрывало торговлю русских купцов. Торговали они и неразрешенными для реализации иностранцам товарами, полностью игнорируя российские законы[453].

В XVII в. Астрахань была настоящим связующим пунктом между значительными территориями и государствами Востока, особенно теми, что прилегали к акватории Каспийского моря. Сюда приезжали торговцы из Шемахи, Решта, Баку, Дербента, Тарков, Эндери, Кабарды, Терского города,

[452] ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.315. Л.3об.
[453] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. Док.225. С.308.

Карагани, Хивы, Бухары[454]. Они привозили сырье, так необходимое молодой российской мануфактурной промышлености.

Тем самым астраханская торговля способствовала развитию не только внешних экономических взаимоотношений со странами и территориями Востока, но и развитию внутреннего российского рынка. Из Астрахани товары расходились по большим и малым городам, селам и ярмаркам России. Наиболее развитыми были связи с Центральной Россией и Средневолжско-Уральским регионом (Москва, Нижний Новгород, Саратов, Самара, Симбирск, Тетюши, Казань, Свияжск, Кокшайск, Чебоксары, Козмодемьянск, Арзамас, Курмыш, Цивильск, Павлово, Лысково, Мамадышево и др.)[455].

В течении торгового года, въехав в Россию через Астрахань, торговцы стремились охватить как можно большую территорию российского государства; «Те индейцы сказали, что они ехали из Астрахани на Саратов, а с Саратова на Арзамас, а из Арзамасу ехали на Суздаль и приехали в Ярославль с товары. А в Москве они де не поехали потому что перед ними поехал к Москве кызылбаской купчина со многими товарами. А в Ярославле де те товары, продавать, а продав те товары, ехать им к тебе, государю, к Москве и платить твою государеву казну ефимки…»[456].

Но торговые интересы восточного купечества не ограничивались только центральными и поволжскими российскими городами. Отправлялись персидские купцы, прибывшие в Астрахань и на север и на восток – в Вятку, Соль Камскую, Чердынь, Кунгур, Уржум, Вологду, Архангельск, Тобольск, на Ирбитскую ярмарку). Об этом свидетельствуют документы по истории российско-китайских отношений через Сибирь. В некоторых из них, относительно XVII в. фиксируется привоз товаров в Тобольск, которые

[454] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963.
[455] РГАДА. Ф.100. Оп.1. 1626. Д.1. Л.1-4.
[456] Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С.95.

вместе с торговцами проделали длинный путь через Астрахань и Ярославль[457].

Конечно же, такой путь проделывали лишь единицы и интенсивность такой торговли была не высокой, осуществлялась они на непостоянной основе. Дальний и опасный путь, долгая дорога и частые нападения разбойников, суровые климатические условия, не располагали к ее развитию. Российское правительство также не очень было заинтересовано в проникновении азиатского купечества в восточные районы государства, предпочитая, чтобы таковая осуществлялась силами российского «природного» купечества.

Осуществляя розничную и, особенно, оптовую торговлю, для оптимизации ее, персидские купцы, проживавшие в Астрахани, обзаводились складами, магазинами и лавками, открывали мастерские по выделке кожи, шелковые и бумажные мануфактуры, кузнечные и ювелирные мастерские. В течении XVII в., армяне, персы, индийцы, узбеки стали строить и приобретать недвижимость в городе. В своих домах они устраивали гостиницы, в которых прибывшие по торговым делам иностранцы находили приют у соотечественников. Члены общины помогали обустроиться в городе вновь прибывшим[458]. Пользуясь поддержкой членов торгового двора, последние достаточно быстро интегрировались, включались в торгово-хозяйственную деятельность.

Постепенно увеличивалась площадь застройки, разрасталась территория торговых колоний. В первой половине XVII в., как свидетельствуют документы, активно застраивалась территория отведенная властями под Гилянский и Бухарский Гостиные дворы. Застраивались и прилегающие слободы. Причем разрешение строиться выдавалось не только персидским и бухарским купцам, но и армянам и индусам[459]. В результате сформировалась смешанная топография, которая прослеживалась и в начале

[457] Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.1. 1608-1683 гг. М., 1969. С.246.
[458] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Дис. … канд. ист. наук. Саранск, 2004. С.46.
[459] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.184.

XX в., когда территории Армянской, Персидской и Татарской слобод располагались практически на одних и тех же улицах Астрахани.

С конца XVII в., по свидетельствам автора Ключаревской летописи, а также астраханского краеведа, знатока старины и учителя местной гимназии XIX в. А.Н. Штылько, Гостиные дворы иноземных восточных купцов стали содержаться «вскладчину», за счет самих предпринимателей. На их плечи была возложена обязанность осуществлять ремонт («подновление») зданий, снабжение жителей продовольствием, санитарно-гигиенические мероприятия на территории дворов. За счет иноземцев были построены торговые ряды, подворья караван-сараев, здания мечетей, мест отдыха и т.п.[460].

В целях безопасности и получения большей выгоды от оптовых операций, мелкие торговцы объединялись в компании, выбирая из своей среды одного представителя. При этом оптовая торговля в основном была сосредоточена в руках самых богатых купцов, обороты некоторых доходили до 25 тысяч рублей в год. Сильны были земляческие связи. Выходцы из одной провинции (гилянские, ленкоранские, бакинские, исфаганские и т.д. персияне) как правило, вели совместную деятельность, пользуясь на родине покровительством какого-либо высокопоставленного лица для осуществления выгодной торговли.

Значительную роль играли и семейные связи. Большие родственные кланы распределяли торговую деятельность между главами семейств, сыновьями, внуками, племянниками, зятьями. При этом каждый член семьи отвечал за определенный вид торговли или определенный пункт, где закупались и продавались товары. Во главе таких семейных корпораций стоял старший член семьи, в безоговорочном подчинении которого находились все остальные. Детей в таких семейных кланах приучали к ведению торговых операций с малых лет, их всегда брали с собой в коммерческие поездки. Семейный капитал и торговые навыки передавались из поколения в поколение.

[460] Зайцев В.И. Астраханское ханство. М., 2004, с.202.

В 1666 г. персидский купец писал царю Алексею Михайловичу: «Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу бьет челом Кизилбашенин Шемахинского рода Мамадесупко Касимов сын Валидов. Пожалован дед мой Хочжоэлит с товарищем вывозить из кизилбашинского государства за море шелк-сырец…»[461]. Из этого письма мы видим, что торговля в этой семье осуществляется уже представителями третьего поколения.

Но в 1770-1780-е гг., произошло очень важное для истории шиитской общины Астрахани событие: отделение понятия «персидская община» от «общества Гилянского двора». С этого времени и вплоть до начала XX в. персидская община включала в свой состав персов и азербайджанцев, а «татары» Гилянского двора стали составной частью тюрко-татарской суннитской общины города Астрахани и в конце XIX в. были записаны в астраханское мещанское общество, вошли в состав этнотерриториальной группы астраханских татар.

Причины этого разделения, абсолютно взаимосвязанные между собой, на наш взгляд, следующие: сословные реформы Екатерины II и изменение статуса Астрахани как главного центра российско-азиатской торговли.

До 1770-х гг. всякий прибывший в Астрахань торговец из пределов персидского государства (этнический перс или азербайджанец) приезжал и селился вместе со своими соотечественниками и единоверцами на территории Гилянского (Персидского) Гостиного двора. Если он принимал решение, поселиться в Астрахани на длительное время, он автоматически вступал в общество жителей этого двора. И, самое главное, до губернской реформы Екатерины II власти вообще не интересовались подданническим и социальным статусом персидского (и вообще, азиатского) купечества. И жители «мусульманских» Гостиных Дворов в городе проживали на некоем «своем собственном» праве, когда власти априори считали их иностранцами.

[461] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.66-68.

В 1770-1780-е гг. изменяется статус Астрахани в социально-экономической и политической жизни империи. Присоединение Крыма к России и основание Оренбургской линии открыло новые возможности для развития торговли с азиатскими странами и территориями. Подобно тому, как Архангельск потерял статус главного центра российской торговли с Европой после основания Санкт-Петербурга, так и Астрахань потеряла значение главного торгового центра с Востоком после присоединения Крымского ханства.

В этой ситуации, российское правительство практически перестало нуждаться в восточных купцах, которые осуществляли торговлю через Астрахань. Губернская реформа 1785 г. помогла, в какой-то мере, упорядочить вопросы легитимности существования в Астрахани восточных колоний. И первым пунктом в отношении азиатских купцов в этой программе стала политика социально-правового регулирования их статуса в соответствии с нормами российского законодательства.

До 1786 г. никаких вопросов о социально-правовом статусе жителям колоний в Астрахани российские власти не предъявляли. Астраханский полицмейстер описывал эту ситуацию так: «жили на своем собственном положении, издавна вступив в подданство России». Между тем, как мы уже отмечали, полицмейстер, исследовавший вопрос в 1808 г., так и не определил год и обстоятельства вступления жителей дворов в российское подданство.

На самом деле, полицмейстер принял как данность положения так называемого, городового законодательства Петра Первого и Елизаветы Петровны, в соответствии с которым, все жители российских городов (и, соответственно – жители всех «инородческих» колоний, слобод и посадов в российских городах) автоматически считались российскими подданными, хотя в реальности никаких реальных действий со стороны иностранцев в этом направлении не было. Так или иначе, в результате этой ситуации, население азиатских Гостиных дворов в Астрахани было признано подданными Российской империи, получив при этом права самоуправления.

Для них был специально создан Азиатский Магометанский суд (без учета различий между суннитами и шиитами), с 1720-х гг. они были обязаны платить в казну невысокую пошлину.

Тогда же, в отношении Гилянского, Бухарского и Агрыжанского Гостиных дворов, в официальном обороте стал применяться этноним «татарские». В отношении Гилянского двора это в очередной раз свидетельствует о том, что жители этого двора, в большинстве своем, были этническими тюрками – азербайджанцами, в силу чего этноним «татарский» был принят жителями двора. Вполне возможно, что в условиях Астрахани, осевшие в Гилянском Гостином дворе азербайджанцы стали суннитами, что предопределило их консолидацию в последующем с татарской махаллей. Не последнюю роль сыграли и брачные связи торговцев из Персии и Закавказья с местными мусульманками – астраханскими (юртовскими) татарками. Из их числа также избирались члены Астраханского магистрата, представлявшие в городском управлении интересы купцов.

Между тем, сами жители Трех дворов, российскими подданными себя признавать не спешили. Вернее, в зависимости от ситуации, легко меняли свой статус подданства, называясь или подданными шаха (бухарского эмира, хивинского хана и т.д.) или российскими подданными. Безусловно, недовольство вызвала политика принуждения к включению в российский социум[462]. Не согласные с этой политикой, предпочли остаться самостоятельными торговцами и составили отдельную астраханскую шиитскую общину во главе с выборным старшиной. Она начинает фигурировать в делопроизводственных документах астраханских учреждений как раз с 1780-х гг., отдельно от Гилянского Гостиного двора.

Законодательно создание общества Татар Трех дворов было оформлено именным указом Павла I от 11 ноября 1799 г., в соответствии с которым и было образовано астраханское городское общество Татар Трех дворов,

[462] Имашева М.М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Астрахань, 2012. - №3. С.40-50.

которое было отделено от городского мещанского общества. При этом, было объявлено, что «трехдворовые татары» образуют самостоятельное сословие, впрочем по своему статусу максимально приближенное к статусу российских мещан[463].

Кроме, собственно населения Бухарского, Гилянского, Агрыжанского Гостиных дворов, в общество Татар Трех дворов были переведены «татары, бывшие в Астраханском Армянском обществе». Имелись в виду персияне (азербайджанцы), в количестве 116 д.м.п., которые из-за различных льгот, предоставленных армянам предпочитали состоять в армянском обществе. Всего же в обществе Татар Трех дворов на момент организации общества числилось 428 д.м.п.[464]. По сведениям 1802 г. в обществе Татар Трех дворов состояло 350 д.м.п.[465]. В 1824 г. в обществе состояло 665 д.м.п., из которых 147 относились к Гилянскому двору[466].

В качестве органа управления и сословного совестного суда по мелким гражданским делам в 1800 г. для татар общества Трех дворов была создана Астраханская Татарская управа. На основании указа 1804 г. управа получила права взыскивать недоимки и выдавать паспорта тем, кто выезжал из города по различным хозяйственным делам[467]. Ежегодно в АТУ избиралось по три судьи, от каждого из дворов по одному. Управа действовала до 1879 г., когда в ходе реализации либерально-демократических реформ была закрыта и ее функции были переданы мировым судьям

На рубеже XVIII-XIX вв. население общества татар Трех дворов практически перестает заниматься торговлей и обменом товарами со странами и территориями, прилегающими к Каспийскому морю. Основными видами коммерческих занятий жителей Трех дворов стала мелочная и мелкооптовая торговля восточными товарам в лавках и магазинах в

[463] Там же.
[464] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.604. Л.10.
[465] ГААО, ф.488. Оп.1. Д.30. Л.4об.
[466] Там же. Л.1.
[467] ГААО. Ф.488. Оп.1. Д.245. Л.18об.

Астрахани[468]. В 1820-1830-е гг. их «капиталы измельчали» настолько, что большинство жителей общества Трех дворов отошли от внешней торговли и многие даже вынуждены были пойти в наемные рабочие. Лишь немногие сумели сохранить свой статус успешных торговцев, но и они вышли из общества, записавшись в астраханское гильдейское купечество.

Поэтому, уже с начала XIX в., мы не рассматриваем население Гилянского двора как персидско-азербайджанское. Оказавшись в орбите имперской сословной и национальной политики, бывшие торговцы-«персияне» оказались не просто в составе астраханского мещанского татарского общества, а были ассимилированы татарами, восприняли суннизм и уже к середине XIX в. разговаривали только на татарском языке. Этому способствовали и браки с местными татарками – астраханскими и казанскими, о чем мы уже упоминали. Дети от этих браков, уже считали себя татарами.

Таким образом, мы видим, что астраханская персидско-азербайджанская община, сформировавшаяся в к. XVI-XVII вв. как Гилянский (Персидский) Гостиный двор – торговая и этническая колония предпринимателей из Персии и Закавказья, в к концу XVIII в. претерпела серьезную трансформацию. Сам Гилянский двор вошел в состав астраханского городского общества Татар Трех дворов, а впоследствии его жители стали составной частью этнотерриториальной группы астраханских татар. Следствием этого стало выделение собственно персидско-азербайджанской общины во главе со старшиной (векилем) в самостоятельную социальную структуру.

[468] ГААО, ф.488, оп.1, д.315, л.3об.

3.2. Эволюция форм общественной организации персидско-азербайджанской общины в Астрахани в XIX – начале XX вв.

Несмотря на геополитические изменения, приведшие к изменению статуса Астрахани как центра русско-азиатской торговли в последние десятилетия XVIII в., определенный интерес к астраханской торговле у российского правительства оставался. Волжско-Каспийский путь связывал Россию через Астрахань с Персией, западным и восточным побережьями Каспия. В контексте имперской наступательной геополитики в Закавказье, а затем на Северном Кавказе, Астрахань была ключевым пунктом. А торговцы из этих регионов – проводниками российских экономических и политических интересов. В связи с этим в Астрахани, в XIX в. – начале XX вв., несмотря на жесткую позицию властей по определению подданнического и социального статуса постоянно проживавших в городе купцов-иностранцев, в отношении персидско-азербайджанского купечества было сделано «послабление».

Параллельно с числившимися в Гилянском Гостином дворе «персиянами», вошедшими в состав астраханского общества Татар Трех Дворов под управлением Астраханской Татарской Управой, в городе сложилась автономная персидско-азербайджанская шиитская община во главе которой стоял персидский старшина - векиль. Окончательно это община сформировалась в 1770-1780-е гг., что было связано с процессом оформления сословно-правового статуса общества Татар Трех дворов, о котором мы писали выше.

Если в персидскую общину города изначально входили исключительно подданные персидского шаха (подданные российской короны, соответственно оказались в составе Гилянского двора), то к концу XIX в. наряду с первыми, в нее входили и персы и азербайджанцы – подданные Российской империи. К этому времени бывшие жители Гилянского двора уже окончательно «отатарились» и получили статус астраханских мещан.

Мало кто из них вспоминал о своем «персидском» происхождении, причисляя себя в этническом отношении к этнотерриториальной группе астраханских татар. Даже территориально персидская община обособилась и образовала самостоятельную Персидскую слободу, располагавшуюся южнее Татарской, которая, в свою очередь включила территорию Трех Гостиных дворов, в том числе и Гилянского.

Членов персидско-азербайджанской общины к тому времени объединял шиитский мусульманский приход (каменная Персидская мечеть была выстроена в 1861 г.) – в центре Персидской слободы, наличие собственного шиитского кладбища. Большим авторитетом в этой общине пользовался персидский консул. В персидско-азербайджанской общине, к концу века сформировалась социальная стратификация.

Вплоть до революции 1917 г. персидские старшины (до реформ 1860-х. гг. официально, затем – на основе сложившейся традиции) играли огромную роль в управлении общиной. Как правило, это был наиболее уважаемый и богатый член общины, вступивший в российское подданство и в гильдейское купечество. Свою должность старшина занимал пожизненно, если по особым обстоятельствам не впадал в немилость российских властей и не отстранялся от должности принудительно.

Если для российских властей старшины были лишь представителями общинной администрации, то для самих членов общины они обладали гораздо более высоким статусом, чем просто выборный глава. И связано это было с особенностями ведения торговой деятельности персидско-азербайджанским купечеством.

Внешняя торговля была основным видом деятельности персидских купцов до середины XIX в. Она приносила значительные прибыли. Причем эти прибыли были тем выше, чем больше был первоначальный капитал. С.И. Черняев, исполнявший должность российского консула в Астрабаде в 1830-е гг. отмечал в своем донесении: «Хотя персидские купцы вовсе не любят хвастаться барышами, ими получаемыми…, но от многих из них я слыхал,

что… купец, вывезший в Астрахань здешние произведения и купивший на полученные деньги разных российских товаров…, нередко получает от этих двух оборотов почти рубль на рубль прибыли»[469]. А ведь в период накопления капиталов персами, в XVII-XVIII вв., эта прибыль могла составлять до 500%.

Особой формой организации управления торговыми персидско-шиитскими общинами за пределами родины был институт векильства, который был обусловлен своеобразным кодексом взаимовыгодной коммерческой кооперации. Несмотря на то, что в глазах российских правительства и простого обывателя, персидские купцы, участвовавшие в астраханской международной торговле, представлялись весьма состоятельными и самостоятельными предпринимателями, в действительности, все обстояло несколько иначе.

Несколько торговцев могли объединиться (а точнее объединить капитал) для осуществления торговых операций на внешнем рынке и выбрать из своей среды одного, наиболее уважаемого, который, собственно и «совершал» всю торговлю. Так сложился своеобразный кодекс корпоративной взаимопомощи. Доверив капитал, участники сами лишь дожидались барышей, непосредственно не участвуя в торговле с Россией.

В документах таможенного ведомства и в иных делопроизводственных документах, как правило, повторяются одни и те же фамилии торговцев, которые оперировали большими партиями товаров на значительные суммы. И, следуя логике, естественно предположить, что эти купцы распоряжались собственным состоянием. Но для предпринимателей Персии и Азербайджана XVIII - I первой половины XIX вв., пребывавших в этот период в состоянии политической нестабильности и раздробленности, характерно было выступать в качестве «коллективного торговца».

Доверенный купец – «коллективный торговец», получив на руки деньги, на всю сумму покупал товары в Персии и Закавказье, а затем ввозил

[469] Русско-иранская торговля 30-50-х XIX в. Сборник документов. М., 1984. С.247.

и реализовывал в России, где у него была недвижимость (в Астрахани, Москве, Нижнем Новгороде, позже – Санкт-Петербурге). Он мог и вообще быть постоянным жителем (и даже подданным) России. Здесь, от своего имени, он вел торговлю на складочный капитал. Перед своими доверителями он отчитывался письменно, пересылал в Персию полученную прибыль[470].

Такой купец, глава компании, именовался *векиль*. Именно векили становились главами - старшинами персидских (шиитских) общин в крупнейших городах России. Векили обладали высочайшей степенью авторитета в общинной иерархии. В своих руках они имели значительные суммы денег, которыми могли фактически бесконтрольно распоряжаться. Конечно, свои посреднические функции, векиль исполнял не безвозмездно. Получая определенный процент, он мог сколотить к концу жизни значительное состояние. При этом торговое посредничество на российско-персидском рынке для векиля становилось основным занятием в жизни.

Чтобы получить максимальные преференции от торговых операций векиль вступал в российское подданство, записывался в 1 или 2 гильдию местного купечества. Прежде всего, это касается приграничных российских городов, к каковым относилась и Астрахань, «ибо им здесь вольготнее»[471]. При этом, в восприятии персидских властей он продолжал оставаться подданным персидского шаха. В качестве векилей в Астрахани выступали главным образом рештские и ленкоранские персияне[472].

О том, что богатые астраханские персидские купцы на самом деле торгуют не на свой собственный, а на «коллективный» капитал писал историк русской торговли Г.П. Небольсин: «Астраханские персияне, господствующие в российско-персидской торговле, и в судоходстве, суть по большей части комиссионеры своих соотечественников, прибывающих из Персии, от которых поручается им разная продажа и покупка товаров»[473].

---

[470] Бакулин Ф.И. Очерки торговли с Персией. СПб., 1875. С.72.
[471] Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. С.45.
[472] Астраханские губернские ведомости. – 1845. - №26.
[473] Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. С.153.

Этот факт в самом начале XIX в. подтверждали и именитые московские купцы. В записке, поданной от имени Московского купеческого общества на предмет оптимизации российско-азиатских торговых отношений, говорится, что большинство проживавших на тот момент купцов восточного происхождения, держателей огромных товарных запасов на территории России – это «ничто иное, как суть комиссионеры своих соотечественников». Они, вступив в российское подданство, пользуются правами и привилегиями российских «природных» купцов, что позволяло им не прибегать к посредничеству российского купечества, не платить пошлины, которые должны уплачивать иностранцы. Также «и во взыскании долгов, яко приезжие пользуются скорейшими от местных начальств удовлетворением» Торговля эта «осуществляется в России … на великие миллионы»[474].

О персоналиях астраханских векилей до начала XIX в. сведений в неопубликованных источниках не сохранилось. Уже в первые годы нового века, вместо безликих «персидских старшин», российские делопроизводственные документы фиксируют их имена: Мирза Казим Абдулл Казимов (Визирев), Ага Баба Яхъяев, отец и сын Усейн Мамед Асан Ага и Аджи Молла Али Аскер Усейновы. В среде своих земляков, а также у российской администрации, они пользовались неизменным авторитетом. Пользовались векили и покровительством персидского правительства. Персидский консул и векиль являлись приходскими старостами астраханского шиитского прихода. Все, из перечисленных, были отмечены наградами и российского и персидского правительств. Срок службы векилей был пожизненным и длился десятилетиями.

В документах начала XIX в. неоднократно отмечалось особое отношение местных властей к персидским старшинам. В 1823 г. астраханский гражданский губернатор И.И. Попов писал Главноуправляющему Кавказским краем генералу А.П. Ермолову: «…прошу обратить Ваше внимание на персидского старшину Мирзу Абдуллу

[474] РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.19доп. Л.9.

Кязимова, почитаемого с отменным уважением всеми единоверцами, по примерной честности и справедливости». Он был избран и утвержден персидским старшиной в Астрахани в 1812 г.

Согласно сведениям Попова, персидский старшина избирался членами персидской (шиитской) общины «для наблюдения тишины и порядка, а также и для разбора встречающихся по торговле между персиян споров, в облегчение здешних присутственных мест». Кязимов, «к общему удовольствию с делаемыми успехами и пользою подавая собою пример в честности и справедливости, чем заслужил неограниченную доверенность не только своих однородцев, но даже и от российского купечества», выполнял эти обязанности свыше десяти лет. В 1814 г. Мирза Кязимов за свои заслуги получил от российского правительства чин губернского секретаря (по Табели о рангах 12 класс). Также Кязимов «исполнял должность учителя персидского языка в Астраханской гимназии», в связи с чем, в 1817 г. он был повышен в чине, ему был присвоен чин титулярного советника (по Табели о рангах 9 класс)[475].

В 1823-1824 гг. астраханский губернатор и астраханский губернский предводитель дворянства ходатайствовали перед Главнокомандующим А.П. Ермоловым о награждении Мирзы Кязимова государственной наградой, так как он в 1812-1813 гг., во время войны с Наполеоном, пожертвовал на нужды русской армии 200 руб. Астраханские власти считали, что Кязимов «достоин в знак отличия носить на шее золотую медаль на алой ленте»[476].

Следующий астраханский персидский старшина – Ага Баба Яхъяев, будучи российским подданным и оказав российскому правительству значительную помощь в русско-иранской войне 1826-1828 г., получил награду от персидского шаха. При награждении старосты в 1828 г., консулом

[475] ГААО. Ф.1. Оп.7. Д.147. Л.4.
[476] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.776. Л.1.

было особо отмечено, что награда вручается за «заслуги в установлении и развитии торговых отношений между Персией и Россией»[477].

Мнение персидской стороны, при выборе векиля, очень часто имело решающее значение. При этом, особенно после окончания российско-иранского противостояния первой трети XIX в. и закрепления Закавказья за Российской империей, купцы проживавшие в Астрахани и претендовавшие на эту должность подданными шаха не являлись. Генеральный консул Н.П. Безак, во время своей службы в Тебризе доносил в Азиатский департамент, что когда он был в Ардебиле в 1830 г., он встретился с купцом Гаджи Кязимом, который направлялся в Астрахань. При этом купец сказал, что имеет при себе грамоту от наследника персидского шаха Наиб-Султана Аббаса, в которой он назначен «главою купеческих дел с неслыханными правилами (т.е. полномочиями – Р.П.)».

Консул был возмущен содержанием грамоты, в которой говорилось, что только Кязим мог определять лиц, которые получали право торговли российскими товарами в Персии. Без его одобрения и специального письма торговать было не разрешено. Если же купец игнорировал мнение векиля и отправлялся торговать, вслед ему Кязим мог отправить письмо или даже специального человека «с объявлением торговца ненадежным». И последний не мог уже ни приобрести товары в Персии, ни реализовать привезенные из России. Совершенно невозможной при этом становилась и торговля «в кредит или на веру», весьма распространенная в Персии. Такое же разрешение («дорожный билет») торговец должен был получить от Кязима и в случае, если он отправлялся торговать из Астрахани внутрь России. Все астраханские персидские купцы и маклеры, с которыми они сотрудничали, должны были докладывать Кязиму о прибытии в город с товарами торговцев, как российских, так и иностранных, дабы получить (или нет) разрешение на торговлю с ними. Каждый купец (это касалось и русских, отправлявшихся в Персию) обязан был подавать ведомости о привезенных или вывозимых

[477] Там же. Л.3.

товарах лично Гаджи Кязиму. И если эти правила не соблюдались, векиль от имени персидского правительства «не гарантировал купцам и их товарам безопасности»[478].

Консул Безак справедливо увидел в этой грамоте нарушение прав российской администрации в пределах Российской империи и добился от шаха ее отмены, а Гаджи Кязим астраханским персидским старшиной (векилем) тогда не стал, должность эта сохранилась за А.Б. Яхъяевым.

Практически все состоятельные представители персидской диаспоры в Астрахани в 1830-1840-е гг., имевшие значительную недвижимость в городе, возглавляли свои землячества выходцев из городов и провинций Ирана и Закавказья. Это были сообщества из несколько человек, которым на праве собственности принадлежали караван-сараи в центральных (1 и 2) участках города Астрахани. Девять таких домов было в собственности тавризского купца Агамира Алиева, гилянского Джафара Керимова, старосты Ага Бабы Яхъяева, мазендаронского Ага Али Мамед Бекова, ленкоранского Аджи Моллы Усейнова и Мирзы Абдулы Кязимова (сына векиля Мирзы Кязимова)[479]. В отношении своих земляков все эти лица являлись векилями.

Региональные власти с конца XVIII в., учитывая ту важную роль, которую персияне играли в международной русско-азиатской торговле, привлекают их к делам городского самоуправления (причем вне зависимости от отношений подданства), различным общественным акциям, связанным, прежде всего, с экономической жизнью региона. В первые десятилетия XIX в. персидские старшины по настоянию властей избирались рахманами Городового Магистрата, а также судьями сословных и третейских судов по гражданским делам. Старшины-векили приглашались губернским правлением консультантами по вопросам развития торговли в регионе в Мануфактурный совет в Санкт-Петербурге и т.д.[480].

[478] АВП РИ. Ф. Главный Архив II-3, 1831. Оп.34. Д.8. Л.14.
[479] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.2005. Л.1-53.
[480] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.2984. Л.55, 56-89.

Приобретение (или строительство) караван-сараев персидскими купцами в первые десятилетия XIX в., в определенной степени, было следствием увеличивающимся год от года потока купцов-персиян в Астрахани. Проживание и аренда складских и торговых площадей у своих соотечественников, при неопределенности подданнического статуса, было очень выгодно этим предпринимателям, многие из которых числились одновременно и в российском и в персидском подданстве одновременно. Здесь, под крышей векиля - персидского старшины, они могли быть спокойны за сохранность своего имущества, а также и укрываться от пошлинного обложения, так как соотечественники помогали скрывать настоящие объемы привозимых, покупаемых и продаваемых товаров.

В первой половине XIX в., пользуясь покровительством властей, персидские купцы один за другим приобретают значительную недвижимость в центральных 1 и 2 частях города. Причем, просьбы об отведении земельных участков им губернскими властями решаются положительно и без всяких препятствий, что крайне беспокоит русских купцов, которые такими привилегиями не обладают.

При этом очевидно, что приобретение недвижимости состоятельным персидским купечеством в Астрахани в рассматриваемый период, связано с тем, что происходили явные экономические, сословные и подданнические изменения в их положении. Как мы уже писали выше, в конце XVIII в., персидские купцы в астраханской внешней торговле занимают место армянских, которые переключаются на другие виды экономической активности.

Со своей стороны, армянские купцы способствовали, в определенной степени, приобретению недвижимости персиянами. Отошедшим от внешнеторговых операций, армянским купцам, уже не нужны были большие дома со складами, магазинами и лавками. Процесс перехода недвижимости в руки персиян, конечно, не был одномоментным, он происходил постепенно. В 1816 г. в центральной части Астрахани армянам принадлежало 7 караван-

сараев, которые в Казенной палате описывали как «двухэтажные дома с лавками и выходами под оными, приносящими немалый доход» [481].

Уже к началу 1830-х гг. эта недвижимость числилась в собственности астраханских «российскоподданных персиян», которые приобрели их «покупкою у армянских купцов». Так, в июле 1814 г. ленкоранский персиянин Агамир Алиев приобрел у армянской астраханской «жительницы» М.М. Франгуловой участок на Облупинской площади, на котором затем выстроил двухэтажный караван-сарай[482].

В 1820-1840-е гг. сразу шестеро персидских предпринимателей возводят на центральных улицах города: Екатерининской, Московской, Полицейской, двух- и трехэтажные дома. Строились они со всеми архитектурными особенностями, присущими азиатским караван-сараям – с большим внутренним пространством, крытыми галереями и расположенными внизу лавками, складами и выходами; на верхних этажах располагались жилые квартиры и комнаты, сдававшиеся внаем.

К концу 1840-х гг. во владении персиян было 12 таких зданий, стоимостью от 25 до 80 тыс. руб. каждое. Самое большое здание, принадлежавшее семье старшины А.Б. Яхъяева приносило до 15 тыс. руб. годового дохода[483]. Несколько этих зданий и сегодня стоят в центре г. Астрахани, имеют статус региональных памятников архитектуры.

В целом же, взаимоотношения армянской и персидской общин в первые десятилетия XIX в., те взаимные услуги уступки, которые их члены оказывали друг другу, серьезно беспокоили власти, которые рассчитывали, что освобожденное армянами место в русско-азиатской торговле через Астрахань, должны занять русские купцы. Но этого не произошло, как мы знаем. Экономист В.А. Зубов в 1870-е гг. проанализировал ситуацию и отметил, что армяне преднамеренно свернули свою внешнюю торговлю в Астрахани и передали ее персиянам в начале XIX в. Тем самым, они

[481] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.1831. Л.8.
[482] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.26877. Л.9.
[483] ГААО. Ф.687. Оп.2. Д.1052. Л..17-138.

«сознательно препятствовали проникновению русских предпринимателей на внутренние рынки Персии»[484].

Для членов же персидской общины, после двух успешных для России русско-иранских войн становится очевидным, что вступление в российское подданство дает гарантии сохранения собственности в случае какого-либо конфликта, с одной стороны. С другой стороны, являясь российским подданным купец получал все преференции в торговле, ну, а вступив в подданство и объявив себя купцом в Астрахани, персидский купец совершал следующий шаг – приобретал (или строил) собственный дом и коммерческую недвижимость.

Династия векилей - «персидских купцов» Усейновых, это отдельная страница истории Астрахани, а не только персидско-азербайджанской шиитской городской общины. Ленкоранский персиянин Усейн Мамед Асан Ага Усейнов впервые упоминается в Астрахани в начале 1820-х гг. И уже в течении следующих ста лет, вплоть до революции 1917 г. астраханские купцы Усейновы будут связаны с городом неразрывно.

Основатель династии очень быстро стал владельцем нескольких судов, затем недвижимости в городе, а в конце жизни – самым богатым мусульманским купцом здесь. Первый земельный участок, в центре города, в 1 части, во 2 квартале, он приобрел в 1825 г.[485] А в начале XX в. внук У.М. Усейнова - Али Акбер (Алиакбер) был крупнейшим астраханским домовладельцем. Дома Усейновых и сегодня сохранились в центральной части современной Астрахани.

На приобретенном в 1825 г. участке, с 1804 г. значился дом, который был значительно перестроен А. Усейновым и занимал полквартала (333 кв. саж.). Сохранился этот двухэтажный дом до настоящего времени, он расположен на перекрестке улиц Кирова и Советской (Полицейской и Московской до революции). В настоящее время считается памятником

[484] Зубов В.А. Общее обозрение торговли с Азией (Записка В.А. Зубова). // Русский Архив. – 1873. - Кн.1. С.883.
[485] ГААО. Ф.687. Оп.2. Д.1052. Л.174.

архитектуры регионального значения и называется «Дом Усейнова»[486]. По сути, это караван-сарай с магазинами, лавками, выходами, складскими помещениями в первом и подвальном этажах, жилым разделенным на квартиры, вторым этажом. Все это сдавалось внаем и давало значительную прибыль владельцам на протяжении десятилетий.

В середине 1830-х гг. сын Усейн Мамеда – Али Аскер Усейнов стал судовладельцем, одним из основных перевозчиков товаров по Каспийско-Волжскому пути. Согласно ежегодному официальному сборнику Министерства Финансов «Виды государственной внешней торговли Российской империи», 60-70%% коммерческих перевозок по Каспийскому морю из Астрахани к персидским портам и обратно, ежегодно на 500-700 тыс. руб. приходилось на флот А.А. Усейнова[487].

Второй Усейнов в начале 1840-х гг. окончательно определился с подданством, и вступил в астраханское первогильдейское купечество, в котором он оставался до своей смерти. Во второй половине 1850-х гг. А.А. Усейнов выступил инициатором строительства каменной Персидской мечети, он же выделил значительную сумму на ее постройку. Мечеть была построена и освящена в 1861 г., Усейновы стали неизменными председателями ее приходского Попечительского совета[488].

В это время купцы Усейновы практически полностью отказались от традиционной для своих единоверцев формы предпринимательства в Астрахани – внешней торговли. Тем более, что центр каспийской торговли переместился в Баку. А паровой флот общества «Кавказ и Меркурий» все уверенней вытеснял парусный коммерческий флот персидского купечества. Основной доход купцы Усейновы теперь получали со значительной недвижимости, сдаваемой в наем.

Векильское управление (именуемое в российских документах «старшинским»), в Астрахани являлось фактически автономным. Персидские

[486] Там же.
[487] Виды государственной внешней торговли Российской Империи за 1831-1849 гг. СПб., 1832-1850.
[488] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.2005. Л.51-53.

купцы жили обособленно, подати в казну, различные городские сборы платили только те, кто вступил в гильдейское купечество, а таковых было единицы. Остальные предпочитали жить «по-своему собственному состоянию», не указывая своего отношения к подданству Российской империи. Для астраханских властей даже в 1860-е гг. было не совсем понятно, в отношении многих членов шиитской общины, подданными какой короны они являются: российской или персидской?

Все региональные (да и центральные тоже) органы исполнительной власти не имели точных сведений о количественных характеристиках шиитской общины Астрахани. Неоднократные попытки астраханских губернаторов (в том числе и по поручению МВД и МИД), губернского правления, казенной палаты выяснить численность и подданнические отношения к Российской империи купцов-персов в Астрахани оказались безуспешными в XIX в. До этого времени никаких попыток выяснить численность купцов-персиян, проживавших в Астрахани, вообще не предпринималось[489].

В первой половине XIX в. купцы-персияне, за редким исключением, которое составляли векили и те, кто вступал в 1 гильдию астраханского купечества и приобретал значительную недвижимость в Астрахани, никакому учету не подчинялись. Астрахань воспринималась ими как временная остановка на торговом Каспийско-Волжском пути, даже если пребывание здесь растягивалось на несколько лет. Поэтому число купцов из Персии в городе постоянно менялось. И все они, и гильдейские и прочие, свободно покидали город по своим коммерческим делам – выезжали на родину, в российские столицы и внутренние губернии, на Нижегородскую ярмарку; так же свободно возвращались обратно.

При этом персидско-азербайджанская община никогда не переставала существовать, несколько десятков предпринимателей-персиян в регионе

[489] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в кон. XVIII - нач. XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.89.

присутствовали всегда. Некоторые не стремились к большим оптовым сделкам внутри России, а стремились реализовать свои товары в розницу в самой Астрахани, надеясь получить больше выгоды, с этой целью арендовали склады и лавки и задерживались на длительный период. В этой ситуации им выгоднее было назваться российскими подданными, некоторые говорили, что принесли присягу в ханствах Северного Азербайджана, в момент их вхождения в состав Российской империи. Некоторые приносили присягу уже в самой Астрахани в губернском правлении.

Но в делопроизводстве была такая неразбериха, что даже в действительности, принявшие российское подданство и приобретшие недвижимость, продолжали именоваться «персидскоподданными» персиянами. Также была категория купцов, которые проживая в Астрахани, в постоянное или временное гильдейское купечество вступали в других городах (Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Дербенте) и поэтому в астраханских ведомостях вообще не учитывались.

В 1829 г. российской стороной был ратифицирован Туркманчайский мирный договор и астраханские власти потребовали у персидского старшины составить ведомость «о численности персиян», пребывающих в городе – постоянно проживающих и временно находящихся «по торговым делам». В своем ответе старшина Яхъяев писал, что «производящие в Астрахани торговлю» персияне находятся здесь каждый недолгое время; продав свои товары, уезжают с вырученными деньгами домой, в Персию. Приезжают, как правило, в начале лета, чтобы успеть «сделать один изворот по коммерции», то есть обернуться до конца навигации внутри России и закупив товары российские, отвезти их в Персию. Многие в Россию вообще больше не возвращаются. Та часть персиян, которых можно учесть, и так известна: «некоторые записались в здешнее купечество и состоят под ведомством Магистрата»[490].

[490] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.29503. Л.62.

Ввиду специфики жизненного уклада, и, видимо не желая до поры до времени обострять отношения с наиболее имущей верхушкой этнических общин в городе, государство российские власти даже согласились с особой юрисдикцией для членов общин и пошли на создание специальной, достаточно обособленной системы судопроизводства для разных этноконфессиональных групп в городе: армянского, «татарского», «персидского», калмыцкого судов[491]. Эти суды предназначались для разбора конфликтов гражданско-правового характера в своей среде и судей избирали сами члены этнических общин, как правило, из числа наиболее состоятельных и уважаемых купцов.

Время появления этих судов И.В. Торопицын относит к первым десятилетиям XVIII в. и связывает с формированием новой административной единицы – Астраханской губернии. Изначально их создание регулировалось специальными воеводскими наказами, а затем губернаторскими инструкциями. И к концу века перешло в компетенцию Губернского правления. Документы, пишет Торопицын, предписывали губернским властям: «к иноземцам всяких народов, обретающихся тамо, как к живущим, тако и приезжим держать ласку и привет добрый, и обходиться с ними приятельски и приласкивать их к лучшему и оберегать, чтоб им ни от кого никаких обид не было»[492].

Суды были очень востребованы в среде предпринимателей персидско-азербайджанского происхождения. Во-первых, традиционно существовало определенное недоверие к «чужим» - русским судьям, в которых неизменно подозревали желание «ограбить и обидеть» не знающих русского языка и российских законов чужеземцев. Во-вторых, это самое «незнание», было практически абсолютным. Более того, многие жившие в Астрахани «персияне» были вообще неграмотны, вместо подписей на ценных и иных бумагах использовали отпечатки пальцев или оттиски перстней-печаток. И

[491] Торопицын И.В. Протесты астраханского тюркского населения на действия местных российских властей в XVIII в. // Эхо веков. – 2022. – №3. – С.62-74.
[492] Там же.

наличие суда, в котором дела разбирались самими членами общины, на родном языке, вызывало дополнительное доверие к российским властям и желание продолжать коммерческие дела в Астрахани.

Эти суды для представителей обособленных этнических общин в Астрахани назывались «третейскими». Судьи избирались по соглашению тяжущихся сторон из своей среды, на основании специально представляемых каждый раз в Губернское правление, переведенных на русский язык «расписок», в которых говорилось о том, что купцы судьям вполне доверяют, «а чем они решат, спорить и прекословить не будут и обязаны решение их исполнить»[493]. Также староста-векиль представлял в правление особую характеристику на каждого избранного. Затем Губернское правление давало согласие или отклоняло кандидатуры судей. Избиралось по два судьи с каждой стороны.

Время с середины XIX в. и до революции 1917 г. для шиитской общины Астрахани – это период, когда ее верхушка сосредоточилась исключительно на торговле, прежде всего внутренней. Во внешнеторговых операциях главное место в структуре импорта стали занимать фрукты – сушеные и свежие. В структуре самой, не очень многочисленной, но в прежние времена экономически состоятельной и относительно однородной, состоявшей исключительно из предпринимателей, общины, окончательно сформировался слой «неимущей бедноты».

В пореформенное время в Астрахань стала переезжать персидская «беднота», прежде всего, грузчики – амбалы, которые формировали бригады и оказались незаменимы в погрузочных портовых работах вплоть до конца 1920-х гг. Работали они бригадами на астраханских пристанях и двенадцатифунтовом рейде на взморье. Нанимали их в самой Персии закавказские азербайджанцы, которые были комиссионерами пароходовладельцев или пароходных обществ. При найме обещали хорошую зарплату, бесплатный проезд в Астрахань и обратно, питание за счет хозяев.

[493] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.536. Л.4-5.

Деньги платились вперед за несколько месяцев предстоящей работы. Партия грузчиков-амбалов составляла от полусотни до сотни человек. Перевозка в тесном трюме шхуны по Каспию напоминала перевозку африканских рабов в Новый Свет. И когда персы прибывали на территорию Российской империи, они фактически оказывались полной зависимости от подрядчика.

Труд амбалов был очень тяжелым. В течении 12-14 часов, они таскали на своих спинах тяжелые грузы: ящики, мешки, тюки и т.п. Вес некоторых доходил до 12 пудов. Подрядчики регулярно недоплачивали, недовольным предлагалось вернуться домой за свой счет. Если даже удавалось скопить какую-то сумму, вывезти ее на родину было крайне затруднительно. Поборы российских и иранских таможенников, трудности пути, все это приводило к тому, что амбалы оставались в Астрахани практически на всю жизнь. Недаром, во время революционных событий 1918 г. они стали одной из активных сил в городе, выступивших за установление социального равенства. Интернациональная бригада грузчиков стала опорой Астраханского Мусульманского комитета.

Но вне зависимости от уровня доходов и социального статуса в общине, в жизни всех, без исключения, членов персидской шиитской общины, значительную роль играли консулы. Это был институт, призванный стоять на страже интересов членов персидской общины, по мысли шахского правительства.

Как известно, в результате заключения Гюлистанского мирного договора, территория Северного Азербайджана вошла в состав Российской империи. И «персияне» были разделены на две категории по признаку подданства: «персидскоподданных» и «русскоподданных». В виду необходимости защиты прав первых и их торгово-экономических интересов в Астрахани в 1813 г. было учреждено персидское консульство.

Консульские отношения стали одной из форм взаимодействия между Россией и Персией. Персия вообще была первой страной, с которой Российское государство вступило в такие отношения. Персидская

консульская служба в России стала также значимым институтом общественно-политического влияния на шиитскую общину в Астрахани в XIX – начале XX вв. Персидские консулы для астраханских «персиян» на протяжении нескольких десятилетий выступали своеобразным непререкаемым общественным авторитетом, вне зависимости, являлись ли эти «персияне» подданными шаха или российского императора. Ни одно сколь-нибудь значимое общественное мероприятие или «предприятие» не обходилось без участия консула.

Начало дипломатических отношений между Россией и Ираном относится к 1589 г., когда сефевидский шах Аббас I и русский царь Федор Иоаннович обменялись посольствами. Связано это было с тем, что в Прикаспийском регионе, после присоединения Казанского и Астраханского ханств, Российское государство стало значимым игроком, и необходимо было устанавливать дружественные отношения с новыми соседями[494].

Россия неожиданно для многих приобрела репутацию могущественного государства, а Иран, наоборот, испытывал серьезнейшие проблемы, потерпев ряд ощутимых поражений от Турции. Но обоим государствам в тот момент нужны были союзники. В планах шахского правительства была и оптимизация торговли по Волжско-Каспийскому пути, в обход экономических интересов Османской империи. Все это вызвало интерес и понимание у российского правительства. Дипломатические контакты между двумя странами стали регулярными.

Борис Годунов и первые цари династии Романовых всячески поощряли развитие российско-иранских дипломатических отношений. С 1580-х гг. до конца XVII в. в России побывало 29 посольств из Персии, в ответ отправлялись российские посольства[495]. Не успевавшим отправиться домой в Персию, из-за наступления холодов и конца навигации, посольствам, радушно предлагалась возможность перезимовать в Астрахани. Именно с

[494] Астрахань-Гилян в истории российско-иранских отношений. Астрахань, 2003. С.6.
[495] Тихомирова Е. На кизылбашское дело // Родина. – 2001. - №5. С.45.

этим обстоятельствам, некоторые авторы связывают основание первых персидских гостиных дворов в городе в конце XVI в., со всей соответствующей инфраструктурой, о чем мы уже писали во второй главе[496].

В истории российско-персидских отношений начало XVIII в. было ознаменовано не только военным столкновением (Персидским походом), но и установлением регулярных дипломатических отношений. Они были необходимы молодой Российской империи для отстаивания и продвижения своих геополитических и экономических интересов в Прикаспийском регионе. Задача развития торговли шелком, направление транзита этого товара исключительно через территорию России была приоритетной.

Первый российский посол – князь А.П. Волынский был отправлен в Персию Петром I в 1715 г. с целью подписать торговый договор с шахом и изучить военный потенциал этого государства в связи с перспективой начала военных действий[497]. Также Волынский должен был выяснить какое влияние в регионе имеет турецкая дипломатия, которая угрожала России в реализации здесь ее планов[498]. В результате посольства А.П. Волынскому удалось заключить торговый договор и добиться разрешения на открытие российского консульства в Реште для обеспечения интересов российского купечества[499]. Тогда же встал вопрос об учреждении персидского консульства в Астрахани для защиты интересов уже купцов-персиян.

Результаты Персидского похода вовлекли Россию в сложный клубок дипломатических и межэтнических противоречий. В 1723-1732 гг. прибрежные территории Северного и Южного Азербайджана были под контролем России, а большая часть Закавказья – Турции. Россия стремилась не допустить распада Персидской державы, в связи с этим, дипломатические контакты продолжались, но касались, в основном, торговых отношений. Еще до начала похода, в 1720 г., С. Аврамов и А. Баскаков были назначены

[496] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Дисс. … канд. ист. наук. Саранск, 2004. С.67.
[497] Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П. Волынского в Азербайджане (1716-1718 гг.). Баку, 1979. С. 23.
[498] Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в 1715-1718 гг. М., 1978. С. 64.
[499] Там же. С.73.

консулом и вице-консулом специальным петровским указом в Персии. Но законодательного закрепления в тот период их статус не получил[500].

После 1732 г., когда территории Азербайджана были возвращены Персии, в дипломатических отношениях между двумя странами на первое место вышли вопросы развития торговых отношений. И для защиты интересов торговых людей, в 1734 г. впервые встал вопрос правовой регламентации русской консульской службы на территории Персии. 5 статья Рештского мирного договора между странами гласила: «… в знатных местах для охранения купечества (торговли) быть некоторым персонам, умным с чином консула или агентов, которые могли бы в потребном случае за купецких людей в приключающихся обидах, иметь старание… чинить суд и произыскивать всякие способы, дабы купечество распространяться могло». Власти Персии брали на себя обязательство охранять консулов и агентов, предоставлять им охрану в необходимых случаях[501].

В декабре 1734 – январе 1735 гг. российские власти открыли консульство в Гилянском г. Реште, так как провинция была центром торгово-экономических связей. Отсюда отправлялся основной поток товаров в Россию, отсюда можно было оперативно влиять на ситуацию в Баку и Дербенте. В 1746 г. русский посол М.М. Голицын по указанию российского правительства просил Надир-шаха разрешить открыть консульства в Шемахе и Дербенте. Но шах был убит и идея так и не была реализована[502].

На период правления Надир-шаха приходится и первая попытка направить в Астрахань человека, который бы способствовал развитию торговли персидских подданных на российской территории. В 1746 г., незадолго до гибели, он отправил в город своего представителя Аджи Мухаммеда Шефи, который перед этим занимал должность «таможенного управителя в провинции Гилян». Российский посланник И. Бакунин сообщил, что шах назначил его на должность «мумалики теджар», то есть

[500] Астрахань-Гилян в истории российско-иранских отношений. Астрахань, 2003. С.25.
[501] РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д.35. Л.449.
[502] АВП РИ. Ф.77. Оп. 1, 1734. Д.7. Л.600, 608-610.

купца, торгующего от имени и на деньги казны. Согласно инструкции Аджи Мухаммед Шефи должен был постоянно пребывать в Астрахани и защищать интересы купцов - подданных шаха и «повсягодно купеческую должность исправлять, покупая и отправляя ис Персии по вся годно в Россию, а оттуда в Галандию шелк и прочие способные товары, а на против того ис Галандии и из России присылая в Персию потребныя на продажу, а не про собственный двора шахова обиход, всякие товары, сукна и прочее»[503].

Для организации упомянутой торговли Шефи получил из шахской казны около 100 тыс. руб. В предписании, выданном шахом, ему было приказано покупать товар непосредственно в Астрахани и не ездить в Москву и Амстердам[504]. Российский дипломат И. Бакунин со своей стороны сообщал, что несмотря на это, Шефи получил и другую инструкцию, в которой шах поручил ему все же иногда в Голландию выезжать. Консул выразил опасение, что тем самым может быть подорвана российско-европейская торговля. Также, исходя из огромной суммы выделенной Шефи, он опасался, что тот может совсем прекратить торговлю русских купцов в Персии, так как пока товары присланные Шефи не будут реализованы, шах может запретить торговать вообще кому бы то ни было аналогичными товарами[505].

Прибыв, вместе со свитой в 20 человек в Астрахань в начале навигации 1746 г., Аджи Мухаммед Шефи встретился с губернатором, которому передал письмо Надир-шаха. От астраханских властей ему была предоставлена квартира и охрана (унтер-офицер и двое солдат). Попытка расторговать привезенный товар в городе потерпела неудачу, с местными купцами не сошлись в цене и посланник шаха потребовал предоставить ему возможность проехать в Москву. Об этом губернатор доложил в Коллегию иностранных дел. В августе 1746 г. канцлер А.П. Бестужев, опасаясь, что запрет может привести к «негативным» результатам российское посольство

[503] ГААО. Ф. 394. Оп.1. Д.1087. Л.280об.
[504] РГАДА. Ф. 248. Оп.113. Д.1559. Л.86.
[505] ГААО. Ф. 394. Оп.1. Д.1087. Л.282-283.

отправленное тогда же в Персию, разрешил Шефи за свой счет отправиться внутрь России, в том числе и в Москву. Хотя это и противоречило интересам российской торговли в стране.

В сопровождении сына и слуг, Аджи Мухаммед Шефи отправился в Москву с товарами на 127 тыс. руб., главную часть которого составляли почти 2,2 тыс. пудов шелка. По приезде в город шахский посланник обратился в Контору Коллегии иностранных дел с требованием предоставить квартиру ему и сопровождающим и складские помещения для привезенных товаров.

В Москве Шефи задержался на полтора года, он сознательно завышал цену на привезенный товар, отказывался обменивать его на товары предлагавшиеся русскими купцами, вел переговоры с купцами-европейцами из Немецкой слободы и, в итоге, просил разрешить ему самостоятельно выехать в Западную Европу для продажи товаров. Российские власти всерьез забеспокоились, что Аджи Мухаммед Шефи наладит торговлю Персии в обход российских территорий и без российского посредничества. Появились даже сомнения – не шпион ли он?[506]

Это все не отвечало интересам Российской империи и русским купцам было приказано купить товары у Шефи не торгуясь. В итоге, он выручил 143 тыс. руб., с прибылью в 40%, что существенно превышало все ожидания. И так как делать ему больше в Москве было нечего, Шефи был отправлен в обратную дорогу, в Астрахань[507]. Тем временем и в самой Персии наступили смутные времена, которые не способствовали развитию интереса персидских купцов к развитию международной торговли.

Между тем, миссия Аджи Мухаммеда Шефи, была явной попыткой оптимизации персидской торговли посредством самих персидских купцов, минуя посредничество русских, а главным образом – армянских, купцов[508].

[506] Там же. Л.119-119 об.
[507] Там же. Л.126 об.
[508] Торопицын И.В. Попытки шахского двора наладить прямые торговые связи с западноевропейским рынком в первой половине XVIII в. // Россия и Иран. Пять веков сотрудничества. М., 2022. С. 21-29.

При этом Астрахань с ее достаточно большой персидской колонией мыслилась опорным пунктом этой торговли. И по примеру самой России правительство Надир-шаха намеревалось открыть в этом городе персидское консульство для обеспечения своих торговых интересов. Но попытка оказалась неудачной.

После убийства Надир-шаха в Персии начался длительный период нестабильности, в Северном Азербайджане – период феодальных междоусобиц между правителями ханств. Российская империя на фоне очевидного ослабления Османской империи во второй половине XVIII в. приступила к вынашиванию планов по завоеванию Закавказья и установления контроля над Персией.

В начале 1790-х гг., когда к власти пришел основатель династии Каджаров Ага-Мухаммед хан, который имел откровенно протурецкую ориентацию и подговаривал к антироссийским выступлениям азербайджанских и северокавказских правителей, российские власти решили сделать ставку на его противника Муртазу-Гули хана. Но последний проиграв на поле боя, бежал в Астрахань, где был принят русскими властями в 1790 г. В отместку Ага-Мухаммед разрушил порт Энзели, построенный русскими и разорил все российские консульства.

Муртаза-Гули хан вступил в российское подданство, пользовался покровительством властей и несколько раз посещал Санкт-Петербург, где получал подарки и средства на содержание. Российская дипломатия, по всей вероятности, надеялась использовать его в переговорах с Персией как посла, а может и в качестве следующего шаха. Постоянное место жительства хан имел в Астрахани, где за ним «приглядывали» губернские власти. Он пользовался большим уважением среди местных персиян. Некоторые из них считали его официальным представителем шахского правительства – консулом. Официально его именовали «владельцем Гилянской

провинции»[509]. В 1800 г. Муртаза-Гули хан скончался в Астрахани, где был с почестями похоронен на новом персидском кладбище[510]. Новая династия Каджаров, в силу своей слабости, не ставила до поры до времени задачи развития консульской службы в России. Этот вопрос был решен только после окончания войны 1804-1813 гг.

Между тем, в начале XIX в. российская консульская служба получила правовую регламентацию, а консулы – статус государственных чиновников. В их компетенцию, прежде всего, входила защита торгово-экономических интересов своего государства. Все это было зафиксировано в «Правилах в руководство российской миссии и консулам в Персии относительно торговли и защиты пребывающих там российских подданных» 1829 г. и закреплено в Торговом Уставе 1857 г. и консульских уставах 1887, 1893 и 1903 гг. В них регламентировалась и порядок рассмотрения дел в судах с участием российских подданных на иранской территории[511].

В связи с началом русско-иранских войн консульства Российской империи в Персии были закрыты. После их окончания и урегулирования всех спорных вопросов, в 1835 г. в Реште вновь открылось российское консульство. В предреволюционное время российские консульства были открыты в Тегеране, Бушире, Тавризе, Мешхеде (генеральные); в Реште, Астрабаде, Керманшахе, Кермане, Исфахане (консульства); в Урмии, Ардебиле, Хое (вице-консульства)[512].

После окончания войн первой трети XIX в. шахское правительство также задумалось об открытии консульств на юге России. И первым городом, в котором оно было открыто стала Астрахань, в которой была значительная колония «персидскоподданных» персиян. Точной, зафиксированной в документах, даты открытия консульства в Астрахани ни нам ни другим исследователям выявить не удалось. Но, уже с конца 1830-х гг. персидский

[509] РГИА. Ф.1575. Оп.3. Д.2446. Л.58-64.
[510] ГААО. Ф.1. Оп.10. Д.32. Л.1-3.
[511] Сафронова Е.В. Внутригосударственная организация консульской службы в России в XVIII-XIX вв. // Право и политика. – 2001. - №6. – С.117-122.
[512] Корсун Н. Военный обзор персидского театра военных действий. Тифлис, 1909. С.260.

консул в Астрахани в делопроизводственной документации фигурирует. Поэтому, на наш взгляд, вполне достоверно можно считать, что персидский консул в Астрахани появился в 1838-1839 гг. Историческое здание Персидского консульства на Набережной 1 Мая в Астрахани сохранилось. Бывшая усадьба мещанина Яковлева датируется началом XIX в., а с 1850-х гг. здание было продано и уже принадлежало консульству. С 1905 г. ранг Астраханского консульства повысился, оно стало генеральным.

Консульство в Астрахани действовало до 1933 г., когда персидским подданным советская власть предложила или покинуть СССР или вступить в советское гражданство. В итоге, подданные персидского шаха были депортированы, а консульство было закрыто. Архивные материалы содержат сведения о назначении персидских консулов в Астрахани с 1870-х гг. и до 1918 г., когда в России начались революционные события и Гражданская война[513].

Консулы в Астрахани назначались из родственников шаха или представителей персидской знати и пользовались огромным авторитетом у астраханских персиян, вне зависимости от того, были ли они персами или азербайджанцами, российскими или персидскими подданными. Под эгидой персидских консулов совершались дела благотворительности.

Консульские экзекватуры в Российской империи во второй половине XIX - начале XX вв. получали в разные годы подданные шаха Мирза Абдулла, Мирза Таги Хан, Мирза Махмуд, Мирза-Сеит Мохамед Хан, Мирза Элаак Хан, Мирза Абдул Хусейн Хан, Насруль-Везур, Гусейн-Баши Хан, Эмуфтах Эр Доул[514].

Если российская консульская служба в Персии в XIX в. имела четко обозначенный в законодательстве правовой статус, то персидские консулы в Астрахани абсолютно им не обладали. Дело в том, что отношения между Персией и европейскими странами во многом регулировались так

[513] Раванди-Фадаи Л.М., Атабаки Т. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М.2020. С.16.
[514] Астрахань-Гилян в истории российско-иранских отношений. Астрахань, 2003. С.45.

называемым «режимом капитуляций», согласно которым консульская юрисдикция определялась на основе неравноправных договоров. Отношения России и Персии регулировались статьями Туркманчайского мирного договора 1828 г., который предоставил российским подданным право консульской юрисдикции и четко определил ее объем, что было позже закреплено в «Правилах» 1829 г.

А вот в отношении персидских подданных в России, Туркманчайский договор привилегии консульской юрисдикции не предусматривал. Поэтому периодически возникали трудности во взаимоотношениях межу местными властями и персидскими консулами. Сами же персидские консулы, видимо, не были осведомлены о существующих юридических проблемах и вели себя в отношении персидских подданных находившихся в Астрахани так, как будто консульская юрисдикция, то есть административная и судебная власть, у них была[515].

В частности, это выражалось в непрекращающихся вмешательствах консулов в вопрос об определении количества проживавших в Астрахани «персиян» - подданных России и подданных Персии. Причем, даже «российскоподданные персияне» оправдывались перед губернскими властями, что персидские консулы не разрешают им подавать сведения о себе и своей семье для учета. В 1859 г. астраханское губернское правление обсуждало вопрос о том, что персидский консул выдал от своего имени документы на проживание в городе всем персидскоподданным персиянам, на что никаких прав не имел. Правление в своем решении признало эти документы незаконными, о чем довело до сведения консула. А персиянам рекомендовали впредь за такого рода документами обращаться к персидским властям[516].

Также отрицательно российские власти восприняли обращение консула Мирзы Таги Хана к персиянам, проживавшим в Астрахани от своего имени, с

[515] ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.452. Л.1-3.
[516] ГААО. Ф.2. Оп.1. Д.1573. Л.163, 178.

призывом решать вопросы, возникающие с российскими властями с ним, в Санкт-Петербургской газете «Русское слово». Эта публикация спровоцировала целый скандал. Российская сторона в лице официальных органов и общественности высказала недовольство. Губернатор по этому поводу вступил в переписку с Азиатским Департаментом МИДа. К ответу призвали персидского посланника, в итоге консул был отправлен в отставку[517].

В 1876 г. в Астрахани вышла в свет работа Д.В. Чичинадзе «Значение иностранных консулов. Права и круг их обязанностей». В ней автор перечислил «несовершенства» которые были свойственны персидской консульской службы в России: организация тюремных помещений при консульствах для «незаконного» суда и расправы над персиянами; выдача национальных паспортов персиянам без ведома российского правительства; отправка в Персию тех персиян, которые исключительно, только по мнению консулов, не должны были больше пребывать в России[518].

От этого очень страдали экономические интересы Российской империи. Нередко по произволу консулов, в интересах недобросовестных конкурентов-персов, из России высылались предприниматели, которые действовали в ее интересах. А некоторые «нежелательные», наоборот, получали разрешение на проживание. Между тем, в российском законодательстве четкие предписания по этим вопросам отсутствовали. А Чичинадзе утверждал, что персидские консулы не рассматривались в Российской империи в качестве представителей дипмиссий. На основании предоставлявшихся экзекватур за ними «признается значение должностных лиц представляемого государства, чья основная функция – помощь и покровительство представителям своего государства».

Консулы, как все иностранцы, согласно российским законам, были подсудны судам и должны подчиняться законам Российской империи на ее

[517] ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 174. Л. 1-2, 4-5; Д. 1573. Л.4-5.
[518] Чичинадзе Д.В. Значение иностранных консулов. Права и круг их обязанностей. Астрахань, 1876. С.1-8.

территории. И никаких полицейских полномочий, в действительности, выполнять были не вправе, даже в отношении подданных персидского шаха. Не могли они и предъявлять претензий или даже конфисковывать их имущество. В уголовные и гражданские дела с участием персиян «консулы не могут вмешиваться, но могут заявлять местным властям, если по их мнению, интересы соотечественников нарушены»[519].

На практике астраханские местные власти и персидские консулы на протяжении десятилетий вполне успешно взаимодействовали. Некоторые из консулов, по просьбе астраханских губернаторов, назначались в город шахом по несколько раз. Например, Мирза-Сеит Мохаммед Хан, который был консулом в Астрахани в 1887-1889 гг., затем вновь получил экзекватуру в 1891 г., чему способствовал положительный отзыв направленный астраханским губернатором в российский МИД. Также по ходатайству губернатора и поддержке Азиатского Департамента в 1892 г. консул Мирза-Сеит был награжден орденом Святого Станислава II степени[520].

Таким образом, на рубеже XVIII-XIX вв. в Астрахани, в результате социально-правовой политики Российского государства произошло отделение персидско-азербайджанской общины от Гилянского Гостиного двора. Процесс институализации персидско-азербайджанской общины занял небольшой промежуток времени, так как основные механизмы управления ею уже существовали в виде института векилей (персидских старшин). Во второй половине XIX в. завершилась социальная трансформация в структуре общины, в нее вошли не только предприниматели, но и неимущие слои, прежде всего прибывшие из Персии на заработки грузчики-амбалы. Большую роль в жизни общины в этот период играли персидские консулы, которые выполняли функции покровительства и защиты интересов не только «персидско-», но и «россископодданных» персиян.

[519] Там же. С.10-14.
[520] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.782. Л.5-5об., 8.

3.3. Подданнический статус и проблема учета численности персидско-азербайджанской общины в конце XVIII – начале XX вв.

Проблема определения социально-подданнического статуса персидско-азербайджанского купечества в Астрахани заинтересовала российские власти в конце XVIII - начале XIX вв. До этого времени особых претензий к иностранцам по вопросу их подданнической принадлежности не было. В зависимости от своих коммерческих интересов и личных соображений каждый купец, без какого-либо давления со стороны государства, сам решал для себя, в каком подданстве ему состоять, вступать или нет в российское гильдейское купечество. Такая ситуация сохранялась до 1780-х гг.

Но в связи с изменением геополитической ситуации и расширением границ Российской империи, отношение к иностранцам, и особенно персидским подданным, меняется. Еще в 1740-1760-е гг. российские власти сделали все возможное для того, чтобы подавляющее большинство армян - подданных Персии, торговавших в Астрахани, перешли в российское подданство. На фоне общего ослабления Персии законодательно был создан режим наибольшего благоприятствования этой группе успешных торговцев, чем они не преминули воспользоваться. После приобретения российского подданства, неожиданно для властей, армяне постепенно отходят от российско-персидской торговли и сосредотачиваются на других видах предпринимательства.

В отношении персиян-мусульман решения были иными. Как мы уже отмечали, в 1780-1790-е гг. для Астрахани осталось только одно актуальное направление – торговля с Персией и Закавказьем. Понимая, что персидское купечество (равно как и среднеазиатское) уже не может создать сколь-нибудь серьезные препятствия для развития астраханского направления торговли, правительство переходит к наступлению на права постоянно проживавших в Астрахани предпринимателей в этнических колониях – Гостиных дворах. К

тому времени большинство их жителей составляли мелкие торговцы или вообще люди, занимавшиеся наемным трудом. Закончилось это, как мы уже знаем, тем, что население Трех дворов постепенно инкорпорировалось в социальную группу астраханских мещан, с одной стороны, и в этническую группу астраханских татар, с другой.

Но в 1800-1820-е гг. ситуация меняется, российское правительство всерьез занялось вопросом подданнического и сословного статуса персиян, порой даже склоняясь к открытому «понуждению» азербайджанцев и персов к принятию выгодного для России решения. Связано было с тем, что в конце XVIII - начале XIX вв. на фоне непрекращающихся усобиц между азербайджанскими ханствами, а также азербайджанских ханств с Грузинским государством, объективной слабости Персии и Османской империи, Россия принимает решение о наступлении в Закавказье. Установление протектората над Грузией в 1783 г., Персидский поход 1796 г. и принятие Грузии в подданство России в 1801 г. были этапами российского завоевания Закавказья, которые неминуемо привели к российско-иранскому военному столкновению[521].

До начала российско-иранской войны 1804-1813 гг. российские власти особо не стремились «понуждать» крупных купцов-персиян менять подданство. Со времени утверждения сословного законодательства Екатерины II им было предоставлено право самим решать – принимать или нет российское подданство, вступать или не вступать в постоянное или временное гильдейское купечество. Купцы-персияне могли оставаться в персидском подданстве и при этом записываться в гильдии, что давало право свободно торговать на равных условиях с русскими купцами и в Астрахани и внутри России.

Понимая, что купцы - российские подданные все же были в более выгодном положении, чем иностранцы, некоторые персияне принимали решение принять подданство Российской империи. Они вступали в

[521] Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в к.30-н.40-х гг. XIX в. М., 1975. С.6.

постоянное городское гильдейское купечество или в общество татар Гилянского (Персидского) двора. Не были запрещены и обратные переходы. Эта свободная смена подданства нигде в официальных документах не фиксировалась, осуществлялась явочным порядком. Все это крайне затрудняло статистический учет и данные о количестве персиян в Астрахани в тот период приблизительны. Российские власти до поры также не поднимали этот вопрос.

Конечно, продвижение в Закавказье для России было вызвано не только политическими, но и экономическими причинами. Несмотря на господство феодальных порядков в России, в стране хоть и медленными темпами, но росла промышленность, прежде всего текстильная. Она нуждалась в дешевом и доступном сырье. Таким образом, «русский разлив» в Закавказье и Средней Азии стал следствием и экономических причин, о чем писали и свидетели событий и исследователи[522].

В результате войн с Персией 1804-1813 и 1826-1828 гг., из которых Россия вышла победительницей. Закавказье стало российским. Тогда и наступил момент, когда российское правительство озаботилось регламентацией сословно-правового статуса торгующих в России подданных шаха. Требовалось и уточнение (исходя из интересов победительницы – России) вопросов таможенного обложения этой категории предпринимателей. Мирные договоры с Персией – Гюлистанский (1813 г.) и Туркманчайский (1828 г.) решили эти проблемы. Об их содержании и влиянии на персидскую общину Астрахани мы уже писали во Второй главе настоящей диссертации.

Документом, регулировавшим торговые и подданнические отношения персидских купцов на территории Российской империи, стала конвенция от 3

[522] Булгарин Ф. Рецензия на Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. полковника барона Мейендорфа. // Северный Архив. 1826. Ч.22. №№14-15. С.225-246; Карпов Н. Экономика современной Персии. Тифлис, 1928. С.162.

июля 1844 г.[523]. В ней было установлено правило, что у купцов, пересекавших границу, обязательно должны быть в наличии удостоверяющие личность и подданство паспорт и особые разрешения от властей своих стран о переходе границы.

Положения конвенции формально распространялись на подданных и России и Персии, но на самом деле были направлены на подданных шаха. Фактически конвенция запретила им принимать российское подданство без уведомления о том персидской стороны. Правительство Ирана, наблюдая как наиболее состоятельные купцы, стремясь воспользоваться экономическими преимуществами, предоставлявшимися Гюлистанским и Туркманчайским договорами подданным России, меняли свое подданство и, как следствие выводили капиталы, хотело предотвратить и вообще запретить такие переходы. В конечном итоге, мирные договоры и конвенция, существенно повлияли на подданнический статус персидского купечества в Астрахани.

В первой половине XIX в. российское правительство продолжило развитие сословного законодательства и дальнейшую регламентацию прав и обязанностей отечественных и иностранных предпринимателей. Законодательные акты этого периода закрепили и статус персидско-азербайджанского купечества, проживавшего и торговавшего в Астрахани. Но прежде чем перейти к правовой фиксации какой-либо группы, необходимо было узнать ее численность и род занятий.

Впервые вопросами: сколько «персиян» проживает в Астрахани, каков их социальный и подданнический статус и чем они занимаются, власти задались в 1780-1790-е гг. Это было связано с тем, что екатерининское законодательство, в целом, было ориентировано на социально-правовое урегулирование статуса всех групп населения, проживавших в городах Российской империи. А во-вторых, с тем, что в это время персидско-азербайджанское купечество начинает уверенно доминировать в

[523] ПСЗ РИ-I. Т.XIX. №18242; Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими соединенными штатами. СПб., 1845. С.150.

астраханской международной торговле и задача их учета была важна уже с точки зрения фискальных интересов российского государства.

В связи с тем, что в 1780-1790-е гг. жители Гилянского двора были объединены с жителями Бухарского и Агрыжанского дворов в городское общество татар Трех дворов с четко прописанным статусом российских подданных и правами, определенными для российских мещан, наиболее состоятельной части общества было предложено записаться в гильдейское купечество. Все это привело к тому, что персидско-азербайджанская община начала XIX в. формировалась практически заново вне общества Гилянского двора, как мы уже отмечали ранее.

Связано это было с тем, что персы и азербайджанцы при любой возможности старались избежать какой-либо фиксации властями своего сословного или подданнического статуса, не хотели «входить в соприкосновение» с местными властями ни в каких случаях, кроме вопросов торговли. В редких случаях, исходя из соображений выгоды, записывались во временные российские купцы первой, второй или третьей гильдии. Например, в 1789 г., как следует из справки Астраханского купеческого общества, в 3 гильдию купечества записались 17 купцов, 12 из них – «персияне». Но если русские (5 человек) записались в постоянное купечество, то все персидские – во временное[524]. Чиновник, составивший ведомость, отметил, что в действительности, 12 человек записавшихся, это самое «мизерное количество» от всех персидских подданных – торговцев, которые проживали и торговали в городе.

В это время типичный социальный портрет купца-азербайджанца описывался в документах (например, в ревизских сказках за 1784 г.) следующим образом: «Первой гильдии, впредь на 3 года записавшийся исфаганский купец Мамед Таги Аджи Аббасов. Отроду 35 лет, холост, детей не имеет, дом не имеет, живет в Астрахани в лавке, пропитание имеет по промыслу в Персии и в разных российских городах, в службе нигде не

[524] ГААО. Ф.880. Оп.1. Д.56. Л.22.

бывал»[525]. То есть, М.Т. Аббасов предпочел семью свою в Астрахань с родины не вывозить, недвижимость не приобретать, надеясь, видимо, быстро сколотить капитал и отбыть на родину.

Местные власти, в фискальных и полицейских целях, конечно же, старались препятствовать такой практике персиян, направленной на отказ от какого-либо учета в Астрахани. Но, с другой стороны, стратегические интересы Российского государства, оказывались в прямом противоречии с намерениями местных астраханских властей. Санкт-Петербург стремился к тому, чтобы в глазах купцов из Закавказья (прежде всего) и самой Персии был сформирован положительный образ России, которая уже приступила к завоеванию Кавказа. Ввиду этого, как десятилетиями ранее в отношении армян, в отношении персиян был создан режим благоприятствования в коммерческих и социальных вопросах. Многочисленные свидетельства отложились в архивных фондах.

Например, летом 1792 г. персидские купцы «числом более 30 человек» направили Кавказскому генерал-губернатору (в это время Астраханская губерния входила в состав Кавказского наместничества) жалобу на действия Городской Думы г. Астрахани. Последняя конфисковала товары, с целью заставить персиян «записаться в городскую обывательскую книгу», то есть определиться со своим сословным статусом и выплачивать налоги и гильдейские сборы, в соответствии с законами Российской империи.

Генерал-губернатор П.С. Потемкин ответил в примирительном тоне, он «довел до сведения Думы», что персияне «по своему азиатству» не имели никакого представления о необходимости соблюдения сословного законодательства и предложил городским властям сотрудничать с таможней. Последнюю он обязал, чтобы всякому прибывшему к Астраханскому порту персидскому купцу разъяснять правила и рекомендовать им записываться в астраханское купечество, так как иначе они не смогут реализовывать свои товары в розницу. И брать при этом «подписки» о том, что купцы

[525] ГААО. Ф.687. Оп.3. Д.2. Л.3-53.

разъяснения эти получили. Конфискованные товары губернатор распорядился вернуть владельцам и также им все правила разъяснить[526].

И также, как и армяне ранее, персияне – предприниматели сумели с выгодой для себя использовать все преференции и режим благоприятствования, созданный российским правительством, для увеличения своих капиталов и упрочения положения в российско-персидской торговле через Астрахань. Российские власти в свою очередь, надеялись экономическими методами обеспечить свое политическое доминирование в Персии и Закавказье.

Этой же цели служило и покровительство персидскому купечеству, которое прослеживается вплоть до середины XIX в., когда вопрос с Закавказьем был окончательно решен в пользу Российской империи. Российские власти в Астрахани и в центре в течении нескольких десятилетий последовательно всякий инцидент возникавший между персидскими купцами и различными органами исполнительной власти, решали с позиций удовлетворения интересов персиян. Порой, чиновники нижнего и среднего рангов получали достаточно серьезные «взыскания» от начальства, если их действия потенциально или напрямую наносили ущерб развитию астраханской российско-персидской торговли.

Так, в 1796 г. 8 персидских купцов (в действительности азербайджанских из Баку и Ленкорана), проживавших и «имевших торговлю» в Астрахани «поспособствовали» увольнению почти всего штата местной таможни. Они жаловались, что таможенные чиновники занимаются непосредственно делами таможни не более 3-4 часов в день, при этом не вникая особо ни во что. В результате, все дела торговцев «приостановились», от чего терпят убытки, так как не могут в короткие сроки пройти таможенные досмотры и пересечь границу. По специальному распоряжению, рассмотревших жалобу, кавказского наместника П.М. Скаржинского и президента Коммерц-Коллегии графа А.Р. Воронцова, взамен уволенных

[526] ГААО. Ф.476. Оп.1. Д.505. Л.1.

таможенных чиновников были «откомандированы» в Астраханскую таможню чиновники из наместничества[527].

Присланные новые чиновники получили наставление от астраханского генерал-губернатора И.В. Гудовича, который советовал, чтобы таможенники «старались со всевозможным попечением должности свои по точной силе законов исправлять с прилежностью, справедливостью и порядком, под опасением, в противном случае, строжайшего по законам взыскания»[528].

Астраханская Городовая Дума, состоявшая на рубеже XVIII-XIX вв. из купцов – русских и армян, которые в это время уже окончательно уступили позиции персиянам в торговле и опасались теперь конкуренции в рыбной промышленности, представила свой взгляд на персиян, живших в то время в Астрахани. Гласные писали, что всеми «снисхождениями» которые делают власти в отношении персиян (и вообще всех азиатцев), последние пользуются весьма умело и «со всей хитростью этим народом свойственной». «Под видом простоты», незнания языка, российских законов, пользуются всеми выгодами и, как бы сказали сегодня, занимаются «недобросовестной конкуренцией» в сфере международной торговли, всячески уклоняются от платежей любых повинностей. В результате русские и армянские купцы от этой торговли совсем «отстраняются», так как вынуждены соблюдать все законы, «платить капитальные деньги, равно как и другие подати и повинности», обязаны при этом «нести городовые службы и торговать не иначе как с ограничением права по той гильдии, в которой записаны». И в этой ситуации, не могут получить от торговли прибыль, такую как «одинакового с ними состояния персиянин не несущий никаких, ни личных, ни вещественных повинностей и пользующийся при том неограниченным правом торговли всех трех гильдий, получать может». Следствием этого, считали астраханские купцы, будет то, что «российским купцам 2-й и 3-й

[527] РГИА. Ф.18. Оп.4. Д.504. Л.6.
[528] ГААО. Ф.476. Оп.1. Д.476. Л.1.

гильдий в Астрахани делать будет нечего. Иностранцы, присвоив сего рода торговлю, подавят их совершенно»[529].

Действительно, позиция астраханских властей на протяжении первой половины XIX в. четко демонстрирует, что они оказывали явное покровительство персидскому купечеству и «закрывали глаза» на многие факты несоблюдения таможенного, гильдейского, торгового и сословного законодательства со стороны персиян. Это свидетельство того, что ввиду продвижения Российской империи в Закавказье и в Средней Азии, Астрахань и городская шиитская торговая община играли очень важную роль в российско-иранских отношениях. И власти (в лице самого губернатора) на вопросы со стороны российских купцов, Казенной палаты, почему уклоняющиеся от уплаты пошлин персидские купцы никак не наказываются, отвечали, что те имеют на это право на основе «традиционного по способу торговли» положения в городе.

Причины такого покровительства в первой половине XIX в. имели и экономическую и политическую подоплеку. Российская империя начинает продвижение в Среднюю Азию, окончательно утверждается в Закавказье, активизируется на Ближнем Востоке, рассчитывая решить «восточный вопрос» в свою пользу[530]. В этой ситуации важны были любые союзники, тем более влиятельное персидское купечество, связанное с политической элитой Ирана, в том числе и родственными узами.

Сами персидские купцы имели значительный экономический вес на западном и восточном побережьях Каспийского моря и, в обмен на гарантии покровительства в торгово-экономической деятельности на Каспийско-Волжском пути и во внутренних губерниях, продвигали там политические интересы России. Эти обстоятельства неоднократно упоминали российские консулы в Персии в своих донесениях в МИД. Например, российский посол в 1830-е гг. в Иране И.А. Симонич писал в своих воспоминаниях о том, что

[529] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1070. Л.27.
[530] Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е гг. XIX в.). М., 1968. С.122.

купцы-персияне в Персии, неразрывно связаны с Россией торговыми отношениями через Астрахань и крайне заинтересованы в ее «поддержании»[531].

Об особом привилегированном статусе персидских купцов в Астрахани свидетельствует отношение к ним российских властей в период русско-персидских войн 1804-1813 и 1826-1828 гг. Войны эти, если следовать логике, должны были, так или иначе, привести к определенным ограничениям в их социальном положении и торговле, так как персияне являлись подданными вражеской стороны. Но прослеживается противоположное, покровительственное отношение.

Сразу же после начала военных действий, в 1805 г., был издан указ, согласно которому все движимое имущество (товары), а также недвижимость (торговые и промышленные предприятия), принадлежавшие персидским подданным, должны были быть конфискованы, «впредь до окончания» войны. Но астраханские власти, несмотря на то, что указ до них был доведен, не спешили его исполнять.

Дело было в том, что астраханские персияне поспешили заявить о своем переходе в российское подданство, и власти предпочли быстро этому «поверить», даже не истребовав никаких подтверждающих документов от них. Закрывали власти глаза и на то, что товары персидских купцов, которые подлежали конфискации, вдруг оказывались «собственностью» русских и армянских астраханских купцов. Во время второй войны ситуация повторилась, тем более что и длилась она очень короткое время, по сравнению с первой.

Но самое удивительное то, что в период войн совсем не прекращалась торговля между двумя странами. Конечно, объемы ее несколько сократились, но торговые суда в период навигации регулярно перевозили грузы по Каспийско-Волжскому пути. А владельцами этих судов были все те же персияне, которые в первые десятилетия XIX в. приобрели в собственность

[531] Симонич И.А. Воспоминания полномочного министра. 1832-1838 гг. М., 1967. С.98.

или арендовали значительную часть астраханской торговой флотилии (на рубеже 1820-1830-х гг. персиянам принадлежало 31 из 45 астраханских торговых судов)[532].

Во время войн продолжали ввозить из Персии хлопок и шелк, как сырец, так и «в деле» - в них очень нуждалась молодая российская промышленность. Мануфактурные товары и иные промышленные «произведения» везли из России. Кроме того, на судах персидских купцов осуществлялась перевозка продовольствие и оружие для русских войск в Закавказье[533]

После окончания военных действий в 1828 г. сразу шестеро астраханских купцов «из персиян», которые заявили о том, что являются российскими подданными (в действительности этот факт никто не проверял – Р.П.), удостоились благодарности императора Николая I за помощь российским войскам, которую они оказали на своих судах в период войны.

С самого начала Крымской войны, вновь появилась необходимость бесперебойного снабжения войск на Кавказском фронте провиантом и боеприпасами. И вновь откликнулись персияне-судовладельцы. Уже летом 1854 г. Аджи Джават Шафеев, Абдул-Меджид Рамазанов, Сафар-Али Бабаев, Аджи Усейн Рзаев, Аджи Молла Алескер Усейнов и Мир Амид Хан Мир Багиров получили личную благодарность Николая I за помощь российским войскам. За купцов ходатайствовали лично астраханский губернатор и министр внутренних дел[534].

Конечно, предпринимались определенные усилия, чтобы владельцами судов были российские подданные, но русские и армянские купцы, как мы отмечали выше, предпочитали заниматься более прибыльной рыбопромышленностью, а не торговлей по Каспийско-Волжскому пути. Впрочем, с присоединением Закавказья к России «персияне» спокойно объявляли себя «российскоподданными» жителями Северного Азербайджана

[532] ГААО. Ф.1. Оп.9. Д.381. Л.25.
[533] Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII – нач. XIX вв. М., 1947, с.24.
[534] Астраханские губернские ведомости. – 1854. – №25.

без предъявления каких-либо подтверждающих документов. Российские власти охотно верили и вопрос решался, ко всеобщему удовлетворению, без каких-либо дополнительных разбирательств[535].

Еще одной серьезной уступкой астраханских властей (гражданских и таможенных) стало то, что они фактически «не замечали» нарушений купцами-персиянами сословного законодательства, закрепленного в гильдейской реформе 1824 г.[536]. Согласно закону, торговать с заграницей имели право только купцы 1 гильдии. А подавляющее большинство персидских купцов ни в какие гильдии вообще не записывались. Но власти упорно «не замечали» этих нарушений, хотя в отношении русских купцов неукоснительно следовали букве закона. Это обстоятельство стало еще одной причиной перехода торговой флотилии в руки персиян в рассматриваемый период.

В связи с тем, что русско-иранская торговля через Астрахань в первой половине XIX в. развивалась достаточно динамично, и объемы привоза и вывоза достигали 2 млн. руб. в год, российская казна могла рассчитывать на поступление до 100 тыс. руб. пошлин. И так как основными торговыми посредниками выступали персидские купцы, то они же были и главными плательщиками этих пошлин. Таможенное начальство в этой ситуации, следовало рекомендациям российских и астраханских властей, в создании благоприятных условий для персидских купцов.

В делопроизводственных документах Астраханского губернского правления отложилось значительное количество дел, в которых все просьбы и жалобы персидских купцов на чиновников таможни, даже нарушающие законодательство, решались в их пользу. Так, например, в 1802 г. восемь персидских купцов обратились к губернатору с жалобой на действия таможенных чиновников в Седлистовском карантине, которые «сверху» пошлин вымогали с них взятки, намеренно задерживая товары в карантине

[535] ГААО. Ф.1. Оп.9. Д.381. Л.25.
[536] Рындзюнский П Г. Гильдейская реформа Канкрина 1824 г. // Исторические записки. М., 1952. С.118.

под различными предлогами. Астраханский военный губернатор К.Ф. Кнорринг распорядился не только немедленно «выпустить» товары купцов, но и показательно наказал чиновников штрафами. При этом таможенниками пытались оправдаться тем, что персидские купцы совершали подлоги о количестве и качестве ввозимых товаров. Но губернатор эти возражения во внимание не принял[537].

В 1811 г. к астраханскому губернатору А.П. Тормасову обратился с жалобой астраханский 1 гильдии купец из персиян Реджеп Аджи Абашиев также на таможенных чиновников, которые по его словам «незаконно удерживали в течении полугода принадлежащее ему судно с товарами», в связи с чем он не успевает эти товары «к сроку» на Нижегородскую ярмарку доставить. Губернатор заставил чиновников извиниться перед купцом, также ему выплатили неустойку[538].

В 1847 г. десять персидских купцов привезли товары на таможню в июле месяце, у них было очень ограниченное время, чтобы успеть доставить их к Нижегородской ярмарке. Но таможенники заставили их два раза разгрузить и погрузить товары, чтобы «перемерить и пересмотреть», перед подачей сведений о товарах в таможню и оплатой пошлин. Затем заставили разгрузить и перемерить еще раз. Начальник Астраханского Таможенного округа принял сторону персиян, сделал «серьезное внушение» своим подчиненным и приказал немедленно их отпустить на ярмарку с извинениями[539].

Как видим, власти – военные, гражданские и таможенные всегда были на стороне персидского купечества. Власти во всех случаях интересовались и подданническими отношениями купцов-персиян. Особо делая акцент на том, что если персияне – «русскоподданные», то вообще, никаких препятствий им «чинить не стоит», а наоборот, «оказывать покровительство». Но при всем этом, проблема подданнических отношений персидских купцов из Южного и

[537] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.2214. Л.1-6.
[538] ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.1250. Л.1-2.
[539] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.802. Л.2-8.

Северного Азербайджана к российской короне, не была окончательно урегулирована в течении всего XIX в.

Нежелание записываться в гильдейское купечество и упорное сопротивление персидских купцов «записке», были вызваны и тем, что в 1775-1821 гг. гильдейские платежи росли постоянно. Например, ежегодный платеж первогильдейских купцов за этот период вырос более чем в 32 раза. Вырос и размер капитала, который должен был иметь купец, чтобы вступить в первую гильдию – в 5 раз, а по третьей гильдии – в 16[540].

Российские власти, конечно, были заинтересованы в том, чтобы азиатское купечество вступало в гильдии и переходило в подданство Российской империи. Но при этом они боялись «давить» и предпочитали методы «пряника», которые выражались, как мы видели, в создании режима наибольшего благоприятствования. Крупнейший советский специалист по истории сословной политики России П.Г. Рындзюнский отмечал, что эти особенности правительственной политики «отразились в сравнительно многочисленных, но слабо растущих определенных группах горожан, среди которых можно упомянуть и переселившихся и льготных жителей (к их числу как раз можно отнести подавляющее число мусульман-предпринимателей в регионе – Р.П.) окраинных городов»[541]. Это напрямую касается группы персидского купечества в Астрахани.

В гильдейское купечество в Астрахани, персидские купцы в первые десятилетия XIX в., вступали в связи с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это были векили – старшины персидской городской общины, для которых вступление в гильдию – первую, означало легитимизацию, возможность и право вступать в диалог с властями по любым экономическим и социальным вопросам. Также в гильдии вступали те, кто приобретал значительную недвижимость – жилую и коммерческую, мануфактуры и

[540] Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С.63.
[541] Там же. С.372.

торговые суда. Так создавались гарантии сохранности имущества, а в период русско-иранских войн и возможность продолжения торговли на Каспии.

Но, как только победы русских войск в войне 1804-1813 гг. стали очевидными, российские власти усиливают давление на персиян (конечно, в первую очередь закавказских) для «понуждения» их вступить в гильдии и в подданство. Политика «пряника» закончилась в 1807-1808 гг. В это время, как следует из ведомости Астраханской Казенной палаты, в городе проживали 358 торговцев-«персиян», большинство из которых были азербайджанцами (в соответствии с местом рождения)[542].

В связи с изменившейся политикой, получившей, к тому же, и законодательное оформление – в Манифесте от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий», в Астрахани встал вопрос о необходимости вступления в гильдейское купечество проживавших здесь «персиян». В условиях идущей войны это отвечало и интересам самих купцов.

В действительности, вступление в гильдию и, как следствие, в подданство, не было для персиян каким-то ограничивающим обстоятельством по отношению к своей родине. В зависимости от политических и экономических обстоятельств, они легко объявляли себя «российскими» в России, и «шахскими» в Персии. Могли заявить о том, что они «иностранные» купцы и в самой России при изменившейся конъюнктуре, невзирая на сохранившиеся документы и свидетелей смены подданства ранее. Были и те, кто приезжал в Россию совсем без документов, удостоверяющих личность или с просроченными паспортами, и свободно заявляли о себе как о российских, персидских или даже европейских купцах, в зависимости от выгодности ситуации[543].

[542] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.4212. Л.2-3, 19.
[543] Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских отношений XVIII -I пол. XIX вв. Саранск, 1977. С.202.

Во время русско-иранских войн торговля совсем не прекращалась. Но при этом, российские власти делали распоряжения о конфискации товаров у «персидскоподданных» в Астрахани и запрещении им торговли на время военных действий. Поэтому эти купцы принимали решение вступить в подданство и гильдии, чтобы продолжить торговлю. На 1808 г. такое решение приняли Махмет Наурузов (бакинский персиянин, третья гильдия), Агамир Алиев и два его племянника (ленкоранские персияне, вторая гильдия, Ахмет Магомедов (тифлисский житель, вторая гильдия)[544].

Медленно, но уверенно, росло и количество купцов «персидского» происхождения в городе. В последние десятилетия XVIII – первые годы XIX вв. каждое торговое судно, прибывавшее к Астраханской таможне от персидских портов и от Мангышлака, привозило торговцев из прибрежных провинций Персии и закавказских ханств. Только на одном торговом судне «Св. Василий» летом 1798 г. в Астрахань прибыли из Мазендарана: 3 мазендаранских персиянина (1 «для торговли в Астрахани» и 2 его слуги); 3 гянджинских персиянина, «для торговли». Тогда же из Зензилей на другом судне «Св. Николай»: 2 дербентских персиянина (купец и его слуга); 3 казбинских персиянина, для торговли; 1 гилянский персиянин; 2 ширванских персиянина (купец и слуга); 2 мизандаранских (купец и слуга)[545]. И не все они покидали Астрахань, как мы видим некоторые оседали в городе и «заводили» здесь торговлю. Также мы видим, что наряду с состоятельными купцами прибывали и их слуги, которые также вместе со своими хозяевами оставались в городе и пополняли постепенно число «персидской бедноты».

В преддверии закрытия навигации, в конце осени, количество купцов-персиян, прибывавших в Астрахань с целью перезимовать в городе, увеличивалось. Таможенники в ноябре 1800 г. сообщали в Думу о прибывших: на судне «Св. Петр» из Баку прибыли 3 ширванских персиянина,

[544] ГААО. Ф.687. Оп.2. Д.412. Л.6-8.
[545] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1280. Л.4,22.

6 гянджинских, 2 дербентских, 4 тавризских. На шкоуте «Св. Григорий» из Дербента: 9 кубинских персиян и 1 дербентский[546].

Тем не менее, до начала 1870-х гг. городские астраханские власти так и не могли сосчитать точное количество персиян – «русскоподданных и «персидскоподданных» персиян. Хотя на протяжении последних десятилетий XVIII и первой половины XIX вв. такие попытки несколько раз предпринимались. Всякий раз удавалось доиться лишь «приблизительных» сведений. И связано это было не только с уклонением персиян от учета, но и с их высокой мобильностью. По своим коммерческим делам персы пересекали границу в обе стороны иногда несколько раз в год, «проезжали» во внутренние губернии России и на Нижегородскую ярмарку, в столицы. Также они вступали во временное и постоянное гильдейское купечество не только в Астрахани, но и в других российских городах, а проживали и торговали в Астрахани, но учету не подлежали. И даже оказавшись в российском подданстве после 1813 и 1828 гг. как жители присоединенных закавказских ханств, часто продолжали называть себя на таможне подданными шаха.

После окончания русско-иранской войны 1804-1813 гг., чтобы все-таки понять сколько закавказских купцов – новых подданных, проживает в Астрахани, Первый Департамент Сената запросил у губернской казенной палаты списки всех «персиян», торговавших в Астрахани в 1814 и 1815 гг., а затем предоставлять их ежегодно[547], что, впрочем, исполнено не было.

Векиль Мирза Абдулла Кязимов, весной 1816 г., в ответ на запрос казенной палаты, ответил, что затрудняется исполнить это распоряжение и представить списки. Он писал, что те «персияне», которые торгуют в Астрахани, в городе «пребывают короткое время», так как после распродажи товаров предпочитают уезжать домой, в Персию и ханства. Некоторые летом возвращаются по несколько раз, но не для «жительства постоянного», а для

[546] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1745. Л.253-256.
[547] ГААО. Ф.687. Оп.3. Д.35. Л.37об.

«оного изворота по коммерции, другие остаются в Персии на непременном жительстве». Но некоторые, постоянно живущие в городе, к числу которых староста относил и себя, записываются в гильдейское купечество и считают себя российскими подданными. В 1816 г. таких, с его слов, было 15 человек[548], пятеро состояли в первой и второй гильдиях[549]. Поэтому, согласно официальным данным, на основании учета этих, численность «записавшихся», была небольшой.

Следующий запрос о численности последовал в персидское общество из казенной палаты в 1824 г. Связано это было с очередной сословной реформой, закрепленной в Манифесте и введением в действие нового астраханского Городового устава, по которому устанавливались для торгующих с заграницей новые пошлины в пользу городской казны. В соответствии с предоставленной от векиля справкой, в астраханском второгильдейском купечестве состояли четверо «персиян», а «постоянно жительствующих» в городе насчитывалось 27, в собственности которых тогда находилось 4 каменных и 13 деревянных дома в престижных 1 и 2 участках города. 372 «персиян» были названы векилем «временно прибывшими» и не владеющими недвижимостью». Также староста отметил, что все «пребывающие» в городе персияне занимаются торговлей[550].

А вот чиновники казенной палаты добавили от себя, что совершают персияне торговлю «как кому вздумается», то есть без соблюдения каких-либо социальных и правовых норм Российской империи. С точки зрения российских интересов персияне «обторговывали» государство и российское купечество. Со своей стороны, русские и армянские купцы требовали от правительства навести порядок и заставить астраханских и российско- и персидскоподданных «персиян» соблюдать торговое и сословное законодательство России[551].

[548] Там же. Л.38.
[549] Там же. Л.64.
[550] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1070. Л.68.
[551] ГААО. Ф.1. Оп.10. Д.1259. Л.119-122; Оп.16. Д.277. Л.8об.

Данные за 1824 г. имеют большое значение в контексте того, что они зафиксировали существенные социальные изменения, происходившие в персидско-азербайджанско-шиитской общине Астрахани после заключения Гюлистанского договора. Присоединение азербайджанских ханств к Российской империи и оживление торговли при Астраханском порте привело к тому, что в город устремились азербайджанцы и персы, не имевшие никакого капитала, в надежде, что сумеют быстро разбогатеть здесь. То есть теперь община состояла не только и не столько из «капиталистых» купцов, в ней вливаютсяпоявляются и неимущие слои, увеличивается количество женщин. Эта «персидская беднота» поступает в услужение к богатым единоверцам, заводит мелочную розничную торговлю в городе, постепенно формируются бригады персидских портовых грузчиков – амбалов.

В отличие от богатых купцов, бедняки охотно соглашались признать себя российскими подданными, прибегая в случае необходимости не к судейскому разбирательству у шиитского судьи-кади, а к светскому – в российском гражданском суде. Так, И. Аксаков, сопровождавший сенатора П.П. Гагарина, ревизовавшего Астраханскую губернию в 1844 г., отмечал в своих путевых записках: «Нынче приходил ко мне персиянин с жалобою на уездный суд, и обстоятельства его дела касаются его жены, побега тещи, неверности и пр. Каково! Под сению русских законов персиянин-магометанин идет свободно рассказывать русскому о своих домашних делах, о жене, а не разделывается с нею азиатским манером. Удивительно доверие, внушаемое русским правительством; как легко, удобно, свободно помещаются между русскими азиатцы, вовсе не дичась и свыкаясь с требованиями правительства»[552].

В 1830 г. община увеличилась до 39 человек, еще 8 купцов числились в астраханском гильдейском купечестве[553]. Следующая попытка выяснить количество проживавших и торговавших в Астрахани персиян относится к

[552] Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988. С.48.
[553] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.42. Л.54-56об.

1831 г. Сенатский ревизор А.П. Лавров направил запросы в губернское правление и персидскому старосте, с требованием представить ему сведения о количестве торговавших в 1828-1830 гг. здесь «персиян» и о том, где и у кого они снимают помещения под склады. Векиль Ага Баба Яхъяев сообщил, что в июне 1832 в городе находилось 39 купцов-персиян, которые торговлей здесь занимались на постоянной основе как раз с 1828 г.

Квартальный надзиратель 2 участка добавил в ходе дознания, что знает еще 9 человек таких торговцев, четверо из которых были «отысканы» и представили подробные сведения о своих экономических занятиях в Астрахани: 1. Яхъя Курбанов (дербентский персиянин) сообщил, что в Астрахани уже больше десяти лет, занимается оптовой торговлей фруктами, снимает помещения «для складки товаров» у частных лиц, у которых снимал и квартиру; 2. Ага Мирзоев (мазендаранский персиянин), в Астрахани проживал примерно столько же и занимался тем же, товары складировал в снимаемой квартире, в подвале в Индийском дворе; 3. Машады Баба Усейнов (казбинский персиянин), в 1830 г. обанкротился, до этого занимался торговлей несколько лет; 4. Таги Аджи Ходжаев (тавризский персиянин), в последние пять лет никакой торговлей в Астрахани не занимался, торговал исключительно в Нижнем Новгороде, а товары отправлял в Персию через Астраханский порт[554].

В 1840 г. по подсчетам учителя астраханской гимназии и краеведа М. Рыбушкина, в Астрахани проживало около 400 человек «персиян». Он писал, что лишь некоторые из них имели недвижимость – собственные дома. Остальные селились в арендуемых квартирах и помещениях в Персидском и иных подворьях – караван-сараях. В основном они занимались торговлей[555]. Сколько из них «русскоподданных», автор не знал. В 1844 г. И.С. Аксаков отметил, что «хитрые, способные и умные» персияне, умело пользовались преимуществами, которые давали российские власти этой группе купцов, а

[554] Там же. Л.31.
[555] Рыбушкин М. Записки об Астрахани. Астрахань, 1841. С.72.

«многие из персидских купцов, не русских подданных, астраханские купцы первой гильдии, знают даже и грамоту русскую»[556]. То есть и в 1840-е гг. вопрос с подданническим статусом персидского купечества в Астрахани решен не был.

Но все же, под влиянием геополитических побед России и изменения условий и конъюнктуры торговли в Астрахани в 1820-1840-е гг. число персиян, вступавших в подданство и в гильдейское купечество, живших в городе на протяжении длительного времени, постепенно увеличивалось по сравнению с предыдущими десятилетиями. Причем это были купцы, происходившие не только из Закавказья, которое стало российским, но и непосредственно из персидских провинций.

Вступление в гильдии происходило явочным порядком, когда сам предприниматель подавал заявление в казенную палату. В начале 1825 г. так поступил гилянский персиянин Мамед Усеин Халилов. В своем прошении он отметил, что проживает в Астрахани более 20 лет, где занимается «купеческой коммерцией», а теперь «вознамерился» вступить в российское подданство и «записаться» в купечество третьей гильдии. Прошение скрепил подписью, «освидетельствовал» векиль – персидский старшина, Титулярный советник Мирза Абдулла Визирев[557].

После того, как Закавказье было окончательно присоединено к Российской империи, азербайджанские купцы из бывших ханств оказались «лишними» в российско-иранской торговле. Но продолжали прибывать в Астрахань и оседать здесь. Теперь их целью была торговля внутри России и на ярмарках. Главным товаром стали свежие и сушеные фрукты. Внутри России, чаще всего заявляли о себе как об иностранных подданных (так было в 1850-е гг. на Нижегородской ярмарке[558]). Но при проверке выяснялось что каких-либо «узаконенных видов» от персидских властей они не имели, или –

[556] Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849. М., 1988. С.48.
[557] ГААО. Ф13. Оп.1. Д.40517. Л.1.
[558] Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских отношений XVIII -I пол. XIX вв. Саранск, 1977. С.202.

просроченные, и в итоге предъявляли документы российских подданных «из вновь приобретенных от Персии провинций и Грузии от местных начальств»[559]. С 1840-х гг. они предпочитали вступать в российское купечество в приграничных городах, в числе которых была и Астрахань.

Несмотря на то, что данные о численности персиян в городе старостами подавались, в первой половине XIX в., точных сведений о том, сколько из проживавших в Астрахани «персиян» являются «персидскоподданными», не имели ни российские местные власти, ни сами члены городской общины, ни персидская консульская служба. В 1834 г. персидский старшина Ага Баба Яхъяев был задушен неизвестными, началось следствие. В ходе него, пристав А.И. Михельсон, проведя опрос персиян, не смог установить местонахождение 44 человек, которые числились в списках общества как «персидскоподданные». Персидский консул в Астрахани также не смог прояснить ситуацию, предположив лишь, что, возможно, все они уже умерли[560].

Для астраханской администрации трудно было установить и территориальную принадлежность «персиян». Место происхождения: ленкоранский, гилянский, бакинский и т.д. и т.п. – записывалось со слов самого персиянина, прибывшего в Астрахань и проверить его слова не представлялось вообще возможным. В деле 1814 г. об удовлетворении иска ленкоранского персиянина Мамед Асана Алиева о взыскании долга, истец отметил, что ответчик Асан Аджи Алиев при подписании векселя назвал себя хоинским персиянином, а позже «обозначил» себя тавризским[561].

Между тем, после окончания русско-иранских войн и присоединения Закавказья, для российских властей было очень важно определиться с происхождением купцов-«персиян». «Персияне»-азербайджанцы из ханств Северного Азербайджана теперь априори были российскими подданными и в случае вступления в гильдейское купечество уже не должны были приносить

[559] ГААО. Ф13. Оп.1. Д.40517. Л.1.
[560] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.42. Л.32об.
[561] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.536. Л.1.

присяги российской короне. Но большинство «персиян»-купцов предпочитали «хитрить». При торговле внутри России, где могли проверить паспорта – называли себя «персиянами» из вновь присоединенных ханств, российскими подданными. Когда участвовали в международной торговле через Астрахань – подданными шаха из Персии. Российским властям ничего не оставалось, кроме как верить «на слово». Это затрудняло учет «персидскоподданных» и «российскоподданных» персиян, как следствие – таможенное и налоговое обложение сильно страдало. Персидские власти всячески потворствовали ситуации, укрывая на своей территории и признавая своими подданными любых купцов-шиитов, вне зависимости от их действительного происхождения.

Но все же «вольница» постепенно уходила в прошлое. Российские власти, где было возможно, наводили порядок в сословно-подданническом вопросе. Так, по российскому законодательству, было запрещено владеть мореходными судами купцам второй гильдии. В 1822 г. после длительных разбирательств временному астраханскому купцу из ленкоранских («персидскоподданных») персиян Али Медыеву, Городская Дума прямо указала на невозможность владения торговым судном и обязала его продать, так как он является иностранцем. Если будет намерение оставить – пусть вступает в российское подданство и постоянное купечество[562]. Медыев в будущем (как следует из губернских делопроизводственных документов 1830-х гг.), стал и российским подданным и постоянным купцом 2 гильдии.

Результатом такой политики российских центральных и региональных астраханских властей стало то, что купцы со значительными капиталами, предпочли сделать окончательный выбор в пользу России и Астрахани. Это были настоящие «столпы» астраханского общества первых двух десятилетий XIX в. «Страшными богачами», которых «можно узнать по дороговизне и несколько большей опрятности костюма»[563]. в 1810-1820-е гг. в Астрахани

[562] ГААО. Ф.1. Оп.6. Д.2416. Л.39об.
[563] Аксаков И.С. Письма к родным 1844-1849 гг. М., 1988. С.236.

были купцы Шафиев, Рзаев, Казимов и первые представители династий Усейновых и Мир Багировых. Последние стали неотъемлемой частью торгово-предпринимательского мира города вплоть до революции 1917 г.

В ноябре 1852 г., в ответ на новый запрос властей персидский старшина представил ведомость, из которой следовало, что в Астрахани проживает 101 персидскоподданный персиянин (из числа которых 13 были женаты на русскоподданных); 34 имели отцов персидскоподданных, а матерей русскоподданных (в т.ч. 9 малолетних и несовершеннолетних); 71 русскоподданный персиянин, из которых 37 не были причислены ни к какому сословию, а 34 принадлежали к «обществам разных городов», из «непричисленных» 7 были несовершеннолетними[564].

Астраханские власти вполне справедливо полагали, что если купцы являются иностранцами, подданными шаха, то они должны были пользоваться правами иностранцев, прежде всего в предпринимательской деятельности. Родившиеся от смешанных браков в Астрахани, автоматически становились российскоподданными. Ну а все российскоподданные, в свою очередь, должны иметь «письменные виды» от начальства тех мест и городов, к обществам которых они приписаны. Также губернские власти настаивали, что несовершеннолетние, рожденные от персидскоподданных отцов и российскоподданных матерей, не должны были покидать Российскую империю до совершеннолетия. После чего их родители должны подать в соответствующие российские органы прошения о зачислении детей в соответствующее сословное общество.

Тех персиян, которые назвали себя при опросе русскоподданными, но ни в какое общество записаны не были, губернское правление обязало «в кратчайшие сроки» записаться в соответствующие сословие и общество, а персидскому старшине проследить за этим и впоследствии представить эти документы к сведению. Проследить за исполнением предписания приказано было астраханской полиции, и впредь, последней предлагалось всегда иметь

[564] ГААО. Ф.1. Оп.6. Д.2416. Л.3об.

точные сведения о количестве персиян в городе и их подданническом статусе[565].

Но в реальности, и в последующие годы и десятилетия, ответ на вопрос, сколько в городе персиян и в каком они состоят подданстве, так и оставался неразрешенным. Так, при очередном запросе из губернского правления в 1857 г., приставы всех городских участков доложили, что ответить не могут, так как ни персидский старшина, ни сами члены персидской общины не являлись в полицейские части, отговариваясь при опросе тем, что персидский консул в Астрахани разрешения на такие действия им не давал[566].

Следует отметить, что в пореформенный период в России уже велся достаточно точный статистический учет населения губернии. Астраханский статистический комитет в своем отчете за 1861 г. зафиксировал 44716 жителей в губернском центре. Постоянными, «приписанными», жителями из них была 21791 душа обоего пола. Из этого следует, что Астраханская губерния и сама Астрахань в XIX в. являлись регионом, куда был направлен поток миграции и более половины жителей не были местными уроженцами.

В соответствии с этим отчетом, постоянными астраханскими жителями являлись 44 «персиянина», которые владели недвижимостью в губернском центре. Также статкомитет посчитал и тех, кто владел недвижимостью, но постоянной «приписки» к Астрахани не имели. Из числа «персиян» таковых оказалось 121 д.м.п.[567]. При этом, даже те из них, которые упорно продолжали называть себя «персидскоподданными», не говоря уже о тех, кто был «русскоподданным», но приписанным официально к обществам других российских городов, в пореформенный период в действительности, всю свою жизнь прожили в Астрахани.

В 1866 г. астраханский губернатор направил очередную просьбу в губернское правление выяснить «точное» число персиян, которые проживали

[565] Там же. Л.4об.
[566] Там же. Л.7.
[567] Астраханские губернские ведомости. – 1862 г. - №27.

в Астрахани на постоянной основе, а также выяснить сколько из них является российскими подданными, а сколько – иностранными (персидскими). Губернатор также просил обязать тех, кто окажется русскоподданными «персиянами», немедленно избрать сословный статус: астраханских купцов или мещан[568].

Губернатор пишет также, что до него дошли сведения об имеющихся в губернской канцелярии данных о проживавших в Астрахани с давних пор «вместе с семействами и в одиночестве персиянах». Некоторые, приехав в Астрахань одинокими, женились на местных татарках, завели детей или уже скончались здесь. Были и те, кто, оставив жен и детей, возвращались на родину. Большая же часть «персиян» продолжали проживать в Астрахани и, «не будучи приписаны ни к каким обществам, остаются в неизвестности». И какие-либо сведения о них властям становились известными, лишь если после кончины «персиянина» возникали имущественные споры между наследниками и они вынуждены были обращаться в официальные органы[569].

Начальник губернии рассчитывал, что полиция за два-три месяца соберет запрашиваемые сведения. Но, «персияне» всячески уклонялись от каких либо расспросов полиции, отсылая к персидскому консулу в Астрахани, который, якобы сделал специальные запросы персидскому послу в Санкт-Петербург и российское министерство иностранных дел, о правомерности сбора таких сведений. А до получения ответов рекомендовал проживавшим здесь персидскоподданным персиянам и тем кто таковыми себя считали, никаких сведений о себе не подавать[570].

Тем не менее, после длительной переписки, удалось выяснить, что в 1866 г. в Астрахани проживало 48 человек «русскоподданных персиян». 38 из них были родом из Баку, 4 из Шемахи, 2 из Дербента, 2 из Сальян, 1 из Ленкорани, 1 родился в Астрахани. По той же ведомости

[568] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.4972. Л.1.
[569] Там же.
[570] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.808. Л.4.

персидскоподданных персиян, проживавших в Астрахани в 1866 г., проживало 123 д.м.п.[571].

Получив эти сведения, астраханский губернатор, в очередной раз, сделал распоряжение «о приведении всех постоянно живущих в Астрахани подданных Персии и обнаружении тех из них, кто действительно принадлежит к русскому подданству по происхождению и законам, дабы в последнем случае они были неотлагательно приписаны к каким-либо обществам. Приняв вместе с тем должные меры к отвращению таковых случаев на будущее время»[572].

Но такое распоряжение сильно на ситуацию не повлияло, в 1870 г. постоянно проживающими в Астрахани объявили себя 64 предпринимателя, 3 человека со своими семьями числились в купечестве[573]. При этом в ведомостях не содержится ответ на вопрос: в подданстве какой страны состояли эти члены персидской общины. Вновь создается впечатление, что астраханские власти, как будто, в течении всего XIX в., сознательно обходили этот важный вопрос и не подвергали персиян строгому учету.

В 1882 г. в канцелярии астраханского губернатора, на основании запроса ДДДИИ заинтересовались количеством всяких «инородцев» проживавших в регионе. В результате чиновниками была составлена ведомость «О количестве магометан, их духовенства и мечетей в Астраханской губернии». Большинство мусульман в губернском центре, конечно, составляли мусульмане-сунниты (татары), часть из которых были коренными, астраханскими татарами, часть – переселенцами из Средневолжских и Приуральских губерний. Также в ведомости была выделена группа магометан-персов (шиитов). По сути, это первые зафиксированные документально данные о численности персидско-азербайджанской общины г. Астрахани.

[571] Там же. Л.7-13, 14-25.
[572] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.4972. Л.2.
[573] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.51318. Л.9.

В начале 1880-х гг. персы и азербайджанцы проживали в основном во 2 и 5 участках города. В центральном, 2 участке, жила наиболее состоятельная часть общины. В этом участке даже самые богатые татары не могли позволить себе купить или построить дом. А состоятельные шииты – могли. Всего их здесь проживало 155 человек (99 мужчин и 56 женщин). В 5 участке – на территории бывшего общества Татар Трех дворов и Персидской слободы, где проживала и значительная часть городских татар, было зафиксировано 734 человека (315 мужчин и 419 женщин) «магометан-персов». Это были средние и мелкие торговцы и те самые грузчики-амбалы с семьями. Все мусульмане-шииты Астрахани были прихожанами Персидской мечети, при которой жил имам с семьей, при мечети действовала приходская школа – мектеб[574]. Персидско-шиитская община составляла, таким образом, почти тысячу человек и это было 14,5% от всего количества мусульман в городе (суннитов на тот момент проживало около 6 тысяч – Р.П.).

Выборы в органы городского самоуправления, гласных Городской Думы, в 1890-е гг. также дают общее представление о численности мусульман в Астрахани в эти годы, имевших достаточный имущественный избирательный ценз. По первому разряду в выборах 1891 г. в списках значилось 78 человек, 7 из которых были «персами» - азербайджанцами. По второму разряду в списках значилось 445 человек, 15 из которых были мусульмане – азербайджанцы и татары. В списки третьего разряда вошло 6088 человек, 812 из которых – мусульмане, причем 46 – азербайджанцы (персы)[575].

В конце XIX – начале XX вв. численность персидско-азербайджанской общины наконец-то была учтена максимально точно. Во-первых, была проведена Первая всероссийская перепись населения в 1897 г., во-вторых численность населения общины была условно равна численности прихожан Персидской шиитской мечети, данные о которых с 1880-х г. стали регулярно

[574] ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.894, л.10.
[575] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34574. Л.25-49.

собираться канцелярией губернатора для ДДДИИ МВД. Согласно сведениям из этих двух источников к 1902 г. персидско-азербайджанская община насчитывала уже 1512 человек обоего пола[576].

Это последние данные о численности персидской общины в дореволюционный период, которые нам удалось выявить. И, скорее всего, к 1917 г. цифра эта ненамного изменилась. Так что можно считать, как нам представляется к моменту установления Советской власти, численность персидско-азербайджанской астраханской городской общины составляла около 1,5 тыс. человек обоего пола. Но если вопрос с определением количества населения общины решился, то тема подданнических отношений так и не была разрешена даже в начале XX в. В итоге, этим сумели воспользоваться состоятельные члены общины в ходе бурных событий революции 1917 г. и Гражданской войны, легко укрывшись в персидских владениях, просто заявив там, что являются подданными Каджаров.

Итак, мы видим, что внешнеполитические успехи России на восточном и юго-западном направлениях в XVIII в. привели к включению в состав государства территорий и городов, которые стали новыми центрами российско-азиатской торговли. Астрахань сохранила ведущие позиции лишь в торговле с Ираном и Закавказьем, в направлении которых Российская империя также взяла курс на политическую и экономическую экспансию.

Во внешней торговле на астраханском направлении с конца XVIII в. ведущие позиции заняли персидские купцы, в отношении которых российские власти, в условиях изменившихся геополитических обстоятельств, предпринимают ряд шагов по определению их подданнического и сословного статуса. После присоединения Закавказья население ханств Северного Азербайджана стало подданными российской короны, а в Астрахани появились две категории персиян: российско- и персидскоподданные.

[576] Там же.

В этих условиях российские власти оказались заинтересованы в том, чтобы персидско-азербайджанское купечество было подконтрольно им, справедливо рассчитывая, что купцы станут проводниками не только экономических, но и политических интересов России на Южном Кавказе. Из этих же интересов, российские власти покровительствовали торгующим «персиянам», не замечая мелкие нарушения торгового и иного законодательства.

Но, постоянно или временно проживавшие в Астрахани торговцы целенаправленно уклонялись от какого-либо учета, поддерживаемые в этом персидскими консулами. Они не желали окончательно определяться с отношениями подданства и, тем более, связывать себя какими-либо сословными ограничениями. В зависимости от ситуации или личной выгоды, одни и те же члены персидско-азербайджанской общины, указывали себя или подданными России или подданными шаха в течении всего XIX в. Вопросы подданства и количественного учета так и не были урегулированы вплоть до падения Российской империи.

Глава 4. Экономическая и хозяйственная деятельность персидско-азербайджанской общины Астрахани в XVII – начале XX вв.

4.1. Русско-иранская торговля через Астрахань в XVII – первой половине XIX вв.

Российское правительство прекрасно понимало роль персиян в развитии российско-иранских экономических отношений. Тем более, что все главные торговые пути из Астрахани в азиатские страны вели через Персидские владения. Астраханское направление торговли в официальных документах XVIII в. часто называлось Каспийским. Действительно, основная торговля на этом направлении велась в портах этого моря, а на берегах существовало два централизованного государства - Россия и Персия. И поэтому торговля эта велась в интересах обоих государств и осуществлялась в основном купечеством этих стран.

В XVII-XVIII вв. торговля велась преимущественно на южном и западном побережьях Каспийского моря – современных иранском и азербайджанском, соответственно. Имея в тот период всего лишь один порт – Астрахань, Россия сумела поставить всю эту торговлю под свой контроль. Но вот обеспечить доминирование российских купцов в ней, России не удалось, в связи с чем, правительство вынуждено было покровительствовать купцам восточным. Так как одну из определяющих ролей среди последних играли персияне, а торговля, в свою очередь, была фактором развития персидско-азербайджанской астраханской общины, мы рассмотрим вопрос российско-иранской торговли через Астрахань подробно.

В конце XVI–XVII вв. торговля составляла основу экономику Астрахани. Город в этот период, по сути, представлял собой круглогодичную ярмарку. С 1560-х гг. Астрахань становится главным центром международной торговли Российского государства, отобрав эту роль у

северного Архангельска. И в течении следующего, XVII в., когда в целом завершается формирование единого всероссийского рынка, уверенно удерживает эту позицию. Также Астрахань становится и важнейшим центром транзитной торговли между Востоком и Западом (до последних десятилетий XVIII в.).

Во второй половине XVII в. сформировался и оставался практически неизменным в последующие столетия, основной ассортимент товаров, который импортировался и экспортировался через Астрахань. Ввозили азиатские купцы в Россию с территории тогдашней Персидской державы главным образом шелк-сырец, хлопок-сырец и хлопчатую бумагу, ткани разных сортов («разной выделки»), восточную одежду из них, лекарственные растения, драгоценные и полудрагоценные камни. Также значительным был ввоз рыбы и икры осетровых пород и соли. Эта продукция, традиционно не потребляемая в пищу персами-шиитами из религиозных соображений, была востребована и на внутреннем рынке России и в западноевропейских странах, в которые она поступала транзитом. Также транзитом через российскую территорию шли хлопок и шелк на европейские мануфактуры. Из России вывозились в больших количествах пшеница, пенька, масло, позже – то, что производилось на российских текстильных и железоделательных мануфактурах[577].

Персидские торговцы участвовали во всех видах торговли, который осуществлялся на астраханской ярмарке в рассматриваемый период. Прежде всего, следует отметить, что средневековая традиция часто превращала купцов в участников дипломатических отношений между странами. Взаимный обмен подарками («поминками») между русскими монархами (князьями, царями) и владетелями азиатских государств и территорий (ханами, султанами, эмирами, беками и т.д.) был составной частью посольских связей со времен Золотой Орды.

[577] Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. Астрахань, 2012. С.18.

Как правило, в сундуки торговцев укладывались дорогие и редкие вещи, драгоценности, меха, ценные ткани, посуда из драгоценных металлов и т.д. Все они перечислялись в соответствующей росписи. В обратный путь сторона, принявшая «поминки», отправляла с купцами свои подарки. По стоимости и уровню престижности они не могли уступать принятым подаркам. На самом деле этот обмен представлял собой, освобожденную от всяких пошлин и сборов, торговлю предметами престижного потребления.

Торговля между российским царем и восточными монархами (на самом деле крупнейшими торговцами в Евразии), к которым относились и персидские шахи и азербайджанские владетельные ханы и беки, не могла обходиться без помощи профессиональных купцов – гостей, купчин, шахских доверенных лиц. Это была привилегированная торговля. И на территории Российского государства и на территории шахской Персии, товары, направляемые в качестве «поминок» передвигались беспрепятственно по всей территории. И в XVI-XVII вв. пошлинами не облагалась.

Если российские цари к осуществлению такого рода торговли привлекали купцов, пусть и «высшей категории», так называемых «гостей», но происходивших из «подлого» населения; то персидские шахи для такой торговли часто привлекали своих родственников или представителей знатных фамилий. И вообще для персидской феодальной элиты занятие торговлей и ростовщичеством, в отличии от российских феодалов, не считалось чем то непрестижным и неприемлемым. Уже в XVIII в. у многих персидских купцов в документах казенной палаты в графе о происхождении стояла отметка – «из персидских дворян» или даже «из шахского рода».

Международная торговля в Астрахани в рассматриваемый период, не была стабильной. Она испытывала спады и падения, связанные с событиями «бунташного» XVII в. в стране. Ввиду этого, даже не смотря на то, что таможенные пункты в Астрахани появились в 1580-е гг., достоверных сведений о ходе русско-иранской торговли, ее объемах в XVII в. не

сохранилось. Возможно, они и фиксировались, но в бурных политических событиях были утрачены. Фрагментарные данные из сообщений посольств, полной картины воссоздать не могут. Первые статистические сведения о ходе торговли относятся к 1730-1740-м гг. Поэтому о ходе астраханской международной торговли до этого времени можно судить только в самых общих чертах.

Итак, к середине XVII в., в целом сформировалась география и набор экспортных товаров, которые шли по Волжско-Каспийскому пути через Астрахань в азиатские страны. По национально-географическому признаку товары эти можно разделить на российские, европейские и восточные. Европейские товары, благодаря возможностям транзита, особенно расширившимся после основания Санкт-Петербурга, и слабого развития российской промышленности, занимали большую часть астраханского экспорта. Именно благодаря транзиту европейских товаров торговый баланс российско-азиатской торговли в XVIII в. был положительным для России.

Российские товары, составлявшие пятую часть всего экспорта, были представлены в основном изделиями российских мануфактур, промыслов и традиционно – продуктами сельского хозяйства. Это были различные ткани; металлы и сплавы, изделия из них; кожа, меха и изделиях из них; стекло, посуда, бумага; продовольствие и другое, что с успехом использовалось в быту. Таким образом, ассортимент составляли: сырье, полуфабрикаты, готовые изделия. Центры производства российских товаров располагались в Москве, Санкт-Петербурге, Симбирске, Нижнем Новгороде, Казани, Ярославле, Туле. Отсюда они привозились в Астрахань.

Общий кризис российской феодальной экономики XVIII в. неизбежно отразился и на российской международной торговле. Мануфактурная промышленность в условиях крепостного права объективно не могла составить сколько нибудь значимую конкуренцию европейскому производителю, в связи с чем экспорт российских товаров сокращался в течении века. Особенно это сказалось на показателях восточной торговли. В

1740-е гг. он составлял 30% стоимости всего российского экспорта[578], в 1750-е гг. – 16-20%, в 1770-е гг. – 7-11%, в начале 1790-х гг. – всего 5-6%[579]

Через Астраханскую таможню в Азию вывозили значительное количество тканей российского производства: холст узкий и широкий, пестряди, сукно (сермяжное, серое, кармазинное – красное), брезент, рогожи, шелковые ткани, полотно «разной доброты», пеньковые ткани, каламенки (одноцветная или полосатая шерстяная ткань), стамед (использовавшееся как подкладка или на занавеси тонкое сукно).

Вывозились ткани одноцветные и с узорами. В источниках (таможенных книгах, купеческих ведомостях, рапортах таможенников и т.п.) фигурируют холсты «бельной ровной нити», «льняной красильный» и «крашенина», гребенина и хрящ (холст грубой выделки). Из года в год увеличивалось количество хлопковых тканей - пестрядей, китайки, тика; шелковых – штофов, крепа, атласа, флера и др. Все они были производства московских мануфактур. Эти ткани сотнями аршин в год вывозились в каждой партии товаров, отправлявшейся с 1780-х гг. в Персию и Закавказье. Например, в 1750-1753 гг. через Астрахань было вывезено 1,1 млн. аршин этих тканей на сумму более 40 тыс. руб.[580]. При этом из года в год продлевалось запрещение на вывоз полотна, которое могло быть использовано для оснащения судов парусами и шитья одежды для армии шаха[581].

Но, несмотря на все ограничения, стоимостные показатели вывоза российских тканей через Астрахань с 1770-х гг. неуклонно увеличивались. Российские ткани постепенно вытесняли с внешнего астраханского рынка ткани европейского производства, достигнув к концу 90-96% от стоимости всего российского вывоза тканей на этом направлении[582]

---

[578] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С.41.
[579] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.138. Л.13.
[580] ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.1457. Л.320-322; Д.1584. Л.54; Ф.681. Оп.1. Д.4. Л.40.
[581] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.4. Л.32.
[582] РГАДА. Ф.276. Оп.1. Д.2833. Л.14-23.

Где именно производились российские ткани, которые вывозились через Астрахань, установить точно не всегда возможно. В таможенных книгах, как правило, указывали лишь страну-производителя. И в отношении тканей российских исключения не делалось. Между тем, это бы могло помочь установить географию коммерческих поездок персидских купцов по России, выявить их деловые связи.

Понятно, что основные партии тканей закупались на Нижегородской ярмарке, где уже в XVIII в. появились торговые персидские ряды[583]. Также закупки осуществлялись и на крупнейших мануфактурах – в Ярославле и Москве, промышленных селах Центрально-Промышленного района, Вятке и Казани.

Металлы и изделия из них в совокупности с тканями с 1780-х гг. составляли в стоимости и количестве вывоза товаров через Астрахань до 60%. Вывозили железо в разных вариантах (полосное, пучковое, брусковое, в проволоке), сталь брусковая, чугун (в брусках и лом), а также различные изделия из металлов (железа, олова, меди) – «железо в деле». Вывозились и драгоценные металлы, но российские власти всячески препятствовали их вывозу.

Большую часть в этой группе товаров составляли железо, сталь и чугун. В Астрахань они поставлялись из Москвы, Тулы, Казани и Нижнего Новгорода. Из двух последних городов – уральского производства. В таможенных книгах сталь и чугун стали фигурировать с середины 1770-х гг.[584]. Остальные металлы вывозились в небольших объемах, больше под специальный заказ, чем для свободной продажи на персидских рынках.

Среди изделий из металлов особенно востребованной была медная посуда и более мелкие вещи: проволока, булавки, мишура и т.д. Вывозился и медный лом. Изделия из железа также были «в большом ходу»: ножницы, замки, котлы, кувшины, ножи, иглы, гвозди, слесарные и столярные

[583] Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII - первой половине XIX вв. Саранск, 1977. С.76.
[584] РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.937. Л. 20-51 об.; Ф.19. Оп.1. Д.297. Ч.13. Л. 79-114 об.

инструменты, удила, стремена. Иголки, наперстки, булавки вывозились тысячами штук.

С начала 1780-х гг. стали массово вывозить огнестрельное оружие – ружья. В соответствии с Указом 25 июня 1782 г. с каждого ружья собиралось 10 коп. пошлины[585]. В книгах астраханской таможни значится что собрано было пошлин за эти изделия в 1788 г. - 46 руб.50 коп., в 1789 г. - 182 руб. 30 коп., а в 1790 г. - 128 руб.10 коп.[586]. Значит можно предположить, на основании простого подсчета, что с 1787 г. было вывезено 3686 ружей.

Кожа и изделия из нее. До 1770-х гг. эта группа товаров в структуре российского экспорта через Астрахань входила в число наиболее популярных и занимала по стоимости 2-3 место наряду с тканями и металлами. В Персию, согласно данным таможенных ведомостей вывозились около 9 видов кож: козловая, оленья, лосиная, сафьян, юфть, опойковая, подошвенная, «шалавая» и «мешечная». Кожа была вся российского производства: казанского, чебоксарского, ярославского, а также местного астраханского производства. Также вывозились изделия из кожи: обувь, конская упряжь, кожгалантерея. Особенно ценились в Персии «татарские», «калмыцкие», «армянские» сапоги местной астраханской, казанской и московской выделки[587]. Основным поставщиком кож, наиболее качественных – юфти и сафьяна, была Казань.

Традиционно за границей были востребованы российские меха. Собольи, бобровые, горностаевые, песцовые, норковые – были предметами престижного потребления, их нередко везли шаху и чиновникам в качестве подарков. Лисицы, волки, белки, куницы, росомахи, выдры, зайцы были востребованы у менее статусного покупателя. Вывозились и кошачьи, тюленьи, бараньи (мерлушки) шкуры, шубы из разных мехов, а также

[585] ПСЗ. РИ- I.. Т. 21. №15441.
[586] 1787 г. – РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 937. Л. 20-51 об.; 1788 г. – там же. Д. 942. Л. 112-151 об.; 1789 г. – там же. Д. 945. Л. 262-292 об.; 1790 г. – там же. Д. 948. Л. 140-173 об.
[587] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3079. Л.1-16.

овчинные и мерлушчатые тулупы[588]. Как следует из документов таможенного делопроизводства, вывоз этой группы товаров не имел стабильного характера, и мог существенно колебаться в зависимости от года. Видимо меха везли только при наличии конкретного заказчика-покупателя.

Стекло, посуда. Этот вид товаров был очень востребован на Востоке. Зеркала, хрусталь, глиняные и стеклянные изделия самой различной номенклатуры (посуда, оконное стекло, стеклянный бисер, пронизок) и разного качества, легко находили покупателя. Хотя, удельный вес стоимости этих товаров в общей структуре экспорта был небольшим, например в 1774 г. – 11,6%[589], но вывоз был постоянным. Они привозились из Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода.

Столь же постоянным и одновременно не очень значительным в ценовом выражении товаром была бумага. Бумага вывозилась трех номеров (1, 2 и 3 соответственно) и серая оберточная. В таможенных книгах ее количество выражалось стопами, В конце XVIII – начале XIX вв. вывозилось ежегодно 5-7 тыс. стоп на сумму 3-7 тыс. руб.[590], поставлявшаяся из Москвы и из Нижнего Новгорода.

Продовольственные товары из России были очень востребованы на Востоке до 1770-х гг. Затем они практически перестали экспортироваться, это было связано с запретительной политикой российских властей на данный вид товаров, особенно в отношении муки и круп. Осталось небольшое количество сахара (в головах), меда и масла (в пудах)[591].

В категории «другие товары» в разные годы фигурировали от 10 до 50 наименований товаров. Это так называемые «рыбные товары», «рыбья кость» и изделия из нее, изделия из дерева, ковры, москательные товары (квасцы, купорос, краска, сурик, сургуч), детские игрушки, табак, вино, мыло и т.д.

---

[588] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3099. Л.27-115.
[589] РГАДА. Ф. 1261. Оп.6. Д.937. Л. 20-51 об.
[590] ГААО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 3099. Л. 2-84.
[591] См.: Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). Л., 1985.

Номенклатуру импортировавшихся через Астраханский порт товаров достаточно легко определить на основании таможенных ведомостей, в которых достаточно подробно они перечислены. Также в ведомостях обязательно указывалась страна происхождения привезенного товара, поэтому достаточно просто отделить товары, которые привозились к Астрахани из Средней Азии и определить товары из Персии и Закавказья.

Шелк-сырец и текстильные товары традиционно занимали главные позиции в астраханском импорте. Такая ситуация сохранялась на всем протяжении XVII – первой половины XIX вв. Если в отношении XVII в. установить показатели ввоза на сегодняшний день не представляется возможным, так как таможенные книги стали вестись уже в петровское время, то уже с 1720-х гг. система учета и таможенное делопроизводство позволяют проследить динамику ввоза по астраханской таможне всех категорий товаров, и прежде всего – шелка и текстильных товаров. Например, в 1733 г. было ввезено этих товаров на 159 тыс. руб., что составило 85% всего импорта[592], в 1744 уже было ввезено на 860,2 тыс. руб. – 93,5% всего импорта[593]. Очевидно, что доля всех остальных товаров была крайне незначительна.

Особый интерес для российской казны представлял ввоз драгоценных металлов: золота и серебра. В любой форме, то есть это могли быть и монеты, могли быть и слитки, могли быть ювелирные изделия. Востребованы были также и драгоценные камни. Привезенные ценности купцы были обязаны сдавать в Астраханскую губернскую канцелярию или напрямую в Москве в Монетную контору. Золото и серебро перебивали в российскую монету, таким образом, частично решалась проблема нехватки драгметаллов для чеканки монеты, так как в XVII-XVIII в. в России их добывалось незначительно. Добыча серебра в России берет свое начало в 1704 г., а золота – в 1744 г. А чеканка монеты из отечественных металлов относится к 1760-м

[592] РГАДА. Ф.1261. Оп.1. Д.4.
[593] ГААО. Ф. 681. Оп.1. Д.3073, 3074, 3075.

гг., но и до конца века они составляли около 60% от необходимого количества. Зависимость от импорта сохранялась.

Так как российскому государству приток драгоценных металлов из заграницы был крайне необходим, пошлинному обложению они не подлежали[594]. Тем не менее, со второй половины XVIII в. привоз золота и серебра значительно сокращается, с 1770-х гг. в таможенных книгах он вообще не прослеживается.

Также до середины XVIII в. в Астрахань ежегодно поступало значительное количество меди (1733 – 2,5 тыс. пудов[595], в 1744 г. -3,1 тыс. пудов[596]). Медь нужна была российским мануфактурам и кустарям-ремесленникам, так как российская медь с Урала вся шла на чеканку медной монеты и на внутренний рынок не поступала. Но также как золото и серебро, во второй половине XVIII в., медь практически перестала импортироваться.

В целом, во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., структура экспортно-импортной астраханской торговли сильно не изменилась, ассортимент остался практически неизменным. Изменялся лишь удельный вес в структуре привоза или вывоза той или иной категории товаров. Менялись и условия импорта товаров в Россию. Во второй половине XVIII в. импорт составлял примерно 300 тыс. руб. в год, экспорт немногим больше – 380 тыс. руб. в год.

Основные категории астраханского импорта: шелк-сырец, шелк крашеный (вареный в разные цвета), хлопок-сырец и хлопок пряденый (пряжа), ткани и изделия из них, москательные товары (марена и чернильный орешек) и другие привозившиеся в крайне небольших количествах товары. Весь этот набор, ввозившийся ежегодно из Персии и Закавказья нужен был в первую очередь российской мануфактурной, а затем и фабричной промышленности, это было необходимое сырье и красильные материалы для

---

[594] Данилевский В.В. Русское золото: История открытия и добычи до середины XIX века. М., 1959. С. 15-59; Кеппен А. Драгоценные металлы, их потребление и производительность // Горный журнал, 1880. Т. 1. Кн. 2. С.261–263.

[595] РГАДА. Ф.1261. Оп.1. Д.4.

[596] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3073, 3074, 3075.

шелкоткацкого и хлопчатобумажного производства. Нужны были персидские товары и для других отраслей российской экономики. Часть товаров предназначалась для удовлетворения нужд дворянства и купечества в дорогих предметах обихода, дешевые ткани и другие изделия находили потребителя в широких слоях российского населения. Казна также имела свои выгоды.

Шелк был главной статьей росийско-персидской торговли на протяжении столетий. Удельный вес шелка в структуре астраханской внешней торговли в отдельные годы доходил до 85% от всего объема импорта. Вывозилось несколько сортов шелка: лези – высокого качества, здор и вазу – среднего качества, ардаш – низкого качества, грубый сырец. При этом большая часть ввозившегося шелка была высокого качества – он составлял 60-95% всего ввезенного шелка.

В 1720-1740-е гг. в связи с развитием шелкоткацкого мануфактурного производства потребность в шелке-сырце выросла в разы. Это сразу отразилось на количестве ввозимого шелка. Персия и Азербайджан смогли полностью обеспечить выросшие потребности российских мануфактур. Выгодно это было и России, так как стоил иранский и закавказский шелк как минимум в два раза дешевле европейского (греческого и итальянского)[597]. Также значительное количество шелка шло через российскую территорию транзитом в Европу.

Количество ввозимого шелка росло стремительно. Так, в 1733-1734 гг. к Астраханско таможне было привезено 1600 пудов шелка, а в 1744-1755 гг. уже более 9000 пудов. При этом в самой России производство требовало в 1740-е гг. не более 2000 пудов в год[598]. В 1770-е гг. шелкокрасильное производство появляется в Астрахани, хозяевами небольших мануфактур были персияне. Оно было ориентировано на внутренний российский рынок.

[597] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С.46.
[598] РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.236. Л.65.

О том, сколько и где закупалось шелка, говорят разные источники. В 1766 г. в Шемахе для отправки в Астрахань персидскими и армянскими купцами было закуплено 140 тай[599] шелка-сырца, а в следующем 1767 г. – 400 тай (примерно 2400 пудов)[600]. В 1775 г. из Гиляна и Шемахи в Астрахань привезли 7000 пудов[601], а в 1783 г. только из Гиляна – 3000 пудов, в 1789 г. – 6000 пудов[602].

Исследователь истории шелкоткацкого производства в России П.Я. Букшпан подсчитал, что в начале XIX в. в Россию привозилось примерно 3700 пудов в год[603]. Около 20% этого количества составлял греческий и итальянский шелк, остальное - персидский[604].

Процветанию персидского купечества, которое захватило лидирующие позиции в астраханской международной торговле с 1780-х гг., способствовало повышение цен на шелк-сырец во второй половине XVIII в. Например, если самый ходовой высший сорт шелка лези в 1740-е гг. стоил 50 руб. за пуд, то в 1770-е гг. – 60 руб. [605]. Цена на грубый сорт ардаш поднялась с 35 до 55 руб. за пуд[606], а вареный шелк подешевел с 75 до 50 руб. за пуд[607]. Возможно в удешевлении вареного шелка кроется причина того, что в это время в Астрахани появляются шелкокрасильные предприятия.

Шелк привозился в Астрахань из Дербента, Шемахи, Баку и самое главное – из Энзили (Гиляна). До 1730-х гг. основным поставщиком шелка было Закавказье, а с 1740-х гг. – Персия, прежде всего провинция Гилян.

---

[599] Тай, мера (тат.) – персидское слово, означающее один из парных предметов, например один из двух мешков вьюка, один из двух сапогов и проч.; употребляется и в смысле меры сыпучих тел, т.е. в смысле половины вьюка осла или лошади (во вьюке считается от пяти до десяти пудов).

[600] АВП РИ. Ф. Сношения России с Персией. 1768. Оп.77/7. Д.143. Л.47.

[601] Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII века // Ученые записки института востоковедения. Т. 1. Баку, 1969. С.114.

[602] Там же.

[603] Букшпан П.Я. История шелководства и шелковой промышленности России в первой половине XIX в: дисс…. канд. ист. наук. М., 1962. С.244.

[604] Там же.

[605] РГАДА. Ф.397. Оп.1. Д.636. Л.54.

[606] Там же.

[607] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С.44.

Соответственно, купцы-персияне из этих провинций стали наиболее успешными в астраханской торговле.

90% поступавшего в Астрахань шелка привозили из Энзили и Баку, так как вблизи них находились основные центры шелководства – Гилянская и Ширванская (Шемахинская) провинции. В последней, в XVII-XVIII вв., производилось 100-125 тыс. пудов шелка в год. В целом же в Персии и Закавказье производилось шелка в разы больше[608].

То, что центрами торговли шелком стали Баку и Энзели, было связано и с политическими событиями в регионе. Походы Надир-шаха привели к экономическому и политическому хаосу в Закавказье, и к тому, что центр торговли на Каспии переместился в Энзели к началу 1750-х гг. В 1780-е гг., ненадолго, Баку вновь оказался в приоритете, но уже к началу XIX в. Энзили вновь, и уже окончательно, стал центром торговли шелком, тем более что Закавказье с 1813 г. стало частью Российской империи.

Также привезенный к Астраханскому порту шелк был основной статьей транзита в Западную Европу. Маршрут Персия-Астрахань-Москва-Санкт-Петербург сложился в 1710-е гг., объем провозимого по нему шелка в 1730-е гг. составил около 1600 пудов в год, в 1740-е гг. – почти 4000 пудов[609]. А вот за вторую половину XVIII в. данные отсутствуют и поэтому у ряда историков сложилась точка зрения, что шелк в это время из России транзитом в Европу вообще не поступал и целиком потреблялся отечественной мануфактурной промышленностью[610].

В 1780-е гг. транзит шелка через Астрахань прекратился совсем, связано это было с расширением границ Российской империи на южном и восточном направлениях и появлением новых центров торговли с Востоком – Оренбурга и Одессы. Сказалась и конкуренция с более качественным

[608] Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII – XVIII вв. Баку, 1967. С.65-70.
[609] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С.87-89.
[610] Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последнее десятилетие XVIII века // Ученые записки института востоковедения. Т. 1. Баку, 1969; Куканова Н.Г Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII - первой половине XIX вв. Саранск, 1977; Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана сРоссией в XVIII-XIX вв. М., 1991.

европейским шелком греческого и итальянского происхождения[611]. Развивалась и шелкоткацкая промышленность в России, которая во второй половине XVIII в., скорее всего, уже полностью использовала все объемы привозившегося из Персии и Закавказья шелка.

Хлопок в структуре астраханского импорта занимал в XVII – первой половине XVIII вв. незначительные позиции, особенно по сравнению с шелком. При этом, уже с 1730-х гг. наметилась тенденция к увеличению этой категории товара. Если в 1734 г. привоз хлопка к Астраханской таможне составил около 600 пудов, то через десять лет, в 1744 г. уже 1000 пудов[612]. А на рубеже 1780-1790-х гг. удельный вес хлопка в общем объеме импорта составлял уже 13%.

С учетом того, что в этот период практически весь среднеазиатский хлопок в Российскую империю ввозился уже в основном через Троицк и Оренбург, можно с большой долей уверенности утверждать, что хлопок привозившийся к Астрахани был персидского и закавказского происхождения. Например, в 1780 г. 76% привезенного в Астрахань поступила из порта Баку, а в 1787 г. 76,5% из Дербента[613].

Хлопок ввозился в двух видах: хлопок сырец и пряжа (бумага пряденая), а стоимость его всегда была на порядок ниже стоимости шелка. Так, во второй половине XVIII – начале XIX вв. пуд хлопка-сырца в Астрахани стоил 7,5 руб., пуд пряжи – 10 руб.[614].

Следующая значимая категория импорта – ткани и изделия из них. Ткани персидского производства хорошо реализовывались в России, были популярны у всех категорий населения, в зависимости от стоимости – от

---

[611] Букшпан П.Я. История шелководства и шелковой промышленности России в первой половине XIX века. М., 1963. С.241; Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: хлопчатобумажная, льняная и шелковая промышленность. М., 1957. С.89.

[612] Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е гг. XVIII в.). М., 1994. С.47.

[613] РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.17. Л.144-156.

[614] Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: хлопчатобумажная, льняная и шелковая промышленность. М., 1957. С.89.

дворянства до мещан. Наиболее ценные ткани транзитом шли в Западную Европу, где легко находили сбыт у состоятельного покупателя.

В структуре импорта наблюдалась одна тенденция: чем больше завозилось шелка и хлопка, тем меньшее количество тканей. Например, в 1733 г. шелковых тканей было ввезено из Персии и Азербайджана столько, что это составило 44% всего импорта, а в 1744 г. – 25%. При этом, в эти же годы, шелк составил 50 и 65%% соответственно.

В таможенных ведомостях перечисляются все виды импортировавшихся тканей, с указанием места, где они были произведены. Это были крупнейшие центры ремесленного производства Персии и Закавказья: Тебриз, Кашан, Шемаха, Исфахан, Тегеран, Гилян, Мазендаран и Ардебиль[615]. Все ткани делились на шелковые, полушелковые, бумажные (хлопчатобумажные) и шерстяные. Всего эта категория насчитывала до 30 наименований тканей и изделий из них.

К дорогим шелковым тканям относились: камка разных сортов («разной доброты»), зербафт (изорбат)[616], тафта, дараи[617], коноват[618], объярь[619], фата, жижим[620], мухояр[621]. Хлопчатобумажные ткани в ведомостях: бязи, бурмети, мови (мави), кумачи, кисея, миткаль, выбойка и др. Указываются в ведомостях разные системы мер и счета количества привозившихся тканей и изделий: аршины, куски, штуки, концы. При этом в разных персидских провинциях одна и та же мера имела разные значения. Так, в куске бязи в России считали 6-8 аршин, но бакинские купцы считали в

[615] Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана **XIII–XVII веков. Баку, 1982.** С. 145-172; Он же. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. Баку, 1967. С. 45-70.

[616] Камка – плотная шелковая ткань с цветными узорами. Были двусторонние ткани с золотыми, серебряными и шелковыми узорами. Зербафт или парча, изготавливалась из высококачественного шелка с добавлением тонконитного или ленточного золота или серебра.

[617] Тафта – шелковая клетчатая ткань. Дараи – шелковая ткань сходная с тафтой, чаще всего полосатая или клетчатая, иногда с золотой, серебряной или шелковой вышивкой.

[618] Коноват – цветная и узорчатая шелковая ткань.

[619] Объярь – тонкая, но плотная волнистая шелковая ткань с разными узорами.

[620] Жижим делался из шелкового охлопья или здора и бумаги (или шерсти), это была плотная ткань, употребляемая для изготовления поясов.

[621] Парча из шелка.

куске бязи от 16 до 20 аршин, гилянские – от 12 до 16, а исфаганские – от 10 до 17[622].

Полушелковые ткани отличались тем, что в них была примесь хлопка, ассортимент был менее разнообразен. А те, что привозились имели практически те же названия, что и шелковые: жижим, кутни, мухояр, кисея, аладжи, сусы. Ткани эти производились в тех же провинциях Персии и Азербайджана, что и шелковые. По стоимости они соответствовали шелковым тканям низкого качества. Ввозилось их немного – 10-15% от всего количества тканей.

Хлопчатобумажные ткани, которые привозились из Персии и Азербайджана также подробно перечислялись в ведомостях по названиям и месту происхождения: аладжи и абреи из Шемахи[623]; белые агобани[624], бязи[625], бурмети[626], бабамеды[627], выбойки[628], дараи из Тебриза и Кубы; киндяки, кумачи[629], лага, тастар из Гиляна. Хлопчатобумажные ткани были в 10 раз дешевле шелковых и полушелковых и хорошо покупались российскими покупателями среднего и небольшого достатка. Аршин бязи в ведомостях 1780-х гг. показан стоимостью от 6 до 10 коп., конец или штука в зависимости от размера – от 30 до 40 коп., штука бурмети варьировалась от 40 до 60 руб.[630]. В эти же годы, как следует из анализа документов, практически прекратился привоз тканей к Астрахани из Средней Азии. Основной поток этого вида импортируемых товаров поступал теперь сюда из Персии и Закавказья (до 80%).

---

[622] РГАДА. Ф.397. Оп.1. Д.410. Л.37об. - 124.

[623] Ткань похожая на полосатую пестрядь, использовалась для шитья верхней одежды.

[624] Ткань похожая на кисею, использовалась для пошива пологов.

[625] Белое и серое полотно, наподобие русского холста крестьянского, употреблялось для шитья рубашек, а также красилась в Астрахани в бурмети и кумачи.

[626] Бурметь - (испоганская, туркменская, ардебильская, дербентская, кашанская, хивинская, гилянская, индийская, тебризская, крымская и т.д.), всего 18 видов, по цветам - белая ткань, полученная из бумажной бязи и других полотен путем лощения и покраски, подобно российской крашенины, использовалась в верхней одежде и на подкладку.

[627] Бабамеды - белое полотно.

[628] Выбойка - толстонитная ткань.

[629] Кумачи делались из белой бязи и других тканях, красились как российская крашенина.

[630] РГАДА. Ф.276. Оп.1. Д.2833. Л.2-12.

В очень незначительных количествах привозилось сукно из Северного Азербайджана (Кубы). Это было серое простое сукно, стоимостью от 2 до 4 коп. за аршин. Продавалось оно тут же в Астрахани местным жителям. Так что категория «шерстяные ткани» никакой роли в российско-персидской торговле не играла.

Третью часть до конца XVIII в. от привозившихся товаров в категории «Ткани и изделия из них» составляли как раз изделия из различных тканей. Но в 1780-1790-е гг. привоз изделий стал стремительно сокращаться (до 5-10%% в год), что, безусловно, непосредственно связано с развитием русской текстильной промышленности и производством товаров из тканей в самой России.

Таможенные ведомости содержат подробный перечень изделий, привозившихся в Астрахань. Они также как и ткани находили покупателя у самых разных категорий покупателей, в основном среднего достатка. Предметов роскоши в этой категории не было. Там перечисляются чадры, занавеси хлопчатобумажные и шелковые; шелковые, полушелковые и хлопчатобумажные фаты; кушаки, кружева, платки из шелковых и хлопчатобумажных тканей «разной доброты»; бахчи (стопки платков по 4 шт. в каждой). Производились они в тех центрах текстильной промышленности Персии и Азербайджана, что и сами ткани.

Цены на изделия из ткани практически не изменялись в течении столетий, увеличение в некоторых случаях связано было лишь с изменением качества товаров в лучшую или худшую сторону. Фаты хлопчатобумажные стоили от 0,5 до 3 руб. за штуку; бахчи хлопчатобумажные от 2 до 4 руб.; шелковые платки от 0,5 до 1 руб.; хлопчатобумажные кушаки – от 20 до 50 коп.; шелковые кушаки – от 3 до 5 руб.; чадры шелковые от 0,7 до 1,5 руб.; шелковые занавеси – от 1 до 4 руб.[631]

Также в Россию через Астрахань ввозились в незначительном количестве меха и шкуры. Это были овчины, мерлушки и каракули, шкуры,

[631] РГАДА. Ф.276. Оп.1. Д.2833. Л.2-12.

тулупы и меха. Цены на эти товары «низкой» выделки были незначительными и продавались они на месте, в Астрахани, в основном местному тюрко-мусульманскому населению. Цена штуки такого товара варьировалась от 20 коп. до 2,5 руб. Шкуры и овчины использовались в местных мастерских для шитья зимней одежды и шапок на дому.

Привозили к Астрахани и небольшое количество красного и желтого сафьяна, который также был востребован у местных астраханских татар для шитья кожаной обуви. Цена на эти кожи была стабильной – 50 коп. за одну штуку. Скорее всего под заказ конкретного покупателя изредка привозились шкуры и меха: волчьи, лисьи, выдр, барсов, бобровые. Шли они на изготовление зимней одежды, стоили недорого от 50 коп. до 4 руб. (за мех выдры) за шт.

Остальные импортировавшиеся товары обозначены в ведомостях категорией «Другие товары». К ним относились москательные товары, продукты питания и вино. Москательные товары (иногда к ним чиновники приписывали и «аптечные» товары) были представлены естественными красителями, которые использовались в больших количествах в российской текстильной промышленности, а в Персии и Закавказье являлись значительными сельскохозяйственными культурами. Это были чернильные орешки[632] и марена[633].

Из продуктов питания ввозились рис (сарацинское пшено), ячмень, горох, грецкие и фисташковые орехи, бобы. Ежегодно привозилось виноградное вино (чихирь), которое измеряли ведрами. С 1760-х гг. начинает увеличиваться ввоз свежих и сушеных фруктов и ягод. В следующем, XIX в., эти товары станут главным товаром в российско-персидской торговле. В небольших количествах ввозились табак, нефть, мыло, пряности.

[632] Чернильные орешки использовались для дубления кожи и получения вяжущих лекарственных средств.
[633] Марена – многолетнее травянистое растение с деревянистым горизонтальным корневищем и разветвлёнными лазящим побегами высотой до 1,5-2 м, используется в качестве красящего вещества ярко-красного цвета.

Несмотря на то, что с момента основания Астрахань рассматривалась российским правительством как центр торговли со всем Востоком, географические и политические условия привели к тому, что в большей степени город стал центром торговли с государствами и территориями прилегающими к Каспийскому морю. И если в XVII в. в Астрахань приезжали торговцы из Индии, государств Средней Азии, Персии, Турции и Закавказья, то в XVIII в. с расширением границ Российской империи и появлением новых центров российско-азиатской торговли главным торговым агентом астраханской международной торговли становится Персия и ее тогда еще закавказские провинции.

Как показывают архивные источники и данные исследователей, в XVIII в. весь шелк (100%), который привозился в Астрахань был персидско-азербайджанского происхождения, до половины (46%) хлопка также привозилось оттуда. В третьей значимой категории импорта «Ткани и изделия из них», две трети (66%) также были из Персии и Закавказья. Как и большая часть «других товаров»[634].

Учитывать следует и то обстоятельство, что в структуре российской внешней торговли, астраханская занимала очень скромное место. Составление сводных ведомостей «о ходе внешней торговли» в Российском государстве началось в 1740-е гг. Согласно данным этих ведомостей, в 1750-е гг. астраханская торговля составляла всего 4,6% от общего объема торговли России с иностранными государствами. В 1760-1780-е гг. – 2,1%, в 1790-е гг. – 1,1%, а в 1800-е гг. (но тогда шла первая русско-иранская война) – в среднем 0,9%[635]. Как видим роль астраханской международной торговли и так незначительная, сокращалась до минимальных значений от десятилетия к десятилетию. В это же время стремительно росли обороты Оренбургской и Кяхтинской внешней торговли, которые стали центрами торговли со Средней Азией и Китаем.

[634] А.И. Юхт. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60 годы XVIII в.). М., 1994. С.46.
[635] РГАДА. Ф.276. Оп.3. Д.1590. Л.3-4.

Сокращение объемов внешней торговли на астраханском направлении привело и к сокращению пошлинного сбора, тем более, что 70-80% привозившихся к таможне в XVIII в. товаров пошлиной не облагались. В последние десятилетия века, когда пошлинное обложение все же было законодательно урегулировано, пошлины разрешили собирать медной монетой, что лишило в итоге эти сборы рентабельности, так как ценилась лишь монета из драгоценных металлов – золота и серебра.

Значение астраханской торговли для России состояло в ином. Главные статьи местной экспортной и импортной торговли способствовали развитию отечественного промышленного производства, прежде всего текстильного. Так, по данным П.А. Хромова в 1768 г. в России было 82 шелковых и 9 хлопчатобумажных мануфактур, а в 1799 г. уже 357 шелковых и 249 хлопчатобумажных (29% от числа всех зарегистрированных в стране предприятий)[636], которые производили товаров на 3,9 млн. и 1,9 млн. руб. в год соответственно[637].

В XIX в. шелкоткацкое и хлопчатобумажное производства в России продолжали расширяться, способствовал этому и начавшийся промышленный переворот: на смену ручному труду постепенно пришел машинный, но сохранялось и мануфактурное производство. По подсчетам П.Я. Букшпана в 1838 г. только в одной Московской губернии было 432 шелкоткацких предприятия, хлопчатобумажных в 1843 г. - 382[638].

В свою очередь развитие отечественного хлопчатобумажного и шелкового производства на основе привезенного из Персии и Закавказья шелка и частично хлопка, привело к сокращению ввоза шелковых, полушелковых и хлопчатобумажных тканей и изделий из них из Европы. Так, исследователь истории российской внешней торговли А. Семенов отмечает, что в 1750-е гг. импорт шелковых изделий европейского

[636] Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С.177-178.
[637] Там же.
[638] Букшпан П.Я. История шелководства и шелковой промышленности России в первой половине XIX века. М., 1963. С.274-275.

производства в Россию по сравнению с началом века сократился в 1,9 раз, а хлопчатобумажных – в 1,7 раз[639].

Импорт шелка и хлопка через Астраханский порт привел и к развитию местной текстильной промышленности. Конечно, шелкоткацкие, красильные и хлопчатобумажные мануфактуры в Астрахани были небольшими. Возникли они в 1730-1740-е гг. В 1747 г. в ведомости пошлинных сборов отмечено, что за год на астраханских мануфактурах было выделано 6038 кусков полушелковых и хлопчатобумажных тканей на 12076 руб.[640]. Ткани, выработанные на астраханских предприятиях, легко находили сбыт среди населения Поволжья.

В конце 1790-х гг. в Астрахани было 19 шелкопрядильных мануфактур с 94 станами и 52 хлопчатобумажных, на которых было установлено 475 станов. Общий оборот всех этих мануфактур в 1798 г. составил 320 тыс. руб.[641]. Основаны эти предприятия были армянскими предпринимателями, но с 1770-х гг. они начинают постепенно переходить в руки персиян[642]. Качество производимых тканей было низким, но они легко находили сбыт среди населения Поволжья даже в первую треть XIX в., но затем, не выдержав конкуренции с фабричным производством, к 1845 г., все эти мануфактуры закрылись[643].

Первая половина XIX в. – это время когда, с одной стороны, персидско-азербайджанское купечество стало абсолютным лидером в российско-иранской торговле через Астрахань и большая часть торговых операций, а также перевозка товаров по Каспийскому морю осуществлялось им. С другой стороны, это был период, когда торговля эта постепенно сокращалась, что было связано с геополитическими изменениями в Прикаспийском регионе. К середине века главным российским портом на Каспии становится Баку, на

---

639 Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности, с половины XVII столетия по 1858 г. СПб., 1859. С.176.
640 ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.632. Л.1-73.
641 Васькин Н. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973. С.5-6.
642 ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3655. Л.1-104; Д.3688. Л.3-53.
643 Букшпан П.Я. История шелководства и шелковой промышленности России в первой половине XIX века. М., 1963 С.268.

водных путях начинается эра парового флота. Эти обстоятельства наносят окончательный удар по астраханской внешней торговле. Поэтому уже во второй половине XIX – начале XX вв. вопрос российско-иранской торговли через Астрахань становится не актуальным.

Но в первые десятилетия XIX в. торговля через Астрахань персидских купцов имела еще важное значение и ее показатели в отдельные годы превышали значения в несколько миллионов как в импорте, так и в экспорте. При этом ассортимент ввозимых и вывозимых товаров по сравнению с предыдущим столетием практически не изменился.

Для астраханской внешней торговле первой половины XIX в. были характерны некоторые особенности. Прежде всего, в этой торговле импорт, как правило, превышал экспортные показатели. Но при этом, в структуре экспорта из года в год увеличивалась доля промышленных изделий, которые становились все более востребованы на Востоке. Количество вывозившихся текстильных товаров российского производства уверенно возрастало по мере роста фабричного производства в России. Также, по-прежнему, значительное место занимала транзитная торговля[644]. В первой трети века, до заключения Туркманчайского договора, торговля приносила весьма ощутимые прибыли. В зависимости от «оборотистости» торговца, можно было получить от 60 до 200%% прибыли[645].

В рассматриваемые десятилетия главной статьей российского экспорта стали металлы, сплавы и изделия из них. На втором месте – российские хлопчатобумажные ткани, предпочтительно ярких расцветок. Также хорошим спросом у восточных народов пользовались шелковые, шерстяные и полотняные российские ткани, посуда из стекла и фарфора, изделия из кожи и меха, писчая бумага, сундуки, изделия из дерева и некоторые другие товары. По-прежнему, отдельным предметом беспокойства российских властей был непрекращающийся вывоз золотой и серебряной монеты в Иран.

[644] Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С.441.
[645] Русско-туркменские отношения в XVIII-XIXвв. Сб. арх. д-тов. Ашхабад, 1963, С.170.

Товары, вывозившиеся из Астрахани, производились во внутренних российских губерниях и, в основном, закупались значительными партиями персидскими купцами на Нижегородской ярмарке, реже сделки совершались в Москве и Санкт-Петербурге[646]. Так, вспоминая «былые золотые времена» астраханской международной торговли, в начале XX в. корреспондент газеты «Прикаспийский край» отмечал, что «столетие назад», к Астрахани от Нижегородской ярмарки приходили ежегодно свыше пятисот судов с товарами на сумму более 10 млн. руб.[647].

Подтверждением тому – сообщение «Казанских новостей» от 1814 г., о том, что в навигацию этого года к Астрахани «с верховьев» пришло 635 торговых судна с товарами на сумму более 12 млн. руб.[648]. Из этих товаров до 70% (на сумму 6-7 млн. руб.) предназначались к отправке за границу. В 1840-е гг. в Астрахань привозилось «не менее, как на 7 миллионов рублей ассигнациями мануфактурных, колониальных и металлических товаров из Казани и Нижнего Новгорода, хлеб из Симбирска и Саратова, леса с Вятки и Ветлуги»[649].

Металлы и металлические изделия российского производства, как мы уже отметили, в первой половине XIX в., занимали первое место в структуре российского экспорта. До 1830-х гг. это были в основном железо и медь и изделия из них, затем активно стали вывозить олово, сталь, чугун. В разные годы металлы и изделия из них занимали от одной второй до одной пятой стоимости всех вывезенных товаров, на сумму до 500-700 тыс. руб. ежегодно. А по окончании первой русско-иранской войны, в 1814 г. их вывоз достиг даже рекордного значения в 1,1 млн. руб.[650]. В целом за

[646] Рожкова М.К. Торговля. В кн.: Очерки экономической истории России I половины XIX в. М., 1959. С.254.
[647] Прикаспийская газета. – 1901. - №49.
[648] Казанские известия. - 1814. - №6.
[649] Горлов И. Обозрение экономической статистики России. СПб., 1849. С.243; Гагемейстер Ю.А О торговом и промышленном движении по Волге и в ее бассейне. СПб., 1859. С.15.
[650] Оздамирова Э.М. Восточное купечество в русско-азиатской торговле через Астрахань в первой половине XIX века. Грозный, 2017. С.58.

рассматриваемую половину века, вывоз металлов и изделий из них через Астрахань вырос в 37 раз[651].

Сбыт российских металлов в Персии был очень выгоден и успешен ввиду того, что главные колониальные соперники в регионе – Великобритания и Франция, практически не ввозили этот вид товаров, сосредоточившись преимущественно на мануфактурных товарах. И российские металлы и изделия из них, не встречая конкуренции, раскупались всегда с большим успехом, даже несмотря на их порой невысокое качество[652]. У местного населения просто не было альтернативы.

Несмотря на очень сильную конкуренцию западноевропейских мануфактуристов, российские ткани также ввозились в Азию через Астрахань. Это была вторая по значимости статья российского экспорта. Большим спросом на азиатских рынках по-прежнему пользовались российские крашеные и некрашеные хлопчатобумажные ткани, кисеи, набивные ситцы, нанка, плис. А также шелковые, полотняные, льняные, ткани, сукно[653].

Также как и вывоз металлов, вывоз тканей и изделий из них за первую половину XIX в. вырос существенно, примерно в 11 раз. Особенно выросли показатели вывоза тканей после вступления в силу статей Азиатского Тарифа 1817 г.. Если в 1800-е гг. ежегодно вывозилось тканей на сумму до 200 тыс. руб., то в 1826 г. – на более чем 500 тыс. руб., а в 1830 г. – больше чем на 1 млн. руб. В 1840-е гг. тканей вывозилось на сумму в среднем 500-700 тыс. руб. ежегодно. В 1830-е гг. это была третья часть суммы всех экспортных показателей через Астрахань, в остальные годы - 10-20%%[654].

В целом, логика роста вывоза тканей из России соответствовала росту текстильного производства в стране, ставшего следствием промышленного

---

[651] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.62.
[652] Крюков П. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб., 1853. С.23
[653] Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835, с.225.
[654] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.70.

переворота[655]. При всем росте показателей вывоза российских тканей по астраханской таможне, очевидно, что он не был значительным: всего лишь в 9 раз по хлопчатобумажным тканям , в 4 раза по суконным и льняным, в 1,5 раза по шелковым, - и не соответствовал темпам роста отечественной мануфактурной промышленности. Российские ткани не выдерживали конкуренцию с английскими ни в цене ни в качестве на иранском рынке, что также стало одним из факторов постепенной потери интереса к этому вида товаров со стороны персидских купцов[656].

Изделия из стекла и фарфора, зеркала производившихся в России пользовались устойчивым спросом на Востоке. Эти хрупкие изделия не выдерживали долгой транспортировки из стран Западной Европы, ввиду чего у российских товаров этой категории в Персии и других восточных странах не встречалось конкуренции. Консул в Тебризе в начале 1840-х гг. отмечал, что сбыт оконного стекла, зеркал, стеклянной и фарфоровой посуды приносил до 100% чистой прибыли[657].

В итоге за пятьдесят лет вывоз изделий из стекла и фарфора через Астрахань выросла в 25 раз. Но товар этот все же не был массовым и в стоимостном выражении в 1830-1840-е гг. он составлял не более 40 тыс. руб. ежегодно. Ну а в структуре экспорта и вовсе занимал скромные 0,3-4%%[658].

Еще одной традиционной статьей вывоза были кожевенные и меховые изделия. Особенно большой популярностью пользовались кожи так называемой «казанской выделки». Меха и кожаные изделия в 1830-е гг. вывозились на сумму до 300 тыс. руб., в самые неудачные годы составлял менее 35 тыс. руб. Понятно, что мех и меховые изделия являлись товарами престижного потребления и экспортировались они в основном «под заказ» персидской шахской элитой. В совокупности кожаные изделия и меха могли

[655] См.: Тимофеева А.А. История предпринимательства в России. Владивосток, 2005.
[656] Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838. С.67.
[657] АВПР. Ф. Миссия в Персии. Оп.528а. Д.288. Л.28.
[658] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.72.

составлять в отдельные годы до одной третьей части всего российского астраханского экспорта, в «неудачные» годы – до 10%[659].

В категории «Другие товары» вывозились писчая бумага, сахар «в головах», аптекарские материалы, вино (водка и виноградное), краски, свечи, пшеничная и ржаная мука и т.д.[660]. В совокупности в отдельные годы эти товары составляли от 10 до 30% всего экспорта. Торговля этими товарами у купцов считалась не особо прибыльной.

Особой проблемой для Астраханских таможенников и губернских властей в первой половине XIX в. оставался вывоз персидскими купцами «звонкой» золотой и серебряной монеты. Причем, если в предыдущее столетие вывозились монеты и европейских стран и российские, то в рассматриваемые десятилетия вывозилась почти исключительно монета российская, что наносило вред отечественной экономике. При этом для самой Персии ввоз этой монеты в 1830-1840-е гг. стал чуть ли не единственным спасительным средством от грозившего стране банкротства[661]. Именно в этот период в канцелярии астраханского губернатора отмечали: «Азиатцы стараются преимущественно платить ассигнациями и медной монетой, но получать деньги только золотом и серебром, смотря по курсу, и потому монеты вывозятся за границу в немалом количестве»[662].

Такому положению дел способствовал правительственный указ от октября 1830 г., который разрешил вывоз из России любой монеты российского чекана без уплаты пошлин по всем таможням Европейской и Азиатской границ[663]. До 100 рублей можно было вывозить без объявления, до 2 тыс. – на основании устного объявления, свыше этой суммы – на основании письменного объявления.

---

[659] Там же. С. 73.
[660] ГААО. Ф.681. Д.3136. Л.8-14.
[661] Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб., 1909. С.96.
[662] ГААО. Ф.1. Оп.10. Д.437. Л.10.
[663] ПСЗ РИ-II. Т.7. №4791.

Ну а в самой Персии купцы продавали российские монеты уже как товар, как изделия из драгоценных металлов. Прибыль составляла 20-25%%[664]. Часть монет переплавлялась, а часть шла на уплату товаров английским купцам уже в Северной Персии. И тем самым Россия косвенно получала еще один урон – укрепление торговых позиций Англии, своего главного конкурента[665].

В целом, астраханская экспортная торговля в первой половине XIX в. переживала периоды подъемов и спадов, связанных с геополитическими и экономическими причинами, началом и окончанием войн. В самые удачные годы этих пяти десятилетий она составляла 4,5-5 млн. руб., в «неудачные», кризисные, связанные с ведением военных действий – едва достигала 0,5 млн. руб. в год[666].

Развивалась и ввозная (импортная) торговля через Астрахань в первой половине XIX в., в основном усилиями персидско-азербайджанского купечества. В основном привозились товары, относящиеся к двум группам: сырье и полуфабрикаты для российских фабрик; изделия азиатского производства для российского потребителя. В целом, это повторяло тот ассортимент который импортировался и в предыдущие столетия.

Сырье было представлено по-прежнему, шелком-сырцом иранского производства и среднеазиатским и закавказским хлопком. Также ввозились красильные материалы – чернильные орешки, марена, сандал. Из готовых изделий ввозились товары текстильного производства (особо востребованные у мусульманских народов Волго-Уральского региона); предметы престижного потребления – ковры, дорогие ткани, конская упряжь, женские украшения; свежие и сушенные фрукты; рыба и «рыбные товары» - икра и

[664] Русско-иранская торговля 30-50-е гг. XIX в. Сб. документов. М., 1984. С.131.
[665] АВПР. Ф. Главный архив I-9. Оп.8. Д.14. Л.48.
[666] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.78.

клей; другие товары[667]. Большая часть отправлялась вверх по Волге в Центральную Россию, для реализации на Нижегородской ярмарке[668].

В рассматриваемую половину века по-прежнему главной статьей импорта оставался шелк-сырец. Собственно ради его поступления в Россию из Персии и принимались все пошлинные «узаконения» по астраханской таможне. От 50 до 70% до конца 1820-х гг. составлял шелк в структуре импорта, затем, во 1830-1840-е гг. – 25-35%%. Очевидно, что новый российский порт Баку перетягивал все больше на себя привоз товаров по Каспию.

В целом за полвека, привоз шелка через Астрахань увеличился в количественном выражении в 2-3 раза[669]. В 1810-е гг. шелка привозилось на суммы до 3 млн. руб. ежегодно, в 1830-1840-е гг. едва на 300-400 тыс. руб.[670]. Основным поставщиком шелка-сырца был Решт и его окрестности – Мазендаран, Шемаха. Шелк составлял здесь главное богатство. Соответственно и среди астраханских купцов персидско-азербайджанского происхождения были преимущественно рештские, шемахинские и мазендаранские «персияне»[671].

Хлопок-сырец и полуфабрикат – бумажная пряжа или пряденая бумага к концу 1840-х гг. уверенно обходит шелк-сырец по количеству и стоимости привоза. Он был больше нужен российским мануфактуристам и привоз его увеличивался из года в год. Если в 1810-1820-е гг. в структуре импорта он составлял 10-12%%, то в 1840-е гг. уже 20-25%% и вырос привоз хлопка за эти годы в 8 раз. Стоимость в годы с максимальными показателями

---

667 ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.1647. Л.6.

668 Астраханские губернские ведомости. – 1845. - №26.

669 Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.95.

670 Там же.

671 Тер-Гукасов Г. Экономические и политические интересы России в Персии. Пг., 1915. С.7; Бартольд В.В. Иран (исторический обзор). Ташкент, 1926. С.53.

привоза составляла до 500 тыс. руб., но в среднем была на уровне 100-120 тыс. руб., примерно 10-15 тыс. пудов[672].

Хлопок-сырец «персияне» ввозили среднеазиатский и персидский (закавказский), причем последний по качеству был намного лучше[673]. Персидский хлопок имел красноватый оттенок. Поэтому предприимчивые персидские купцы открыли в Астрахани небольшие бумагопрядильные мануфактуры, где обрабатывали это сырье. А потом продавали на фабрики во Владимирской губернии, где из него изготовлялись дешевый ситец «александрилка»[674].

Москательные товары – чернильные орешки, корень марены, использовались для крашения тканей в текстильной промышленности, для крашения кож и мехов, в строительных и малярных работах. Привозившиеся к Астрахани, эти товары перепродавались оптом на Нижегородской ярмарке и «снабжали всю Россию» необходимыми красильными материалами[675]. Оптовыми покупателями часто выступали казанские купцы[676].

Эта категория товаров составляла в среднем от 8 до 15%% от всего импорта, а в 1840-е гг. вообще сократились до 3-5%%. В стоимостном выражении это составляло 200-350 тыс. руб. в год, а в количественном – 15-20 тыс. пудов марены и примерно столько же чернильных орешков в 1830-1840-е гг.[677].

Среди готовых изделий азиатской промышленности первое место занимали ткани и изделия из них. Привозились среднеазиатские, персидские и закавказские ткани: бязи, холст, хам-халат (хлопчатобумажный материал), тебризские, гилянские и исфаганские бурмети, канаус, кашанский бархат, атлас, зарбафа, выбойки, кумач, «термалама» - плотная пестрая или

---

672 Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.97.
673 Русское экономическое обозрение. – 1900. - №11.
674 Мельников П.И. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844, 1845 гг. Нижний Новгород, 1846. С.264.
675 Там же. С.260-261.
676 Коммерческая газета. – 1829. - №89.
677 Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.110.

однотонная шелковая ткань ручного изготовления[678]. Ткани эти изготавливались из хлопка, шелка, овечьей и верблюжьей шерсти, пеньки, козьего пуха.

Доля привоза тканей к Астрахани в структуре импортной торговли в первой половине XIX в. колебалась в широком диапазоне: от 4,6% (в 1850 г.) до 57,2% (в 1832 г.). В среднем же это было 15-25% от всего импорта. Тоже можно сказать и о стоимости. От 750-800 тыс. руб. в 1813-1814 гг. стоимость привозного азиатского текстиля и изделий сократилась в 1816-1820 гг. в два раза. В 1840-х гг. составляла 80-140 тыс. руб. сер. Это десятилетие и весь период в целом завершились «неудачным» 1850 г., привоз в котором оказался меньше 45 тыс. руб. сер. В среднем за весь период импорт тканей увеличился всего на 65%[679].

Ткани хлопчатобумажные завозились преимущественно из Средней Азии, Восточного Азербайджана и иранского Исфагана[680]. Большой популярностью пользовались персидские шелковые ткани, которые считались более изящными, яркими и красивыми, чем турецкие[681]. Ткани были разных сортов и легко находили сбыт в России, у покупателей разного достатка, от богачей до бедняков[682]. В 1820-1830-е гг. большой популярностью у российских модниц пользовались «кашемирские» шали и «багдадские» платки, которые в действительности производились в ремесленных мастерских Кермана и Тебриза[683]. Тем не менее, с 1830-х гг. российский покупатель все больше ориентируется на ткани отечественного производства, что наносит серьезный удар астраханской импортной торговле тканями[684].

---

[678] Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838. С.37.
[679] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.115.
[680] РГАДА. Ф.276. Оп.3. Д.1914. Л.14.
[681] Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838. С.51.
[682] Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку Московской коммерческой практической академии воспитанника Н. Тярина. М., 1827. С.33.
[683] Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Барамбергом в 1841 г., СПб., 1853. С.43.
[684] Коммерческая газета. – 1829. - №55.

Предметами престижного потребления были знаменитые персидские и бухарские ковры. Ввозились они «под заказ», штучно. Или для специализированных магазинов в столицах. Столь же эксклюзивными были изделия из драгоценных металлов, элитное оружие и посуда. Для состоятельных покупателей ввозились меховые и кожаные изделия[685]. Ширазские, бухарские и персидские мерлушки и каракули в 1800-е гг привозились в количестве в несколько десятков тысяч штук, но затем этот привоз практически прекратился[686].

Продовольственные товары: рыба и «рыбные» товары, фрукты, пряности, орехи, сарочинское пшено (рис) в рассматриваемые десятилетия составляли еще одну статью импортной торговли. А с течением времени свежие и сушеные фрукты вообще становятся одной из основных импортных статей и главным товаром в торговых оборотах астраханских купцов персидско-азербайджанского происхождения[687].

Ввиду того, что мусульмане-шииты рыбу осетровых пород считали «морской свиньей» и в пищу по религиозным соображениям не употребляли, импорт рыбной продукции от персидских промыслов становится значимой статьей импорта. Ежегодно в Астрахани отгружали до 30 тыс. пудов рыбы и до 1,5 тыс. бочек черной икры[688]. Во второй четверти XIX в. рыба и икра составляли от трети до четверти всего астраханского импорта[689].

С 1830-х гг. Персия превращается в главного поставщика фруктов в Европу и Россию[690]. Дыни, виноград, персики, абрикосы, яблоки, груши, лимоны, апельсины, гранат, грецкие орехи, миндаль и др., а также сушеные фрукты, выращенные во внутренних провинциях Персии, ввозились в мешках и ящиках в Астрахань, а затем переправлялись в Центральные

---

685 АВПР. Ф. Главный Архив I-9. Оп.8. 1847-1854. Д.11. Л.317.
686 РГАДА. Ф.276. Оп.3. Д.1914. Л.53.
687 Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850. Ч. 1, С. 258-259.
688 Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838. С.28; АВПР. Ф. Главный Архив II-10, 1816-1844 гг. Д.3. Л.61-61 об.
689 Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.120.
690 Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб, 1838. С.8,10.

губернии. Отборные фрукты поставлялись к Императорскому Двору[691]. Вместе с рисом и некоторыми «другими» товарами (аптекарскими, полудрагоценными камнями) привоз фруктов составлял 10-20%% ежегодно.

В целом, на протяжении первой половины XIX в. астраханская импортная торговля имела небольшую тенденцию роста как количественных, так и стоимостных показателей. В 1800-1809 гг. этот рост составлял 130-200%% год к году. В 1809 г. импорт резко вырос до 4 млн. руб. с 750 тыс. руб. (в 16 раз по сравнению с 1800 г.). В дальнейшем он колебался в пределах 2,5-5 млн. руб. асс. В конце 1840-х гг. увеличился до 7-8,5 млн. руб. сер. в год[692].

Несмотря на миллионные показатели, преувеличивать значение астраханской внешней торговли для российской экономики в первой половине XIX в. не стоит. В общероссийской структуре международной торговли она занимала скромное, едва ли не последнее место. В 1800 г. на Астрахань пришлось 0,7%, в 1809 – 1,8%, в 1815 – 2,3%; в 1820 – 1,7%, в 1825 – 1,1%, в 1830 – 1,8%, в 1835 – 1,0%, в 1840 – 0,6%; в 1845 – 0,8%, в 1850 – 1,8% общероссийского внешнеторгового оборота.

При этом в российско-азиатской торговле в начале XIX в. на долю Астрахани приходилось до 40% - в 1812 г. И это самый высокий показатель. Затем ее роль постепенно начинает падать: в 1815 – 27,5%, в 1820 – 21,9%, в 1825 – 13,8%, в 1830 – 20,0%, в 1835 – 10,7%, в 1840 – 6,0%, в 1845 – 5,2%. То есть в течении 30 лет доля астраханской торговли в российско-азиатских торговых отношениях сократилась в 8 раз[693].

Мы видим на основании статистических данных, что в силу геополитических причин, о которых мы уже неоднократно упоминали, Астрахань к середине XIX в. перестает быть одним из важнейших центров международной торговли. Теперь это был лишь один из российских торговых

[691] Шавров Н.Н. Персидское побережье Каспийского моря, его производительность и торговля. Тифлис, 1912. С.68.
[692] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.140.
[693] Виды государственной внешней торговли Российской империи. Спб., 1800-1850.

путей, который способствовал переправке грузов с восточного побережья Каспийского моря, из Закавказья и Персии в Центральную Россию и на Нижегородскую ярмарку и в обратном направлении[694]. При этом у России уже имелся ряд альтернативных сухопутных торговых путей по этим направлениям, что существенно нивелировало экономическое значение Астрахани, да и российское правительство больше не делало на нее основную ставку в российско-азиатской торговле. В 1862 г. была закрыта Астраханская таможня, тем самым была поставлена своеобразная точка в истории Астрахани, как центра российской внешней торговли в Новое время.

Таким образом, мы проанализировали весь путь развития астраханской внешней торговли с момента основания русской Астрахани, расцвета города как главного центра российско-азиатского торгово-экономического взаимодействия до практически прекращения этой торговли. На протяжении столетий Астрахань обеспечивала российское мануфактурное производство сырьем, с одной стороны, и рынками сбыта, с другой, российскую экономику. Большую роль в этой торговле играло персидско-азербайджанское купечество, торговая деятельность которого способствовала реализации и экономических и, во многом, политических интересов России в XVII – I половине XIX вв. в государствах и на территориях, прилегавших к Каспийскому морю.

[694] Журнал МВД, 1845. Ч.12. С.367-368.

4.2. Экономическая деятельность персидской общины в Астрахани в конце XVII – I половине XIX вв. и персидско-армянское взаимодействие

Персидско-азербайджанская община Астрахани с момента своего основания имела ярко выраженный торговый характер. Собственно, российское правительство, начиная со времен Ивана Грозного, никогда и не скрывало, что главная цель основания русской Астрахани – создание центра российско-восточной торговли. Для этого создавались условия для привлечения главных агентов этой торговли – восточных купцов разных национальностей. Ими были основаны национальные фактории – общины, имевшие ярко выраженный торговый характер.

Как бы не старались купцы одной общины быть автономными и изолированными в своей жизни и деятельности, они вынуждены были взаимодействовать друг с другом. В случае с персидско-азербайджанским и армянским купечеством это было обусловлено тем, что армяне XVII – XVIII вв. являлись главными агентами российско-персидской торговли. Армяне, к тому же, в тот период, в большинстве своем являлись подданными персидского шаха и во многих документах часто учитывались как условные «персияне» по признаку этого подданства. Поэтому важно выявить и факторы взаимодействия персидского и армянского купечества в Астрахани в Новое время.

Астраханская ярмарка в XVII в. стала необходима России в контексте развития мануфактурного производства. Шелк-сырец и хлопок-сырец, которые выращивались в Персии и на прилегающих к ней территориях, были крайне важны для экономического развития России. До 1640-х гг. шелк, хлопок и другие азиатские товары шли в Европу через Турцию, затем – по морю в страны Западной Европы. И этот путь был крайне опасным и убыточным в силу целого ряда экономических и геополитических причин, прежде всего пиратства.

Поэтому, когда окончательно утвердился путь через Астрахань и российские территории, армянские и персидские купцы предпочли возить товары через Астрахань в Москву и Архангельск, а затем – по северным морям в Западную Европу. Так оказалось в разы дешевле, а главное – безопаснее[695].

Во второй половине XVII в. поставка шелка-сырца в Россию из Персии силами армянского и персидского купечества являлась главной темой российско-персидских переговоров. В этот период персидское правительство вынуждено было считаться с влиятельным армянским купечеством, которое являлось главным поставщиком товаров из Персии в Российское государство. При этом преследовалась очевидная цель постепенной замены армян на купцов-мусульман, то есть персов и азербайджанцев – шиитов.

Несмотря на то, что персидско-азербайджанская община имела очень замкнутый характер, практически не вступая в повседневной жизни во взаимоотношения не только с русским большинством, но даже с единоверцами-татарами, интересы экономические заставляли общаться и с представителями власти и предпринимателями, относящимися к другим национальным и конфессиональным группам. Прежде всего, это касается представителей астраханской армянской колонии.

Персидские купцы доминировать в российско-азиатской торговле через Астрахань, стали в 1770-1780-е гг., когда от этого направления коммерческой деятельности отошли армяне. При этом, конечно, переход этот не совершился одномоментно. Отношения персидской и армянской колоний развивались постепенно.

С конца XVII в., как притесняемые мусульманскими правительствами (турецким и персидским) на своей родине христиане, армяне совместно с грузинами (которых в Астрахани практически не было) получили особый статус. Также российские власти видели в армянских купцах проводников своих геополитических интересов в Закавказье и на Ближнем Востоке. В

[695] Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. Ереван, 1953. С.35-36.

итоге, это сказалось и на успехах Джульфийской торговой компании, о чем мы говорили во Второй главе данной диссертации.

В начале 1770-х гг. специальным указом Екатерина II освободила всех армян поселившихся в Астрахани от всех податей на 30 лет[696]. Это привело к тому, что численность армян в городе значительно увеличилась, на короткое время они вновь заинтересовались внешней астраханской торговлей. Но поняв, что те же льготы распространяются и на рыбную промышленность, которая в разы выгодней, быстро на нее переключились. А торговля оказалась в руках персиян, которые в те годы беспрепятственно причисляли себя к Армянскому Гостиному двору.

В конце XVIII в. 30-летний льготный период завершился, но новый российский монарх – Павел I, 28 октября 1799 г., подписал указ с новыми льготами для армян. С нового, 1800 г., армянам в Астрахани, Моздоке и Кизляре разрешалось вступать во временное российское подданство (а не исключительно постоянное как прежде). Разрешалась беспошлинная торговля внутри России, а заграничная «с пошлиною противу иноземцев по воле и достатку каждого»[697]. Вступивший следом на престол Александр I издал новый указ от 21 декабря 1802 г., в котором подтвердил право армян на беспошлинную и свободную торговлю внутри Российской империи и в портовых городах государства[698].

Персидское купечество никогда таких льгот и гарантий безопасности жизни и бизнеса со стороны российских властей не имело. При этом армяне, которые поселялись в Астрахани, происходили в большинстве своем из различных провинций Персии и Закавказья, у многих на родине остались родственники и экономические интересы, недвижимость. Между астраханскими персиянами и армянами существовал высокий кредит доверия, многих связывали дружеские и экономические отношения.

[696] Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Выпуск II: от Екатерины II до настоящего времени. - Киев, 1900. С.95.
[697] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.802. Л.9.
[698] Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII-I половине XIX вв. Саранск, 1977. С.79-81.

Руководствуясь интересами торговли армяне легко переезжали из страны в страну, меняли подданство. В первой трети XIX в. многие армяне из-за русско-иранских и русско-турецких войн, эпидемии чумы (1829) и холеры (1830) переселились из Российской империи в Персию[699]. Армянская колония в Астрахани в этот период была очень многочисленной и на порядок превышала численность персиян. По данным губернских властей, в 1816 г. она насчитывала 2097 д.м.п. и 4070 д.ж.п.[700].

Авторитет и влияние армянской торговой фактории в Астрахани были настолько велики, что до начала XIX в. определенная часть персидских торговцев предпочитала селиться в Армянском Гостином дворе и числиться ее членами, несмотря на существование в городе Гилянского (Персидского) Гостиного двора. Связано это было с теми льготами и торговыми преференциями, которые армянам предоставляло российское правительство.

Армянская колония, также возглавляемая старшиной, легко принимала персиян-мусульман, так как в обмен получала весьма выгодные услуги от них на территории Ирана и Закавказья, в том числе защиту от налогового произвола и охранительные письма к местным властям. После того, как персы стали уверенно доминировать в российско-азиатской торговле через Астрахань и было создано общество Татар Трех Дворов, за жителями которого был закреплен сословный и подданнический российский статус, они переписываются в число татар Гилянского двора. Впрочем и сам Армянский Гостиный двор прекратил свое существование в 1800-е гг.

В документах астраханской казенной палаты за 1801 г. зафиксировано, что в 1801 г. все, «числившиеся в астраханском Армянском обществе татары» были «причислены» к обществу татар Гилянского двора, всего 116 д.м.п. В итоге, численность жителей Гилянского двора составила 428 д.м.п.[701]. Как видим, этих «жителей» астраханские власти считали «татарами», а не «персами», что в очередной раз подтверждает наш тезис о

[699] Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. М., 1976. С.204.
[700] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.1647. Л.8об.
[701] ГААО. Ф. 480. Оп.1. Д.604. Л.10.

том, что все торговавшие в Астрахани «персияне» в этническом отношении являлись тюрками-азербайджанцами.

Со вступлением в действие Манифеста 1807 г.[702], в котором была законодательно закреплена единая торгово-сословная организация российского общества и условия осуществления внутренней и внешней торговли, вне зависимости от национальной принадлежности, все торговые привилегии армян как российских подданных были ликвидированы. После этого персияне окончательно перестали записываться в армянское общество.

Но при этом, дружеские и экономические связи сохранились. В 1804 г., когда началась российско-иранская война и российские власти распорядились конфисковать движимое имущество персиян «впредь, до окончания военных действий», как подданных вражеского государства, армянские купцы в Астрахани поспешили объявить его своим, чтобы персияне смогли избежать конфискации. Движимое имущество, естественно, заключалось в товарах. Неожиданно таможня доложила губернатору, что никаких товаров, находящихся на складах, за персидскими купцами «не числится». Было проведено следствие и оказалось, что персидские купцы договорились с армянскими купцами, которые «охотно скрыли имущество, распродали и затем передали деньги владельцам»[703].

Также большой уровень взаимодействия характеризовал отношения предпринимателей-армян и персиян в сфере коммерческих перевозок по Каспийскому морю. Именно армяне, по-сути, создали торговый астраханский парусный флот и фактически безраздельно владели им в XVII - I половине XVIII вв. Когда торговля на Волжско-Каспийском пути переходит в руки персиян, то и флот этот перешел к ним, о чем речь пойдет далее. Но при этом армяне и персияне всегда помогали друг другу в перевозках грузов, вне зависимости, кому из них шкоуты – парусные торговые суда принадлежали.

[702] ПСЗ РИ - I. Т.29. № 22178.
[703] ГААО. Ф.687. Оп.2. Д.412. Л.6-8.

Так продолжалось до 1860-х гг., когда паровой флот был вытеснен паровым флотом общества «Кавказ и Меркурий».

Сотрудничество персидской и армянских общин было многогранным и охватывало многие экономические сферы. Так, персияне имея ограниченные средства, часто приобретали в Астрахани российские товары в кредит, с обязательством уплаты денег после того, как они, продав эти товары в Персии, вернутся в Астрахань[704]. Кроме того, персидские купцы брали товары в кредит и у русских купцов, в среде которых со временем завоевали большое доверие, как честные торговцы. А вот у армян сложилась другая, обратная ситуация и доверием русского купечества они не пользовались[705].

Кредитуясь друг у друга, скупая товары российского производства в Астрахани, персияне и армяне способствовали «оживлению» и развитию астраханской внешней торговли. Но случались и случаи банкротства, когда купцы оказывались не в состоянии оплатить свои долги. Тогда дела передавались в специальные сословные торговые суды – Армянский, Персидский или Астраханскую Татарскую Управу. Дела в том или ином суде рассматривались с подачи иска заимодавца, в зависимости от его национальной принадлежности.

Так, в Армянском суде летом 1819 г. было рассмотрено дело по иску армянского купца Григория Авессаломова к персидскому купцу Сарафулу Магомеду Шарафову, долг составлял 2819 руб. 10 куп. В то же время были рассмотрены иски того же Г. Авессаломова к Аубекиру Абдуллаеву по двум долговым обязательствам на общую сумму 4290 руб. А вот иск персиянина Аджи Исмаилова к армянину Лазарю Баялачеву рассматривался в Персидском суде. Последний задолжал 2430 руб. и не мог объяснить, куда делись товары на сумму 10 тыс. руб.[706]

[704] Русско-иранская торговля 30-50-х XIX в. Сборник документов. М.: Наука, 1984. Л.131.
[705] Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и Кавказскому краю. // Библиотека для чтения. – 1838. Т.26. №2. С.131.
[706] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.42742. Л.43-50.

Так как торговля на Каспии, в Персии и Закавказье, была далеко не безопасной и подвергалась многим опасностям, зависела от многих субъективных и объективных факторов, непреднамеренные банкротства, когда купцы просто «теряли» товар и не могли расплатиться, были частым явлением. И еще одной формой решения споров стали созданные по инициативе астраханских властей третейские суды, тем более что законодательство это позволяло. В этих судах на равных в качестве судей приглашались представители и армяне и персияне.

В 1803 г. такой третейский суд был создан для решения спора между ленкоранским купцом Маметом Асаном Алиевым и вступившим в астраханское купечество Агамиром Алиевым, который задолжал Мамет Асану товаров на 10 тыс. руб. Но Агамир Алиев отказывался, доказывая что долг деньгами выплатил в полной мере. В состав суда вошли уважаемые купцы: исфаганский Ага Халилов, мазендаранский Абдул Касим Мамедалиев и армянин Степан Аракелов. Последний был приглашен ввиду того, что Агамир Алиев называл свидетелям выплаты долга двух армянских астраханских жителей[707].

Итак, мы видим, что для двух восточных колоний в Астрахани – армянской и персидской в конце XVIII – начале XIX вв. были характерны высокая степень взаимного сотрудничества по экономическим вопросам и доверия. В итоге это в значительной степени способствовало успешной интеграции и тех и других в экономическую жизнь региона и в общую предпринимательскую среду.

Исследователи истории астраханской международной торговли, в частности Л.И. Ватанина, пишут о том, что только со второй половины XVII в., а еще вернее, с конца этого века сложилась «некоторая торговая специализация» в среде ее участников[708]. Вследствие этого были обозначены и этапы ее развития. Первый этап характеризуется как этап развития

[707] ГААО. Ф.1. Оп.4. Д.536. Л.4.
[708] Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани в XVII в. Саранск, 2004. С.85.

торгового капитала, когда деньги вложенные в значительные по объемам товары, крайне медленно обращались. Также торговля в тот период была подвержена многим и значительным рискам, никак не была связана с производством. У персидских торговцев, как правило, отсутствовали свободные деньги и возможность кредитоваться. Ростовщичество как самостоятельная сфера экономической деятельности еще не сформировалось.

Закупаться приходилось в разных торговых центрах, что предопределяло значительные посреднические цепочки, которые могли доходить до нескольких десятков человек, что также вело к увеличению конечной стоимости товаров в разы.

В этих условиях торговцы вынуждены были осуществлять торговые операции в форме общего нераздельного предприятия, каковым являлись или большие семьи или совокупный капитал (т.н. складчина) нескольких предпринимателей. То есть, несколько купцов вносили паи в товарищество, избирали или назначали главного, который и вел торговлю от своего имени, а прибыли делили в соответствии с размером вклада каждого участника[709]. В случае с персидской купеческой общиной в Астрахани она оформилась в институт векильства, который мы уже подробно описали.

Однако крупная (оптовая) торговля далеко не всем была доступна. Уже с начала XVIII в. значительную роль в Астрахани начинает играть розница, как и в других городах России. Розничной торговлей представители персидской общины в городе занимались и в собственных или арендованных лавках, палатках и «выходах» на городских базарах и на территории Гостиных дворов.

Персы в качестве торговцев появились в самой Астрахани (т.е. на внутреннем городском рынке – Р.П.) в XVII столетии, а в начале XIX в., сразу вслед за падением «значительных торговых домов хивинцев и индийцев здесь, овладели торговлей ее вместе с армянами»[710]. Зная языки,

[709] Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С.193.
[710] Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб., 1878. С.57.

нравы и обычаи Востока, азербайджанцы («русско-» и «персидскоподданные») стали посредниками «в передаче произведений земель, их окружающих»[711].

Рубеж XVIII-XIX вв. – это время настоящего коммерческого расцвета персидско-азербайджанской общины в Астрахани. На собственных кораблях купцы перевозят российские и персидские товары по Каспийскому морю; оптом и в розницу торгуют востребованными в России шелком и фруктами (свежими и сушеными), хлопком и тканями, мареной и другими красильными материалами; строят Гостиные дворы в центре города и получают значительный доход от сдачи этих помещений внаем; по Волге отправляют на Макарьевскую ярмарку персидские товары и привозят оттуда российские.

Данные делопроизводственных документов Астраханской таможни наглядно демонстрируют, как происходил процесс вытеснения армянского купечества персидским с астраханского внешнего рынка в первой половине XIX в. В 1804 г. (в этот год началась первая русско-иранская война, поэтому показатели торговли были заметно ниже, чем в другие годы) в астраханской внешней торговле приняли участие 124 купца разных национальностей, 84 из них назвались персиянами (и составляет это 68% от числа всех торговцев), армян было 23 человека (18,5%), 8 обозначили себя русскими (6,5%), столько же – сартами-хивинцами и 1 торговец был из закаспийских туркмен[712].

В 1825 г., количество приехавших в купцов увеличилось в три с лишним раза - 355 персиян и 36 армян[713]. В 1826 г., когда началась вторая русско-иранская война во внешней астраханской торговле, приняли участие 212 персиян и 12 армян. При этом таможенники отметили, что почти половина персидских купцов не являются самостоятельными купцами. Они были всего лишь комиссионерами астраханских армянских купцов и

[711] Миллер П. Русская транзитная торговля в XIX столетии. // Русское экономическое обозрение. СПб, 1903. - №6. С.107-108.
[712] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.546. Л.1-43.
[713] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3136. Л.44-58об.

перевозили принадлежавшие им товары[714]. На самом деле, в этот год началась вторая русско-иранская война и персияне традиционно прибегли к помощи армян, записав товары на них, так как опасались их конфискации, как подданные вражеской страны, на период военных действий.

Аналогичную картину мы видим и при анализе объемов участия двух национальных групп купечества в астраханской внешней торговли. Так, в 1804 г. армяне привезли почти 40% и вывезли больше 42% товаров через Астрахань. А в 1850 г. их участие в привозной и отпускной торговле сократилось до совсем незначительных показателей и составило всего 4% по обеим позициям. И показатели на уровне 3-7% для армянских предпринимателей характерны для всей первой половины XIX в. Также незначительными в эти десятилетия были и показатели участия в международной астраханской торговле купцов иных этнических групп – русских, грузин, представителей народов Средней Азии. На их долю в совокупности приходилось всего лишь 1,5-3%% ежегодных торговых операций.

Очевидное доминирование в осуществлении торговых операций имели «персидские» купцы, которые в этническом отношении в большинстве своем были азербайджанцами. В последний период активной международной торговли через Астрахань, который приходится на первую половину XIX в., в разные годы доля предпринимателей из Южного и Северного Азербайджана составляла 90-95%% торговых оборотов.

Таможенные ведомости и иные архивные документы практически не содержат подробных ежегодных данных о численности «персиян» осуществлявших торговлю в Астрахани. В центре внимания российских чиновников различных ведомств были данные об ассортименте и количестве товаров, именно они фигурировали в различных ведомостях. О численности и географической приписке этих предпринимателей сведения периодически собирались и фиксировались лишь приблизительно. Например, начальник

[714] ГААО. Ф.679. Оп.1. Д.48. Л.45-62.

АТО в 1832 г. писал астраханскому губернатору, что купцов из Персии, привозящих товары к Астрахани, каждый год прибывает больше 600 человек[715]. В это же время, сам астраханский губернатор докладывал в Санкт-Петербург, что большинство из этих торговцев приезжают временно, но несколько десятков уже проживают в городе постоянно «в собственных домах»[716].

Относительно начала XIX в. сохранились отдельные сведения по прибытиям к Астрахани с каждым торговым кораблем. Например, в конце апреля 1801 г., когда навигация только началась, из Баку к таможне прибыли 56 «персиян» из самого Баку, а также из Мазендарана, Ардебиля, Казвина, Энзели, Гиляна и др., с товарами[717]. В июле 1803 г. из того же Баку к Астрахани на нескольких судах товары привезли уже 175 торговцев[718].

Сохранились также подробные данные за 1824 г., в котором в Астрахань из Персии привезли свои товары 124 купца, 84 из них назвались «персиянами». Из них 20 – ленкоранскими, 12 – тавризскими, 11 – мазендаранскими, 10 – лангарунскими, 7 – казвинскими, 6 – астраханскими, 6 – бакинскими, 3- ширванскими, 3 – ардебильскими, 1 – шемахинским[719]. Исходя из названия мест происхождения этих купцов, очевидно, что были они в большинстве своем не персами, а азербайджанцами.

Согласно сведениям таможни, в следующем, 1825 г. в астраханской торговле приняло участие 355 «персидских» купцов, 340 из которых своей родиной указали территорию современного Северного Азербайджана[720]. В 1826 г. в астраханской торговле приняли участие 212 «персиян»[721], и это при том, что началась русско-иранская война. В 1831 г. персидских купцов, учтенных в Астраханской таможне оказалось 54 (из 106) – мазендаранские (30 человек), бакинские (7), тавризские (5), рящинские (4), лангарутские (2),

[715] ГААО. Ф.2. Оп.1. Д.75. Л.5об.
[716] ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.443. Л.5.
[717] ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.23. Л.31.
[718] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1. Л.95.
[719] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.546. Л.1-43.
[720] ГААО. Ф.681. Оп.1. Д.3136. Л.44-58об.
[721] ГААО. Ф.679. Оп.1. Д.48. Л.45-62.

ширванские (2), по 1 гилянскому, астраханскому, энзелинскому и дербентскому: торговля все еще переживала кризис из-за недавно закончившихся военных событий, поэтому купцов было еще немного[722]. Ну и в 1850 г. из 217 предпринимателей, торговавших через таможню, 136 были названы «персиянами». Из них 7 обозначили себя астраханскими гильдейскими купцами, 39 – бакинскими, 20 – мазендаранскими, 14 – ардебильскими[723].

Во второй четверти XIX в. в Астрахани окончательно оформился небольшой «кружок» наиболее состоятельных персидско-азербайджанских купцов, которые окончательно сделали свой выбор в пользу российского подданства и постоянного проживания и ведения бизнеса в городе. Свой капитал они составили на Каспийской международной торговле, доминирование в которой в 1836 г. признал исследователь Каспийского моря Г.С. Карелин: «…вся Каспийская торговля ныне находится в руках персиян»[724].

В ежегодном статистическом сборнике российского правительства «Виды государственной внешней торговли» в сведениях по астраханской внешней торговле за 1830-1850-е гг. указывались фамилии предпринимателей, которые осуществляли наиболее значительные торговые операции. Первые строчки занимали Мир Багиров, Аджи Усейнов, Ага Шафиев, Рза Рагимов, Ага Казимов. Они же составляли в указанные годы верхушку астраханской общины[725].

Об успехах и значении в астраханской внешней торговле персидских купцов в этот период даже писала столичная «Коммерческая газета», назвав Мир Багирова (астраханского 1 гильдии купца), Ага Казимова (санкт-петербургского 1 гильдии), Аджи Усейнова (ленкоранского), Джафара

[722] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.667. Л.1-62об.
[723] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3134. Л.1-112.
[724] Г.С. Карелин. Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому морю в 1832-1836 гг. СПб., 1883. С.439.
[725] Виды государственной внешней торговли за 1816-1824 гг. СПб., 1817-1825.

Ходатаева (ленкоранского) и Мамеда Рагимова (бакинского) «главнейшими по значимости оборотов» и «первыми» из астраханских судохозяев[726].

При этом, число купцов – «персиян», решивших окончательно осесть в Астрахани было небольшим. Только те из них, кто обладал значительным капиталом, превышавшим, как показывают архивные материалы, 300 тыс. руб., огромную по тем временам сумму, оставались в городе «на постоянном жительстве». Персидские консулы в Астрахани, «недостаток капиталов», как раз называли основной причиной малочисленности купцов «персиян» в Астрахани[727].

Еще одним видом предпринимательской деятельности в Астрахани, в котором персидские купцы успешно переняли опыт армянских, стало мануфактурное производство. Причем в архивных источниках, оно описывается как «промышленное», фабричное, хотя в реальности таковым никогда не являлось. Это были самые простые формы мануфактурного производства, ориентированные на переработку хлопка и шелка низкого качества, продававшегося в Астрахани буквально за копейки. Самые первые «фабрики» видимо появились в городе еще в первые десятилетия XVIII в. в форме рассеянных мануфактур, в которых работники ткали у себя на дому, а потом продукцию сдавали хозяину[728]. Количество таких мануфактур и объем продукции, которую они вырабатывали установить невозможно до конца 1770-х гг., так как никакого учета губернскими властями не велось.

А вот с 1780-х гг. состояние «промышленного» производства в Астрахани заинтересовало центральные ведомства и Санкт-Петербург затребовал ведомости о количестве мануфактур в Астрахани и сведения об их владельцах. В связи с этим, казенная палата ежегодно стала составлять «Ведомости» о количестве мануфактур и выпускаемой в них продукции.

Основными потребителями последней выступали представители «восточных» народов, проживавших в Астраханской губернии и

[726] Коммерческая газета. – 1835. - №51.
[727] АВПР. Ф. Миссия в Персии, 1833. Оп.528а. Д.216. Л.7-7об.; ГААО. Ф.1. Оп.7. Д.1727. Л.4.
[728] ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.131. Л.272об. - 273.

пограничной Степи: татары, калмыки, казахи и т.д., на «своеобразный» вкус которых они и были рассчитаны. Ассортимент тканей и товаров был неизменным на протяжении десятилетий[729]. В основном это были груботканные хлопчатобумажные и шелковые ткани из привозного иранского, закавказского и среднеазиатского сырья.

В канцелярии астраханского губернатора в начале XIX в. отмечали, что персидскоподданные персияне, в течение короткого времени серьезно «уменьшили обороты армянских купцов» в фабричном производстве. «Персияне» приезжали в Астрахань на короткое время (год или два), арендовали помещения в центре города, нанимали рабочих-ткачей по более высоким расценкам, устанавливали станы и из собственного, привезенного из Ирана, сырья, производили ткани. Которые потом, также самостоятельно, сбывали в Астрахани и на Нижегородской ярмарке, и в обеих столицах[730]. Такая практика существовала до начала 1830-х гг. Затем эти ткани продавались уже исключительно в пределах Астраханской губернии, так как не могли уже конкурировать с тканями, поступавшими с первых российских фабрик, ни в качестве, ни в количестве. Постепенно, соответственно, сокращалось и число мануфактур в Астрахани, вплоть до полного их исчезновения к середине XIX в.

Ведомость за 1796 г. содержит следующие сведения об астраханских «фабриках»: 35 шелковых и 99 хлопчатобумажных. Владельцами большинства шелковых мануфактур (всего 24), были указаны «персияне», и только восьми хлопчатобумажных. Производились дешевые невысокого качества ткани – канаваты, бязи, пестряди в количестве от 250 до 500 штук в год на каждой мануфактуре[731]. Очевидно, то обстоятельство, что «персы» владели преимущественно шелкопрядильными мануфактурами, объясняется тем, что шелк-сырец привозился ими самими, исключительно из персидских

[729] Карагодин А.И. Астраханский край в к. XVIII – I половине XIX вв. (К вопросу о генезисе капитализма на южных окраинах России). Дисс… на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1972. С.222.
[730] ГААО. Ф.1. Оп.3. Д.131. Л.41-42.
[731] ГААО. Ф.476. Оп.1. Д.450. Л.100об. - 122.

провинций, а вот хлопчатая бумага привозилась, в основном, из Средней Азии и местными купцами.

В 1806 г. Казенная палата отчиталась о 16 шелкопрядильных «фабриках» в Астрахани, 2 из которых принадлежали «персиянам». Самой крупной мануфактурой в тот год была названа хлопчатобумажная «фабрика» ленкоранского персиянина Ага Ахвердиева, на ней работало 25 прядильных станов[732]. В 1808 г. в Астрахани насчитывалось 14 шелкопрядильных производств, одним из которых владел гилянский персиянин Ибрагим Муратов. И 41 хлопчатобумажная мануфактура, 5 из которых были в собственности персидскоподданных персиян[733].

После окончания первой русско-иранской войны и присоединения Северного Азербайджана происходит сокращение количества фабрик в Астрахани. Согласно данным за 1822 г., в городе работали 2 шелковые и 2 полушелковые «фабрики» и 38 хлопчатобумажных, из которых 5 были в собственности «персиян». Товары с этих мануфактур уже продавались исключительно в розницу в пределах города[734]. И уже к середине века мануфактурные шелкоткацкие и хлопчатобумажные производства в Астрахани закрылись, ввиду невозможности конкурировать с произведениями российской фабрично-заводской промышленности центральных районов страны. Закрытие этих предприятий стало индикатором еще одного процесса – внешняя торговля персиян при Астраханском порте, ориентированная, прежде всего, на ввоз шелка-сырца, пришла в упадок. Кожевенные, судоремонтные, табачные предприятия, появившиеся в этот период в городе, у «персиян» интереса не вызывали.

Как мы уже отмечали в нашей работе, успеху внешней торговли в Астрахани купцов-персиян в большой степени способствовало то, что в 1770-1780-е гг. русские и армянские купцы, доминировавшие в ней до этого, переключились на другой вид предпринимательства – рыбопромышленность,

[732] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.3315. Л.3-5об.
[733] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.4342. Л.4-5об., 12-14.
[734] ГААО. Ф.1. Оп.6. Д.2724. Л.6-7.

которая включала в себя вылов, переработку и продажу рыб преимущественно осетровых пород. И если главные конторы рыбопромышленников купцов-миллионеров, например Лианозовых, Сапожниковых, находились в Астрахани, то главные промыслы – на территории подконтрольной шахским властям. Прежде всего, это Сальянские и Эмбенские промыслы. Вообще рыбный промысел производился по всему южному побережью Каспийского моря: от реки Астары до Этрека.

Выловы рыбы действительно носили промышленные масштабы. Так, чиновник Министерства финансов Ю. Гагемейстер относительно результатов 1843 г. отметил, что на персидской территории за год было выловлено в Энзелийском заливе: 955 шт. белуги, 125194 шт. осетров, 7356 шт. севрюги, 21877 шт. сомов, 1200 шт. кутума; добыто 497 бочек черной икры (в каждой бочке 30 пудов), 224 пуда рыбьего клея и 347 пудов вязиги[735]. Все это было продано внутри России.

Почему же сами персы не занимались этим выгоднейшим видом предпринимательства? Дело в том, что для персиян-шиитов этот вид предпринимательской деятельности был запретным (харам). Шииты считают любую бесчешуйчатую рыбу «морской свиньей» и категорически запрещают принимать ее в пищу, да и просто с ней контактировать (дотрагиваться). Поэтому все добытое незамедлительно отправлялось в Россию. И для работы на промыслах нанимались сезонные рабочие из России. Но вот владеть промыслами, в принципе, могли.

Астраханская купеческая династия персиян Мир Багировых свой начальный капитал, как раз, получила от владения промыслами. В начале XIX в. промысел рыбы осетровых пород был организован Мир Абуталип-ханом Багировым в Астрабадской и Гилянской провинциях. Шаху ежегодно выплачивалось 150 туманов за пользование промыслами[736]. В 1829 г. эти промыслы в откуп получил брат Абуталипа – Мир-Садык, который в

[735] Русско-иранская торговля: 30-50-е гг. XIX в.: Сборник документов. М., 1984. С.108-110.
[736] Туман = 10 кранам, приблизительно 2 руб. 97 коп. сер. (1810-40-е гг.)

документах значится «адмиралом флота Его Шахского Величества». Но все производство лова по-прежнему осталось в руках Абуталип-хана. Это было обосновано еще и тем, что перевозка соли и рыбной продукции осуществлялась на собственных судах Мир Багирова. Вывозимый персиянами рыбный товар персидским правительством налогом не облагался[737].

В 1839 г. первый министр шахского двора Хаджи Мирза Агасси получил в пожизненное владение все прибрежные персидские воды. Мир Садык Багиров был объявлен главным управляющим промыслов, который теперь получал жалование. Но и гилянские воды Мир Садык взял у нового владельца до 1846 г. на откуп с уплатой в год 4,5 тыс. туманов. Мир Абуталип по-прежнему сохранил за собой все производство лова. В феврале 1844 г., неожиданно, не дожидаясь срока окончания договора, Агасси передал гилянские промыслы начальнику энзелинской таможни, а братьев окончательно от них отстранил. А плату новому арендатору поднял до 12 тыс. туманов. Через 10 лет, с 1850-х гг. все персидские промыслы были сданы в аренду исключительно российским (русским и армянам) предпринимателям[738].

Гилянские промыслы приносили огромную прибыль, что, собственно, и позволило купцам Мир Багировым стать значительными предпринимателями в Астрахани. Лишившись доступа к промыслам, семья сосредоточилась на российско-иранской торговле, торговле сухими и свежими фруктами с перевозкой на собственных судах, строительстве и сдаче в наем коммерческой и жилой недвижимости в Астрахани.

Ввиду того, что русско-азиатская торговля по Волжско-Каспийскому пути в первой половине XIX в. окончательно переходит преимущественно в руки персиян, в этот период происходит и формирование торгового флота,

[737] Русско-иранская торговля: 30-50-е гг. XIX в.: Сборник документов. М., 1984. С.110-112.
[738] Астрахань-Гилян в истории русско-иранских отношений. Астрахань, 2004. С.125-126.

принадлежащего им. В этом астраханским персиянам помогли армянские купцы, которые до этого времени были главными судовладельцами.

Как следует из архивных документов, в 1801 г. персияне не владели ни одним торговым судном в Астрахани, а местный торговый флот в тот год составлял 77 судов – шкоутов. 41 судно принадлежало армянам. Уже в 1815 г., в собственности 21 персидского купца в Астрахани было 26 судов, и практически все они были куплены у армян[739].

Процесс формирования персидской торговой флотилии в Астрахани занял несколько десятилетий. Получив в конце XVIII в. практически монопольное положение во внешней астраханской торговле, персияне практически сразу осознали, что осуществлять прибыльную торговлю возможно лишь при наличии собственных торговых судов. До конца 1780-х гг., когда еще ощущалась конкуренция со стороны армянских купцов, персияне для перевозки товаров арендовали суда у них или у русских купцов.

Все суда – шкоуты, которые составляли астраханскую торговую флотилию, строились исключительно в Астрахани. Ни в одном персидском или закавказском портах суда не строились. В персидских провинциях и азербайджанских ханствах не было материалов для строительства крупных судов – дерева, не было и мастеров – корабельщиков. В 1804 г. началась русско-иранская война и все персидские небольшие суда, и без того немногочисленные, были уничтожены российским военным флотом на Каспии. В 1813 г. был заключен Гюлистанский мирный договор, который запретил персидским властям и подданным иметь вообще какой-либо флот на Каспийском море.

В Астрахани суда строили из леса, сплавлявшегося с верховьев Волги, здесь была верфь и с начала XVIII в. жили мастера-корабельщики. С 1790-х гг. заказчиками шкоутов все чаще выступали персияне. Другой источник – покупка кораблей у астраханских армян. И в течении полутора десятка лет

[739] ГААО. Ф.433. Оп.1. Д.181. Л.12-55об.

был создан целый торговый флот, принадлежавший персиянам[740]. Товары на их кораблях перемещались по всей акватории Каспийского моря, заходя во все закавказские и персидские порты, на туркменское побережье, где осуществлялась торговля со Средней Азией.

Как только персияне, проживавшие в Астрахани стали владельцами торговых судов, то сразу же появились и арендаторы. Прежде всего, это были купцы-персияне, торговавшие с Россией оптом и мелким оптом. Они, естественно, больше доверяли своим соотечественникам. Также другие торговцы-мусульмане (хивинцы, бухарцы, туркмены, татары) больше доверяли своим единоверцам. Астраханские таможенные чиновники так и писали в донесениях, что такое положение дел было вызвано особым доверием мусульманина к мусульманину, когда арендатор считал, что единоверец гарантировано доставит груз адресату. А вот «кяфир» - немусульманин, столь тщательно заботиться о судьбе доверенного груза не будет. Кроме того и Аллах может разгневаться на тех, кто доверит груз неверному, и груз в пути может быть или испорчен либо совсем утрачен «по воле высших сил»[741].

Развитию персидского судовладения в Астрахани способствовало и то, что владельцы судов – персияне, неукоснительно демонстрировали свою лояльность российским властям. Они всегда готовы были предоставить свою собственность российским гражданским и военным властям для перевозки грузов с большим дисконтом цены за перевозку или вообще бесплатно, за свой счет. Даже в период российско-иранских войн на судах астраханских персиян перевозились провиант и вооружение для нужд фронта. За что некоторые из них были награждены российскими властями.

Осознав, что торговля с Персией получается выгодной, если ее осуществлять при посредничестве персиян, астраханские купцы уже в 1780- е гг. охотно передают свои корабли им в аренду. Это также стало одним из

[740] Рябцев А.Л. Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII в. М., 2002. С.23.
[741] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1070. Л.26.

толчков, побудивших персиян перейти от аренды к покупке и строительству флота. Об условиях аренды кораблей у русских судохозяев персиянами таможенные чиновники писали, что аренда эта во многом была вынужденным явлением. Персияне воспользовались «…расстроенным положением русских судохозяев», которая была вызвана, в том числе и переориентацией восточной торговли России в эти десятилетия на Оренбургскую линию и на Черное море, в связи с расширением границ Российской империи. Суда персияне нанимали без особых обязательств компенсации потерь груза судохозяина и повреждений, даже если оно погибнет. Персияне, в свою очередь, «отправляли также товары свои и чужие, получая за фрахт, сих последних, часто вдвое более против того, что за наем судна сами заплатили»[742].

Строительство новых кораблей и покупка в собственность старых у армян и русских, становится отдельной сферой приложения капиталов персидских купцов, как российско- так и персидскоподданных в Астрахани уже в первые годы XIX в., ситуация не изменилась даже во время войны 1804-1813 гг. Это обстоятельство отмечали гласные Городской Думы в своем докладе астраханскому губернатору, в ответ на его запрос. Также они отмечали что суда персияне порой забирали у прежних владельцев за долги. На всех своих судах персияне отправляли товары «фрахтовым способом»[743].

В своем письме губернатору гласные отмечают, что суда, которые осуществляют морскую торговлю от астраханского порта называются шкоуты, это название было общепринятым[744]. Но в делопроизводственных, бухгалтерских документах того времени можно было встретить и другие названия: бриг, транспорт, корабль, бригантина, расшива. Никаких технических паспортов не существовало в принципе, поэтому сам хозяин был вправе определить тип судна при подаче документа о его регистрации.

[742] Там же.
[743] Там же.
[744] Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. С.148.

Но как бы их не называли в документах, в историю мореплавания эти астраханские суда вошли под названием шкоутов[745].

Шкоуты – это тип парусного деревянного судна. Такие строились во всех портах Каспийского моря (российских и до поры персидских), ходили по всей акватории Каспия. Водоизмещение составляло от 1,5 до 5 тыс. пудов, длина – 75-100 футов[746].

К началу 1820-х гг. персидские купцы перестают приобретать суда у астраханских судовладельцев других национальностей. К этому времени стало очевидно, что строительство нового судна обходится гораздо дешевле, чем покупка старого судна с уже существующими дефектами от эксплуатации. Суда строили на астраханских верфях из строевого леса, который в город сплавляли с верховьев Волги, также использовался лес, оставшийся от разобранных или разбившихся больших мачтовых кораблей.

В 1822 г. «персидскоподданный» астраханский 2 гильдии и временный петербургский купец Али Медыев обратился к министру финансов Российской империи, в котором объяснял суть своей «коммерции». Купец писал, что в России он находится уже на протяжении нескольких лет «для произведения торговли, полезной для государств российского и персидского». В России он покупал товары прямо на мануфактурах – текстильных, стеклянном и фарфоровом императорских заводах. И для перевозки этих товаров, «скорейшего и удобнейшего доставления из Астрахани в Персию …оных изделий ежегодно и в значительных количествах», купец «расположился иметь» собственное мореходное судно.

Затем А. Медыев «испросил» соответствующее разрешение губернского начальства. И за свой счет построил мореходное судно, затратив на постройку 2218 руб., а казенной палатой затем это судно было оценено в 1600 руб. После оценки купец оплатил «установленные» пошлины, получил «узаконенное» свидетельство и «надлежащие паспорты для отправления в

[745] Карелин Г.С. Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому морю в 1832-1836 гг. СПб., 1939. С.459.
[746] Астраханские губернские ведомости. – 1839. - №44.

море», и отправил судно с российскими товарами, своими и соотечественников, к персидским берегам[747].

Канцелярия губернатора периодически собирала сведения о состоянии астраханского торгового флота, составлялись ведомости о количестве судов вышедших из Астраханского порта за границу. Сведения эти были нужны министерству финансов, которое ежегодно выпускало статистический сборник «Виды государственной внешней торговли». В 1809 г. таких судов было 32, 23 из которых принадлежали персиянам. В 1810 г. из Астрахани отправлено было 45 судов, хозяевами 31 из них были персияне; в 1811 г. «выпущено» 30 кораблей, 18 из которых были собственностью персиян[748].

Как видим, даже в период русско-иранской войны 1804-1813 гг., перевозки по морю осуществлялись персиянами, причем правительство этим перевозкам и торговле не только не препятствовало, но даже выделяла военные корабли для их охраны в пути следования. Также власти не выясняли какое подданство у персиян, которые перевозили грузы – российское или персидское. Все это в очередной раз подтверждает наш тезис о том, что российские власти всегда ставили в приоритет геополитические и экономические интересы, «закрывая глаза» на нарушения российских законов персидскими и закавказскими предпринимателями.

Нарушения же эти были порой очень значительными. По Манифесту 1807 г. правом владения мореходных судов обладали только российские купцы 1 и 2 гильдии. В 1820 г. губернское правление провело ревизию собственников таковых при Астраханском порте, на предмет гильдейского статуса. 43 торговых шкоута, приписанных к Астраханскому порту, принадлежали 14 «природным», то есть русским, астраханским купцам. 11 судов – 10 армянам. 1 – татарину Бухарского двора. Владельцами 21 судна были 13 персиян с разным статусом.

[747] ГААО. Ф.1. Оп.6. Д.2416. Л.35-35об.
[748] ГААО. Ф.1. Оп.9. Д.381. Л.25.

4 шкоута были в собственности купца 1 гильдии, векиля Мирзы Казимова, еще одним владел купец 2 гильдии Агамир Алиев. Оба они числились в российском подданстве. 6 бакинских персиян имели в собственности по одному шкоуту, всего 6. Ширванский персиянин Раим Шафиев имел 3 судна, ленкоранский Мир Багиров - 2, ленкоранский Мамед Асан Алиев – 1, сальянский Алиаскер Асанбеков – 1[749]. В 1825 г. 11 персиян-судовладельцев имели 19 шкоутов, приписанных, к Астраханскому порту[750].

Следует учитывать, что русские и армяне в этот период торговыми перевозками по морю уже практически не занимались. Все владельцы судов из представителей этих национальностей – это рыбопромышленники. И на своих кораблях они перевозили рабочих на Сальянские и Эмбенские промыслы, а обратно – продукцию рыбопромышленности[751].

В 1835 г., уже на пороге эры парового флота, чиновники канцелярии астраханского военного губернатора, оценивали роль персиян в осуществлении астраханской внешней торговле и их судовладении как «наиважнейшую» на этом направлении российской внешней торговли[752]. И прекрасно осознавая эту роль, российское правительство не только не препятствовало, но, в определенной степени даже покровительствовало, развитию персидского судовладения при Астраханском порте, которое уверенно увеличивалось.

К середине 1830-х гг. персидского флота, то есть флота под флагом персидского государства, на Каспии уже не существовало, согласно условиям мирных договоров 1813 и 1828 гг. Но те торговые суда, которые перевозили товары и людей из Персии в Российскую империю и в обратном направлении, исключительно под российским флагом, в действительности,

[749] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.35201. Л.3-5.
[750] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1070. Л.78об.
[751] Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. Астрахань, 207. С.107.
[752] ГААО. Ф.2. Оп.1. Д.182. Л.40.

почти все принадлежали «астраханским персиянам, которые пользовались званием и правами российских подданных»[753].

То, что персияне, поселившиеся в Астрахани и записавшиеся в гильдейское купечество, приобрели право владения судами на Каспийском море, и посредством этого постепенно сосредотачивают в своих руках всю российско-персидскую торговлю, отмечали и чиновники российского министерства внутренних дел: «Торговля наша мало, по малу переходит в их руки, и ныне почти исключительно ими производится»[754].

В середине 1840-х гг. в «Астраханских губернских ведомостях» вышла статья, посвященная состоянию астраханского торгового флота. Корреспондент писал, что в собственности персиян находятся «не просто шкоуты, а большие трехмачтовые суда, которые поднимают различный груз до 30 тыс. пудов каждое»[755]. В это десятилетие число судовладельцев-персиян продолжало расти. Паспорта (технические) выдавались городскими властями владельцам при спуске на воду или смене хозяина, для регистрации их при Астраханском торговом порте. В 1846 г. таких паспортов было выдано 44, 16 из которых – персиянам. При этом, если средняя стоимость шкоутов у русских судовладельцев составляла 1,5-1,8 тыс. руб., то корабли персиян - 2,5-3,5 тыс. руб.[756].

Официальные ежегодные статистические отчеты о ходе торговли с иностранными государствами по всем границам, составлявшиеся министерством финансов Российской империи в XIX в., среди прочего, содержали сведения и о купцах, которые вели значительную морскую торговлю при российских портах. В 1830-1840-х гг. в числе таковых, осуществлявших торговлю при Астраханском порте указаны персияне Абуталиб Мир Багиров, Алиакбер Аджи Усейнов, Рза Шафиев, Ады Медыев,

[753] Небольсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. С.150.
[754] Обозрение состояния городов Астраханской губернии в 1835 г. СПб., 1837. С.13
[755] Астраханские губернские ведомости. – 1845. - №26.
[756] ГААО. Ф.433. Оп.1. Д.181. Л.12-55об.

Мирза Казимов. Принадлежавший им торговый флот перевозил товаров ежегодно до полумиллиона рублей серебром[757].

Во второй половине XIX в. дети и внуки А. Мир Багирова и А. Аджи Усейнова, станут «столпами» астраханского купеческого общества, уважаемыми гильдейскими купцами, участвующими в органах городского самоуправления. Основатели династии сумели сориентироваться в переломный исторический момент замены парусного флота паровым, и распродав свои суда в начале 1850-х гг. обзавелись на вырученные деньги коммерческой недвижимостью в центре Астрахани, стали извлекать прибыль уже из нее. Также они стали крупными торговцами свежими и сушеными персидскими и закавказскими фруктами на российском рынке. Остальные из перечисленных крупных судовладельцев-персиян во время перестроиться не смогли и их имена в числе астраханских купцов перестали упоминаться, как только закончилась эпоха парусного флота.

В 1852 г. по Каспийскому морю из Астрахани к персидским берегам вышел первый пароход с коммерческим грузом. Начиналась эра парового транспорта. Это была первая «ласточка» вновь созданного пароходного общества «Кавказ и Меркурий», которое в ближайшее время станет главным перевозчиком товаров и людей по Волжско-Каспийскому пути и удержит эти позиции вплоть до революции 1917 г. Появились и другие пароходные общества. Небольшие шкоуты, впрочем, совсем не исчезли, перевозя незначительные грузы по Каспию до начала XX в.[758].

В 1862 г. Астраханский порт, как форпост российско-иранской торговли был закрыт и его руководство переведено в Баку. Все здания, пристани, конторы, ремонтные мастерские и т.п., были переданы (сначала на 15 лет, затем бессрочно) пароходному обществу «Кавказ и Меркурий»[759]. Технический прогресс привел к упадку одну из важнейших статей персидского предпринимательства в Астрахани. Конечно, в сочетании с

[757] Государственная внешняя торговля Российской империи в разных ее видах. СПб., 1831-1851.
[758] Шавров Н. Судоходство и торговля в южной части Каспия. СПб., 1912. С.78.
[759] Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.62.

геополитическими причинами, связанными с изменениями границ Российской империи на Кавказе.

Последнее обстоятельство было связано с русско-иранскими войнами первой трети XIX в., в результате которых закавказские азербайджанские ханства вошли в состав Российской империи, в том числе и главный порт на западном побережье Каспийского моря – Баку. Сухопутная дорога из Баку в Дербент, Кизляр, и далее – во внутренние губернии России, оказалась удобна для торговли. Также оказалась удобной дорога и до Новороссии и к черноморскому побережью.

Бакинские купцы издавна конкурировали с астраханскими, а теперь, став частью имперского купеческого мира, включились в торговлю. И при равных условиях, ввиду более выгодных географических условий, начинают вытеснять астраханцев из торговли с Персией на Каспийском море. Крупнейшие астраханские персияне-судовладельцы быстро поняли выгоду бакинской торговли, и, в 1860-е гг. оставшиеся суда были переписаны из Астраханского в Бакинский порт[760].

Все же интересы астраханских персиян-судовладельцев всегда учитывались местными и центральными властями. Прекрасно осознавали чиновники всех уровней, что персы являются главными плательщиками таможенных пошлин. Ведь, как следует из отчетов «Видов государственной внешней торговли…» в течении XIX в., обороты русско-азиатской торговли составляли ежегодно до 2 млн. руб. и торговлю эту преимущественно осуществляли персияне. С этих торговых оборотов государство могло получать 100 тыс. руб. таможенных пошлин в год[761].

Поэтому и имперские министерства (финансов, внутренних дел) и губернские власти постоянно просили таможенников не создавать «искусственных препятствий» для этой торговли, а по возможности и «закрывать глаза» на мелкие нарушения законодательства. Создан был

[760] Бутенко В.А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей ее промышленности. М., 1911. С.92.
[761] Государственная внешняя торговля Российской империи в разных ее видах. СПб., 1831-1851

своеобразный режим благоприятствования для персидского купечества на астраханском направлении, о чем мы уже писали[762].

Таким образом, мы видим, что на протяжении столетий, с момента основания, главным направлением экономической деятельности персидско-азербайджанской общины была внешняя торговля. Осуществляя эту торговлю, купцы-персияне неизменно вступали во взаимодействие с представителями армянской общины, от которых в конце XVIII в. переняли лидирующие позиции в астраханской международной торговле.

Также, ввиду того, что основными статьями ввозившихся через Астрахань товаров было сырье для российских мануфактур – шелк и хлопок, персидское купечество, осевшее в городе, сосредоточилось и на мануфактурном производстве – шелкоткацком и хлопчатобумажном. Впрочем, этот вид экономической деятельности особо успешным не стал, в отличие от коммерческого судовладения. Торговый флот астраханских персиян в первой половине XIX в. осуществлял большую часть коммерческих перевозок по Каспийскому морю, что сказалось на благосостоянии персидских купцов в Астрахани. Способствовало их процветанию и покровительство местных властей, всячески поощрявших торговую и иную предпринимательскую деятельность представителей астраханской персидской общины в рассматриваемый период.

[762] Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. Саратов, 2010. С.182.

4.3. Персидско-азербайджанская община Астрахани в пореформенный период: новые формы социально-экономической деятельности

Во второй половине XIX – начале XX вв. астраханская международная торговля свелась практически к нулю. Связано это было с тем, что в состав Российской империи в это время вошли уже и западное и восточное побережья Каспия, а основным портом для торговли с Ираном стал удобный Баку, через который и шли теперь основные поставки шелка-сырца (главной статьи иранского экспорта) в Центральную Россию. В связи с развитием парового флота неактуальными стали и морские перевозки на парусных торговых судах[763]. Все эти обстоятельства привели к тому, что купцы персидско-азербайджанского происхождения, в большинстве своем, в Астрахани, переориентировались в пореформенный период на иные виды предпринимательства.

Прежде всего, представители астраханской шиитской общины, сосредоточились на внутренней городской торговле. В зависимости от имеющихся средств, они открывали торговые предприятия с разными годовыми оборотами: от мелких розничных до крупных оптовых. В основном коммерческие предприятия и конторы шиитов располагались в 1 и 2 центральных частях города и это существенно отличало и отделяло их от других астраханских мусульман – татар-суннитов, которые проживали и работали в 5 и 6 участках[764].

С увеличением числа членов общины, большинство из которых уже не обладали какими-либо значительными капиталами, с начала 1870-х гг., азербайджанцы стали открывать заведения общественного питания: харчевни, кухмистерские, кебавни, съестные лавки. С учетом того, что большую роль в экономике города имело не коренное население, в весенне-

[763] ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.336. Л.19.
[764] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.89.

летний сезон прибывало много наемных рабочих из других регионов и приезжавших по торговым делам предпринимателей, подобные заведения с дешевой и вкусной едой были востребованы. В них ходили и русские и мусульмане (татары, азербайджанцы), которые могли не опасаться здесь, что получат запрещенную исламом («харам») еду. Располагались они преимущественно в «деловых» и прилегающих к порту кварталах: на Косе и на Селении.

У мусульманского населения были «в большом почете» кебавни, в которой готовили исключительно «восточную стряпню». Этот ассортимент блюд был не очень понятен православному населению, а потому здесь основными посетителями были азербайджанцы и персы. Корреспондент газеты «Астраханский листок» в 1902 г. даже назвал их «клубами для персиян», в которых они собирались в конце рабочего дня и отдыхали в своем кругу[765].

Определенную роль представители шиитской общины Астрахани в пореформенный период играли в городской торговле. Наибольшее число персидских и азербайджанских торговцев занималось оптовой и мелкооптовой продажей свежих и сушеных «персидских» фруктов. Самые значительные оптовые магазины и склады располагались в домах, принадлежавших зачастую также персиянам, в центре города – на Московской и Екатерининской улицах, в переулке Театральном.

О том, как выглядели эти магазины и их хозяева в 1870-е гг. оставил воспоминания В.И. Немирович-Данченко: «Сидя на ступенях своих лавок, сладко дремлют, точно кучи головешек, обугленные соотечественники Фирдуси и Гафиза». Позади них располагались «ворохи» дорогих и дешевых мануфактурных изделий: железа, меди, посуды, писчей и оберточной бумаги, различных тканей. Эти товары ждали покупателя-перса для отправки в Персию. В других складах, также кучами лежали товары привезенные и Персии и Средней Азии: хлопчатая бумага, шелковые разноцветные ткани,

[765] Астраханский листок. – 1902 г. - №126.

древесный клей, кунжут, пшено, чернильные орешки и, конечно же, «горы» фруктов. Сами магазины выглядели как черные пещеры, из которых тянуло прохладой[766].

Согласно документам губернской казенной палаты за 1906 г., во втором участке Астрахани персияне содержали 29 торговых заведений, занимавшихся торговлей фруктами. Годовые обороты этих заведений начинались от 10 тыс. руб. в год и «распространялись» до полумиллиона (персидскоподданный персиянин Зейналабдин Сафаров). Оборот в 150 тыс. руб. был у русскоподданного дербентского жителя Ханбабы Гульбабаева; 2 заведения с оборотами 90 тыс. руб. и 55 тыс. руб. принадлежали русскоподданному бакинцу Хаджи Ададату Асадову. У астраханских русскоподданных персиян: Аджи Бабаева – магазин с оборотом 80 тыс. руб. в год, Мамедусейна Усейнова – магазин с оборотом 75 тыс. руб. в год. Открыл свой магазин с оборотом 30 тыс. руб. в этом году персидскоподданный персиянин Мамедасан Атакишиев[767].

В последние десятилетия существования Российской империи, в Астрахани, азербайджанские предприниматели ежегодно открывали несколько новых магазинов и контор, занимавшихся продажей сушеных и свежих фруктов. За два года – 1892-1893, было зарегистрировано 10 новых торговых точек, оборот которых составлял 35-65 тыс. руб. в год. Даже бакинский нефтяной магнат Зейналабдин Тагиев открыл такую контору в Астрахани в 1893 г., годовой оборот составил рекордные 250 тыс. руб.[768].

Большие дома с оптовыми магазинами-складами на первых этажах, принадлежавшие «персиянам» располагались по обеим сторонам улицы Московской (соврем. ул. Советская), от Дома губернатора до реального училища. Некоторые современники, даже называли эту территорию «персидской биржей»[769]. Здесь была «невообразимая толчея», царили нравы

[766] Немирович-Данченко В.И. По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). СПб., 1877. С.166.
[767] ГААО. Ф.94. Оп.8. Д.214. Л.30об. - 41.
[768] Там же.
[769] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.45.

настоящего «азиатского рынка». Краевед начала XX в. Н. Штылько в своем очерке по истории астраханской торговли отмечал, что, персы – владельцы лавок и магазинов, проявляли большую фантазию в украшении своих заведений. Всюду висели гирлянды из винограда, фруктов, овощей. В витринах выставлялись цветы и всякая зелень, лежали крупные дыни, тыквы и арбузы, россыпи сухофруктов. В темное время суток зажигались лампы и фонари с рефлекторами, специально направленными на товар[770].

Впрочем, таким образом обстояли дела только у состоятельных персиян. П. Огородников в своих воспоминаниях о посещении Астрахани в 1874 г. писал, что «…Персидские ряды, расположенные против губернаторского дома выглядели как грязные и темноватые чуланчики, беспорядочно заваленными ящиками, мешками или бочками с разными сушеными фруктами: кишмиш, сливы, дули, фисташки, миндаль, простые и грецкие орехи. Тут же в маленьких мешочках продается растительная краска для окрашивания волос, ладоней, пяток и ногтей в красноватый цвет. Другая краска для чернения волос и зелье для вывода таковых на шаловливых местах. Розовое масло, простые и красиво вышитые туфли тамбурной работы, комки мазендеранского персидского сахара грязно-желтого цвета и отвратительного вкуса, тоненький тростник, употребляемый персами вместо перьев и рис, обращающий на себя внимание»[771].

Также он передает слова астраханского армянского купца И.Е. Франгулова, что «здешние персы … свои товары стараются везти в Нижний»[772]. Действительно, филиалы крупных торговых заведений в пореформенный период в обязательном порядке ежегодно открывались на Нижегородской ярмарке. После астраханских рыбопромышленников, фрукты продаваемые азербайджанцами, приписанными к Астрахани, были второй по значимости номенклатурой товаров из региона на этом главном оптовом рынке России. Н.Н. Овсянников в своем очерке об ярмарке писал в 1867 г.:

[770] Штылько А.Н. Астраханская торговля в старину: Исторические очерки. Астрахань, 1909. С.9.
[771] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.46.
[772] Там же. С.40.

«Из всех чужих народов, с которыми Астрахань имеет торговые связи, персияне, записанные в постоянное или временное купечество там, всех чаще посещают нашу ярмарку»[773].

Согласно «Адрес-календарю Нижегородской ярмарки за 1891 г.» 11 таких персиян арендовали лавки для торговли «персидской свежей и сушеной фруктой» и «персидским товаром». Семеро купцов помимо арендованных, выстроили свои собственные лавки на ярмарке[774].

Участие «персиян» в Нижегородской ярмарке было отмечено даже в центральной прессе, в одном из самых читаемых периодических изданиях России – «Сыне Отечества». В сентябре 1899 г. об этом писали «Астраханские губернские ведомости»: «Как сообщает «Сын Отечества» на Нижегородской ярмарке одними из первых продавцов и покупателей были персияне из Астрахани и Баку. Персидские товары (фрукты) имели хороший сбыт, на вырученные деньги, персидские купцы приобретают, по преимуществу, мануфактурные товары»[775].

Еще одним видом предпринимательства, который освоили проживавшие в Астрахани «персияне» в пореформенный период стало содержание торговых бань и городских купален. Содержателями выступали как весьма состоятельные, так и не обладавшие сколь-нибудь значительным капиталом члены общины. Также часто бани и купальни от хозяев-«персиян» сдавались в аренду. В июне 1889 г., например, купец А. Мир Багиров сдал вновь выстроенные им бани в аренду на 10 лет[776].

Во второй половине XIX в. все большее значение в экономике начинает играть нефть. Крупнейшие нефтепромыслы Российской империи, как известно, находились в Баку, на Апшеронском полуострове. Долгое время единственным удобным путем для транспортировки нефти был водный. Естественно, в этом отношении, Волжско-Каспийский путь оказался весьма

[773] Овсянников Н.Н. О торговле на Нижегородской ярмарке. Нижний Новгород, 1867. С.91.
[774] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1891 г. Нижний Новгород, 1891 г. С.290, 518.
[775] Астраханские губернские ведомости. – 1899 г. - №187.
[776] Астраханский вестник. – 1889 г. - №79.

востребованным. Все крупнейшие нефтепромышленники Баку отправляли нефтеналивные баржи в Центральную Россию через Астрахань, открывая здесь свои конторы.

Азербайджанцы в Астрахани стояли у истоков нефтяной промышленности, вытеснив со временем из нее армянских и еврейских купцов-конкурентов. В 1871 г. в Казенной палате был составлен «Именной список лиц, занимающихся раздробительной торговлей нефтью». По нему, во втором участке города, таковой торговлей занимались 16 предпринимателей, большинство из которых армяне и лишь один – бакинский персиянин Мамед Мифтахов. 17 предпринимателей торговали фотонафтилем, 3 из них были «персиянами»[777].

Азербайджанские нефтяные магнаты в 1890-е гг. открывают в Астрахани филиалы своих фирм. В конце 1893 г. Аббас Кули Асанов – доверенный бакинского купца Зейналабдина Тагиева, подал в Астраханское губернское правление прошение с просьбой дозволить постройку каменных (для паровых котлов) и деревянных (для жилья рабочих и различных служб) помещений на земле, арендованной у крестьян пригородного с. Ильинка Астраханского уезда за 300 руб. в год, для филиала фирмы. Также здесь были обустроены нефтеналивные земляные ямы и установлены два железных резервуара для нефти[778]. Нефтебаза на этом месте действует по настоящее время, принадлежит фирме «Лукойл»

Открыл филиал своей фирмы в Астрахани и другой бакинский миллионер – Шамси Асадуллаев. На левом берегу Волги, близ с. Яксатово Астраханского уезда в начале XX в. было выкуплено место и устроены контора, пристань и мастерские фирмы, к которым были приписаны 6 пароходов («Персиянин», «Сурахан», «Баку», «Пащин», «Негмет», «Виктор») и 11 нефтеналивных барж. Поселок существует и в настоящее время, носит название Асадуллаево. В 1914 г. в конторе работало 6 служащих, в том числе

[777] ГААО. Ф.290. Оп.4. Д.303. Л.3-4, 17-19.
[778] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.53304. Л.1,3.

и глава представительства – Гусейн (Хусаин) Хаятов, который принимал активное участие в астраханском мусульманском общественном движении. На пристани работали 20 человек, в число которых входили доктор и фельдшер. В мастерских работало 15 человек. На пароходах и баржах числилось 230 работников и 7 человек обслуги[779].

Бурное развитие капитализма в России в начале XX в. было ознаменовано открытием многочисленных акционерных обществ: товариществ, торговых домов и т.п. Не стала исключением и Астрахань, в которой акционерные общества создавались в том числе местными «персиянами». В марте 1910 г. Торговое товарищество на паях для торговли свежими и сушеными «персидскими» фруктами организовали русскоподданные персияне М.-С. Азимов и С.-Р. Мамедов, «имевшие жительство в 5 участке, в собственных домах». Капитал товарищества «С. Мамедов и М.-С. Азимов» был заявлен в 20 тыс. руб.[780]

В 1914 г. в казенной палате было зарегистрировано акционерное общество Торговый дом «Братья Мирзоевы и К. Сафаров», которому принадлежал лесопильный завод на р. Болде. В штате предприятия числилось 54 человека – 22 разнорабочих, остальные – технический персонал. Уставной капитал фирмы был заявлен в 50 тыс. руб.[781]

Азербайджанцы – содержатели мелких торговых заведений, с годовым оборотом в несколько сотен рублей, проживали в 5 участке Астрахани, там же где и большинство местного мусульманского татарского населения. Многие из них вступали в браки с местными астраханскими татарками и их дети уже считали себя татарами и становились прихожанами суннитских приходов.

Подробно проанализировав картину персидско-азербайджанского предпринимательства в Астрахани в заявленный период, можно согласиться с мнением М.М. Имашевой, что собственно «персидское»

[779] ГААО. Ф.656. Оп.1. Д.1. Л.1-2.
[780] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.25461. Л.2.
[781] ГААО. Ф.1086. Оп.1. Д.1. Л.1-2.

предпринимательство в городе, «в пореформенный период было крайне немногочисленным в количественном отношении и достаточно элитарным в качественном»[782].

Среди «персидских» купцов в Астрахани были развиты кредитные отношения. Они брали товары в кредит, или деньги для закупки товаров. Также занимались персияне и ростовщичеством. Деньги и товары в долг давали прежде всего своим «соплеменникам», также высокая степень доверия была к армянским купцам. Многочисленные долговые обязательства нередко становились предметом судебных разбирательств.

По свидетельству П. Огородникова армянин И.Е. Франгулов в 1874 г. жаловался ему: «Здешние персы - заметил Ф. - большею частью голыши, берут товары у меня и прочих торговцев на сроки, в кредит; что будешь делать? Иначе ничего не продашь». Долги отдавали, но не всегда. И иногда даже требовать их было не с кого: «Уехали, скрылись, - ищи, справляйся, где они...»[783].

Долговые расписки скреплялись, как правило, чернильными факсимиле с перстней-печаток, вырезанных на сердолике, которые являлись именными печатями и были у каждого более-менее состоятельного купца-персиянина. Хранились в кошельке или в пенале вместе с принадлежностями для письма. Такой пенал был у каждого грамотного перса (а большинство были грамотны по-персидски, некоторые – по-русски). Его носили в кармане вместе с «маленькими свертками нарезанной бумаги»[784].

Как свидетельствует газета «Астраханский листок», к концу XIX в. «большая часть персиян умела читать и писать» и даже «читала книги, напечатанные в Тегеране». Наиболее передовые члены общины осознали и значение «европейского образования», отправляли своих детей в астраханскую гимназию (всего 3 таких случая нами выявлено – Р.П.), около

[782] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.92.
[783] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.40.
[784] Там же.

десяти «персидских» мальчиков учились в татарских джадидских медресе города, несмотря на все неприятие, существовавшее между суннитами и шиитами[785].

О том, как изменялись формы и направления предпринимательской деятельности у наиболее состоятельной части персидско-азербайджанской общины в Астрахани в пореформенный период, мы можем проследить на примере двух значительных купеческих династий персидско-азербайджанского происхождения – Усейновых и Мир Багировых. Именно о последних представителях этих династий оставила заметки описательница Астраханского края Е. Круковская в начале XX в.: «Персы – не коренные жители Астрахани, но многие семьи так обжились здесь, что никогда не видели своей родины, здесь родились и выросли»[786].

В начале 1810-х гг. в Астрахани начал свою торговую деятельность основатель династии купцов первой гильдии Усейн Мамед Асан Ага Усейнов, прибывший из Шемахи. Таким образом, семья происходила из Северного Азербайджана и, соответственно, в этническом отношении Усейновы были не персами, а азербайджанцами. Начав, как и все значительные торговцы-персияне в Астрахани с торговли шелком, сколотив первоначальный капитал, Аджи Усейнов приобретает в городе недвижимость. К 1825 г., купец стал собственником участка земли (домового места) площадью 333 кв. саженей (ок. 1500 кв. м.) с двумя домами в центральной части города, на Индийской улице. Двухэтажный, наполовину кирпичный и одноэтажный деревянный дома постройки начала века, были сданы в аренду под квартиры и под лавки и складские помещения[787]. Впоследствии доходы от сдачи недвижимости в аренду для астраханских первогильдейских купцов Усейновых станут основой благосостояния.

---

[785] Персидская Астрахань. Часть третья. // Астраханский листок. – 17.10.2021 г. / https://astralist.info/archives/22630 [дата обращения 15.02.2023]: Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астраханской губернии в к. XIX – н. XX вв. Казань, 2020. С.252.
[786] Круковская Е. Астраханский край. По родной земле. СПб., 1904. С.26.
[787] ГААО. Ф.687. Оп.2. Д.1052. Л.174.

В некоторые годы в 1820-х гг., Усейнов вступал во временное астраханское гильдейское купечество, помогал российским властям доставлять грузы на Кавказ для использования войсками в русско-иранской, русско-турецкой и Кавказской войнах. Заслужил благодарность и признание от властей, но окончательно с подданническими отношениями с Россией не определился и в конце жизни, видимо, вернулся на родину, передав дела в Астрахани сыну Али Аскеру.

Аджи Молла Али Аскер Усейнов в начале 1830-х гг., когда он поселился в Астрахани, обозначал себя «шемахинским персиянином», «шемахинским жителем», но при этом «русскоподданным персиянином» и купцом первой гильдии. Он был владельцем не только недвижимости, но и собственной небольшой торговой флотилии. Это позволило ему выбиться в «лидеры» астраханской внешней торговли. В 1830-1840-е гг. до 70% оборотов астраханской внешней торговли приходилось на долю А.А. Усейнова, что составляло 500-700 тыс. руб. ежегодно[788].

Али Аскер Усейнов, руководствуясь положениями Манифеста 1824 г., понял всю выгоду от вступления в российское гильдейское купечество и с 1825 по 1856 гг. числился в первой гильдии московского купечества. Дело в том, что в эти годы главная контора Усейнова находилась в Москве, филиал был в Нижнем Новгороде, но семья проживала в Астрахани. Но постепенно основные операции перешли в Астрахань и в 1856 г. Али Аскер Усейнов вступил в первую гильдию астраханского купечества, в котором он сам и его потомки числились уже до 1917 г.[789].

В 1860-е гг. это были несколько доходных Гостиных домов. О том, что представлял один из них, мы узнаем из полицейского рапорта о пожаре, случившемся во флигеле дома Усейнова в 1 части города в начале 1861 г. В

[788] Виды государственной внешней торговли Российской империи за 1831-1849 гг. Санкт-Петербург, 1832-1850.
[789] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.2005. Л.1-53.

самом двухэтажном доме помещались французская пекарня, питейный (винно-водочный) магазин, гостиница «Эрат», булочная, токарня, рыбная лавка[790].

В 1867 г. в этом доме Усейнова, «удобном для помещения присутственного места или конторы», сдавались внаем значительные площади. Также сдавались внаем помещения в других домах: в 1 части, 3 квартале (около Палаты Государственных Имуществ); и в двух новых домах в 4 части (около Черной мечети). Собственно контора купца Усейнова располагалась в его собственном доме на Московской улице[791].

Продолжая традиции поддержки российских властей персидскими старшинами в трудные моменты истории, А.А. Усейнов оказал существенную помощь войскам Отдельного Кавказского корпуса во время Крымской войны 1853-1856 гг. На торговых судах купца в течении двух лет «по весьма выгодным для казны ценам и на тех условиях, которые требовали по видам операции» перевозили из Астрахани провиант «для довольствия войск» Отдельного Кавказского корпуса. Заслуги А.А. Усейнова перед Россией были высоко оценены. И в 1857 г. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом наградил золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее, на Станиславской ленте[792].

Третий представитель династии – Аджи Алиакбер Усейнов по всей вероятности родился в 1851 г. в Москве, а с 1864 г. проживал в Астрахани. Так как в 1909 г., при составлении анкет гласных Астраханской городской Думы, он записал, что имеет 58 лет «от роду». Уровень образования – «домашнее магометанское», но знал русскую грамоту, чему свидетельство - многочисленные подписи на разных документах. Семейное дело он возглавил в начале 1880-х гг. Скончался летом 1914 г., был купцом 1 гильдии и Личным Почетным гражданином.

В 1887 г. была составлена опись оценочного имущества купцов 1 гильдии Усейновых, из которой следует, что сдача внаем недвижимости

[790] ГААО. Ф.433. Оп.1. Д.361. Л.1-1об.
[791] Восток. – 1867 г. - №5.
[792] Астраханские губернские ведомости. – 1857 г. - №21.

становится основой их благосостояния. В этой описи значится следующая недвижимость:

« - угол - Екатерининская улица №77, Полицейская улица №5, Театральный переулок. Каменный двухэтажный дом с мезонином, в верхнем этаже 19 номеров квартир, в нижнем 19 растворов лавок с двух сторон, 12 выходов во двор, в палатки. Годовой доход – 7700 руб. Оценочная стоимость – 46200 руб. Налог в пользу казны – 207 руб. 90 коп., города – 237 руб., земства – 30 руб. 3 коп.

- угол – Индейская улица №13, Спасская №80. Пустопорожняя место с деревянным флигелем во дворе. Сдается в наем. Годовой доход – 400 руб. Оценочная стоимость – 3640 руб. Налог в пользу казны – 66 руб. 38 коп. Города – 18 руб. 20 коп. Земства – 2 руб. 37 коп.

- Екатерининская улица №23. Каменный двухэтажный дом, 29 окон, 5 подвалов, во дворе деревянный флигель. Все сдается в аренду. Годовой доход – 2820 руб. Оценочная стоимость – 16920 руб. Налог в пользу казны – 76 руб. 14 коп. Города – 84 руб. 60 коп. Земства – 10 руб. 99 коп.

- угол – Почтовая, Индейская, Екатерининская №12. Каменный двухэтажный дом, выходящий на три улицы, с двумя мезонинами о 146 окнах, с трех сторон в коем помещаются в нижнем этаже 2 питейных заведения, типография Зелинского, 10 растворов, магазин домовладельца, 7 растворов и 1 раствор – фруктовая лавка, во втором этаже 18 квартир, отдающихся с палатками и 30 номеров квартир во втором же этаже и мезонин, во дворе 21 выход, все это отдается внаем. Доход в год – 10600 руб. в год. Оценочная стоимость – 63600 руб. Налог в пользу казны – 286 руб. 20 коп. Города – 318 руб. Земства – 41 руб. 34 коп.

- Знаменская, Паробичебугорная, Белгородская улицы. Три каменных двухэтажных дома. Два дома по 30 окон каждый, а третий – угловой, о 55 окнах. В первом доме 13 жилых помещений и 13 палаток, во втором – верхний и нижний этажи – жилые помещения. Третий дом – в нижнем этаже 11 магазинов с 31 раствором и жилыми квартирами в верхнем этаже. Годовой

доход – 14450 руб. Оценочная стоимость – 86700 руб. Налог в пользу казны – 390 руб. 15 коп. Города – 433 руб. 50 коп. Земства – 56 руб. 95 коп.»[793].

В 1905 г. недвижимое имущество астраханского купца А. Усейнова во 2 участке г. Астрахани были оценены в 20787 руб. и 76249 руб. В его доме на Московской улице располагались астраханские представительства знаменитых фирм «Зингер» и «Длинберг»[794].

Алиакбер Аджи Усейнов прямых наследников не оставил, по каким то личным причинам, семьей он так и не обзавелся. Сильно стал болеть с начала 1911 г., когда стал объектом серьезной общественной критики и умер в августе 1914 г. Смерть его, ввиду начавшейся Первой Мировой войны оказалась практически не замеченной, на похороны никто из «столпов» астраханского общества не явился. Недвижимое и движимое имущество было разделено между его двоюродными братьями и племянниками на несколько частей, а в 1918 г. национализировано Советской властью.

В начале XIX в. в Астрахани поселился и первый представитель другой значимой для города персидско-азербайджанской купеческой фамилии – Мир Абуталип Мир Багиров. В первых упоминаниях в астраханских делопроизводственных документах он именовался «ленкоранским персиянином». В отличии от других шиитских купцов в регионе, которые происходили или из крестьян или из городских мелких торговцев Персии и Закавказья, Мир Багиров был дворянином. Талышинский хан Мир Асан-хан писал в 1823 г. астраханскому гражданскому губернатору, что Мир Абуталип Масумов Мир Багиров является его родственником и по торговым делам – собственным и его, хана, был отправлен в «по торговым делам во все Российские Имперские города». Хан просил покровительства своему родственнику, который в 1825 г. принял решение обосноваться в Астрахани. В середине 1827 г. он вступил во временное астраханское купечество, а на

[793] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34507. Л.66об. - 69, 85об. - 86, 220об. - 221, 226об. - 227.
[794] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3171. Л.13об. - 14.

следующий, 1828 г. – в постоянное купечество 1 гильдии города Астрахани[795].

В 1844 г. с ним познакомился помощник ревизовавшего Астраханскую губернию князя П.П. Гагарина, молодой чиновник И.С. Аксаков. В дневниковой записи от 30 июля 1844 г. он подробно описывает встречу с купцом Мир Багировым. Так как время это – период изнуряющей жары в Астрахани, жители стремились проводить свободное время в прохладном месте, если возможно – у воды. Персияне были не исключением. «Азиатцы» по свидетельству чиновника обычно отдыхали на стрелке рек Волги и Малой Болды, где было много зелени, тенистых деревьев.

Высадившись на этом месте, А.С. Аксаков увидел около 50 человек персиян, которые были одеты в «богатые костюмы», ели и пили сидя, поджав ноги, на длинных коврах. Им прислуживали молодые единоверцы, среди которых был даже один араб. Прислуга разносила угощение: «халву, шербет, рахат-лукум и т.п. вещи». Когда чиновники проходили мимо, «первостатейный здешний купец и богатейший капиталист Мир-Багиров, говорящий прекрасно по-русски, привстав, просил принять участие в их занятии». Но они учтиво отказались, а по возвращении с прогулки нашли персиян «живописными группами бродящими по лугу, лежащими на коврах, курящими кальян и т.п.».

Это был брат Мир Абуталипа Багирова, временно отправившегося по делам в Персию – Мир Шаги. Аксаков отметил в своих записях особенный вид и особое происхождение этих купцов: «Они аристократы между персиянами и отличаются все необыкновенною красотой. Белый цвет кожи, черная богатая борода, большие глаза, живописный костюм, подпоясанный дорогою шалью, надетый сверху кафтан или халат с разрезанными рукавами - все это чрезвычайно эффектно. Разумеется, в них не видать силы и бодрости, а видна только восточная изнеженность».

[795] ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.195. Л.17об., 18, 21 об.

Оказалось, что присутствовали и другие младшие братья Мир Багировы, только «недавно прибывшие из Персии и уже учащиеся русскому языку». При этом все члены семьи «числятся астраханскими купцами, пишутся русскими подданными, и величайшие плуты». Предложив угощение гостям, купец Мир Багиров с братьями сел в прекрасную коляску, запряженную четверкой лошадей и с форейтором. Остальные персияне разъехались «частию на дрожках, частию верхом». Аксаков был поражен: «Странно было мне видеть магометанина, пользующегося европейским комфортом»[796].

Основатель династии Абуталиб Мир Багиров в 1845 г. покинул Астрахань уже навсегда, переехал на родину, в Ленкорань. И в 1846 г. (затем в последующие годы) в ведомостях астраханской Казенной палаты о записавшихся в гильдейское купечество значатся уже знакомые нам по дневникам И. Аксакова младшие братья. Главой семейного бизнеса в Астрахани до конца 1860-х гг. становится Мир Шаги Мир Багиров. Он же со всей семьей в 1852 г. перешел во вторую гильдию купечества. В ней купцы Мир Багировы состояли до 1917 г.

С 1868 г. в ведомостях фигурируют внуки Абуталиба, третье поколение династии – Мир Аджи Ага Хан и Мир Абдул Джеват Хан Мир Багировы. Это поколение заявляет о себе уже как о «русскоподданных» персиянах. В отличие от Усейновых, от участия во внешней торговле Мир Багировы не отошли. Они сосредоточились на торговле свежими и сушеными фруктами. Но и коммерческой недвижимостью, также в городе владели.

Первые участки под застройку в 1 и 2 частях Астрахани были приобретены Абуталибом Мир Багировым в 1820-е гг., на них были выстроены Гостиные дворы с магазинами, лавками, выходами, комнатами и квартирами сдававшимися внаем. Внуки Абуталиба в начале 1890-х гг. являлись собственниками двух больших домов, как следует из ведомости Казенной палаты:

[796] Аксаков И.С. Письма к родным 1844-1849 гг. М., 1988. С.246.

«- Спасская улица №81 – торговые одноэтажные каменные бани и при них на особых трех дворах три верхних флигеля, которые отдаются внаем и бани в арендном содержании. Оценены в 3900 руб., могут приносить дохода 600 руб. в год.

- угол Екатерининской и Почтовой улиц №13 – каменный двухэтажный дом, выходящий на Екатерининскую улицу о 24 окнах, в нижнем этаже 14 лавок с 21 раствором отдаются под торговлю; каменный двухэтажный дом, выходящий на Почтовую улицу, в нижнем этаже 10 палаток, выходящих на улицу. Во дворе 15 палаток для склада товаров и 6 выходов в верхних этажах обоих домов, 29 номеров квартир разных размеров. Оценены в 48000 руб., доход – 8000 руб. в год»[797].

Дом на Екатерининской улице – «персидский сарай Багирова», был очень популярен у закавказских и среднеазиатских торговцев, которые предпочитали снимать здесь торговые площади и жилые помещения.

В 1902 г. Мир Джеват Хан выкупил у города участок на одной из центральных улиц – Московской (ныне – Советская) и построил доходный дом в стиле модерн. Здание в настоящее время является одной из достопримечательностей Астрахани, в разные годы здесь располагались магазины, женская гимназия, после революции – Горкомунхоз, в конце 1940-х гг. стало жилым домом[798]. Также значительный доход Мир Багировы в начале XX в. получали от коммерческих бань, которые сдавали внаем[799].

Неожиданностью для купеческих кругов Астрахани стало объявление о банкротстве братьев Мир Багировых в 1897 г., имущество было описано и должно было быть распродано с молотка. Старший из братьев – Мир Аджи Ага Хан не пережил ситуацию и умер бездетным в начале 1901 г. Мир Джеват Хану, второму из владельцев, удалось в итоге преодолеть кризис, ему помогла состоятельная родня из Азербайджана. И уже в 1902 г. Мир Джеват Хан Мир Багиров с женой Хаджией, сыном Мир Абуталиб Ханом и

[797] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34507. Л. 69об. - 70, 221об. - 222.
[798] Там же. Л.240.
[799] Астраханский вестник. – 1889 г. - №79.

невесткой Шезада-ханум, вновь вступает в астраханское 2 гильдии купечество[800].

В пореформенный период купцы Мир Багировы активно включаются в городскую общественную жизнь. Их заслуги отмечает и персидское правительство. Так, в 1875 г. Мир Аджи Ага Хан был награжден персидским орденом «Льва и Солнца» 2 степени «в честь заслуг в укреплении российско-персидской торговли»[801].

В 1883-1891 гг., несколько четырехлетий подряд, М.А.А. Мир Багиров избирается гласным Городской Думы по первому разряду. Вместе с А.А. Усейновым стал Директором Астраханского Попечительного о тюрьмах Комитета[802]. И в конце 1889 г. был награжден императором Александром III золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте «за отлично-усердную службу и особые труды по тюремному ведомству и обществу попечительному о тюрьмах»[803].

Известны и благотворительные заслуги Мир Багировых перед персидским обществом. В 1860 г. были пожертвованы значительные суммы на строительство каменной Персидской мечети. Выделялись суммы на содержание Персидского кладбища. В 1909 г. М.Д.Х. Мир Багиров стал членом правления общества «Энджумен», ежегодно до 1912 г. передавал «в пользу» этого общества 1 тыс. руб. Регулярно жертвовал на содержание мусульманской шиитской школы[804].

Уже с первых лет XIX в., когда персидские купцы стали уверенно доминировать во внешней торговле в Астрахани, они при всяком удобном случае стремятся продемонстрировать свою лояльность и «полезность» российскому государству. Что, в свою очередь, не остается незамеченным властями. В декабре 1805 г. в канцелярию Астраханского губернатора

[800] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.19820. Л.22.
[801] Астраханские губернские ведомости. – 1875. – №67
[802] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34274. Л.4-6.
[803] Астраханские губернские ведомости. – 1890. – №88.
[804] Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX - начале XX вв. Казань, 2020. С.160.

поступило письмо от императрицы Елизаветы Алексеевны (супруги императора Александра I). Она просила передать в торжественной обстановке «персидскому» купцу Мирзе Джану в знак благодарности и «за особое усердие» золотые часы с бриллиантами. Монаршая благодарность последовала за поставку свежих фруктов ко Двору[805]. Фрукты же (свежие и сушеные) из Персии и Закавказья уже к середине XIX в. станут основной статьей ввозной торговли персидского и азербайджанского купечества в Астрахани, окончательно потеснив шелк.

Но если поставка фруктов к Императорскому Двору – это, в принципе, признание успеха в бизнесе, то услуги, оказанные персидскими купцами-судовладельцами в период войн российскому правительству, это уже проявление лояльности. Тем более, что войны о которых идет речь велись против Персии и Турции. На судах астраханских персиян по Каспийскому морю к Закавказским портам, из Астрахани, во время русско-иранских, русско-турецких войн и длительной Кавказской войны, перевозились оружие, боеприпасы, провиант и войска. Персы и азербайджанцы постоянно участвовали в торгах на эти подряды и русское правительство отдавало им предпочтение. Потому что в данном случае была гарантия, что у западного берега Каспийского моря суда со стратегическими грузами не будут разграблены жителями прибрежных бывших персидских провинций.

В 1854 г., когда шла неудачная для России Крымская война, 14 астраханских купцов получили благодарность императора Николая I «за безвозмездную перевозку из Астрахани на Северо-Восточный банк 6200 четвертей сухарей, заготовленных для войск, действующих в Азиатской Турции». Среди 14 упомянутых в указе – 6 были названы «русскоподданными астраханскими персиянами», то есть азербайджанцами из Закавказья. В том числе, Аджи Усейнов, Мир Багиров, Али Рзаев[806].

[805] ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.3045. Л.1-2.
[806] Астраханские губернские ведомости. – 1854 г. - №24.

После окончания Крымской войны, в 1857 г., уже следующий российский император Александр II приказал Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом А.И. Барятинскому наградить астраханского первой гильдии купца А.А. Усейнова золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее, на Станиславской ленте. В Указе значилось, что награждение последовало «за особенно полезные заслуги, оказанные им при транспортировке провианта из Астрахани по Каспийскому морю для довольствия войск Отдельного Кавказского корпуса в течении двух лет, по весьма выгодным для казны ценам и на тех условиях, какие требовали по видам операции»[807].

Награды и ордена, получаемые от российского правительства, безусловно, являлись средством повышения статуса персидского купечества и успешной интеграции в социоэкономическое пространство российского города. Они позволяли отдельным, наиболее авторитетным, членам закрытой общины выйти за ее границы. Государство, со своей стороны, приобретало лояльную верхушку значимой в экономическом отношении этноконфессиональной группы, которая играла ведущую роль в реализации планов по экономическому и политическому расширению границ империи[808].

Несмотря на то, что с 1860-х гг. роль Астрахани в международной торговле практически сошла на нет, значение Волго-Каспийского пути, особенно в контексте удобства доставки товаров к Нижегородской ярмарке и с нее, оставалось весомым. В пореформенный период персидско-азербайджанское купечество оказалось заинтересованным в «оживлении» своей роли в торговле по этому пути. В начале 1880-х гг., по инициативе азербайджанских купцов, живших в Астрахани, возник проект Астраханской международной ярмарки.

[807] Астраханские губернские ведомости. – 1857 г. - №21.

[808] Кольчугина С.В. Государственная политика в области предпринимательства и развитие частной инициативы в провинции (по материалам Среднего Поволжья). Втор. пол. XIX – нач. XX в. Дисс… на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Пенза, 2003, с.77.

Бакинский и временный астраханский купец 1 гильдии Аджи Ага Молла Зейналаддин Сафаралиев (Сафаров) в конце 1884 г. представил Астраханскому губернскому правлению проект ярмарки. Сам он был крупным оптовым торговцем фруктами, склады которых у него были и в персидских городах, и в Баку, и в Астрахани, а на Нижегородской ярмарке – павильон. По мысли купца, два раза в год – осенью и весной (после начала и перед концом навигации), в Астрахани следовало проводить международную ярмарку[809].

З. Сафаралиев стал выразителем интересов значительной части астраханского персидского купеческого общества, которое специализировалось на торговле фруктами. У самого Сафаралиева по данным астраханской казенной палаты в 1880-1890-е гг. ежегодный оборот от этой торговли составлял 500 тыс. руб. в год. У купца Ханбабы Гульбабаева – 150 тыс. руб. в год, у Ададата Асадова было 2 магазина (оборот 90 тыс. и 55 тыс. руб. в год соответственно), Гаджи Бабаева – 1 магазин с оборотом в 80 тыс. руб. в год. У азербайджанских торговцев «помельче» - от 20 до 60 тыс. руб. в год[810].

Ну а в Персию и в Закавказье через Астрахань из обеих столиц и с Нижегородской ярмарки купцы везли значительное количество товаров российского промышленного производства, ткани и изделия из них, металлические изделия и т.д.[811]

Стоит понимать, что Астрахань, располагавшаяся не на Каспии, а в нижнем течении Волги как порт, была не совсем удобна. Перевозка товаров из нее во внутренние европейские губернии, столицы и на Нижегородскую ярмарку занимала очень много времени. Порт был замерзающим и навигация не была круглогодичной (с ноября до начала марта приходилось морскую торговлю останавливать). Поэтому купцы успевали совершить лишь один

[809] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.6240. Л.1.
[810] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34507. Л.60-69об.
[811] Имашева М.М..Участие азербайджанского купечества во внутренней и внешней торговле Астраханской губернии в I половине XIX века // Каспийский регион: Политика, экономика и культура. - Астрахань, 2014. - №4, с.38.

оборот со своими товарами в течении года[812]. Это очень влияло на возможности торгового оборота. Многие персидские купцы хотели бы увеличения своих доходов, но климато-географические особенности региона были непреодолимы. Иногда, из-за задержек в пути, они рисковали потерять все, так как фрукты – товар скоропортящийся и мог вообще не дойти до потребителя.

Именно поэтому для персидских купцов в 1880-е гг. необходимым показалось «учредить» в Астрахани ярмарку, на которой купцы из Персии и Закавказья могли бы на месте сбывать свои товары и приобретать российские, не тратя времени на коммерческие путешествия внутри России. Агенты крупных торговых российских компаний сами бы прибывали в Астрахань за персидскими товарами и привозили сюда российские для сбыта. В случае открытия ярмарки, купец мог бы «обернуться» с товарами 3-4 раз за навигацию. Персидская торговая община рассчитывала видимо и на свой численный рост и на рост своего экономического влияния в Астрахани.

Пока же, в 1890 г., согласно документам казенной палаты в Астрахани числилось в 1 и 2 гильдиях 26 купцов, трое из них были персиянами – А. Усейнов, М. Мир Багиров и З. Сафаралиев (Сафаров)[813]. Поэтому, очевидно, что без содействия «природного российского» купечества реализовать проект ярмарки не представлялось возможным. З. Сафаралиев обратился к членам Астраханского биржевого комитета и нашел там поддержку.

Члены Астраханского биржевого комитета, на основании письменного обращения трех именитых представителей персидского общества, со своей стороны, 26 ноября 1884 г. обратились в Городскую Думу, с просьбой поддержать идею об открытии ярмарки «для обмена русских произведений

[812] Оздамирова Э.М. Правовая регламентация торговой деятельности персидского и азербайджанского купечества на Каспии в российском законодательстве первой половины XIX в. // Вестник АН Чеченской республики. - Грозный, 2016. - №4, с.69.
[813] ГААО. Ф.542. Оп.1. Д.22. Л.1-1об.

на азиатские» в городе, так как это, безусловно, будет способствовать «развитию городского хозяйства»[814].

Уже 3 декабря 1884 г. Астраханская Городская Дума на заседании, в котором присутствовали и гласные А. Усейнов и Мир Багиров, представила свои соображения по поводу ярмарки. Гласные согласились с высокой оценкой роли Астрахани в прошлом в осуществлении российско-азиатской торговли. В городе, издавна «как в крайнем пункте средоточия и перегрузки товаров, идущим водяным путем по разным направлениям, постоянно находились агенты крупных торговых фирм». В начале 1880-х гг. как раз, были проведены дноуглубительные работы в русле Волги, ведущем к Каспийскому взморью, перегрузка товаров больше не требовалась. Это обстоятельство должно было также способствовать развитию торговли через Астраханский порт и принести выгоды городу. Гласные также сознавали, что открытие ярмарки принесет существенные выгоды астраханским домовладельцам и владельцам коммерческой недвижимостью, так как лица, привозящие товары для сбыта и приезжающие за его покупкой, будут оставаться иногда продолжительное время в городе и нанимать лавки, склады и разные помещения». Открытие ярмарки с одной стороны, существенно «оживит» астраханскую торговлю, с другой может привести к «возвышению благосостояния» местных жителей, «доставляя при большом стечении народа и товаров значительные заработки»[815].

Исходя из всех этих соображений, гласные решили «ходатайствовать перед Правительством» о разрешении открыть в Астрахани международную ярмарку. Для этого была избрана специальная комиссия («депутация») в составе городского архитектора Л.В. Макарова, купцов 1 гильдии П.П. Вейнера, А.Н. Бекунова (в 1891 г. он станет астраханским Городским головой), А.З. Сафаралиева. Также гласные просили вступить в этот комитет самых влиятельных астраханских купцов, миллионеров и благотворителей,

[814] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.6240. Л.1.
[815] Там же. Л.2-4об.

имевших отделения своих фирм в столицах А.А. Сапожникова и А.А. Репина.

Впрочем, П.П. Вейнер в тот период также проживал в Санкт-Петербурге, он и стал главой «депутации», которая в окончательном варианте была «составлена» из трех лиц. Кроме Вейнера в нее вошли Бекунов и Сафаралиев. Они и стали главными просителями по делу от открытии ярмарки в Астрахани, приступившими к этому делу в столице в феврале 1885 г.[816].

Просители, пользуясь связями и поддержкой высокопоставленных лиц, в числе которых были и представители персидской дипмиссии, весьма заинтересованные в развитии торговых отношений с Россией через Астрахань, получили аудиенции у министров финансов и внутренних дел. 27 февраля 1885 г. астраханский губернатор сообщил гласным Думы, что оба министерства «дали добро» на открытие ярмарки в городе. Она должна была быть ежегодно с 20 мая по 20 июня[817].

Гласные Думы на своем заседании 3 марта 1885 г. выразили благодарность членам депутации и персидскому консулу за содействие «по делу об открытии ярмарки» и приступили к формированию ярмарочного комитета. В состав комитета вошли В.А. Чурбаков, Х.Е. Ефремов, Х.Н. Хлебников, А.Н. Бекунов, Л.В. Макаров, Г.В. Тетюшинов, Н.И. Артемьев, А.А. Усейнов, И.Г. Сергеев, А.З. Сафаралиев, М.А. Мир Багиров, И.Е. Франгулов и М.Г. Гостинцев. Как видим, все три успешных персидских купца оказались в числе членов комитета. Первый вопрос который предстоял решить членам комитета – выбор удобного места для предполагаемой ярмарки в черте города[818].

Место было окончательно определено в конце апреля – так называемая, Болдинская степь (пойма р. Кривая Болда, вблизи Астрахани). Комитет просил из городского бюджета 25 тыс. руб. на обустройство «ярмарочного

[816] Там же. Л.6-13об.
[817] Астраханские губернские ведомости. – 1885 г. - №44.
[818] Астраханские губернские ведомости. – 1885 г. - №47.

места». И вот здесь, поняв, что выгоды от ярмарочной торговли еще где-то в перспективе, а значительные суммы «отпускать» надо уже сейчас, гласные начали «манкировать» скорейшее решение вопроса. В июне-августе 1885 г. прошло несколько заседаний Городской Думы, но решения о выделении денег так и не было принято. В итоге, сумму решили заложить в бюджет следующего, 1886 г.

Под настойчивым давлением А.З. Сафаралиева ярмарочный комитет 7 августа принял решение провести первую ярмарку с 20 мая по 20 июня 1886 г. и предварительно распечатать объявления и разослать их по губернским правлениям внутренних российских губерний и в Биржевые комитеты обеих столиц, с целью привлечь внимание российских предпринимателей[819].

И в этот момент, получив объявление об открытии астраханской ярмарки, в Министерство внутренних дел обращаются бакинские купцы. Бакинская Городская Дума созвала срочное совещание и, справедливо рассудив, как сильно ударит астраханская ярмарка по бакинской торговле, составили свое ходатайство о запрещении этой торговой площадки. Дело в том, что в мае-июне ежегодно уже проходила бакинская ярмарка и основной поток на нее шел как раз через Астрахань. И было очевидно, что если будет ярмарка в Астрахани, никто просто не поедет в Баку, «так как Астрахань ближе к внутренним губерниям, а расстояние до нее меньше, и соответственно провоз товаров дешевле». Бакинцы просили хотя бы перенести сроки астраханской ярмарки на сентябрь-октябрь[820].

Астраханский городской Голова со своей стороны, был очень обеспокоен требуемой суммой на обустройство ярмарки и осенью 1885 г. стал сомневаться в ее нужности городу. Кроме того он не хотел ссориться с властями, которые, очевидно, прислушались к бакинцам и поставили под сомнение сроки проведения предполагаемой астраханской ярмарки. Просил обосновать «необходимость ее учреждения» и время года, когда она будет

[819] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.6240. Л.16.
[820] Там же. Л.59-60.

выгодна городу. А.З. Сафаралиев и другие купцы в начале октября 1885 г. писали Голове, что традиции торговли с восточными странами в Астрахани имеют историю в несколько сотен лет. Город имеет выгодное географическое положение, и стоит на «главной торговой дороге России в Азию». Город является «средоточием всех грузов идущих в Россию с Востока и обратно на Восток», и, по сути, в период навигации представляет собой постоянно действующую ярмарку на которой продаются товары из Азии.

Из Астрахани эти товары отправляются на Нижегородскую ярмарку, а российские купцы порой, не дожидаясь отправки сами за персидскими товарами приезжают в город. А вот персидские купцы в свою очередь, распродав товары в Астрахани «на миллионы рублей» здесь не находят ничего для «отвоза» на родину и вместо товаров везут только золотую монету, что абсолютно не соответствует интересам Российской империи. А вот если бы была учреждена ярмарка – то, они бы вывозили в Персию российские товары.

Еще один большой плюс астраханской ярмарки будет состоять в том, что проходить она будет «во внутреннем российском городе», где нет недобросовестной иностранной (западной) конкуренции. И вместе с тем, Астрахань удобно и «так близко находится к восточным государствам». В силу того, что основной объем своих товаров персидские купцы привозят в конце весны – начале лета, то и проводить ее целесообразно исключительно в это время года. Во всякое другое время ярмарка в Астрахани «бесполезна и даже не нужна». А для «внутреннего же снабжения русскими товарами собственно Астраханского края в учреждении ярмарки здесь нет надобности»[821].

Городской голова прислушался к доводам и определился, что ярмарка нужна и сроки ее надо оставить прежними – май-июнь каждого года. В это время купец А.З. Сафаралиев, находившийся «по делам коммерции» за свой счет напечатал 50 экземпляров объявлений о предстоящей астраханской

[821] Там же. Л.2-3.

ярмарке и разослал знакомым предпринимателям в столицах и городах Волго-Уральского региона. Они привлекли внимание делового мира, и из Москвы поступило несколько запросов о сроках ярмарки и условий торговли на ней.

Но ответы которые представил ярмарочный комитет были неутешительными. В начале 1886 г. Городская Дума вынуждена была признать, что денег на обустройство ярмарки она выделить не может, с местом до конца так и не определились, за свой счет строить ярмарочные павильоны астраханские купцы желания не изъявили. Было решено перенести открытие еще на год, т.е. на весну 1887 г.[822]

Ярмарка Астрахани, в действительности, так никогда и не была открыта. Власти города и местные купцы так и не «сподвиглись» на строительства ярмарочного комплекса. Правительство со своей стороны не настаивало, так как российские власти в это время делают ставку на развитие Баку, как крупного экономического центра на Каспии. Бакинская ярмарка оказалась вполне жизнеспособной, ее обороты из года в год увеличивались. И надобность в практически, идентичной, астраханской ярмарке, отпала сама собой.

В конце 1880-х гг. осознал это и купец А.З. Сафаралиев, он отказался от намерения перейти в астраханское купечество насовсем, прекратил торговлю в Астрахани и переехал в Нижний Новгород, где открыл свою главную контору[823]. После отъезда из города Сафаралиева, в Астрахани остались два крупных предпринимателя персидско-азербайджанского происхождения, которые уже неразрывно были связаны с городом – купцы А. Усейнов и М. Мир Багиров.

Итак, мы видим, что с середины XIX в., предпринимательская активность представителей верхушки персидско-азербайджанской общины, в силу ряда геополитических и экономических причин, сосредоточилась на

[822] Там же. Л.67.
[823] Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1891 г. Нижний Новгород, 1891. С.290, 518.

внутренней астраханской и, в целом, российской, торговле. Основной статьей этой торговли стали свежие и сушеные фрукты. В самой общине на первые роли выдвинулись несколько фамилий, которые стали ее лидерами.

Представители этих семей, владевших значительной недвижимостью и большими торговыми предприятиями в губернском центре, вошли в местную купеческую элиту, принимали активное участие в социальной жизни региона. Вместе с тем, основная часть персидской общины представляла собой мелкую городскую буржуазию, довольствовавшуюся доходами с небольших мелко-оптовых и розничных торговых заведений.

Глава 5. Особенности социально-культурной жизни общины и общественная деятельность персов и азербайджанцев в Астрахани в XIX – начале XX вв.

5.1. Особенности организации быта, повседневность и праздничная культура астраханской шиитской общины

Несмотря на то, что к середине XIX в., российские власти, в целом, добились того, что члены астраханской персидско-азербайджанской общины вступили в российское подданство, особенности социально-культурной жизни общины, конечно, существенно отличались от жизни обывателей российского города. Известная замкнутость жизни мусульман-шиитов, их обычаи и быт не могли не вызывать интереса у окружающих. Уже с середины XIX в. появляются различные «записки» - наблюдения, дневниковые записи чиновников и путешественников, горожан, которые позволяют взглянуть на «внутреннюю» жизнь персидской астраханской общины.

Свои впечатления о встрече с астраханскими торговцами-персиянами оставил и путешественник П.И. Огородников, член Русского Императорского географического общества, который в 1874 г. в торгово-промышленной экспедиции в Персию и Афганистан и посвятил целую главу своих путевых заметок пребыванию в Астрахани. Он пишет о небольшой трехдневной экскурсии по городу, в которой его сопровождал богатый армянский купец Ф-ъ. Безусловно, речь идет о купце И.Е. Франгулове, рыбопромышленнике и владельце значительной недвижимости в городе, он был потомком джульфийского купца Якова Франгулова. А его сын – С.И. Франгулов, станет депутатом Государственной Думы от Астраханской губернии. Некогда принимавший «значительное участие» в астраханской внешней торговле, И.Е. Франгулов теперь ограничился «складом сукон» и отпуском товаров

оттуда «местным персидским торговцам» в кредит для реализации в Персии и Закавказье. Он, в свою очередь, познакомил Огородникова с «персом Хаджи-агой, агентом и комиссионером персидских купцов». Это был Алиаскер Аджи Усейнов, в это время – самая значительная фигура в персидской общине, по словам Франгулова: «пользуется большим влиянием между своими, или, как здесь говорят об нем: «он держит бороды всех персов в своих руках»».

А.А. Усейнова Огородников описывает так: «…выражение полного довольства во всей его маленькой, аккуратной фигуре, облаченной в белый архалук и в высокую мерлушечью шапку с красным верхом бакинского фасона». Приветствовал гостей и губернатора Н.Н. Биппена «легким наклонением головы и, прикладывая несколько раз правую руку к сердцу, как то особенно паточно улыбался». Эта улыбка почти не сходила с красивого лица купца, «окаймленного черною бородою и усами», не шею была одета серебряная цепочка[824].

Очень интересна фигура астраханского губернатора Н.Н. Биппена, который сделал многое для развития экономики Астраханской губернии. В 1861-1863 гг. он был астраханским вице-губернатором и Директором Астраханского тюремного комитета. И именно на этом посту познакомился с астраханскими купцами А.А. Уейновым и А. Мир Багировым, которые на многие год вперед стали членами этого комитета и сделали так много на этом поприще, что были удостоены наград от российской короны.

С 1868 по 1880 гг., в период реализации буржуазных реформ в стране, Биппен был астраханским губернатором и на этом посту содействовал развитию капиталистических отношений в губернии, созданию купеческих бирж, обществ взаимного кредита, городского общественного банка и т.д.[825] В 1871 г. Н.Н. Биппен был избран Почетным гражданином г. Астрахани. В числе прочих начинаний он ратовал за возобновление астраханской внешней

[824] Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.36-37, 40
[825] Гроссман Л., Вучетич Н. Кавказский крест. Граф Михаил Лорис-Меликов: портрет на фоне документов. М., 2010. С.89.

торговли, «угаснувшей в тридцатых годах». В связи с чем приветствовал миссию П.И. Огородникова, направлявшегося по заданию Императорского Географического общества в Индию и Персию с целью разведки торгово-экономических перспектив России в этих странах, и способствовал его знакомству с успешными «восточными» купцами в Астрахани, которые в 1870-е гг. были представлены армянами и «персиянами» - азербайджанцами, прочно осевшими в городе.

Когда в 1874 г. П.И. Огородников искал переводчика для своей торговой экспедиции в Персию, ему рекомендовали пригласить в этом качестве какого-нибудь астраханского армянина, но не «перса». При этом последним в присутствии губернатора была дана такая характеристика: «… они по большей части, плуты; обманут у них это считается достохвальным делом, в особенности, обмануть христианина: «если в мешке сто змей и один угорь, то трудно вынуть последнего»; точно также трудно найти между персами хорошего человека. Притом они крайне невежественны и суеверны, что также окажет некоторое влияние на ваше путешествие; каждый перс обзаводится оракулом (истихар), с которым советуется, бросая чоб (зернышко), и по его указанию действует во всех своих торговых и прочих предприятиях и действиях. Если кто чихнет один раз, это считается дурным предзнаменованием и тогда дело бросается, останавливается (сабор); два раза чихнул - значит дело пойдет на лад; персы верят в хорошие и дурные дни и часы и т. п.»[826].

Губернатор Н.Н. Биппен в 1874 г. очень переживал о том, что астраханская внешняя торговля практически «сошла на нет, и, мечтал о ее возобновлении». Особенно его беспокоило доминирование западноевропейских купцов на рынках Персии. Армянский купец Франгулов тогда же легко объяснял причины такого состояния дел в том, что англичане и прочие европейцы сумели понять «нужды и потребности» персидской глубинки, сумели найти из местных добросовестных людей – посредников, в

[826]Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.39.

торговле придерживаются методов, вызывающих у персов «доверия и уважения».

А вот российские предприниматели часто «обманывали персов на товарах, относились к ним крайне оскорбительно; агенты … били нагайками персов, кутили, роскошничали; некоторые из них ездили не иначе, как окруженные десятками конвойных; правда, между ними были и честные, и просвещенные люди, но неумелые, неопытные в торговле и доверчивые, так что персы, в свою очередь, их ловко надували»[827].

Самыми главными конкурентами русских в Персии армянин назвал не западноевропейских торговцев, а персов, «ездящих по нашим ярмаркам для закупки товаров», которые делали «большие торговые дела в Персии» для русских и армян совершенно невыгодными. Кроме того, на Каспии закончилась эпоха свободной конкуренции судовладельцев, здесь теперь «царствует общество «Кавказ и Меркурий», накидывающее, благодаря отсутствию конкуренции, громадные цены за перевозку товаров, в особенности осенью, перед концом рейсов, когда их скопляется в Астрахани для отправки в Персию очень много[828]».

Но «богатеев» из персиян, проникшихся европейским образом жизни и имевшими многосоттысячные обороты, кроме Мир Багировых и Усейновых, в Астрахани к середине XIX уже не было. Этнограф Н.А. Ермаков, проживший в Астрахани 11 месяцев, в 1850 г. составил замечательную работу, в которой описал историю и современное социально-экономическое состояние города. В том числе в книге содержатся и описания жителей - представителей разных национальностей. Так вот о персиянах Ермаков писал, что жизнь их и обычаи «однообразны», «манеры, руки, вечно выпачканные в какой-то гадкой, красной краске, употребляемой ими, для окрашения волос; пурпурные, а иногда и просто кирпично-красные

[827]Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.37-38.
[828] Там же. С.38.

бороды»[829]. То есть персидский обычай окрашивать волосы хной не нашел понимания у русского путешественника.

Не увидел Ермаков и внешних признаков «богачества» у местных персидских купцов. Он отметил, что не заметил у них ни дорогих лошадей с экипажами, ни «пышных шуб», ни золотых часов и иных драгоценных украшений. Изредка лишь «драгоценная шаль укутывает стан, да в руках перламутровые четки». Но при этом, автор не отрицал, что персияне в Астрахани – «несчастные богачи», которые в результате торговли извлекают «страшные кучи денег», которые «они наживают и копят с таким, истинно восточным, хладнокровием и равнодушием».

Эти деньги персияне тратят на строительство недвижимости – «колоссальных караван-сараев, внутри которых, почти всегда, царствует могильная тишина». И внутри этого «огромного замка», на дорогих коврах, «целые дни безмолвный, потягивая свой вечный, все один и тот же, кальян», сидит купец-хозяин[830]. Караван-сараи персидских купцов Н. Ермаков характеризует как «картезианские дворцы» Такой образ жизни, зарабатывания и траты денег русский автор считал бессмысленным, но для купцов-шиитов это было своеобразной «визитной карточкой».

П. Рыбушкин дополняет: «…(персы) в этом следуют вековому обычаю своей родины, где – обнаружить богатство, - значит поставить себя добровольно жертвою притеснения и деспотического грабежа»[831]. Обособленный образ жизни персидской общины в Астрахани привел к тому, что эти «восточные гости до сих пор, не могут догадаться, что они не дома (т.е. у себя в Персии – Р.П.). Может быть в этом была одна из причин, почему община стала составной частью городского социума.

Н. Ермаков в своих описаниях астраханской жизни, коснулся и вопроса жизни женщин-персиянок здесь. В 1850 г. он писал о «таинствах гарема»:

[829] Ермаков Н. Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и политической жизни ее. М., 1852. С.166.
[830] Там же. С.167.
[831] Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. Астрахань, 1841. С.56.

«тут есть нечто жизненное; но животное, грубое, лишенное лучшего своего «шика»». Персы, по мнению автора, не могут ценить по достоинству этой «безжизненной красоты». Он искренне жалел их: «А жены их, …разукрашенные богатыми нарядами, драгоценными каменьями, эти существа, в приузорочных тюрьмах своих, наслаждаются счастием бревен обернутых парчами и дорогими тканями. Эти бедные существа сидят почти безвыходно дома, на своих нарах, устланных коврами и обкладенных подушками. Им позволено только посещать женщин своей нации; но в русский, или другой иноверческий дом персиянка не может занести ноги, из опасения встретить нечистый взгляд гяура. Даже в своих собственных домах, они не ходят в те комнаты, где бывают обыкновенно мужчины. У персидских дам свои половины, где они принимают гостей, в том числе, женщин русских. Я не мог дознаться, дала ли им судьба хоть не оценимые наслаждения любви материнской: чувства семейные и родственные у них совершенно не развиты. Если, в эту комнату, по какому-нибудь случаю, войдет брат, или другой близкий родственник; дамы и девицы тотчас накидывают, на голову, шелковые фуляры, или, какие попадутся, платки и т.п., которыми таким образом и закрывают свои физиономии…»[832].

Однако многие персияне, проживавшие в Астрахани, не имели семьи, о чем свидетельствуют данные казенной палаты. Некоторые все же «выписывали» жен со своей родины – из Персии и Закавказья. Некоторые женились на местных юртовских татарках, в результате чего население Гилянского двора стало действительно «татарским» и перешло в суннитский ислам уже в 1800-е гг. Согласно преданиям, в XVII в. у персов в Астрахани было «в обычае» покупать себе жен у местных татар-мусульман[833].

Свадьба-никах проходила по мусульманскому обряду. Мулла в присутствии родителей и гостей новобрачных читал молитву, затем

[832] Ермаков Н. Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и политической жизни ее. М., 1852. С.169-170.
[833] Персидская Астрахань. Часть третья. // Астраханский листок. – 17.10.2021 г. / https://astralist.info/archives/22630 [дата обращения 15.02.2023]

составлялся «акт». В нем «все подробно записывалось». В документе фиксировались имена вступивших в брак, их свидетелей, размеры приданого и свадебного дара жениха, дата бракосочетания. Мулла скреплял запись своей печатью[834].

П. Огородников оставил воспоминания о посещении дома – караван-сарая А.А. Усейнова. Купец пригласил путешественника «на шербет» в двухэтажное каменное здание, представлявшее собой замкнутый четырехугольник с внутренним двором. Во двор выходили двери складских помещений, на втором этаже располагались квартиры и гостиничные номера, которые пользовались большим спросом у приезжавших в город по торговым делам «персиян». В этом здании «с лицевых сторон» располагалась конторы большинства астраханских «персидских» фирм. Поэтому дом Усейнова, сохранившийся до наших дней, часто называли «персидской биржей». Тем более, что астраханская биржа для проведения публичных торгов и заключения контрактов была открыта в июле 1870 г. и был создан Биржевой комитет, в которой приглашали и купцов-персиян. Но главные позиции здесь занимали русские рыбопромышленники, с которыми «персияне» общего языка не нашли, и предпочли действовать «по старинке» исключительно между собой. Услугами других организаций, «открытых для облегчения коммерческих сделок и для более успешного хода торговли»: отделения Государственного Банка, отделения Волго-Камского коммерческого банка, астраханского общества взаимного кредита, городского общественного банка и различных акционерных и страховых обществ, - «персы» пользовались лишь изредка и то «большею частию при посредничестве своего первого дельца Хаджи-аги Усейнова»[835].

Внутренне убранство приемной в конторе А. Усейнова было довольно скромно украшено: «высокие нары, служащие местом сиденья, отдыха и конторкою, занимали собою половину комнаты, устланной циновками и

[834] Там же.
[835] Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.66.

коврами; передняя стена украшалась большою аллегорическою картиною, изображающею пророка с закрытым лицом, едущего на чудовище с мордою женщины, лошадиным туловищем, заканчивающимся павлиньим хвостом, с какими-то святыми и надписями вместо золотисто-зеленых кружков». По углам комнаты были сложены тюки с товарами, персидскими коврами, туфлями, подержанными кашемировыми шалями. Видна была кухня, в которой на полках была расставлена «европейская и персидская посуда», которую чистил красивый мальчик-слуга. Вообще, вся прислуга в доме была мужского пола, женщин не было видно нигде. В частных покоях этого дома – «номерах», персияне «занимались большею частью кальяном да кейфом». Многие сидели без шапок, даже ермолок; «старики - с совершенно бритыми головами, мужчины средних лет и молодые - с пробритыми только посередине, со лба на затылок, а оставленные пряди волос зачесаны с висков за ухо; у маленьких же детей волосы, больше - вьющиеся, окрашены слегка в рыжеватый цвет»[836].

Вечером А. Усейнов принимал гостей уже у себя дома, в том же караван-сарае, но в жилых покоях. Он жил довольно «широко», имел собственный экипаж, личного секретаря. Последний встретил гостей и провел через залу, комнату в коврах, но без мебели, в кабинет хозяина, который был «убран по европейски». В центре - стол со стульями, у стены - диван, у окна - столик с двумя вазами и подсвечником с хрустальными подвесками. На стенах висели два портрета российских генералов, статского советника и трех прекрасных дам - «местных камелий». Секретарь принес чай, хозяин нарезал лимон, угощал гостей сигарами, папиросами и кальяном, для розжига которых предложил «длинные разноцветные спички из Константинополя». А. Усейнов отказался от предложенной гостем гаванской сигары, армянин Франгулов пояснил: «Отказался от сигар, потому что уже успел сосчитать число их в вашем портсигаре - тринадцать, а для перса это - самая несчастная цифра; он на нее ничего не купит, словом, - не имеет с нею

[836] Там же.

никакого дела, даже, не говорит при расчетах «тринадцать», а не «не тринадцать-четырнадцать». Также как Н. Ермаков, П. Огородников отметил затворнический образ жизни персиянок: на улицах персидской слободы женщин не было совсем, в домах они прятались за плотно закрытыми занавесками, закутавшись в чадры[837].

Даже в начале XX в. «персияне» по внешнему виду и одежде, отличались от других астраханских жителей, в том числе и татар. Прибывшие из северных провинций Персии (Мазендарана, Гиляна) предпочитали одевать национальную одежду, брить голову, а густую бороду, наоборот, отпускать. На голове у них была обязательно меховая или войлочная остроконечная шапка в любую погоду, которую снимали исключительно когда хотели «выразить глубокое презрение или насмешку». Те же, кто одевал «европейский» костюм (из числа состоятельных членов общины), вызывали странное впечатление «своею бритой головою, на которой всегда надета баранья остроконечная шапка, хотя бы он сам был одет по последней моде». Те, кто побывал в Мекке, носили чалму[838].

В свободное время, астраханские «персияне» ходили друг к другу в гости, где степенно беседовали, пили кофе, сидя на коврах и раскуривая кальян. Мужчины сидели на коврах или низких диванах, на которых некоторые засыпают. Также персияне в Астрахани любили посещать свою общественную, «турецкую» баню – хамам. Некоторые астраханцы отмечали и то, что эти мусульмане «употребляли алкоголь по ночам» - водку, коньяк, араку, ром. Согласно бытовавшему в Астрахани преданию, персияне стояли и у истоков астраханского виноделия, якобы подарив некогда региону виноградные лозы[839]. Среди других увлечений персиян, В.И. Немирович-Данченко отметил участие в карточных играх. Но особой популярностью пользовались шахматы: «можно было часто наблюдать, как они,

[837] Там же. С.68.
[838] Персидская Астрахань. Часть третья. // Астраханский листок. – 17.10.2021 г. / https://astralist.info/archives/22630 [дата обращения 15.02.2023]
[839] Там же.

расположившись на нарах (широкое подмостье), покрытых коврами, и поджавши по обыкновению ноги в молчании передвигают (костяные) шашки»[840].

Но была ли все таки жизнь членов персидской общины «скучной» и «бесполезной», как заключал в свое время Н. Ермаков. В реальности, конечно же, проживая в городе, став частью его социума, успешной в экономическом плане, состоятельные персияне не могли игнорировать события регионального и государственного масштаба. В целях укрепить свое положение, продемонстрировать лояльность российской короне, персидское астраханское купечество с первых лет XIX в. оказывало различные значимые услуги российскому государству, которое в свою очередь, их награждало за это.

Несмотря на то, что к середине XIX в. российско-персидские экономические и политические отношения насчитывали уже около четырех сотен лет, в практике отношений двух стран в Новое время, обмена визитами монархами не было. Поэтому приезд в 1873 г. персидского шаха в Россию стало выдающимся событием, широко освещавшимся в печати. И отправился он в соседнюю страну по традиционному для персов Волго-Каспийскому пути.

Визит персидского шаха Насер-ад Дина стал настоящим событием и в жизни персидско-азербайджанской общины в Астрахани. Четвертый шах Ирана из династии Каджаров правил почти полвека (1848-1896) и в памяти своих подданных остался как «шах-путешественник». Всего шах предпринял в течении своей жизни три путешествия в Европу. Первое из которых, с целью посещения Всемирной выставки в столице Австро-Венгрии г. Вене в 1873 г., он начал с посещения России. И первым российским городом на этом пути была Астрахань.

В истории города шах стал третьим монархом, который его посетил. В 1722-1723 гг. здесь побывал Петр Первый, в связи с Персидским походом. В

[840] Немирович-Данченко В.И. По Волге (Очерки и впечатления летней поездки). СПб., 1877. С.166

1871 г. город посетил Александр II. Визит был очень знаковым для города, так как с посещения города Петром I прошло полтора столетия. В числе других важных астраханских достопримечательностей, Александр II посетил каменную Персидскую мечеть и «любезно разговаривал» со всеми встретившими его купцами и духовенством. В подарок от шиитской общины императору были преподнесены «древние персидские доспехи XV в.»[841].

И при организации встречи персидского шаха как раз был востребован недавний опыт встречи российского монарха. Шах Насер-ад Дин также стал первым иностранным монархом, посетившим Астрахань. В заграничное путешествие шах отправился с большим штатом придворных, в числе которых были почти все министры шахского двора: иностранных дел, финансов, просвещения, юстиции. С российской стороны визит контролировался лично канцлером Российской империи А.С. Горчаковым. С ним же согласована была и вся программа пребывания шаха в России, которая была окончательно утверждена 21 февраля 1873 г. На пребывание в Астрахани отводилось два дня и каждый час этого визита был расписан губернским правлением под руководством губернатора Н.Н. Биппена[842]. Очень велика была боязнь оскорбить шаха или кого-то из его свиты ненароком, просто в силу незнания каких-либо персидских обычаев и традиций.

Губернатор решил лично встретить шаха на взморье, куда тот прибывал из персидского порта Пир-Базар со свитой на пароходе общества «Кавказ и Меркурий», а затем вместе уже приехать в Астрахань. Здесь, от имени собравшейся «именитой публики» предполагалось преподнести шаху хлеб и соль по русскому обычаю. Для размещения шаха и его свиты в городе были предоставлены роскошные апартаменты, в том числе для самого монарха - в губернаторском доме. Назначен был штат соответствующей прислуги. После консультаций с местным персидским купечеством было

[841] Астраханский справочный листок. – 1871 г. – №144.
[842] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.116. Л.4.

составлено меню для почетных гостей с учетом норм шариата и особенностей персидской кухни, приготовлена специальная сервировка для каждого приема пищи.

Расписана была и культурная программа пребывания. Планировалось посещение местных достопримечательностей, в том числе Домика первого русского императора Петра Великого, в котором он останавливался во время своего пребывания в городе. Местным обществом был заказан портрет самого шаха, который собирались преподнести ему в подарок.

17 апреля 1873 г. губернатор Н.Н. Биппен получил сообщение, что в Астрахань для встречи шаха прибудет посол Персии в Вене Мирза Малькум-Хан. В Персию в это же время отправились официальные представители российской стороны, которые должны были сопровождать шаха в путешествии по российской территории. Во главе делегации был князь В.А. Меншиков, генерал-адъютант императора Александра II. 28 апреля он был представлен шаху на аудиенции[843].

Два лучших парохода общества «Кавказ и Меркурий» - «Константин» и «Барятинский» были предоставлены шаху и его свите. Роскошные и содержавшиеся «в особой чистоте» каюты очень понравились персам, что не преминул отметить сам шах в своем дневнике[844]. И даже буря, в которую попали путешественники на Каспии, не могла испортить впечатление.

К астраханскому рейду на взморье шах с сопровождающими прибыл в ночь с 1 на 2 мая. Здесь шаху был представлен губернатор Н.Н. Биппен. Началось путешествие по Волге, которая произвела на монарха большое впечатление своей шириной (начало мая как раз разгар половодья на Нижней Волге). По пути следования ему встретились кибитки калмыков, которые приветствовали шаха восторженными крикам «Ура!»

[843] ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.709. Л.2-3об.

[844] Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия Его Величества по Европе в 1873 г. (Извлечение из Собственного Его Величества дневника). Пер. с персидского горного инженера Э. Кориандера. СПб., 1889. С.4.

Астрахань, встретившая монарха торжественным колокольным звоном удивила его тем, что была расположена на островах, соединявшихся мостами. Шаху сразу рассказали и о том, что в городе проживает значительное число мусульман, у которых выстроены мечети в черте города. Правда большинство из них татарские (суннитские), но есть и одна большая каменная - Персидская (шиитская). Это очень обрадовало шаха.

На пристани шаха встречали при большом стечении народа, который удивил его «разнообразием народностей». Здесь действительно собрались представители всех народностей, проживавших в регионе: русские, казаки, калмыки, армяне, татары и, конечно же, русско- и персидскоподданные «персияне». Прибывшего монарха встретили громкие приветственные крики, салют из артиллерийских орудий и оркестр, исполнивший марши «на персидский манер»[845].

Официальная делегация была представлена губернатором, высшими гражданскими и военными чинами губернии, персидским консулом, представителями сословий, городским головой и верхушкой персидскоподданных персиян (наиболее богатыми купцами и духовенством).

После взаимных приветственных речей шах отправился в отведенные апартаменты в сопровождении двух взводов Астраханского казачьего конного полка. После встречи почетным караулом у дома губернатора, Насэр-ад Дин расположился в предназначенных ему комнатах и отметил еще раз в своем дневнике, что все было устроено с учетом «персидских вкусов». Также шах сменил свои традиционные одежды на европейский костюм. При этом весь гардероб он закупил в Астрахани при посредничестве местных персидских купцов, потратив несколько тысяч рублей[846].

В течении первого дня пребывания шах присутствовал на показательных выступлениях местной пожарной команды, которые ему очень понравились. Кстати, Астрахань в тот период была в числе немногих

[845] ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.709. Л.69.
[846] Огородников С.П. Очерки Персии. СПб., 1878. С.3.

губернских городов, которые могли похвастаться профессиональной пожарной командой. И как предмет гордости ее действия и были продемонстрированы персидскому шаху.

Тем же вечером, 2 мая 1873 г. он присутствовал на театральном представлении в местном губернском театре, внутреннее убранство которого также поразило монарха. Местные актеры показали сразу три спектакля подряд. Это было первое знакомство Насэр-ад Дина с европейским театром, который ему необычайно понравился[847].

Утро 3 мая началось со встречи с местной шиитской общиной. Шах прибыл в Персидскую мечеть на торжественную службу. Его встретили мулла Мухамад-Гусейн (из тебризских персиян), которого шах назвал «славным человеком», и представители астраханского персидского купеческого общества. Шах прочитал молитву, затем мулла произнес хутбу (проповедь) в которой, в том числе, были вознесены молитвы за процветание монарха и его семьи. Также Насэр-ад Дин выслушал речь шиитского богослова Ахмеда Моллы, который был родом из г. Решта, но уже длительное время проживал в Астрахани и обучал детей мусульман-шиитов в примечетном мектебе. Богослов прочитал шаху несколько стихотворений собственного сочинения на персидском языке.

Шах Насэр-ад Дин затем посетил суннитский приход Белой мечети. С представителями местной татарской общиной он также беседовал на религиозные темы, выслушал хутбу и присутствовал на общей молитве. Один из татарских улемов подарил шаху печатный Коран. Последний остался очень доволен и записал, что астраханские татары «на вид все прекрасный народ».

После обеда шах посетил Домик Петра Великого, в котором сохранились личные вещи царя-реформатора, осмотрел лодки построенные

[847] Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия Его Величества по Европе в 1873 г. (Извлечение из Собственного Его Величества дневника). Пер. с персидского горного инженера Э. Кориандера. СПб., 1889. С.10.

при участии Петра для Персидского похода, оружие, которое украшало стены здания.

И затем со своей свитой персидский шах Насэр-ад Дин отправился на пристань, где ему был предоставлен пароход «Александр II» для дальнейшего путешествия по России. На этом пароходе двумя годами ранее российский император Александр II, в честь которого он и был назван, лично приезжал в Астрахань[848].

В Царицыне шах со свитой пересел на поезд, на котором доехал до Москвы. А уже 10 мая 1973 г. он был в столице - Санкт-Петербурге, где ему первому из иранских государственных деятелей в истории вручили высшую награду страны - орден Андрея Первозванного[849].

После возвращения из Вены, шах Насэр-ад Дин, отличавшийся особой любовью к литературе и ведший во время поездки подробный дневник, оформил свои записи в мемуары. Два персидских государственных журнала в разделе местной хроники ежемесячно их печатали. Мемуары пользовались популярностью в стране. В 1889 г. они были переведены на русский язык и изданы в Санкт-Петербурге.

Путешествие шаха по России, гостеприимство и почести которые были ему оказаны, позитивно сказались на развитии российско-персидских отношений в правлении Насэр-ад Дина и его приемников. Также благоприятно впечатлило его и «прекрасное» состояние дел в астраханской шиитской общине[850].

Как мы видели, важным пунктом программы пребывания шаха в Астрахани было посещение Персидской мечети, которая являлась духовным центром общины. О наличии мечети у кызылбашей в Астрахани, а точнее – в Гилянском Гостином дворе, впервые упоминает Г. Гмелин в 1616 г.[851]. В

[848] Цыбин В.М. Пароход на Волге. Саратов, 1996. С.53.
[849] Дуров В. Лев, Солнце и Орел // Родина. Россия и Иран: диалог цивилизаций. - 2001. -№ 5. - С.95.
[850] Торопицын И.В. «По принятому в Персии обычаю». К визиту персидского шаха Насир эд-Дина в Астрахань. 1873 г. // Астраханский край в истории России XVI-XXI вв. Астрахань, 2007. С.105-113.
[851] Гмелин С.Г. Путешествия по России для исследования трех царств природы. Ч. 2: Путешествие от Черкаска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года //

ведомости Астраханской губернской канцелярии 1744 г. о количестве мечетей в г. Астрахани указано, что в Гилянском дворе есть одна мечеть: «глиняная мазанка, а в котором году построена и с чьего позволения про то никто не знает. Оная мечеть имеетца при тридцети дворех»[852]. При чем, чиновники в ведомости поместили ее под номером один, что говорит о том, что мечеть на Гилянском дворе в русской Астрахани была первой по времени постройки.

К середине XIX в. у шиитской общины была мечеть деревянная, построенная, видимо вместо глиняной в начале века. Но и она пришла в ветхость. В это же время окончательно оформились границы этнических слобод в Астрахани, пришедшим на смену территориям Гостиных дворов: Татарской, Армянской и Персидской. Персидская слобода находилась «за Канавой», в центре 5 участка (несмотря на то, что самые состоятельные члены общины селились в 1 и 2 участках). Условным ее центром была та самая деревянная мечеть. Видимо и для того, чтобы подчеркнуть свою финансовую состоятельность, мусульмане-шииты решили выстроить каменную мечеть, тем более что у астраханских татар-суннитов было уже две каменных мечети, а в соседней Армянской слободе высился большой и красивый каменный собор.

В конце 1840-х гг. община приступила к сбору средств на новую каменную мечеть «шиитского толка». Прошение, поданное губернатору от общины и с ходатайством персидского консула Мирзы Юсуф Хана в Астрахани было удовлетворено в 1851 г. Но сбор проходил крайне медленно, пока значительную часть необходимых средств в 1857 г. не пожертвовали консул и купец А.А. Усейнов. После этого строительство по проекту губернского архитектора А.Ф. Шимановского шло быстро и закончилось в начале 1860 г.[853]

Исторические путешествия: извлечение из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. / сост. В. Алексеев. – Сталинград, 1936. С.279.

[852] ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.911. Л.40.

[853] Астраханские губернские ведомости. – 1860 г. - №7.

За все хлопоты, связанные с организацией строительства и «попечение при строительстве мечети» консул Мирза Юсуф Хан 25 января 1860 г. получил «благодарственный фирман» от персидского шаха, который в торжественной обстановке, в присутствии наиболее уважаемых членов общины, был зачитан в здании консульства. Мулла Ахмед Аджи вознес молитвы Всевышнему, отслужил молебен «о благоденствии как Российского Государя Императора, так и Персидского Шахин Шаха»[854].

Мечеть стала настоящим украшением города, она значительно возвышалась над округой, в самом центре Персидской слободы, на ул. Паробичебугорная (современная ул. Кирова), в 5 участке, 14 околотке[855]. В. Бутыркин, увидевший ее практически сразу после постройки писал: «Здешние персы немногочисленны и большею частью люди коммерческие; однако же, население их настолько значительно, что в Астрахани построена персидская мечеть, называемая, не знаю почему, персидским собором, — довольно красивое и видное здание о пяти главах или куполах»[856]. На куполе мечети было «изображение лица в сиянии – солнца», по бокам располагались четыре небольшие башенки или минарета, с которых «выкркивался азан или призыв к молитве», на переднем фасаде табличка с надписью из корана (прибитая по случаю приезда шаха в Астрахань)[857]. Она была открыта для верующих до 1939 г., в советское время использовалась не по назначению.

Современники так описывали внутреннее убранство мечети: «Из мектебе можно было пройти в узкий сквозной коридор, отделяющий его от зимней молельни. Летняя молельня занимала верхний этаж, где в узенькой галерее, высматривающей на дворик своими разноцветными стеклами, правоверные пьют шербет и курят кальян в промежутках молитвы. Галерея ведет в прихожую, где снимают туфли и заходят в основное помещение. Это

[854] Там же.
[855] Щербинина А.Н., Иглина Н.А., Сурикова А.А. Ревитализация как направление сохранения памятников культовой архитектуры (на примере здания Персидской мечети в г. Астрахани) // Вестник АГТУ. – 2022. - №2(74). – С.54-62.
[856] Бутыркин В. Рассказы из службы на Волге // Морской сборник. – 1864. - №3. – С.60.
[857] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.56-57.

также большая, устланная циновками комната, где сидят или стоят правоверные лицом в нише в стене для муллы, наверху с противоположной стены решетчатые хоры, занавешенные тюлем, чтобы скрыть молящихся там женщин. Слева примыкало к стене возвышение или эстрада с несколькими уступами в виде лестницы (минбар – Р.П.). Летом на них сушились целые ворохи розовых листьев, которые употреблялись для щербета и других надобностей. В страстные дни, т. е. в течение 10 дней «Мухаррема», когда правоверные сокрушаются о своих грехах и страданиях своих святых, это место украшается коврами, шалями, различными драгоценностями, лампами и часами». В одном из углов стояли три древка с изображением ладони наверху - знак имама Хусейна. На стенах – несколько сур из Корана[858]. Сначала здание окружала деревянная ограда, которая в 1890-е гг. была заменена на каменную[859].

Бессменными старостами («заведующими») при мечети до падения самодержавия были представители династии Усейновых, неизменно переизбиравшиеся на основании «приговора общества» каждые три года. Например, такое переизбрание и последующее назначение состоялось в 1897 г. под «неусыпным» контролем астраханского губернатора[860]. Дело в том, что с 1875 г. мечеть попала в орбиту внимания ДДДИИ. В 1873 г. было образовано Закавказское Духовное управление шиитского толка в Баку. И практически сразу встал вопрос о подведомственности астраханской Персидской мечети, в которой имамом в это время был «большой знаток законоведения и богословия», рештский персиянин Мамед-Хусейн.

Между дирекцией ДДДИИ и астраханским губернатором состоялась очень длительная и объемная переписка, в результате которой Персидская мечеть была подчинена непосредственно астраханскому губернатору, который утверждал избранного российскоподданными персиянами муллу в

[858] Там же.
[859] Паспорт «Персидская мечеть», 1859 г., ул. Епишина, 23». М., 1976. URL: http://nasledіearchive.ru/objs/3000055000.html# (дата обращения: 15.12.2023).
[860] ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.104. Л.1-2.

должности. Еще одно важное решение, которое следовало неукоснительно впредь исполнять состояло в том, что губернские власти должны были следить за тем, что имамами при мечети могли состоять только подданные Российской империи и, ни в коем случае – подданные персидского шаха. Также исключительно из российскоподданных персиян мог состоять Попечительский совет при мечети и его глава – староста[861].

В октябре 1875 г. был назначен новый мулла Садык из Баку, выбран новый Попечительский комитет, состоявший исключительно из российскоподданных «персиян». В марте 1877 г. астраханский губернатор представил «предложение» полицмейстеру и членам общины по критериям, на основании которых должны избираться члены Попечительского Комитета Персидской мечети – только из числа российскоподданных и имеющие «капиталы». Приговор общества о выбранных лицах в обязательном порядке направлялся на рассмотрение и утверждение губернатору. Например, в июне 1900 г. губернатор на очередное трехлетие утвердил трех членов Комитета – председателем – астраханского купца А.А. Усейнова; членами - бакинских купцов Касима Айдарова, Мамеда-Юсуфа Мамедова и Али-Айдара Ашурова[862].

Муллу Ахмеда-эфенди в 1874 г. П.И. Огородников описал как не очень привлекательного человека: «с дряблою, скотскою физиономиею с рыжей, крашеною бородою, в ситцевом архалуке, широких шароварах и туфлях на голую ногу, с пятками, выкрашенными, как и ногти на руках, в темно-оранжевый цвет». Мулла «считал себя совершенным мудрецом»[863].

Мечеть находилась на полном содержании общины, также как и приходские имамы, в источниках они называются «моллы». Состоятельные мусульмане-шииты отчисляли в пользу мечетей и священнослужителей десятую часть своих доходов – «зякят». При этом из года в год наблюдалось явное нежелание большинства выплачивать эту десятину. Поэтому,

[861] РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1188. Л.10.
[862] ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.104. Л.4-4об.
[863] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.57.

основную часть расходов несли купцы Усейновы, Багировы и еще два-три «прилежных» прихожанина. Еще одним источником доходов духовенства была плата родителей за обучение детей в мектебе – приходской школе. Некоторые занимались и небольшой торговлей – «гешефтом». Ежегодно община отмечала праздник наступления Нового года - Навруз, в марте. Накрывались столы для бедноты, как в самой мечети, так и во дворе богача А. Усейнова[864].

Самые впечатляющие «мероприятия» проходили в общине во время празднования главного для шиитов дня Ашура или «Шахсей-Вахсей», продолжавшихся несколько дней подряд. День этот связан с поминовением имама Хусейна ибн Али – внука пророка Мухаммеда, брата Хусейна Аббаса и 70-ти шахидов (родственников и сторонников). По преданию они погибли в сражении с войсками халифа Язида ибн Муавии в битве при Кербеле в 680 г. в 10 день месяца мухарряма. В связи с чем, шииты-мусульмане в первые 10 дней каждого года устраивают дни поминовения убитых.

О том как проходило это поминовение в Астрахани в 1860 г. оставил воспоминания морской офицер В. Бутыркин, автор «Путешествия по Волге», опубликованного в журнале «Морской сборник». Он утверждал, что Астрахань можно называть «восточным городом» даже только по одному «богослужению», свидетелем которого он был и, которое совершается здесь ежегодно персами в начале июня месяца (здесь он ошибся, так как сам наблюдал в это время, но не знал особенностей мусульманского календаря, даты в котором ежегодно смещаются относительно календаря христианского – Р.П.), или «мухарряма по-персидски» в виде поминовения Хусейна, «особо почитаемого магометанами-персами».

Во время поминовения в течении 10 дней «по целым ночам, собравшиеся в своей мечети персы кричат, неистовствуют и без милосердия бьют себя в грудь». Офицеру удалось «проникнуть» в мечеть во время этого действа и в течении двух часов следить за ним: «собравшиеся персы сидели,

[864] Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.56.

поджавши под себя ноги, на полу во всю длину залы и составляли три отделения. Каждое отделение заключало в себя два ряда персов, обращенных лицом друг к другу и сидевших молча, как будто в ожидании чего-то; некоторые даже курили, другие разговаривали. В углу сидели муллы и спокойно помахивали своими опахалами. Ближнее же к ним отделение, которое я назову первым, потому что не знаю значение его, составляло всю суть богослужения. Сидя на полу, полуобнаженные персы этого отделения что-то пели, кричали и сопровождали все это страшными жестами, немилосердно, но в такт, ударяя себя в грудь. Я смотрел на эту церемонию с галереи, - в залу вход воспрещен неправоверным, да не было бы возможности и пройди, потому что собрание было самое многочисленное. Немного погодя, стали подавать ужин всем молящимся - тут же на полу разостлали что-то в род длинной скатерти, а затем, появились подносы с кушаньями. Ужин состоял из сорочинского пшена, цыплят и каких-то приправь ко всему этому; на подносах расставлено было множество всякой всячины. Богомольцы с жадностью устремились на трапезу и ловко распоряжались руками с поданными блюдами: в короткое время все исчезло. После омовения рук больше формального, нежели действительного, началось опять богослужение, но только еще с большими неистовствами, криками и страшными ударами в грудь. Неистовствующие персы первого отделения даже сняли с себя рубашки… При этом замечательно, что после ужина, кроме первого отделения, остальные ряды опустели значительно… Ужин предлагали и нам, зрителям; но, разумеется, мы отказались, как по неудобству есть руками, так по сознанию того, что не имеем никакого права воспользоваться такими церемониальными яствами».

Очевидец отмечает, что ему несколько человек сказали, что не все богатые персияне участвуют в обряде сами. Весьма распространен был обычай нанимать бедняков за плату «колотить себя». Это были преимущественно амбалы – портовые грузчики, легко «по найму жертвующие собой». Он пишет, что «трудно описать все те неистовства,

крики и …дикую толпу фанатиков». Поклоняющиеся люди, «полуобнаженные, с искаженными лицами, после завывания одного из участвующих, вдруг вскакивали и в такт, под звуки металлических тарелок, со всею силою били себя в грудь и, спустя несколько минут за тем, по знаку, опять садились на пол, поджавши ноги, и слушали вновь завывание запевалы».

Остальные же, «видимо, более богатые и почитаемые» персы, все это время только пили чай и шербет и курили кальян, «совершенно равнодушно» переговариваясь между собой. Так проходила каждая из 10 ночей. В последнюю, в описываемом 1860 г., это была ночь с 3 на 4 июня, состоялось шествие от мечети к дому персидского консула. Причем, многие из астраханских жителей ожидали этого зрелища, они собрались у решетки мечети «во множестве».

Шествие открывал мулла, которого окружали персы в высоких шапках и с факелами в руках, затем вели в поводу лошадь в украшениях с восседавшим на ней мальчиком, затем несли одежды символизировавшие убитого Али. И уже за этой группой «ухватившись друг за друга, без рубашек, с криками, сопровождаемыми непрестанными ударами в грудь, шла вереница персов», которые до этого сидели в первом «отделении» мечети. Толпу сопровождали любопытствующие жители города, которых было едва ли не в два-три раза больше участников процессии. Круг двигался медленно, с остановками и криками, громко комментировали происходящее и астраханцы. В третьем часу утра процессия в том же порядке и с теми же криками вернулась к мечети. Празднование Ашура закончилось до следующего года. По свидетельствам очевидцев, с которыми разговаривал В. Бутыркин, в некоторые годы случалось, что персы участвовавшие в процессии ранили себя цепями и плетками, которыми сами себя избивали,

резали кинжалами, специально проливая кровь. Все это символизировало страдания имама Хусейна[865].

Возгласы, которыми сопровождали истязание своих тел шииты: «Шах Хусейн, вах Хусейн!» в память несправедливо убитого внука пророка, русские жители на слух воспринимали как «Шахсей-Вахсей» и называли этот праздник именно так, что отложилось в литературе. В Астрахани «Шахсей-Вахсей» проводился до середины 1930-х гг., когда персидские подданные были депортированы, а советские азербайджанцы стали объектами атеистической агитации[866].

Об институализации персидской общины в Астрахани свидетельствует появление постоянного кладбища, относящееся к началу XIX в. Оно было обусловлено и численным ростом общины и желанием сохранить свою этноконфессиональную обособленность. Представители шиитской персидско-азербайджанской общины не стремились к сближению не только с православным русским большинством в городе, с настороженностью и недоверием относились и к местной татарской суннитской общине.

Тела своих скончавшихся единоверцев, шииты старались отправить для захоронения на родину, а если средства или климатические условия не позволяли, хоронили на городском татарском (мусульманском) кладбище в «специально отведенном углу»[867]. Но община росла количественно, а эпидемиологическая ситуация в Астрахани не менялась, в жарком климате часто случались эпидемии, люди умирали и по естественным причинам. В конце XVIII в. по инициативе векиля, «персидского дворянина, астраханского жителя и купца 1 гильдии» Садыка Казимова община обрела свое шиитское кладбище.

Садык Казимов возглавлял шиитскую астраханскую общину в 1770-1790-е гг., в период начала ее экономического подъема. И очень много

[865] Бутыркин В. Рассказы из службы на Волге // Морской сборник. – 1864. - №3. С.60-61.
[866] Селенский Ю. Не расти у дороги. Волгоград, 1983. С.87.
[867] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в кон. XVIII - нач. XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.89.

сделал для ее укрепления. В ноябре 1788 г. он составил завещание, в котором «уступил» часть своей недвижимости персидской общине «в вечное и бесповоротное владение». Это было место за юго-западной окраиной села астраханских татар Джемалля (Три Протока) в Астраханском уезде размером по 50 сажен в длину и ширину (всего более 11,5 га), некогда приобретенное купцом для сада. Но по завещанию С. Казимова земля предназначалась для шиитского кладбища, для «похоронения мертвых тел местных, постоянно жительствующих в городе Астрахани, так и для приехавших персиян»[868].

Земля, завещанная Казимовым под кладбище в 1788 г., в действительности уже использовалась в этих целях с начала 1760-х гг., без какого либо согласования и разрешения властей. В действительности, завещание было призвано легитимировать захоронения и дать кладбищу юридический статус пост-фактум[869]. Еще одной причиной стал развивавшийся конфликт с обществом юртовских татар села Три Протока, население которого также со временем увеличилось. И, некогда пустовавшие участки земли близ персидского кладбища, были розданы 10 молодым татарам с семьями. Они выстроили дома, практически на границе с кладбищем.

С 1791 г. юртовские татары стали всячески препятствовать новым захоронениям персиян на кладбище «близ своих усадеб», перекрыли доступ к нему. В мае они составили прошение Директору Департамента Государственной Экономии Г.И. фон Розену, в котором просили запретить персиянам хоронить своих «единоплеменников» на необорудованном участке. Жаловались, что от могил «исходит неприятный запах и постоянно сохраняется опасность распространения эпидемий». В феврале 1794 г. чиновник удовлетворил прошение татар и направил их старосте специальное предписание «о запрете хоронить персиянам на кладбище своих усопших»[870].

[868] ГААО. Ф. 476. Оп. 1. Д.593. Л.19.
[869] Там же. Л.19об.
[870] Там же. Л.20.

Естественно, в Санкт-Петербург, было направлено прошение от самих персиян, которые просили отменить последнее решение. Персидские купцы писали, что все аргументы о необходимости закрытия кладбища, татарами надуманы, так как они преследуют цель захватить земли, завещанные под кладбище, под свои огороды. А земля эта находилась в «крепости», то есть в частной собственности С. Казимова и как таковая была завещана им обществу. Поэтому, как частная собственность эта земля не может служить объектом притязаний на нее государственных крестьян - татар из с. Три Протока. Персидское же общество, в качестве коллективного собственника имеет право распоряжаться этой землей, как своей собственностью на свое усмотрение. В том числе и использовать ее под кладбище[871].

И ни на какой другой участок земли в другом месте для этой цели персияне были не согласны, даже если губернские власти им его предложат. За четверть века на этой земле уже было «упокоено» множество персиян, в том числе и очень знатных, имевших значительное имущество и семьи в Астрахани. Если запрет продолжит действовать, они будут вынуждены отвозить своих усопших «соплеменников» на родину, что чревато распространением эпидемий и нарушением шариатских законов. Так, например, тело исфаханского купца Г. Алиева в течении двух недель уже не может быть предано земле «из-за противодействия татар и принято решение вывезти его по морю на корабле в Персию для упокоения»[872].

Тяжба между персидским астраханским обществом и обществом татар с. Три Протока была передана на разрешение Кавказского наместнического правления в 1794 г. В нем были рассмотрены прошения сторон, два рапорта городничего А.В. Сумбатова, ордер начальника Кавказской линии И.В. Гудовича на имя губернатора Г.П. Скаржинского с предписанием провести расследование по этому спорному делу[873].

[871] Там же. Л.21.
[872] Там же. Л.22.
[873] Там же. Л.23.

В наместничестве, в ходе разбирательства, выяснились дополнительные обстоятельства дела. В 1762 г. астраханский из персиян купец Садык Казимов купил этот участок земли у татарина из с. Три Протока Бутая Курбаналиева. В 1788 г. наследники купца, в соответствии с завещанием, передали участок земли персидскому обществу под кладбище. При этом, как заявил городничий, завещание было составлено «частным порядком», «в противность российских законов». В соответствии же с последними (синодские постановления 1771 и 1772 гг.), частным лицам вообще было запрещено «решать вопросы об организации кладбищ и отведения под них земли». Только губернатор или городничий имели право решать эти вопросы. Городничий считал, что поэтому завещание и организация самого персидского кладбища являются незаконными.

Также обнаружилось, что кладбище было расположено в 10 саженях от жилых строений с. Три Протока, что не соответствовало санитарно-гигиеническим нормам, установленным законами. Городничий настаивал, что проще закрыть кладбище, чем «отодвигать» его. 31 декабря 1794 г. Кавказское наместничество постановило запретить погребение мертвых на кладбище персидскому обществу и организовать его в другом, отдаленном от жилых строений, месте[874].

Но персидская община не отступилась. В это время стремительно росло ее экономическое значение, определяющей стала роль в развитии российско-иранской торговли через Астрахань. Сама Российская империя готовилась к новому Персидскому походу, который состоялся в 1796 г. и персидские купцы очень были нужны как агенты экономического и политического российского влияния в Закавказье. И уже в феврале 1796 г. последовало прошение от персидского общества на имя астраханского губернатора о «временном» разрешении возобновить захоронения на кладбище близ с. Три Протока. Дело вновь поступило на рассмотрение. При этом на сторону

[874] Там же. Л.23об.

персиян встали влиятельные силы в столице Российской империи, поддержкой которых они сумели заручиться.

В соответствии с рекомендациями, поступившими из столицы, губернское правление постановило «доставить персам полную и скорую справедливость» и немедленно вернуть кладбище. Также, чтобы впредь больше не было «притеснений», Земскому Нижнему суду предписали уведомить татар с. Три Протока о том, чтобы они не препятствовали «впредь» захоронениям на кладбище, и с течением времени, перенесли свои дома «далее от оного»[875].

Так было решено дело с кладбищем астраханских персиян. Российское правительство, в очередной раз, продемонстрировало готовность жертвовать интересами своих подданных (в данном случае – юртовских татар) в пользу иноземцев, сотрудничество с которыми сулило прямые выгоды геополитического характера.

Очень мало сведений сохранилось о семейной жизни астраханских персиян. В виду того, что мусульмане-шииты не были подведомственны Оренбургскому магометанскому духовному собранию, в отличие от большинства астраханских мусульман-суннитов, никаких делопроизводственных материалов по их приходу в губернском правлении не отложилось. Небольшие свидетельства можно найти лишь в заметках путешественников. Так, по сведениям П.И. Огородникова, «брачные узы» среди астраханских шиитов прочными не были и развод был «делом очень обыкновенным». Перед свадьбой жених и невеста составляли заверяли у муллы брачный договор или «письменное условие». В нем оговаривалась сумма в 100-200 руб., которую муж должен был уплатить супруге в случае развода.

А в медовый месяц «соловей любви так сладко поет, так поэтичен (на что перс имеет дарование от природы), что молодая жена, заслушавшись, охотно отрывает нужный ему кусочек расписки, и тогда при разводе он ей ни

[875] Там же. Л.24.

гроша не дает». Впрочем, на страже интересов молодой жены стояли, со своей стороны, родственники. Они предупреждали молодую жену, чтобы она «не слишком поддавалась обаянию любви и брачный договор прятала бы подальше». И таким образом, при разводе, у нее будут средства, которые позволят ей вступить в новый брак. Вообще, персиянки «в девках и вдовах не засиживаются, ибо персияне дорожат женщинами»[876]. Женщин в персидской астраханской общине, действительно, было меньше.

Таким образом, мы видим, что персидско-азербайджанская община Астрахани в позднее Новое время имела достаточно замкнутый характер со своими социо-культурными особенностями влиявшими на весь уклад жизни ее членов. Обусловлено это было целым рядом причин, важнейшей, из которых, была этноконфессиональная идентичность мусульман-шиитов, проживавших в православной среде российского города. Внешний вид, особенности быта и праздничной культуры, обычаи предпринимательской деятельности и брачно-семейных отношений и все другие стороны жизни членов общины были обусловлены принадлежностью к шиитскому исламу.

Важнейшую роль в жизни астраханских шиитов играл приход Персидской мечети. Мусульманское духовенство, праздники мусульман-шиитов, конфессиональное образование - важнейшие составляющие жизни шиитской общины. При этом в общественной жизни, делах коммерческого оборота, члены общины были достаточно открыты для российского общества и готовы к сотрудничеству и взаимовыгодному диалогу, что подтверждается многими свидетельствами эпохи.

[876] Огродников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. СПб, 1878. С.56.

5.2. Общественная деятельность, благотворительность и национальная школа персидско-азербайджанской общины в XIX – начале XX вв.

Первые свидетельства о включенности представителей местной персидско-азербайджанской общины в общественную жизнь Астрахани относятся ко второй половине XVIII в. В это время персидско-азербайджанское купечество заняло устойчивые и ведущие позиции в астраханской внешней торговле, что не могло не сказаться на их востребованности со стороны местных властей, в качестве лидеров местной мусульманской шиитской общины. Ну а в XIX в., в связи с обретением статуса российских подданных большинством членов общины, постоянно проживавших в городе, общественная и благотворительная деятельность становятся одними из главных направлений реализации социальной активности наиболее состоятельных ее членов.

Значительный след в общественной жизни не только городской шиитской общины, но и всего г. Астрахани в XIX – начале XX вв. оставили представители уже знакомых нам купеческих династий персидско-азербайджанского происхождения Усейновых и Мир Багировых. Городская реформа 1870 г. открыла возможность состоятельным представителям общины принять участие в городском самоуправлении. Купец Алиакбер Усейнов с 1871 по 1911 гг. (за исключением четырехлетия 1892-1896 гг.) неизменно избирался гласным Городской Думы по первому разряду избирателей, по второму городскому избирательному участку[877]. И также неизменно, как собственник значительной недвижимости, становился членом строительной и ревизионной комиссий Думы[878]. В отдельные четырехлетия

[877] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34274. Л.1-12.
[878] ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3171. Л.13об. - 14.

был также членом комитетов по промысловому и квартирному налогам, членом присутствия Думы[879].

В 1886 г. два астраханских азербайджанских купца из «персиян» - Алиакбер Аджи Усейнов и Аджи Ага Хан Мир Багиров, были утверждены Директорами Астраханского Губернского Попечительства о тюрьмах (Тюремного комитета)[880]. Своей деятельностью в комитете они заслужили значительного признания. В октябре 1894 г. за свою благотворительную и общественную деятельность в должности Директора Попечительства о тюрьмах, император Александр III наградил А.А. Усейнова золотой медалью с надписью «За усердия» на Станиславской ленте[881].

Участвовал А.А. Усейнов во многих общественных «занятиях». Астрахань, вся перерезана ериками и каналами, которые в дореволюционный период во многом способствовали развитию внутригородской торговли. Их русла требовали время от времени дноуглубления, для чего периодически создавались специальные комиссии. Летом 1897 г. такая городская комиссия «по углублению городских водовместилищ» была создана Думой в составе 9 самых именитых городских купцов, в число которых вошел и А. Усейнов. В итоге, члены комиссии помогли углублению дна водоемов финансово[882].

На выборах в Городскую Думу А. Усейнов получал значительное количество голосов выборщиков, что свидетельствует о его высоком статусе среди городской русской и армянской средней буржуазии. Так, во время выборов 1897 г., он набрал наибольшее количество голосов из 22 человек, «предложенных к баллотировке». Причем, остальные кандидаты в гласные были русскими и армянами и набрали они от 1 до 29 голосов «за». А А. Усейнов – 43 («против» проголосовало 19)[883]. В следующие выборы, в январе

[879] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.24716. Л.14об. - 15.
[880] Астраханские губернские ведомости. – 1886 г. - №16.
[881] Астраханские губернские ведомости. – 1894 г. - №195.
[882] Астраханские губернские ведомости. – 1897 г. - №123.
[883] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.24716. Л.23об. - 24об., 37-41, 60-61.

1901 г., А. Усейнов получил 59 голосов в свою поддержку («против» - 34). Также как и в предыдущие выборы это был самый высокий результат[884].

В 1905 г. настало время первых общероссийских выборов – в ходе революции Николай II подписал Манифест 17 октября 1905 г. и в Российской империи был дан старт предвыборной компании в Государственную Думу. А.А. Усейнов внезапно становится землевладельцем – приобретает 6 десятин земли в Астраханском уезде и становится выборщиком в Думу по курии землевладельцев[885]. А также стал выборщиком по Второму городскому участку, уже как владелец недвижимости по городской курии, 20 февраля 1906 г. был включен в состав участковой избирательной комиссии[886]. В качестве выборщика А.А. Усейнов поддержал выборщиков партии крупных предпринимателей «Союз 17 октября».

Благотворительность в регионах, традиционно, была объектом особого «попечения» супруги губернатора, которая возглавляя различные комитеты, собирала средства на благотворительные цели – материальная помощь различным попечительским учреждениям и лицам, оказавшимся в затруднительной жизненной ситуации. В конце 1850-х гг. жена губернатора Б.В. Струве обращает внимание на состоятельных членов персидско-азербайджанской общины и она призывает их, как «астраханских граждан» активно участвовать в делах благотворительности. Состоятельные купцы-шииты откликнулись, хотя в это же время в персидской общине шел сбор средств на строительство каменной Персидской мечети.

В марте 1859 г. губернаторша проводила лотерею в пользу губернского детского приюта. Дорогостоящие вещи для этой лотереи пожертвовали купцы Мамед Усейн Алиев (временный астраханский 2 гильдии) и астраханский первой гильдии купец Алиаскер Усейнов[887]. На следующий, 1860 г., жертвователей стало больше: персидский консул Юсуф Мирза Хан,

[884] Прикаспийская газета. – 1901 г. - №47.
[885] ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.1207. Л.304.
[886] ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.1285. Л.414.
[887] Астраханские губернские ведомости. – 1859 г. - №18.

астраханские временные и постоянные купцы Керим Шафиев, Меджид Алиев, Мамед Усейн Алиев и Алиаскер Усейнов[888]. Три предмета на лотерею передал в 1862 г. астраханский временный купец Меджид Рамазанов[889].

В 1867 г. Алиаскер Усейнов передал на губернскую лотерею в пользу детского приюта 4 дорогих предмета[890], и еще 8 временных астраханских купцов «из персиян» передали в совокупности 16 предметов[891]. На следующий, 1868 г. Алиаскер Усейнов передал 5 предметов, из которых 3 - из серебра[892], в 1869 г. - 5 предметов, все из серебра[893].

В середине XIX в. в Астрахани создавалась публичная библиотека, различные меценаты, прежде всего русские купцы, жертвовали деньги, некоторые - книги. В 1858 г., среди прочих жертвователей, появилось и имя Керима Шафиева, он передал на покупку книг 15 руб. сер.[894], а в 1864[895] г. и 1867[896] гг. Алиакбер Аджи Усейнов жертвовал на те же цели по 100 руб. каждый год.

Во дворе одного из домов купца А.А. Усейнова, на Почтовой улице (в год приносил доход до 10 тыс. руб. в год), в 1907 г. по его распоряжению была построена кухня, при которой, вплоть до смерти благотворителя и за его счет, каждую пятницу и в праздничные дни, кормили бедняков из шиитской общины[897].

Для состоятельных членов общины в праздничные дни в доме на ул. Московской, А. Усейнов ежегодно несколько раз в год, устраивал «богатые угощения». Приглашались и местные астраханские купцы и те, кто в это время находился в городе по коммерческим делам. Перед угощением устраивалась праздничная служба, в специальном «молельном помещении»,

[888] Астраханские губернские ведомости. – 1860 г. - №14.
[889] Астраханские губернские ведомости. – 1862 г. - №26.
[890] Астраханские губернские ведомости. – 1867 г. - №38.
[891] Астраханские губернские ведомости. – 1867 г. - №44.
[892] Астраханские губернские ведомости. – 1868 г. - №39.
[893] Астраханские губернские ведомости. – 1869 г. - №40.
[894] Астраханские губернские ведомости. – 1860 г. - №1.
[895] Астраханские губернские ведомости. – 1865 г. - №26.
[896] Астраханские губернские ведомости. – 1867 г. - №13.
[897] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.24458. Л.8об. - 9.

в доме купца. Обязательно приглашался персидский консул[898]. Особенно почитался традиционный шиитский праздник – Сороковой день убийства Гусейна, внука пророка Мохаммеда.

На протяжении более трех десятков лет (1870-1900-е гг.), купец Алиакбер Усейнов вел тяжбу на свои собственные средства с обществом татар села Три Протока за сохранение шиитского кладбища. Появившееся в 1760-е гг. на частном участке земли (о чем мы уже писали выше), в 1810-е гг. оно получило официальный статус от властей. Но в пореформенный период, в связи с расширением границ татарского села, спор возник вновь. И Усейнов тяжбу от имени общества вел на свои средства. Также за собственный счет, А.А. Усейнов хоронил умерших бедняков из общины, а если представлялась возможность - отправлял тела для погребения на родину[899].

Многолетняя благотворительная и общественная деятельность А.А. Усейнова не могла не вызывать уважения. Его нравственно-моральные качества нашли положительную оценку даже у оппонентов. Так, отбывавший в Астрахани политическую ссылку азербайджанский доктор Нариман Нариманов, который в целом, резко отрицательно отзывался о консерватизме верхушки шиитской общины в Астрахани, писал: «Он (А. Усейнов – Р.П.), безусловно, человек хороший, т.е. безобидный, не злой, тихого нрава, набожный, беспринципный, богатый, уважаемый некоторой частью мусульман за эти качества… Эти качества благочестивого и успешного предпринимателя, вызывали неизменное уважение и почет, в случае надобности, таких как Усейнов, избирали векилями-ходатаями перед властями»[900].

По сути, А.А. Усейнов и был векилем – человеком служившим интересам общины сообразно представлениям XVIII-XIX в. Просто общественные реалии начала XX в. уже не совпадали с ними, требовали

[898] Астраханский вестник. – 1914 г. - №280.
[899] Астраханский листок. – 1911 г. - №268.
[900] Прикаспийский край. – 1910 г. - №39.

новых решений, соответствующих новым общественным запросам. К этому А. Усейнов был не готов.

Общества астраханских мусульман, преимущественно татар-суннитов, позиционировали себя как общемусульманские, безусловно, приглашая к сотрудничеству и вступлению в свои ряды и состоятельных мусульман-шиитов, но этого не случилось[901].

Как мы видели, верхушка персидско-азербайджанской шиитской общины в начале XX в. была весьма состоятельной, предприниматели, торговавшие свежими и персидскими фруктами; владельцы жилой и коммерческой недвижимостью в центральных частях города, имели большие капиталы (до полумиллиона и более руб. в год), что позволяло элите (в лице Аджи Усейновых и Мир Багировых) баллотироваться и побеждать в выборах в Городскую Думу, участвовать в общественной жизни города и т.д. В домах крупных персидских купцов в центре г. Астрахани располагались магазины, лавки, склады, частные конторы и общественные учреждения. Эти купцы были вхожи в дома самых именитых горожан и чиновников[902].

При этом, в шиитской общине, много было и обездоленной бедноты, численность которой росла из года в год. Иран, управляемый Каджарами в первые годы XX в. испытывал серьезные социально-экономические проблемы, приведшие, в том числе, и к началу иранской революции 1905-1911 гг.[903] Уровень безработицы там был очень высок. Поэтому многие жители Северного Ирана (или Южного Азербайджана) устремлялись в поисках работы в Закавказье и Астрахань. Мелкие лавочники, приказчики, грузчики-персы (амбалы) составляли в начале XX в. значительную часть местной шиитской общины, численность их из года в год росла. В первые десятилетия XX в, как мы уже отмечали, численность общины составляла уже около 1,5 тыс. человек или 14% от числа всех мусульман в городе. При

[901] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.167.
[902] Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в к. XIX – н. XX в. Саратов, 1981. С.112.
[903] Иванов М.С. Иранская революция 1905-1911 годов. М., 1957. С.12.

этом наиболее богатых членов общины вместе с детьми и женщинами, насчитывалось не более 3-4 десятков человек[904].

Бедность низов персидско-шиитской общины была привычной, но и она поражала взгляды астраханских обывателей. Целые семьи снимали не комнаты, а углы, отделенные занавесками. Многие не могли позволить себе даже снять угол. Дети группками ходили в лохмотьях в районах торгового порта и городских базаров, не лучше выглядели и взрослые. Безденежье, голодовки в периоды поиска работы. Доктор Н. Нариманов в 1911 г. в своей специальной статье «О делах персидского общества в Астрахани» писал, что его поразила чудовищная антисанитария, в условиях которой проживали персидские бедняки. Здесь часто наблюдались вспышки эпидемий, в том числе холеры и дизентерии. «…Они не только болели и страдали по несколько дней, но некоторые из них умирали буквально на голом полу, имея под головой вместо подушки изорванный архалук, а под остывающим телом какой-нибудь мешок. А помещение, где умирали эти несчастные персияне, обстановка при которой жизнь и смерть боролись между собой, производили на человека еще более удручающее впечатление…». Этим людям очевидно нужна была помощь[905].

При этом помощь от различных российских правительственных и православных благотворительных обществ на «персов» не распространялась, да они и сами не стремились за этой помощью обращаться, так как многие находились в Астрахани и в России без документов и не на законных основаниях. «Попечительство о бедных мусульманах (татарах) г. Астрахани», основанное в 1896 г., как следует из названия, было ориентировано на помощь местным мусульманам-суннитам. Кроме того, учредителями и руководителями этого общества выступили консервативные

[904] ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.894. Л.10.
[905] Прикаспийский край. – 1911. - №68.

татарские муллы, которые однозначно считали мусульман-шиитов раскольниками и не собирались им помогать ни при каких условиях[906].

Очевидно, что на какие-либо благотворительные действия в создавшейся ситуации, персидская беднота города могла рассчитывать только на имущих членов своей общины. К началу XX в. астраханские персидские купцы-шииты уже были вполне «европеизированы», во всяком случае, внешне. Они носили европейскую одежду и головные уборы (изредка, в дни религиозных праздников, одевали фески и халаты). И, конечно же, наблюдая изменения в общественной жизни страны и в среде российских мусульман, не могли не слышать призывы к обновлению и образованию нации, в том числе и путем создания общественных институтов благотворительности, образования. Наблюдалась и своеобразная социальная «конкуренция» с суннитской общиной, которой уже были созданы три общества.

Кроме благотворительности, перед шиитской общиной также стояла и задача организации современной школы для детей, так как персидско-азербайджанская беднота была не в состоянии самоорганизоваться для ее решения самостоятельно.

Относительно того, как было организовано обучение детей в персидско-азербайджанской общине сведения весьма скудные. И, в основном, базируются на воспоминаниях русских «обозревателей» общины XIX – начала XX вв. Известно, что сразу же после открытия Персидской мечети в 1861 г. сразу же было открыто шиитское мусульманское начальное учебное заведение для мальчиков от 6-8 до 14 лет – мектеб. Оно действовало до весны 1918 г. Женского образования не предусматривалось. Также, несмотря на то, что в мечети было обустроено небольшое помещение для женщин, посещать они его могли лишь 10 дней в году, во время празднования «Шахсей-Вахсей». Видимо, школа существовала и ранее, при

[906] Имашева М.М. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века // Исламоведение. - 2015. - Т.6. №1 (23). - С.69-83.

старой, деревянной мечети или вообще на дому у муллы, но постройка большого каменного храма побудило попечителей перенести занятия сюда и зафиксировать тем самым открытие учебного заведения в губернском правлении. В связи с этим, данное образовательное учреждение начинает фиксироваться в сведениях о «числе магометанских приходов и мечетях», составлявшихся по Астраханской губернии с конца 1870-х гг.

Начальная школа - мектеб, представляла собой «низенькую, совершенно голую комнату с циновкою на полу». На ней в ряд сидели ученики – мальчики, «поджав под себя ноги и держа в руках кто книжку, кто лоскут бумаги». Все дети были босиком, в меховых шапках и «подкрашены». Рядом с учениками лежали пеналы, письменные принадлежности и чернильницы. У стенки стоял длинный, толстый прут «для внушений». Учитель-мулла «держал себя сдержанно, говорил громко, самоуверенно, с жестами, не допускающими возражений». Занятия проходили с 5 часов утра до 5 часов вечера, с часовым перерывом на обед. То есть дети в течении 12 часов подряд, ежедневно, учились читать Коран и другим коранического наукам: акыде, фикху, тафсиру и т.д.[907].

Школа была необходима, мектебе при Персидской мечети было небольшим и давало исключительно религиозные знания. В организованные татарскими обществами «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» школы, новометодное медресе «Низамия», русско-татарские школы, дававшими знание русского языка и некоторых светских дисциплин, шииты своих детей не отдавали, в силу существовавших противоречий между двумя направлениями ислама. Новометодная школа с курсом русского языка для детей шиитов с бесплатными местами, была просто необходима.

В итоге, по инициативе наиболее имущих членов шиитской астраханской общины, во главе с купцом первой гильдии, Потомственным Почетным гражданином и гласным Городской Думы, попечителем

[907]Огородников П. На пути в Персию и персидские провинции ее. СПб., 1878.С.58.

Персидской мечети Аликпером Аджи Усейновым, были открыты два общества астраханских персиян.

В начале 1907 г. состоялось торжественное открытие «Попечительства о бедных персиянах города Астрахань». Оно было открыто при содействии и под патронажем персидского консула (который стал его почетным председателем). В Уставе общества четко оговаривалось, что материальная помощь будет представляться в первую очередь подданным персидского шаха. Получалось, что неимущие азербайджанцы – подданные Российской империи, оказывались вновь без поддержки.

В мае 1909 г. астраханский губернатор утвердил Устав культурно-просветительского общества астраханских персиян «Энджумен-Хаийрийя». И вот оно то «распространяло свое действие» на закавказских тюрок, проживавших в городе[908]. Председателем обеих обществ стал, вполне ожидаемо, А. Аджи Усейнов.

А. Аджи Усейнов был самым богатым купцом-мусульманином в Астрахани, никто в шиитской общине не сомневался в его правах и возможностях ее возглавить. При этом, Усейнов никак не проявлял себя в общественно-политическом плане. Если в Азербайджане крупные предприниматели З.А. Тагиев, Ш. Асадуллаев, А.-М. Топчтибашев и др. имели четко выраженную политическую позицию, принимали участие в региональном и общемусульманском российском общественном движении и выступали за предоставление российским мусульманам гражданских и демократических прав и свобод[909], то А.А. Усейнов в Астрахани никогда этими вопросами не интересовался и заслужил у местных властей репутацию исключительно лояльного правительству человека.

Избрание Усейнова председателем обществ было предопределено его социальным статусом, но никак не стремлением самого купца действительно стать общественным руководителем общины. Он был наиболее щедрым

[908] Прикаспийский край. – 1911. - №68.
[909] См.: Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013.

жертвователем на нужды обществ (до 90% их бюджета составляли его взносы), гарантом их финансовых возможностей. Для общих собраний и заседаний Правления обществ он предоставил один из собственных домов в центре города. В итоге, организации оказались в полной зависимости от воли одного человека[910].

В начале 1910 г. на общем собрании двух шиитских обществ было принято решение об их объединении под названием «Энджумен-Хаийрийя», был принят и утвержден губернатором новый Устав. Тогда же было принято решение об открытии начальной школы при обществе «Музафарийе».

Губернское Правление в январе 1911 г. составило список общественных организаций в губернии. В нем «Энджумен» названо благотворительным обществом, из чего следует, что культурно-просветительские задачи больше не ставились. Полное определение: «Энджумен – общество пособия бедным персидско-подданным в городе Астрахани»[911]. Таким образом, к 1911 г. в шиитской общине какие-либо попытки выдвижения идей о необходимости решения насущных социально-культурных проблем мусульман самими членами общины, были сведены на нет.

Хотя в момент учреждения общества у астраханских жандармов зародилось подозрение, что вновь созданные мусульманско-шиитские организации могут стать источником распространения идей панисламизма, пропаганды идей этноконфессионального развития иранских и закавказских азербайджанцев, сближения с общемусульманским движением Российской империи. Но очень скоро анализ практической деятельности обществ, сосредоточенной исключительно на делах благотворительности, отсутствие каких-либо контактов с представителями мусульманского движения,

[910] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.174.
[911] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.4285. Л.11-11об.

исключительная и последовательная аполитичность, рассеяли эти подозрения[912].

Так, начальник АГЖУ полковник А. Бураго в январе 1911 г. писал астраханскому гражданскому губернатору, что персидское общество «Энджумен» не представляет никакой опасности в контексте распространения идей панисламизма в регионе, в отличие от татарских обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия». Полковник сообщал, что «Энджумен» состоит исключительно из персиян, причем «большинство персидскоподданные». И поэтому члены общества вообще не интересуются политикой Российской империи, «им более интересна политика Персии»[913].

Азербайджанец М.Л. Измайлов, стоявший во главе татаро-мусульманского общества «Шурай-Ислам» также оставил всякие попытки привлечь шиитов к общественно-политическому мусульманскому движению. Он с большим разочарованием говорил о косности персов и азербайджанцев в городе, отмечал и в частных беседах, и на собраниях общества «Шурай-Ислам», что «Энджумен» никогда не было «политическим» и, подобно «Попечительству о бедных татарах г. Астрахани» было сосредоточено исключительно на вопросах благотворительности[914].

Устав объединенного общества никак не упоминал подданнические отношения его членов, при этом, большинство членов этого общества – это астраханские купцы персидско-азербайджанского происхождения (представители семей во втором или даже третьем поколении проживавшие здесь), российские подданные[915]. Точное количество членов общества также не упоминается в источниках, но в материалах астраханской жандармерии есть упоминание, что их было всего 30-40 человек. Соответствует это и количеству состоятельных шиитов, проживавших до революции в городе[916]. Жандармский агент Осман Мусин, ежемесячно составлявший отчеты о

[912] Казиев М. Нариман Нариманов. (Жизнь и деятельность). Баку, 1970. С.146.
[913] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.152.
[914] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514. Л.13.
[915] ГААО. Ф.290. Оп.1. Д.808. Л.12.
[916] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514. Л.19.

деятельности мусульман в Астрахани в 1908-1912 гг. писал, что среди членов общества были «персы и тюрки из Ирана», а также «русскоподданные закавказские татары» и «вообще мусульмане всех толков»[917].

Большое внимание на делах общества «Энджумен» сосредоточили азербайджанцы - участники татаро-мусульманского общественного движения в Астрахани. Нариман Нариманов и Мустафа Лутфи Измайлов. Они пристально следили за деятельностью общества, переживая за соотечественников, но, к сожалению, практически не видели никаких позитивных изменений в шиитской консервативной среде. М.Л. Измайлов посещал почти все собрания общества «Энджумен». После этих собраний он часто оставался для личных бесед с персидским консулом[918] . Несколько публикаций в региональной русскоязычной прессе Н. Нариманова, где он выступал с позиций резкой критики, дает полное представление о деятельности «Энджумен».

После того, как были улажены все юридические формальности по объединению обществ, Энджумен-Хаийрийя» на общем собрании составило программу (достаточно скромную, в соответствии с имеющимися финансовыми возможностями) на 1910 г. и приступило к ее реализации. Главные задачи в этой программе: благотворительность в отношении неимущих и материальная поддержка учебного процесса в школе «Музафарийе». Программа деятельности не предусматривала создание печатного органа общества, а также какие-либо иные мероприятия просветительского характера. Впрочем, членами Правления общества выписывались газеты из Азербайджана, видимо, этого казалось достаточно.

Но, как выяснил Н. Нариманов, благотворительные дела в обществе «Энджумен» также реализовать по плану не удалось, свидетельством чего стал отчет о деятельности общества за 1910 г. В начале отчетного года в

[917] Там же. Л.13.
[918] ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.518. Л.13об., 20об.

кассу общества поступило 720 руб. 45 коп., 571 руб. из которых были потрачены.

Расходы общества «Энджумен» в 1910 г. составили:

- на похороны 13 бедных персиян - 156 руб. 15 коп.;

- на лечение одного больного персиянина – 15 руб.;

- арендная плата за съем помещение школы – 150 руб.;

- зарплата сторожа школы – 150 руб.;

- керосин на освещение школы – 19 руб.;

- остальные расходы - канцелярские и другие мелочи [О персидском благотворительном…[919].

Н. Нариманов так комментировал отчет: «Помилуйте, на похороны 156 руб. с копейками, а за лечение одного больного только 15 рублей. По-видимому, из 14 умерших за целый год лечением, по счастливой случайности, пользовался только один, который умер на пуховых подушках, остальные (13 по счету), умирали без лечения и на голой земле. Отчет этот подсказывает нам следующее: Персидское благотворительное общество рассуждает так – раз заболел бедный человек, приготовь только деньги на похороны, лечить его не следует. Ведь, действительно, выходит немного курьезно: на похороны 13 человек израсходовано 156 руб., а на лечение одного только больного – 15 руб.»[920].

Н. Нариманов говорит в статье о соображениях Правления «Энджумен» по поводу экономии средств на лечении больных: «Лечить больного обходится дороже, чем тратиться на похороны. Умер человек – выдавай 12 рублей с копейками и конец! А то, извольте прежде лечить, а затем еще и на похороны тратиться. Нет, это не выгодно для общества! Раз заболел какой-нибудь перс, жди конца; придут за деньгами на похороны,

[919] Прикаспийский край. – 1911. - №68.
[920] Там же.

выдай столько-то. Не придут – еще лучше. Так, по-видимому, рассуждало общество «Энджумен» во главе со своим «деятельным председателем»[921].

Такая эфемерная благотворительность, вызванная в первую очередь, нехваткой средств, не могла не привести к падению популярности общества в глазах членов астраханской шиитской общины. С другой стороны, она же стала и причиной начавшихся серьезных разногласий и споров в самом «Энджумен-Хаийрийя», в том числе и по вопросу о личности председателя, которые начались с первых недель 1911 г. Совпали эти процессы и с общим кризисом мусульманского общественного движения в регионе. Самое многочисленное и популярное в Астрахани татаро-мусульманское общество в марте 1911 г. «Шурай-Ислам» фактически прекратило свою деятельность, а Правление и общее собрание этого общества летом-осенью 1910 г. инициировали отставку М.Л. Измайлова от должности председателя «Шурай-Ислам» и даже его исключении из членов общества[922] (подробно об этом - в следующем параграфе – Р.П.).

В этой ситуации, будучи по национальности азербайджанцем, Измайлов посчитал возможным для себя обратить внимание на общество «Энджумен», рассчитывая возглавить его. Он рассчитывал, что молодые мусульмане-шииты (35-40 лет), имевшие, в отличии от старшего поколения, больше деловых и личных контактов с татарской буржуазией города, вдохновятся их примером и поставят перед «Энджумен» вопросы о необходимости участия в общественной жизни региона, обращении к политическим и просветительским проблемам. Но он потерпел сокрушительное фиаско: «перс» Измайлов, в восприятии астраханских татар-суннитов, не был принят персидско-азербайджанской общиной по причине своей «татарскости» (т.е. приверженности суннитскому исламу). Но смуту в

[921] Там же.
[922] Имашева М.М. Мустафа Лутфи Измайлов – лидер астраханского регионального общественного движения мусульман начала XX века // Преподаватель XXI век. - 2014. - №4-2. - С.283-298.

ряды шиитской общины он внести успел, прежде чем навсегда покинуть город[923].

Те самые, молодые азербайджанские предприниматели, на которых делал ставку М. Измайлов, 2 февраля 1911 г. выступили на общем собрании общества «Энджумен» с требованием полностью пересмотреть направление деятельности общества. Они настаивали, что пора включиться в региональное и общероссийское мусульманское общественное движение, невзирая на различия в течениях ислама, как это сделали лидеры азербайджанского и татарского мира империи, создав партию «Иттифак-аль-Муслимин»[924].

Персидская молодежь настолько осмелела, в том числе, и потому, что из Астрахани в конце 1910 г. был срочно отозван персидский консул Ф. Солтан, считавшейся главной опорой влияния консервативных «стариков», не желавших никак себя скомпрометировать связями с младотатарами на фоне продолжающихся революционных событий в самой Персии (1905-1911 гг.). «Старики» были тесно связаны коммерческим интересами с экономической и политической шахской элитой. Молодые активисты общества со своей стороны потребовали смены персонального состава Правления и председателя общества. Но допустили просчет: исключение пожилых членов Правления и председателя, а в их лице и наиболее состоятельных и влиятельных купцов, привело автоматически общество к финансовым проблемам, взносы перестали поступать.

Очень сильной критике подверглась личность и деятельность А. Аджи Усейнова, в том числе, и на страницах русскоязычных газет несколько месяцев подряд. Последнее – заслуга другого азербайджанца, ссыльного доктора Н. Нариманова, который под псевдонимом «Нэр» изливал в прессе свое отчаяние по поводу косности своих земляков в вопросах «пробуждения нации».

---

[923] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.172.
[924] Астраханский листок. – 1912. - №268.

Впрочем, к середине 1911 г. неэффективность общества «Энджумен», его неспособность решать задачи, обозначенные в Уставе, были очевидны для всех. Председатель А. Аджи Усейнов являясь человеком богатым, успешным в бизнесе, задачи общественного развития оказался решать не в состоянии. Возможно большая занятость коммерческими делами, почтенный возраст (в 1911 г. ему исполнилось 65 лет), не позволяли Усейнову полностью погрузиться в проблемы благотворительности и просвещения общины[925].

Очень большим ударом для А. Аджи Усейнова, человека консервативного и полностью лояльного к монархическим устоям как Российского, так и Персидского государств, стал обыск, проведенный в его доме в марте 1911 г. В ночь на 14 марта астраханская жандармерия провела обыски в домах наиболее активных членов астраханского мусульманского общественного движения (всего 20 человек) и в редакциях татарских газет, по подозрению в антиправительственной деятельности и распространении идей панисламизма. Главная цель обыска – поиск компрометирующих документов, писем, публикаций.

Полной неожиданностью для самих астраханских мусульман было то, что в числе тех, чьи дома обыскали, оказался и А. Аджи Усейнов. Попал он в число обыскиваемых жандармами только потому, что был председателем общества «Энджумен». Корреспондент татарской астраханской газеты «Бургани-Таракки» недоумевал, каким образом такой консерватор, как купец Усейнов мог быть хоть в чем-то заподозрен жандармами: «кто мог вообще хоть что-то показать против него?». Понятно, что в доме Аджи Усейнова ничего компрометирующего обнаружено не было[926].

Тем не менее, неприятные впечатления от обыска, серьезные опасения политического и даже уголовного преследования, непрекращающаяся критика со стороны «молодежи» и популярного Н. Нариманова, привели к

[925] Прикаспийский край. – 1911. - №76.
[926] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.152.

добровольной отставке А. Аджи Усейнова в сентябре 1911 г. с поста председателя общества «Энджумен-Хаийрийя».

Когда Аджи Усейнов ушел с поста председателя он одновременно прекратил финансирование общества. Так как он был самым влиятельным членом не только общества, но и общины, он тем самым как бы намекнул остальным богатым шиитам, следовать его примеру. Что те и сделали. Общество «Энджумен-Хаийрийя» осталось без средств. Отказался А. Аджи Усейнов и от участия во всех других делах общины, например, представлять ее и оплачивать адвокатов в многодесятилетней тяжбе по поводу шиитского кладбища с обществом татарского села Три Протока Астраханского уезда[927].

Н. Нариманов писал, что Аджи Усейнов ничего не сделал - «ровно палец о палец не ударил», для спасения общества «Энджумен». Даже, наоборот: молча наблюдал, как «умирает общество». У А. Аджи Усейнова оказалось много сторонников и сочувствующих – родственники, партнеры по бизнесу, люди, которым он помогал в разных жизненных ситуациях. Из этой среды стали раздаваться голоса в поддержку действий престарелого купца. Родственник и помощник А. Аджи Усейнова, Гаджи Алескер Алиев, со своей стороны, также опубликовал статью в защиту патрона в газете «Бургани-Таракки». Последняя, хотя и выпускалась татарами, была популярна и читаема в среде астраханской азербайджанской среде. Так вот, в своей статье Гаджиев всячески восхвалял и превозносил заслуги Усейнова перед всей шиитской общиной города[928].

На уже упоминавшемся нами выше, февральском общем собрании «Энджумен» была утверждена смета общества на 1911 г.: приход – 3400 руб., расход – 2725 руб. Но деньги собраны не были из-за позиции Усейнова и его окружения. Это обстоятельство, в первую очередь, сильно отразилось на положении начальной школы «Музафарийе», открытой при обществе и на нужды которой предназначалась большая часть средств. Из-за материальных

[927] Астраханский листок. – 1912. - №268.
[928] Прикаспийский край. – 1911. - №76.

проблем школа перед началом нового учебного года объявила о своем закрытии.

Это была серьезная потеря для общины. На протяжении нескольких лет школа была единственным доступным учебным учреждением с курсом русского языка для детей небогатых мусульман-шиитов, как с материальной, так и с религиозной точки зрения. Школа существовала исключительно на средства благотворителей – богатых членов шиитской общины, значительную часть средств на содержание школы выделял купец А. Аджи Усейнов. Когда против него выступили молодые члены общества «Энджумен», настаивая на отставке, купец просто перестал выделять деньги на ее содержание и школа закрылась, так и не осуществив ни одного выпуска[929].

В «Музафарийе» предполагался трехлетний курс обучения, но она успела проработать всего два учебных года и ни один ученик полного курса не прошел. При этом всего за два года, эта школа стала очень популярной у мусульман-шиитов в Астрахани, которые с большой охотой отдавали детей учиться сюда. В 1909-1910 уч. г. в двух классах школы учлось 60 мальчиков от 7 до 12 лет. 10 мальчиков из наиболее бедных семей учились бесплатно – за счет общества «Энджумен», родители остальных 50 мальчиков платили за учебу, но немного – 2,5 руб. в год.

Как следовало из отчета за 1910 г., большая часть средств общества шла, как раз, на содержание школы. 150 руб. общество выделяло на наем здания для школы, 32 руб. в год получал сторож, 19 руб. было потрачено на освещение. В смете отсутствуют сведения о жалованье учителей. Получалось, что общество не оплачивало труд учителей, оказалось, что жалованье они получали непосредственно от А. Аджи Умерова, минуя кассу общества. Поэтому отказ от финансирования этого проекта со стороны состоятельных купцов, незамедлительно привел к закрытию школы.

[929] Астраханский листок. – 1912. - №268.

Таким образом, «интрига» по отстранению «стариков» от управления обществом «Энджумен», затеянная М.Л. Измайловым, с целью самому возглавить его, полностью провалилась. Отказ этих «стариков» финансировать общество, привел к неожиданным последствиям: общество и школа при нем просто прекратили свою деятельность.

Последнее упоминание об обществе «Энджумен» прозвучало в декабре 1911 г., когда корреспондент газеты «Астраханский листок» констатировал, что «персидское собрание «Энджумен» более не существует», …»действие его закрыто»[930].

Закрытию благотворительного общества астраханских персиян «Энджумен-Хаийрийя» способствовала и позиция нового персидского консула. В июне 1911 г. он заявил о создании благотворительного общества «персидскоподданных персиян», исключив, тем самым, участие в делах общества астраханских мусульман-шиитов, подданных Российской империи. На самом деле, персидский консул действовал с согласия и при поддержке местных властей. Цель была очевидна – исключить возможность лидерам местного мусульманского движения, азербайджанцев по национальности – М.Л. Измайлова, Н. Нариманова, Г. Хаятова, вмешиваться в дела общества и вообще шиитской общины. Ведь те самые «старики», которые отказались финансировать «Энджумен» и тем самым обрекли его на гибель, во главе с А. Аджи Усейновым, поспешили вступить в новое общество. И никаких препятствий не встретили, хотя и являлись российскими подданными[931].

Так закончилась история «Энджумен-Хаийрийя», астраханского персидского культурно-просветительского общества, которое создавалось для помощи и развития общественной инициативы местной шиитской общины, а просуществовало менее двух лет и практически не оставило никакого следа в общественном мусульманском движении региона. Причин неудачи этой инициативы было несколько.

[930] Астраханский листок. – 1912. - №268.
[931] Прикаспийский край. – 1911. - №68.

Большая вовлеченность консульской миссии Персии в Астрахани в деятельность общества и даже в его руководство, не могла не вызвать настороженность и недовольство российских властей, которые всячески пытались не допускать иностранцев в общественные дела своих подданных, тем более мусульман, которых постоянно подозревали в панисламистских настроениях. И непосредственное участие персидских консулов в делах общества «Энджумен», в определенной степени предопределило его недолгий срок существования и незначительность практических дел[932].

Второй причиной непродолжительности деятельности общества и незначительности ее результатов, безусловно, стало то, что все ведущие позиции в «Энджумен» заняли консервативные богатые купцы-шииты, которые были глубоко аполитичны и максимально дистанцировались от всего мусульманского общественного движения, как регионального, так и общероссийского. Эти богатые купцы ориентировались, прежде всего, на политику Персии (вне зависимости от того, что преимущественно являлись подданными Российской империи). Это обстоятельство отталкивало от общества самую активную массу астраханских мусульман-шиитов – мелкую буржуазию, приказчиков, бедноту. Они-то со своей стороны, были ориентированы на будущее в России, но у них не было средств для поддержания общественного импульса, заданного «Энджумен».

В-третьих, в общественном движении астраханских мусульман-шиитов не было реального лидера, способного своей активной социально-политической активностью разбудить это «болото». Купец А.А. Усейнов таким человеком не являлся. По сути, его авторитет основывался исключительно на его финансовом положении и социальном статусе. Общине нужен был другой лидер, который бы поставил и помог осуществить значимые общественные цели связанные с отстаиванием ее этноконфессиональных интересов и потребностей. Но, к сожалению, ни Н.

[932] Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905-1916 гг.). Нижний Новгород, 2009. С.96.

Нариманов, ни М. Измайлов, ни кто-то иной, не смог этим лидером стать для астраханских шиитов.

Итак, в течении XIX – начале XX вв. наиболее состоятельные члены персидско-азербайджанской астраханской общины включаются в общественную и благотворительную деятельность в регионе. Участие в инициированных губернскими властями благотворительных акциях и городском самоуправлении становится одной из составляющих социальной активности гильдейского купечества.

В начале XX в. персидско-азербайджанская элита города, на волне революционных событий и общественного «пробуждения» инициирует создание этноконфессионального благотворительного и культурно-просветительских обществ, национальной школы вне рамок конфессиональной общины. К сожалению, созданные общества оказались не в состоянии соответствовать общественному запросу, в силу консервативности и определенной «ограниченности» руководителей общины и общества закрылись. Также оказались не востребованными в общественном движении персидской общины в дореволюционный период и наиболее прогрессивные общественные деятели – этнические азербайджанцы, деятельность которых нашла отклик в среде астраханской татарской буржуазии.

5.3. Участие азербайджанцев в татаро-мусульманском общественном движении Астрахани в начале XX в.

Первая русская революция 1905-1907 гг., как известно, привела к «пробуждению» общественного движения в Российской империи. В стране организационно оформились политические партии различных направлений: от монархических до радикально-революционных. Произошло и оформление партии российских мусульман «Иттифак-Муслимин» летом 1905 г. Ведущими национальными силами в этой партии оказались татары и азербайджанцы.

В регионах империи, на волне общественного подъема, со значительным мусульманским населением, стали возникать национально-конфессиональные общества. И если в Казанской и других Средневолжских и Приуральских губерниях, это были татарские общества; в Бакинской и Елисаветпольской – азербайджанские; то в Астраханской сложились общества, в которых активное участие принимали одновременно и татары и азербайджанцы. Общества эти создавались, прежде всего, для «культурного развития» российских мусульман.

Одним из первых на территории Российской империи возникло астраханское мусульманское культурно-просветительское общество «Шурай-Ислам» («Совет мусульманских собраний»), которое в 1908-1909 гг. объединяло в своих рядах до 300 человек – представителей местной татаро-мусульманской средней и мелкой буржуазии, твердо придерживаюшихся идей джадидизма и являвшимися сторонниками младотатарского крыла общественного движения мусульман. Конечно же, практически все члены этого общества были татарами – как астраханскими, так и средневолжскими переселенцами в первом, втором или третьем поколениях. Но идейным вдохновителем и руководителем этого общества был азербайджанец Мустафа Лутфи Измайлов. Другой азербайджанец - Хасан (Гусейн) Хаятов

был членом Правления этого общества. Третьим лидером стал высланный в политическую ссылку в Астрахань в 1909 г., будущий глава Советского Азербайджана Нариман бек Нариманов.

Эти трое стали признанными лидерами татаро-мусульманского астраханского движения. Их вовлеченность в это движение является своеобразной проекцией всего общественного движения мусульман Российской империи, во главе которого стояли татарские и азербайджанские общественные деятели. Так, в Мусульманской фракции Государственной Думы Российской империи первого созыва численно преобладали мусульмане Волго-Уральского региона (татары), а возглавил ее азербайджанец А.-М. Топчибашев. Видимо это обстоятельство было не последним в соображениях местной татарской общественности (преимущественно средней и мелкой буржуазии), которая приняла М.Л. Измайлова, а затем и Н. Нариманова в качестве своих лидеров.

Мустафа Гаджи Садретдин-оглы Измайлов, родился в 1876 г. (по другим сведениям, в 1873 г.) в азербайджанском г. Шемахе. Он был пятым сыном состоятельного торговца коврами Садретдина Измайлова. Старший брат Мустафы – Измаил, с которым у него была значительная разница в возрасте, еще в середине 1870-х гг. был отправлен отцом в Астрахань, где семья открыла филиал своего семейного дела. Был куплен дом в Персидском переулке, арендован магазин в Доме Губернатора. В начале XX в., после смерти родителей, произошел раздел семейного бизнеса. Владельцами магазинов в родной Шемахе стали средние братья – Шихмамед и Шамсетдин. А Измаил и Мустафа получили в наследство магазин в Астрахани. По собранным астраханской жандармерией сведениям, семья Измайловых принадлежала суннитскому меджлису Бакинской губернии (по сообщению шемахинского уездного начальника).

Кроме того, семья приняла решение дать младшему Мустафе хорошее образование, тем более, что средства позволяли. В 1899 г. он за счет родителей закончил шемахинское медресе Эфендиева, а в 1901 г. –

Шемахинское частное уездное училище, обучение в котором осуществлялось на русском языке[933]. Затем, М. Измайлов отправился продолжать обучение в Турцию, в Стамбул. Здесь в 1903-1904 гг. он обучался «в каком-то низшем учебном заведении по типу российских городских училищ»[934]. Правда, впоследствии, когда встал вопрос о праве Измайлова заведовать мусульманской школой в Астрахани, он никакого документа об окончании этого учебного заведения властям представить не смог.

В конце 1904 г. семья, видимо, сочла, что полученного образования достаточно, и Мустафа приезжает в Астрахань, чтобы включиться в семейную торговлю коврами. Здесь его и застала первая русская революция 1905-1907 гг.[935] И М.Л. Измайлов становится активным участником общественного движения в регионе, а вскоре - лидером местных мусульман-суннитов, среди которых получает прозвище Измайлов-Ширванский. Именно так он станет подписывать и свои статьи в местной периодической печати.

После организационного оформления партии кадетов в июле 1905 г., по всей стране стали открываться ее отделения. В августе 1905 г. в астраханское отделение партии вступил М. Измайлов, «где и стал представлять самые энергичные действия в политическом движении». Тем самым он сделал тот же выбор, что и лидеры всероссийского мусульманского движения, которые в основном, подержали программу российской конституционно-демократической партии. Как известно, эти лидеры, в августе 1905 г., в Нижнем Новгороде провели Первый учредительный съезд партии российских мусульман «Иттифак-аль-Муслимин»[936]. Это стало сигналом к активным действиям М. Измайлова в Астрахани по созданию региональной мусульманской общественной организации – культурно-просветительского мусульманского общества «Меджлис Шурай-Ислам». Кадеты и зародили у Измайлова идею о необходимости консолидации местного татаро-

[933] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.103-104.
[934] Абдулджаббаров Дж. История Астрахани. Астрахань, 1907. С.37.
[935] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.16.
[936] Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013. С.98.

мусульманского населения и вовлечения его в общественные процессы. Специалисты, исследовавшие этот вопрос, мусульманское движение в России и саму партию «Иттифак» охарактеризовали как «татарский кадетизм в чалме и тюбетейке»[937].

Всю осень 1905 г. М.Л. Измайлов со своим ближайшим другом и соратником и также этническим азербайджанцем Хусаином (Гусейном) Хаятовым занимались агитацией среди местных татар. Зная многих состоятельных татар-мусульман лично, беседуя на насущные социальные темы, уговаривая, приводя цитаты из Корана и Сунны, рисуя заманчивые картины о будущем процветании, Измайлов и Хаятов постепенно подталкивали общину к идее о необходимости создания мусульманского общества в Астрахани, «начали широкую пропаганду среди татар, восстанавливая их против русских и Русского Правительства, якобы пьющего кровь русского магометанина». В то же самое время, как сообщала региональная политическая полиция, «среди татар уже шли брожения»[938].

После Манифеста 17 октября 1917 г., поддерживаемый астраханскими кадетами, М. Измайлов завоевывает все большую популярность в татаро-мусульманской среде города и к концу 1905 г. стал самой заметной фигурой в ней, объединив вокруг себя ту часть мусульманской буржуазии и интеллигенции, которая осознавала насущную необходимость изменения основ собственной жизни, преодоления замкнутости и косности мусульманской жизни, усвоения всех достижений современной цивилизации и включения в российский социум.

В итоге, благодаря активной позиции М. Измайлова, культурно-просветительское мусульманское общество «Меджлис Шурай-Ислам», было образовано 25 ноября 1905 г., о чем сообщила астраханская газета «Астраханский вестник». Это было первое в Российской империи региональное общество мусульман.

---

[937] Алексеев И.Л. Ислам в политической жизни России (XIX – начало XX вв.). Дисс… на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2002. С.149.
[938] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.19об.

В заметке было указано, что решение создать общество было принято на специальном заседании инициативной группы «мусульман-интеллигентов», в числе которых был назван и М. Измайлов (все, кроме него – татары)[939]. При содействии одного из лидеров местных кадетов П.Н. Никифорова в августе 1906 г. совет учредителей общества составил текст Устава общества «Шурай-Ислам», который и утвердил астраханский губернатор 9 октября 1906 г.[940]. В Уставе была определена цель деятельности организации: «Общество имеет целью объединение своих членов, удовлетворение нужд мусульман – правовых, духовных, материальных, в пределах Манифеста 17 октября 1905 г.» В общество принимались мусульмане обоих полов (то есть и женщины, хотя таковых в реальности не нашлось)[941].

На первом же, организационном, собрании, в общество записались 74 человека. В период своего расцвета – 1908-1909 гг. общество «Шурай-Ислам» насчитывало до 300 членов[942]. Это было общество, которое стояло на позициях либерального младотатарского крыла мусульманского движения Российской империи, объединило в своих рядах достаточно молодых (не старше 40-45 лет) представителей мелкой и средней буржуазии, приказчиков, мугаллимов-джадидов и т.п.[943].

Когда общество «Шурай-Ислам» образовалось, в него вошли и представители «верхушки» мусульманского общества города – богатые домовладельцы и купцы, авторитетное и консервативное духовенство, так называемые «старики». В течении 1906 г. они выступали единым фронтом с мусульманской «молодежью», жаждущей реформ и активных действий.

Но в конце 1906 г. М. Измайлов опубликовал в газете «Ульфат» («Единство» - орган Петербургского бюро партии «Иттифак-Муслимин») статью, в которой резко раскритиковал и высмеял мусульманское

[939] Астраханский вестник. – 1905 г. - №4857.
[940] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.64об.
[941] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.88об.
[942] Там же. Л.36об.
[943] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.65.

духовенство за консерватизм. Кроме того, как свидетельствовал один из столпов татарского общества, имам Белой мечети (старейшей каменной в Астрахани – Р.П.) Мухамед Керим Ходжаев, на общих собраниях «Шурай-Ислам», «стариков» часто встречали «насмешками и чуть не бранью» из-за их консервативных настроений. В результате «богатые и почетные» мусульмане «поспешили» из общества «Шурай-Ислам» выйти. В начале 1907 г. они образовали свое общество «Джамияти-Исламия»[944].

Как видим, процессы эти – противоречия между либерально настроенной «молодежью» и консервативными и влиятельными «стариками» были свойственны не только шиитской общине (на примере общества «Энджумен-Хаийрийя»). Но суннитская была более многочисленной, «молодых» и состоятельных татар было больше и два течения мусульман-суннитов младотатарское и консервативное разделились организационно на два общества. Мусульманско-шиитская община этого сделать не смогла. При этом, М.Л. Измайлов сумел добиться популярности и поддержки астраханских младотатар и стал их лидером, а шиитская (преимущественно азербайджанская) община его не приняла.

Мустафа Измайлов стоял у истоков всех инициатив «Шурай-Ислам». На каждом общем собрании общества он выступал с речами о необходимости развития общественного движения и просвещения астраханских мусульман, выступал так, что агенты жандармерии писали, что само общество было им создано «как бы специально для этой цели»[945].

Сам Измайлов был хорошо образован в вопросах исламской теологии, его особая популярность среди мусульман объяснялась выдающимися ораторскими качествами и тем, что он уверенно и к месту цитировал различные выдержки из Корана и Сунны. При этом же всегда настаивал на том, что служит исключительно делу общественного прогресса среди российских мусульман, главным средством которого считает просвещение.

[944] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.63.
[945] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.88об.

Путем просвещения он намеревался «образовать мусульманство и объединить его с русскими». Но это не означало русификации и христианизации, это означало сделать мусульман «более полезными России, так как Россия такое же наше Отечество и Родина и близка к сердцу, как и русским»[946]. Таким образом, мы видим, что М.Л. Измайлов являлся последовательным сторонником идей джадидизма, которые транслировал астраханскому татарскому обществу.

Огромную роль М.Л. Измайлов сыграл в формировании понимания необходимости участия в различных формах общественной активности у астраханских татар. Первым и важным шагом, безусловно, стало создание мусульманского культурно-просветительского общества астраханских мусульман – «Шурай-Ислам». Но были и другие вопросы. Кроме двух азербайджанских купцов Усейнова и Мир Багирова, которые были откровенными консерваторами и никогда не выражали интересов мусульманской общины региона, в общественном городском управлении астраханские мусульмане участия не принимали с самого утверждения Городового Положения 1870 г. А первая русская революция 1905-1907 гг. поставила перед астраханскими мусульманами необходимость принимать активное участие не только в региональных, но и общероссийских общественных процессах. Агитация М. Измайлова привела к изменению этой ситуации.

Как известно, в ходе революционных событий 1905 г., произошла институализация широкого спектра политических партий и общественных движений в Российской империи. В июле 1905 г. была организационно оформлена партия российских либералов – конституционно-демократическая. Находившиеся под большим влиянием идей кадетов, лидеры российского мусульманского движения во главе с Исмаилом Гаспринским, приступили к реализации идеи создания всероссийской мусульманской партии. В середине августа 1905 г. на ярмарке в Нижнем

[946] ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.518. Л.41.

Новгороде, куда ежегодно стекался весь деловой мир империи, на Первом, учредительном съезде, произошло рождение партии «Иттифак-аль-Муслимин»[947].

Тогда же было принято решение о необходимости созыва в скором времени Второго съезда с целью утверждения Устава «Иттифак», окончательному утверждению структур партии, выработки стратегии и тактики борьбы за права российских мусульман и т.д. Съезд состоялся в январе 1906 г. в столице – Санкт-Петербурге. Так как о созыве этого съезда были оповещены самые широкие круги российских мусульман во всех уголках империи, о нем стало известно и в Астрахани. Более того астраханцам, как представителям Нижневолжского региона со значительным числом мусульманского населения, было предложено сформировать свою делегацию и отправить ее в Санкт-Петербург. В Нижневолжском регионе планировалось создать пятый (из предполагавшихся 12) округ, или «местное собрание», партии «Иттифак».

В результате, в конце декабря 1905 г. делегация астраханцев в составе М.Л. Измайлова (руководитель), Хасяна Давлекамова, Валидхана Таначева и Керима Ходжаева отправилась в Санкт-Петербург. По приезде стало известно, что власти запретили проведение мусульманского съезда и 8 января 1906 г. отбыли назад, в Астрахань[948]. А уже в Астрахани узнали, что хоть и без решения властей, по сути нелегально, но съезд состоялся 13-23 января 1906 г. Для М.Л. Измайлова это стало серьезным разочарованием, так как он рассчитывал завязать на съезде личное знакомство с российскими мусульманскими лидерами и заявить о проблемах и ожиданиях астраханской мусульманской общины.

По возвращении, Измайлов проводит встречи с самыми влиятельными и состоятельными членами астраханской татаро-мусульманской общины,

[947] Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905-1906 гг. Нижний Новгород, 2005. С.14.
[948] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.7.

активизирует усилия по созданию общества «Шурай-Ислам»[949]. Увлеченный идеями джадидов, параллельно с изданием газеты, М. Измайлов много сил и стараний отдает реализации еще одного просветительского проекта – начальной мусульманской школе «Даруль-Эдеп» («Сокровищница благ») при обществе «Шурай-Ислам»[950].

Сама идея создания школы для детей мусульман вне рамок конфессиональной общины была новой и необычной. Мусульмане привыкли, что единственным источником знаний для детей может быть только приходской мектебе или медресе во главе с имамом или мударрисом и ограниченным кругом дисциплин. В начале XX в. (1901 г.) в Астрахани мектебе действовали при 8 суннитских приходах города, также мусульмане обучались в двух медресе: кадимистском «Вагабия» и джадидском «Низамия», а также Первом русско-татарском училище ведомства Министерства народного просвещения. Всего в этих школах обучалось до 400 мальчиков. Также в мектебе при Кара-мечети обучалось до 60 девочек-татарок. Ну и персидско-азербайджанская шиитская община города также содержало свое мужское мектебе при Персидской мечети[951].

В Астрахань на рубеже XIX-XX вв., как и в другие населенные мусульманами города пришли новые веяния, выразившиеся в распространении идей джадидзма. Некоторые астраханские татары выписывали «Тарджиман» И. Гаспринского, некоторые получили образование в Казанской Татарской учительской школе, были и те которые окончили курс обучения в передовых мусульманских учебных заведениях Волго-Уральского региона, бывали в Турции и познакомились со взглядами младотурок. Безусловно, в среде астраханской татарской буржуазии все более зрело осознание того, что для успешного ведения коммерческих дел необходимо учить русский (государственный) язык, изучать наряду с

[949] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.88об.
[950] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.16.
[951] Астраханский листок. – 02 февраля 1901 г. - №27.

коранических и светские дисциплины, помогающие успешно интегрироваться в российский социум.

Конечно, этих людей было немного и они до 1905 г. не имели значительного влияния на общину, но сдвиги были и до призывов Измайлова. Еще в 1881 г. была открыта министерская русско-татарская школа, но во главе ее оказался консервативный и преданный российским властям мулла И.Х. Искандеров. В начале 1890-х гг. ученик Ш. Марджани Абдурахаман Умеров открыл джадидское медресе «Низамия», но он оказался во главе консервативного общества «Джамияти-Исламия» и остро полемизировал с М. Измайловым по самым разным вопросам. Тем не менее, сдвиги были. Несмотря на то, что образование астраханских мусульман накануне открытия школы «Даруль-Эдеп» в 1906 г. было глубоко традиционным и ставило целью воспитание глубоко верующих мусульман, наиболее передовая и состоятельная часть общины уже стремилась к новаторству и ориентировалось на обучение детей с новой целью – «подготовкой мусульман к активной, конкурентоспособной социальной жизни»[952].

Реализацию именно этой цели в школе «Даруль-Эдеп» от имени общества «Шурай-Ислам», как раз предложил М. Измайлов. Прежде всего, он предложил нанять учителей имеющих не только религиозное, но и светское образование, знающих в том числе и русский язык. Сразу же было заявлено, что обучаться будут дети обоих полов, при этом, женское и мужское отделения будут заниматься, конечно, раздельно. Обучение будет осуществляться по звуковому методу; коранические дисциплины будут преподаваться не только на арабском, но и на национальном – татарском языке по новым учебникам, составленным джадидами. Будет разработана программа обучения, в которую будут включены и религиозные и светские дисциплины, значительное количество часов будет отдано на изучение

[952] Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX вв. Казань, 2004. С.140.

русского языка. Дети будут заниматься по расписанию, за партами, писать в тетрадях и на доске.

Идея создания такой школы нашла большой отклик у астраханской татарской буржуазии, которая уже активно участвует в деятельности общества «Шурай-Ислам». В общество к началу 1908 г. уже вступило до 300 человек, каждый из которых платил членские взносы от 1,5 до 3 руб. в год. Также на общих собраниях общества, которые в первые годы существования «Шурай-Ислам» проводились чуть ли не ежемесячно, на нужды общества собирались различные суммы.

В конце лета 1907 г. школа «Даруль-Эдеп» была открыта, начался первый учебный год. Как и обещал М. Измайлов в школе преподавание велось на татарском языке, изучались русский язык с грамматикой, общеобразовательные предметы: арифметика, история, география. С детьми занимались физической культурой и начальной военной подготовкой[953]. Проводились и внеурочные занятия, был создан хор. По случаю больших религиозных праздников дети ставили концерты (отдельно мужской и женский), на которые приглашались родители. У учеников была форма, напоминавшая одежду турецких шакирдов, на головах – закавказские фески[954].

Содержание школы осуществлялось также за счет средств общества «Шурай-Ислам» и платы родителей за учебу своих детей, составлявшей от 2,5 до 5 руб. в год (определялась в зависимости от материального состояния семьи – Р.П.). Двадцать учеников, родители которых из-за бедности были не в состоянии платить, обучались в школе бесплатно. Также ежегодно астраханское городское самоуправление выделяло на нужды школы 500 руб. С апреля 1907 г. школа располагалась в собственном здании, купленном за счет средств общества «Шурай-Ислам».

---

[953] Имашева М.М. Национальная татарская школа вне рамок конфессиональной общины в начале XX века (на примере Астраханской мусульманской школы «Даруль-Эдеп») // Каспийский регион: политика, экономика и культура. - 2015. - №1 (42). - С.24-31.

[954] ГААО. Ф.94, Оп.1. Д.22984. Л.11-11об.

Передовая для мусульманского социума «программа постановки школьного образования», которая действительно, в перспективе, давала большие возможности для социального роста, сразу же привлекла значительное число учеников в школу. Принимались дети обоих полов от 6 до 17 лет. Уже в первый, 1906-1907 учебный год, количество желающих учиться превысило 100 человек. На пике своей популярности, когда уже было несколько классов, в 1910 г. в школе обучалось прядка 360 детей, в том числе и 20 «бесплатников», около 40 девочек, несколько детей были из азербайджанских (российскоподданных персиян) семей. При этом 60 детей из сельской местности жили при школе – в интернате[955].

Достаточно быстро сложился и педагогический коллектив, в формировании которого М. Измайлов принял самое непосредственное участие. К марту 1907 г. штат школы состоял из 13 учителей – 9 мужчин и 4 женщин. Большинство преподавателей были татарами – уроженцами Астраханской и других губерний Волго-Уральского региона. Также были наняты русские учителя (для мужского и женского отделений) для обучения детей в «Даруль-Эдеп» русскому языку. Для консервативной и закрытой для христиан астраханской мусульманской общины это стало небывалым событием. Но Измайлов сумел убедить астраханских татар, что только русские учителя могут дать их детям надежные знания государственного языка и они - выпускник и выпускница астраханских гимназий, стали учителями мусульманской школы.

В январе 1907 г. на средства общества «Шурай-Ислам» (было собрано более 300 руб.) М.Л. Измайлов был откомандирован в Турцию с целью найма учителей в школу[956]. Это тоже было серьезным нововведением, ни одно учебное заведение региона до этого никогда не обращалось к учителям-туркам. В итоге, в начале весны 1907 г., в Астрахань прибыли и сразу вышли на работу в «Даруль-Эдеп» сразу четверо «турецкоподданных» педагога:

[955] ГААО. Ф.13. Оп.1. Д.54433. Л.3об.
[956] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514. Л.37.

Ахмет Нур-Адемов, Мухталлим Ярлыгаев, Маргуба Ярлыгаева и Зулейха Ханым Измайлова. С последней М.Л. Измайлов в начале 1908 г. вынужден был заключить фиктивный мусульманский брак, чтобы избежать ее высылки из России[957]. В 1908 г. приехал еще один учитель с ярко выраженными младотурецкими настроениями – Халил-эфенди Хамидуллах (Хамидуллин), которого М. Измайлов стал активно привлекать к общественному мусульманскому движению в Астрахани.

Приглашение турецких педагогов стало первой и почти самой главной причиной недовольства местных властей школой «Даруль-Эдеп». С момента их приезда жандармерия, полиция и дирекция народных училищ не выпускает школу из поля зрения и постоянно ищет поводы для закрытия учебного заведения, апеллируя к тому, что школа имеет исключительно «антиправительственное протурецкое направление». По мнению астраханского директора народных училищ К.М. Аммосова, в школе в течении всего курса обучения готовили сознательных панисламистов, «уже готовых к практической антироссийской деятельности»[958]. При этом, власти вынуждены были признать, что школа созданная по инициативе М. Измайлова способствовала в целом, «распространению» среди астраханских мусульман Европейского образования, а не исключительно магометанского», опираясь, при этом, на опыт и программу «новых» турецких школ[959].

Действительно, зимой 1907 г., в Турции, М. Измайлов ознакомился с программами обучения турецких светских школ и на их основе составил программу обучения в школе «Шурай-Ислам». Она включала в себя 7 отделений (классов): подготовительное, четыре младших и два старших. Преподавание велось на национальном – татарском языке. Изучались также арабский, русский языки и фарси (персидский). Тогда же были заказаны образцы формы для учащихся и «гербы» школы на головные уборы[960]. Сам

[957] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.38-38об.
[958] Там же. Л.89.
[959] Там же. Л.75об.
[960] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514. Л.37.

Измайлов открыто заявил на собрании «Шурай-Ислам» в мае 1907 г., что только в современном турецком светском образовании он нашел достойный образец для школы «Даруль-Эдеп»[961].

Учебная литература в школе была представлена новометодными учебными пособиями, выпущенными в российских татарских типографиях Казани, Астрахани, Оренбурга: Коран, Мугаллим-Авал (начальная татарская азбука), Хисаб-агмал-арбат (начальная арифметика, первые 4 арифметические действия), Тажвид (руководство к правильному прочтению Корана), Гильми-Халь (исламский Закон Божий) в 2 частях, Азкару-Салаш (о богослужениях), Мугалимул-Гибадат (пособие о правильном исполнении молитв и обрядов), Тарих-Мухтасаруль-Исламия (краткая история ислама) в 3-х частях, Киссасуль-Эпбия (история пророков), Мугаллим-Сани (первая книга для чтения после азбуки)[962]

Когда Измайлов предложил астраханским мусульманам совершенно новый подход к образованию, во главе учебного заведения он видел себя – хоть и правоверного мусульманина, но не имама. Но у него не было документа об образовании соответствующего уровня, и он был вынужден уступить эту должность другому человеку. Директором школы стал Х.Х. Ишкузинов, уроженец Казанской губернии, выпускник КТУШ, преподававший до приглашения в Астрахань в нескольких русско-татарских школах и медресе Волго-Уральского региона. У него были великолепные рекомендации от единоверцев-мусульман из общин, где он успел поработать, кроме того кандидатуру, как «лояльную существовавшему в России строю» одобрили власти[963]. Видимо, приглашая Ишкузинова, Измайлов надеялся, что тот сосредоточится исключительно на преподавании, а он сам будет выполнять функции заведующего. Но у Х. Ишкузинова были намерения, как раз, заведывание осуществлять. И это противоречие привело к очень серьезным последствиям.

[961] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.334. Л.13.
[962] ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.1730. Л.21.
[963] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.13.

В 1907-1911 гг. Мустафа Измайлов становится главным фигурантом в делах Астраханского губернского жандармского управления по делам, связанным с распространением идей панисламизма и пантюркизма в губернии[964]. В эти годы ежемесячно агент «Осман» составлял доклады для АГЖУ, в которых подробно описывал деятельность Измайлова по всем трем направлениям: в обществе «Шурай-Ислам», в газете «Бургани-Таракки», в школе «Даруль-Эдеп». И все эти три детища Мустафы Измайлова также рассматривались через призму вероятной вовлеченности в панисламистскую деятельность и агитацию.

Кроме официальных губернских властей, у Мустафы Измайлова оказалось много недоброжелателей и из числа мусульман. Резкость суждений, постоянная критика духовенства, неприятие местных авторитетов, убежденность в необходимости следованию идеям национального прогресса и европеизации мусульман России, вся «направленность деятельности» настроила против него влиятельных и богатых, пожилых и авторитетных татарских мулл и купцов. Они-то и выдвинули против Измайлова первые обвинения «в крамоле».

27 ноября 1907 г. АГЖУ инициирует дело Мустафы Лутфи Измайлова по обвинению его в «антиправительственной агитации и распространении идей панисламизма» на основании обращения директора народных училищ К.М. Аммосова с просьбой прекратить «вредную для правительства» деятельность руководителя общества «Шурай-Ислам». Аммосов обвинил Измайлова в регулярном «произнесении антиправительственных речей и призывах не подчиняться правительственным распоряжениям на собраниях общества и перед учениками школы». Очевидно, что перед тем как предъявить Измайлову обвинения и дирекция и жандармерия собрали на него значительное досье и доложили об этом губернатору, который и поручил

[964] Имашева М.М. Общественное движение мусульман на периферии Российской империи глазами агента жандармерии. По материалам Государственного архива Астраханской области // Вестник архивиста. - 2018. - №1. - С.207-218.

политической полиции собрать сведения о деятельности Измайлова, установить за ним негласный надзор и начать дознание по делу[965].

И здесь оказалось, что главные свидетельства против Измайлова дали приглашенный им для заведывания школы «Даруль-Эдеп» Х.Х. Ишкузинов, а также заведующий Первым астраханским русско-татарским училищем МНП (и по совместительству цензор литературы и периодики на татарском языке) И.Х. Искендеров. Последний с открытием школы «Даруль-Эдеп» потерял значительное количество учеников, критикой в его адрес Измайлов серьезно подорвал авторитет этого Почетного Потомственного гражданина и состоятельного домовладельца в местной общине.

К.М. Аммосов с большим удовольствием донес откровения этих недоброжелателей М.Л. Измайлова до жандармов, а также поделился своим мнением о сути его деятельности в астраханской мусульманской общине. Директор народных училищ Астраханской губернии считал, что Измайлов был глубоко «проникнут враждебными российскому государству и правительству идеями» и принадлежал к той «партии российских мусульман», которые проникнуты идеями младотурецкого движения. В вопросе образования он стремился «к созданию особых школ», которые бы не подлежали контролю со стороны российского правительства. Преподавание в них Измайлов планировал осуществлять на турецком языке с целью широкого распространения среди российских мусульман идей младотурецкой партии. «Даруль-Эдеп» как раз и была такой школой[966].

Х. Ишкузинов и И. Искендеров со своей стороны, обвинили М. Измайлова в финансовых злоупотреблениях. Якобы, за 1907 г. на общественные нужды члены общества «Шурай-Ислам» собрали около 12 тыс. руб., которые председатель присвоил и никакого отчета об их расходовании не представил. Астраханский полицмейстер также, на основании собранных им сведений, подтвердил этот факт. При этом он

[965] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.4-6.
[966] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.13.

отметил, что Измайлов «…занимает первое место» в астраханской мусульманской общине[967].

И.Х. Искендеров и другие «столпы» астраханского татаро-мусульманского социума в своих обвинениях Измайлова особо делали упор на его азербайджанское, закавказское происхождение. Они называли лидера астраханских младотатар «Ширваном Ширванским» и «отъявленным туркофилом». Также сообщили полицмейстеру, а тот, в свою очередь, жандармам, что Измайлов призывал астраханских мусульман перейти в подданство Турции или Персии, обещая им, что в скором будущем российские власти предполагают «поголовное обращение российских мусульман в христианство». Сообщили свидетели полиции и о речах Измайлова, в которых он «восстанавливал их против русских и русского правительства, якобы пьющего кровь русского магометанина»[968].

Полицмейстер с подачи тех же свидетелей, которые были пожилыми консервативными муллами, сделал вывод и о том, что М. Измайлов настраивал мусульман не только против властей, но и против наиболее лояльного власти мусульманского духовенства, видя в последнем «пособников господства российского правительства» над мусульманами. Тот факт, что Измайлов панисламист и пантюркист («туркофил») полицмейстер считал очевидным. Кроме того, было высказано предположение, что Измайлов близок и российским социалистам, что следует из публикаций его газеты «Бургани-Таракки»[969].

Казалось бы, при таком наборе обвинений и, очевидно доказанных свидетельств, в целом ряде антиправительственных действий, Измайлов уже давно должен был предстать и перед следствием и перед судом. Но до конца 1907 г. власти все же не решались начать следствие против него, опасаясь, что на волне еще свежих впечатлений от Первой русской революции это

[967] Там же. Л.16.
[968] Там же. Л.13.
[969] Там же. Л.16.

может обернуться серьезными протестами в местной мусульманской общине. Жандармы отмечали это обстоятельство в своих отчетах 1907 г.[970]

«Долговременная агитационная деятельность» Измайлова среди астраханских мусульман, приведшая к формированию у них «революционных идей, близких младотурецкой идеологии» должна быть пресечена, - приходят к выводу жандармы в последние дни 1907 г. Губернатору в итоговом отчете, Измайлов был представлен как «наиболее видный и вредный деятель панисламизма». По итогам следствия рекомендовалось выслать его за пределы Астраханской губернии и отдать под гласный надзор полиции на срок не менее 3 лет»[971].

Была представлена справка о благонадежности М.Л. Измайлова, из которой следовало, что до ноября 1907 г. он никогда и нигде на территории Российской империи к следствию или дознанию не привлекался. Были представлены и допросные листы самого Измайлова. Мустафа Лутфи упорно отстаивал свою точку зрения, что был оговорен муллами из-за личностных разногласий. А главную цель своей деятельности он видел не в разжигании ненависти мусульман к русским, а в просвещении первых. Как раз наоборот, он стремился «образовать мусульманство» и тем самым «объединить его с русскими». То есть хотел, чтобы российские мусульмане стали частью российского социума, стали полезной его частью, не противопоставляли себя ему, «так как Россия такое же наше Отечество и Родина и близка к сердцу, как и русским». А все собранные против него свидетельства – это наветы и происки мулл[972].

Отверг Измайлов и обвинения в том, что является автором антиправительственных прокламаций, печатавшихся в «Бургани-Таракки» откровенно антиправительственного и левого характера. Действительно, статьи эти были написаны татарскими социал-демократами, в частности И. Муратовым. И вина Измайлова состояла в том, что он как редактор часто

[970] ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.518. Л.34
[971] Там же. Л.34.
[972] Там же. Л.41.

подписывал номера в печать, не прочитав выпуск целиком. Как только он узнал о революционных настроениях своих сотрудников он сразу их уволил из редакции и с мая 1907 г. в «Бургани» статей «левого» содержания больше не появлялось. А вот статьи против мулл, действительно, принадлежат ему. Что и настроило последних против Измайлова и привело к настоящим обвинениям[973].

Несмотря на все собранные свидетельские показания, которые предоставили оппоненты, жандармы очень опасались, что популярность Измайлова среди мусульман приведет к тому, что они будут опровергнуты сторонниками обвиняемого, которых было в разы больше, чем противников. Сам начальник АГЖУ писал губернатору, что Измайлов может предоставить в оправдание своей деятельности и подтверждение собственных слов «целую массу небеспристрастных свидетельских показаний», которыми «при производстве формального дознания могут быть парализованы собранные дознанием данные о его преступной противоправительственной деятельности»[974].

Тем не менее, сбор доказательств был продолжен и 22 января 1908 г. у М. Измайлова в доме был произведен обыск, а сам он был арестован и заключен в тюрьму. Активистами было созвано внеочередное общее собрание общества «Шурай-Ислам», на котором в защиту Измайлова с обвинениями в пристрастном ведении следствия астраханскими властями, была составлена телеграмма в адрес Мусульманской фракции Государственной Думы. Также телеграмма была послана депутату Думы от Астраханской губернии кадету В.А. Виноградову. Последний во многом был обязан своим избранием Измайлову и его поддержке во время выборов, когда агитировал за кадетского кандидата и вообще убеждал астраханских мусульман придти на выборы, что для них было абсолютно непривычно. Татары пришли, проголосовали за кадета и обеспечили тем самым ему

[973] Там же. Л.82.
[974] Там же. Л.34.

депутатский мандат[975]. В телеграммах «шураисты» просили депутатов «выяснить дело» Измайлова[976].

Видимо под давлением общественности, жандармы, вынуждены были провести повторный опрос свидетелей, давших показания против Измайлова. И тут оказалось, что Исхак Искендеров, бывший сотрудник газеты «Бургани-Таракки» Загидулла Шарифуллин, старший ахун г. Астрахани Мухтар Салихов, имам Белой мечети Мухамед-Керим Ходжаев, имам Черной мечети Абдурахман Алиев, богатый торговец Хасян Давлекамов, не подтверждают своих показаний. Они, как противники общества «Шурай-Ислам» на общие собрания не допускались и лично никаких антиправительственных речей Измайлова никогда не слышали. Другие (менее значительные в махалле лица) вообще заявили, что были случайно опрошены на улице и никакого представления о сути расспросов не имеют[977].

А затем случилось то, чего опасались власти, апеллируя к популярности Измайлова в мусульманской среде. Члены общества «Шурай-Ислам», учителя школы «Даруль-Эдеп», просто сторонники Измайлова – все, единодушно дали показания об исключительной политической благонадежности Измайлова. Они никогда и нигде не слышали его противоправительственных высказываний или речей[978].

Учитель Х. Ишкузинов же, как показали сторонники Измайлова, раскаялся в том, что дал показания против. В частной беседе с местными татарами он сказал, что к этому его всячески подстрекали И. Искендеров и З. Шарифуллин. Он, обиженный постоянным вмешательством М. Измайлова в дела заведывания школой, решил пойти им на встречу. И на тот момент, проживая в Астрахани всего несколько месяцев, не до конца разобрался в ситуации. Теперь же, он начал понимать, сколько много М. Измайлов сделал

[975] Имашева М.М. Участие астраханских мусульман в выборах в государственные Думы Российской Империи в 1906-1912 гг. (по материалам периодической печати и Государственного архива Астраханской области) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2014. - №4 (17). - С.175-182.
[976] Астраханский листок. – 1908 г. - №22.
[977] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.63-65.
[978] Там же. Л.66-67.

«на благо нации» - астраханских мусульман. Ишкузинов очень сожалел о своей клевете и считал теперь, что Измайлов «человек хороший полезный мусульманам и русским»[979].

В начале марта 1908 г. Измайлов простыл и заболел, находясь по-прежнему в заключении. Жандармы решили отпустить его домой и передать под гласный надзор полиции. 25 июля 1908 г. дело М.Л. Измайлова было прекращено совсем. Показания, данные в ходе следствия мусульманами, оказались противоречивыми и власти вынуждены были признать, что все представленные обвинения являются исключительно следствием вражды между Измайловым и «уважаемыми татарами», не заслуживают «полного доверия», и «таким образом, улики против Измайлова совершенно недостаточны». Астраханский прокурор, Астраханское Губернское Собрание и губернатор согласились, что следствие не собрало достаточных свидетельств «противогосударственной деятельности» Измайлова для его привлечения к суду. 17 августа 1908 г. был отменен и гласный надзор полиции[980].

Но прекращение дела в действительности вовсе не означало, что М. Измайлов перестал быть объектом пристального внимания со стороны властей. Цензор И.Х. Искендеров, агент жандармерии «Осман» и, периодически, иные лица, регулярно сообщали в политическую полицию о деятельности Измайлова в мусульманской среде на протяжении последующих лет.

В октябре 1909 г. на М.Л. Измайлова губернские власти вновь привлекли к полицейскому дознанию. В Астрахань приехал отбывать ссылку Нариман Нариманов и редактор «Бургани-Таракки» опубликовал в газете большую восторженную статью с описанием личности доктора и его заслугами в общественно-политическом мусульманском движении в Закавказье. Перевод статьи тут же был представлен губернатору и на

[979] Там же. Л.115-117об.
[980] Там же. Л.116-120.

Измайлова был наложен штраф в 200 руб. «за восхваление в печати преступной деятельности Н. Нариманова»[981].

В мае 1910 г., уже на спаде общественной активности М. Измайлова общество «Шурай-Ислам» приобрело собственное здание, в котором и разместилась школа «Даруль-Эдеп». Дом в 5 участке, на углу ул. Измайловской и 2-Мечетной, стоил почти 20 тыс. руб. «Благодаря активной агитации среди мусульман» Измайлова, как отмечала газета «Бургани-Таракки», в течении нескольких собраний, были собраны деньги (треть суммы), достаточной для приобретения здания в кредит[982]. Затем это здание перейдет в собственность Попечительства о бедных мусульманах (татарах) г. Астрахани.

В этом же, 1910 г., общество «Шурай-Ислам» переживает раскол. Наиболее состоятельные татары постепенно устают от постоянной конфронтации с властями, которые пристально следят за членами общества и готовы предъявить в любой момент обвинения в распространении идей панисламизма и пантюркизма. Из своей среды они выдвигают новых лидеров-татар Мухаметлатифа Шаммазова и Абубекира Дашкина, которые выдвигают программу сотрудничества с властями и отказа от любого противостояния с ними, которого придерживался М. Измайлов.

Особенно остро стоял вопрос о школе «Даруль-Эдеп». Наличие среди учителей турецких подданных, неясности с программой обучения и учебными пособиями, постоянное уклонение от выполнение рекомендаций дирекции училищ по предоставлению отчетов о ходе учебного процесса и отстранения от дел школы самого М.Л. Измайлова и турецких учителей, могущих распространять среди подрастающего поколения «вредные идеи» - вот далеко не полный перечень того, что вызывало недовольство властей в

[981] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.43-44.
[982] Бургани-Таракки. – 1910. - №476.

1908-1910 гг. В эти годы школа по требованию властей закрывалась на различные сроки от двух недель до двух месяцев 4 раза[983].

В противостояние по поводу закрытия-открытия школы, помимо общества «Шурай-Ислам», были вовлечены практически все структуры губернской региональной исполнительной власти: жандармерия, полиция, губернское правление, дирекция народных училищ и сам губернатор. Также М. Измайлов от имени общества обращался в Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, к руководству Казанского Учебного округа, к депутатам-кадетам и депутатам-членам Мусульманской фракции Государственной Думы. Все это, конечно, привносило в размеренную жизнь астраханских татар-буржуа ненужную тревогу и пристальное внимание со стороны властей, которого они не желали. Если на волне подъема революционного и общественного движения 1905-1907 гг. они еще были готовы к более-менее активным действиям, то в период последовавшей реакции хотели быстрее вернуться к спокойной жизни. И М. Измайлов, который настаивал на продолжении противостояния и отстаивании своих этноконфессиональных прав, становится неудобной фигурой.

К 1910 г. усталость астраханских мусульман от общественных дел, сложных отношений с властями, наиболее состоятельные татары отходят от общества «Шурай-Ислам», начинаются финансовые трудности. Летом на общих собраниях поднимается вопрос об отставке М. Измайлова и полном отстранении его от дел общества. Появляются и обвинения в финансовой нечистоплотности. Впервые озвучивается вопрос национальной принадлежности Измайлова – «что перс (азербайджанец) может иметь общего с татарским обществом»?

На стороне Измайлова остается лишь небольшая группа татар-мусульман, которые все еще верят в идеи этноконфессионального прогресса и в то, что астраханские мусульмане могут его добиться в ближайшей перспективе. В августе 1910 г. в защиту М. Измайлова в русскоязычной

[983] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.38-38об.

газете «Астраханский листок» выходит большая статья Н. Нариманова «Несколько слов об обществе «Шурай-Ислам» и господине Измайлове». Будущий лидер Советского Азербайджана справедливо отмечает, что борьба с Измайловым на самом деле для астраханских мусульман означает борьбу за само существование общества «Шурай-Ислам». Он прозорливо предрекает, что отстранение от руководства обществом этого «ученого мужа, полезного общественного деятеля, много потрудившегося на пользу общества, ведшего смелую обличительную газету», приведет, в итоге, к закрытию самого общества «Шурай-Ислам»[984].

Но поддержка Н. Нариманова, который имел огромный авторитет и как врач и как общественный деятель среди мусульман, Измайлову не помогла. Летом 1910 г., еще до выхода статьи, он был смещен с должности председателя «Шурай-Ислам», ему было категорически запрещено появляться даже на пороге школы «Даруль-Эдеп», он сам отказался от редактирования газеты «Бургани-Таракки». Фактически Измайлов оказался без средств к существованию, так как семейный бизнес – торговлю коврами к этому времени он полностью оставил[985].

Впрочем, при этом общественную деятельность он оставлять был не намерен. Мы уже писали, что в это время он делает попытки стать лидером в местной шиитской общине, в обществе «Энджумен-Хаийрийя». В начале 1911 г. включается в компанию по выборам депутатов Государственной Думы Четвертого созыва, надеясь пройти в выборщики от г. Астрахани при поддержке местных кадетов. Но попытка окончилась неудачей, кадеты, как и местные мусульмане, Измайлова не поддержали[986].

Видимо, отчаявшись, М.Л. Измайлов обращается к астраханскому губернатору с просьбой выдать ему свидетельство о политической благонадежности, так как планировал устроиться преподавателем в одну из мусульманских школ региона. Если же в глазах властей он по-прежнему

[984] Астраханский листок. – 1910 г. - №182.
[985] Астраханский листок. – 1910 г. - №157
[986] ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.518. Л.45.

неблагонадежен, просил согласия на отказ от российского подданства с последующим выездом в Турцию. Прошение осталось без ответа[987].

К февралю 1911 г. у М.Л. Измайлова остается лишь около десятка сторонников из татаро-мусульманской среды, а из общественных дел – редактирование и издание газеты. Так как, почти все были людьми состоятельными, они поддержали финансово издание газеты «Бургани-Таракки», от которой, к тому времени, общество «Шурай-Ислам» также отказалось. При этом, Измайлов, продолжает печатать «сообщения, взятые из турецких статей» или из российских, но также освещающих события в Турции[988]. В итоге, властям даже не нужно было искать скрытых причин для дальнейшего преследования М.Л. Измайлова.

Вечером 7 марта 1911 г. в доме братьев Измайловых был произведен обыск. В нем приняло участие несколько десятков жандармов и полицейских во главе с самим начальником АГЖУ. Сторонники Измайлова без труда определили, что обыск стал следствием доносов мулл и других его «политических» противников. Изъяты были литература, брошюры, письма, фотографии, Кораны, газеты на русском и татарском языках[989]. Впрочем, обыск не привел к новому следствию. Жандармы не нашли материалов для предъявления обвинения.

Уже в апреле М.Л. Измайлова ждал новый и достаточно ощутимый удар от кадетов, которые некогда казались ему верными и надежными союзниками в общественной деятельности. 16-17 апреля 1911 г. в Астрахань приехал лидер российской конституционно-демократической партии П.Н. Милюков. В Большой Московской гостинице был организован банкет от имени астраханского городского комитета партии. При этом мусульмане - члены этого комитета, М.Л. Измайлов, Г. Ягудин и Ш. Валиев приглашения на этот банкет не получили. Измайлов, со слов агента жандармерии Османа, был крайне возмущен произошедшим. Вполне справедливо М.Л. Измайлов

[987] Там же. Л.21.
[988] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.205-205об.
[989] Там же. Л.220.

вспоминал, что именно его агитация за кадетов в мусульманской общине города, позволила им в Астрахани пройти в Государственную Думу трех созывов[990].

К маю 1911 г. сторонников у М. Измайлова среди астраханских мусульман не осталось. Последние, поддерживавшие его, увидев отношение кадетов, разочаровались в общественной роли Измайлова. Продолжавшиеся и даже усилившиеся нападки на мусульманское духовенство со страниц газеты также способствовали этому[991].

Астраханские мусульмане окончательно отходят от активной общественной деятельности, к 1911 г. они окончательно выбирают соглашательство, а не конфронтацию с властями. От последних, в обмен на лояльность, они получают определенные гарантии невмешательства в этноконфессиональную жизнь. Разочарованный этой позицией Измайлов решил окончательно разорвать отношения с астраханской мусульманской общиной, непререкаемым лидером которой он стал на волне революционных событий 1906-1907 гг.

На прощание он публикует в газете «Астраханский листок» статью, в которой подвел и итоги своей общественной деятельности в Астрахани. М.Л. Измайлов отметил, что в течении 5 лет он «воевал с темными силами», т.е. консервативными «стариками» - духовенством и богатыми купцами. И война эта оказалась небезуспешной, «так как сейчас, по прошествии этих лет, в татарской среде Астрахани есть понимание пользы просвещения и светского образования, изучения русского языка. Изучение светских наук, а не только шариата, они теперь не считают грехом»[992].

В сентябре 1911 г. М.Л. Измайлов навсегда покинул Астрахань, выехав в Азербайджан[993]. Общество «Шурай-Ислам» постепенно сошло на нет к весне 1912 г., официально о закрытии его было заявлено в губернское

[990] Там же. Л.234.
[991] Там же. Л.260об.
[992] Астраханский листок. – 1911 г. - №166.
[993] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.284об.

правление в январе 1913 г. Школа «Даруль-Эдеп» с существенно упрощенной программой и сокращенным сроком обучения перешла в ведение Попечительства о бедных мусульманах (татарах) г. Астрахани, а в 1918 г. превратилась в советскую школу первой ступени с преподаванием на татарском языке (до 1962 г.).

Несмотря на то, что школа «Даруль-Эдеп» просуществовала всего несколько лет в дореволюционный период, нельзя недооценивать ее вклад в становление системы национального татарского образования и формировании у молодого поколения астраханских мусульман гражданской позиции. Более 600 детей и подростков обоего пола учились в этом учебном заведении. Четыре выпускника поступили в высшие учебные заведения Стамбула, два – в Казанский университет. Женщины-мусульманки впервые получили равный доступ к образованию с мужчинами. Благодаря инициативности М. Измайлова астраханская мусульманская молодежь научилась говорить, писать и читать по-русски[994]. При этом, «Даруль-Эдеп», была, прежде всего, школой конфессиональной с большим упором на изучение коранических дисциплин, но она представила и перспективы изучения светских наук в таком образовательном учреждении.

Как мы уже писали выше, значительное место в астраханском мусульманском общественном движении 1909-1911 гг. занимал еще один азербайджанец, Нариман Бек Нариманов. В сентябре 1909 г. мусульманская общественность города Астрахани была вдохновлена известием о том, что известный азербайджанский общественный деятель, врач Нариман Нариманов избрал ее местом своей ссылки. От него ожидали многого, рассчитывали на то, что приезд доктора приведет к оживлению общественной жизни в регионе.

В Азербайджане Н. Нариманов уже стал одним из признанных лидеров региона. Он планомерно разрабатывал и воплощал на практике различные

[994] Имашева М.М. Национальная татарская школа вне рамок конфессиональной общины в начале XX века (на примере Астраханской мусульманской школы «Даруль-Эдеп») // Каспийский регион: политика, экономика и культура. - 2015. - №1 (42). - С.24-31.

проекты национально-культурного развития и образования, стал инициатором создания и руководителем первых в Баку национальных библиотеки и театра. Сотрудничал как журналист в периодических изданиях, писал и сам ставил пьесы на азербайджанском языке[995].

Мустафа Лутфи Измайлов, проживавший в Шемахе до 1904 г. был лично знаком с Н. Наримановым. Благодаря Измайлову об успехах общественного движения в Азербайджане в Астрахани, географически близкой к Баку, были хорошо осведомлены. Кроме того, для астраханских мусульман (в большинстве это были этнические татары и их численность достигала 18 тысяч в губернском центре), очень остро стоял вопрос медицинского обслуживания. В силу традиционной этноконфессиональной замкнутости мусульмане не доверяли русским врачам. Наличие в городе врача-мусульманина было просто необходимо. Руководители и члены астраханского мусульманского культурно-просветительского общества «Шурай-Ислам», не сомневались в том, что ссыльный доктор не откажется от участия в его деятельности.

Надежды общества оправдались. Прибыв в Астрахань 6 октября 1909 г., уже на следующий день Н. Нариманов посетил училище общества «Шурай-Ислам», где и состоялась обстоятельная и долгая беседа с Мустафой Измайловым и преподавателями. Здесь же он охотно принял на себя обязанности школьного врача «безвозмездно и изъявил готовность помогать успеху астраханских татарских газет»[996].

11 октября 1909 г., сразу же после прибытия, Н. Нариманова в Астрахань, в газете «Бургани-Таракки», издававшейся обществом «Шурай-Ислам» была опубликована большая статья, посвященная ссыльному доктору. Автор – М.Л. Измайлов, подробно изложив биографию доктора, причины его высылки в Астрахань, писал: «Никогда не думайте, что Нариманов человек высланный и жалкий. Нет, образованному человеку везде

[995] Казиев М. Нариман Нариманов. (Жизнь и деятельность). Баку, 1970. С.2-13.
[996] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.42.

родина, личность его драгоценная, драгоценности нет цены на родине, куда только не попадет она, ей везде цена, ею везде будут пользоваться. Следовательно, вы – почтенные астраханские мусульмане, сколько бы не воспользуетесь все-таки будет мало. Многие лета подобным общественным деятелям»[997].

Н. Нариманов конечно же, не мог ограничиться исключительно врачебной практикой и сразу же включился в общественную работу. Благодаря Нариманову конец 1909-1912 гг. стали временем становления и развития татарского национального театра в Астрахани, хотя труппа была организована еще в 1904 г. и время от времени давала представления. Но для полного успеха и привлечения публики нужен был талантливый руководитель и репертуар. Им и стал Н.Нариманов.

13 и 30 ноября 1909 г. в Зимнем астраханском театре были даны татарские спектакли с благотворительной целью помощи неимущим ученикам местной джадидской школы «Даруль-Эдеп». Режиссером выступил Н. Нариманов[998]. В декабре от имени общества он подал прошение на имя астраханского губернатора с просьбой разрешить открытие татарского драматического кружка. Получив разрешение, в течении 1910-1911 гг. поставили 13 спектаклей по пьесам Г. Камала, Г. Исхаки, самого Н. Нариманова и переводные с русского языка – Н.В. Гоголя, А.А Соколовского, Н.А. Островского и др. Переводчиком произведений выступал в основном Н. Нариманов. Все сборы от спектаклей шли на благотворительные цели и на нужды школы «Даруль-Эдеп»[999].

В начале 1913 г. Н. Нариманов, у которого заканчивался срок ссылки передал руководство кружком своему земляку Мирзе Ага Алиеву, деятельность которого была столь же успешной, что и у Н. Нариманова[1000].

[997] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.43-44.
[998] Астраханский вестник. – 1910 г. - №6247.
[999] Там же.
[1000] Астраханский вестник. – 1913 г - №69.

Журналистская деятельность Н. Нариманова в Астрахани также не прекращалась. Он начал сотрудничать и с русскоязычной и татарской периодической печатью. В кадетской газете «Прикаспийский край», издававшейся П.Н. Никифоровым, близким другом М.Л. Измайлова, Нариманов начал печататься в рубрике «Мусульманская жизнь». Его статьи и заметки под псевдонимом «Нэр» касались самых различных сторон жизни астраханской махалли: повседневная жизнь и практика, образование и религиозная жизнь, благотворительность и отношение к здравоохранению. Во всех публикация Н. Нариманова содержались критика консервативности замкнутого образа жизни мусульман, призывы к общественному прогрессу[1001].

В газете «Астраханский листок» Н. Нариманов выступал с более серьезными публикациями, в том числе, и с критикой мусульманского движения в стране. Несмотря на то, что Нариманова считали отъявленным панисламистом в астраханской жандармерии, в январе 1912 г. он весьма резко выступил на страницах печати с осуждением против деятельности Мухаммед-Бека Хаджетлаши, редактора журнала «Мусульманин» в Париже и газеты «В мире мусульманства» в Санкт-Петербурге[1002].

В 1911 г. серьезной критике на страницах газеты «Прикаспийский край» подверг Н. Нариманов деятельность местного персидско-азербайджанского общества «Энджумен-Хаийрия» и систему начального образования местной шиитской общины[1003].

В качестве врача, Н. Нариманов, также снискал признание астраханцев. Медицинская помощь, которую он безвозмездно оказывал неимущим, сотрудничая с астраханским Попечительством о бедных мусульманах, для

[1001] Имашева М.М. Мусульманские общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в документах Астраханского губернского жандармского управления (1906-1913 гг.) // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)». Казань, 2011. С.116.
[1002] Там же.
[1003] Там же. С.118.

многих оказалась спасением. В рамках медицинского просвещения населения Н. Нариманов читал лекции татарскому населению о чуме и туберкулезе.

В 1911 и 1912 гг. Н. Нариманов стал членом губернского комитета всероссийской Лиги борьбы с туберкулезом и организовал сбор средств на борьбу с этой болезнью в день Белого цветка в мусульманских кварталах города[1004]. Консультировал Нариманов и приехавшего весной 1911 г., для лечения от туберкулеза, в Астрахань, великого татарского поэта Габдуллу Тукая, порекомендовав ему лечение кумысом[1005].

Апогеем признания заслуг Н. Нариманова перед астраханскими мусульманами стало выдвижение его кандидатом и выборы в гласные Городской Думы в январе 1913 г. от 2 городского участка[1006]. Попечительство о бедных мусульманах города Астрахани тогда же выдвинуло его кандидатом на выборах депутатов Государственной Думы IV созыва от мусульман города, но доктор, подумав, в итоге отказался[1007]. В том же 1912 г., Нариманова был избран председателем Совета общества «Народных университетов» в Астрахани[1008].

Но срок ссылки заканчивался и Н. Нариманов летом 1913 г. спешил вернуться на родину. В газете «Астраханский вестник» писали об его отъезде: «Известный культурный работник среди астраханского мусульманства и общественный деятель доктор Нариман-Бек Нариманов, кажется, навсегда расстается с Астраханью. Он, в воскресенье, по семейным делам, выехал в Баку, откуда и был выслан на жительство в Астрахани. На проводы его собралось множество мусульман и личные друзья доктора. Нариманов пожелал своим соплеменникам культурного развития, а

[1004] Астраханский листок. – 1912 г. - №91.
[1005] Загидуллина Дж. Габдулла Тукай в Астрахани // Татарский мир. – 2008. - №4.
[1006] Астраханский вестник. – 1913 г. – №20.
[1007] Имашева М.М. Мусульманские общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в документах Астраханского губернского жандармского управления (1906-1913 гг.) // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)». - Казань, 2011, с.120.
[1008] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.186

последние выразили пожелание опять видеть среди астраханских мусульман Нариманова»[1009].

Н. Нариманов в Астрахань вернулся уже на волне событий Гражданской войны в 1918 г., и в дореволюционный период уже никакого влияния на астраханскую мусульманскую общину не оказывал. Но его культурно-просветительская и общественная деятельность стали образцом служения интересам не только своего народа, но и всего российского мусульманского сообщества. Уже в советское время именем азербайджанского просветителя в Астраханской области были названы район, город и международный аэропорт.

Еще одним соратником М.Л. Измайлова в Астрахани, азербайджанцем по национальности, принимавшим активное участие в мусульманском общественном движении в 1906-1912 гг., был Хусаин (Гусейн Мешады Ахмет оглы) Хаятов. О его деятельности в Астрахани АГЖУ также собирало сведения на протяжении нескольких лет, как о человеке способствовавшем «распространению среди местных мусульман идей панисламизма и пантюркизма».

В 1906 г. амбициозному и образованному уроженцу г. Шуши Бакинской губернии было 35 лет. В Астрахани на момент начала революции 1905-1907 гг. он проживал уже несколько лет и работал приказчиком у состоятельных астраханских татар, так как хорошо владел русским языком и обладал приятной внешностью и манерами, что привлекало покупательниц. В Баку он закончил реальное училище, что позволило ему в Астрахани заявить о том, что его уровень образования позволяет ему быть учителем в школе «Даруль-Эдеп». Но документ об образовании так и не был представлен начальству. На самом первом, организационном собрании общества «Шурай-Ислам» Х. Хаятов был избран членом Правления и ушел оттуда вместе с М. Измайловым в 1911 г.[1010].

[1009] Астраханский вестник. – 1913 г. - №151.
[1010] ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.707. Л.1.

До начала революции и знакомства с М. Измайловым, Х. Хаятов был уже известен астраханской общественности. В первые годы XX в. он был больше связан с шиитской общиной, осуществляя от ее имени, в том числе, и коммуникации с местными властями.

22 марта 1905 г. астраханская шиитская община была оповещена консульством о смерти «самого высокого духовного в мире мусульман-шиитов лица» – Мирзы Гасана Мамагани. В Персидской мечети по этому случае состоялось богослужение, по окончании которого ахун Абдулла Раимов (Рахимов) зачитал присутствующим царский Манифест от 18 февраля 1905 г. «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего, в искоренении крамолы и в противодействии смуте внутренней». Это была первая официальная реакция российской власти на начало революции, события Кровавого воскресенья, убийство московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича.

Ахун обратился к прихожанам со словами «увещевания» и «указав на тяжелый исторический момент, переживаемый в настоящее время Россией, призывал мусульман придти на помощь ей не только словом, но и делом, кто только чем может, ибо персидское население России, как русско- так и персидскоподданные персы, пользуются в России, этом втором для последних Отчестве, хорошим заботливым отношением со стороны русского правительства их нужды и желания для них равно дороги, как своих природных россиян». Свое выступление «почтенный оратор» подкрепил цитатами из Корана «о долге подданного всегда приходить во время нужды на помощь своему Государю которому он присягнул в верноподданничестве». Был отслужен также молебен «за победу» в русско-японской войне и достижения «полного умиротворения внутри страны», за здоровье и долголетие Государя Императора и всей царствующей фамилии.

Подробное описание этого события в верноподданнических выражениях, содержащее и почтительное отношение к мусульманскому

духовенству и системе российской власти в официальной региональной газете «Астраханские губернские ведомости» было подписано: «Мусульманин Гусейн Хаятов»[1011]. Видимо до знакомства с Измайловым, Х. Хаятов не был сторонником необходимости радикальных изменений в мусульманском обществе.

Пройдет совсем немного времени и Хаятов окажется в числе лиц, в которых власти будут видеть угрозу распространения идей панисламизма и пантюркизма. О личности и деятельности Х. Хаятова астраханские жандармы опрашивали свидетелей в декабре 1907 – январе 1908 гг., в связи с производством дознания по делу М.Л. Измайлова. Заведующий школой «Даруль-Эдеп» Х. Ишкузинов показал, что вместе с Измайловым, Хаятов был первым из астраханских мусульман, кто вступил в партию кадетов. А затем, «когда в партии кадетов зашел разговор о привлечении в их партию мусульманского населения города Астрахани, Мустафа Измайлов и еще Хаятов вызвались пропагандировать сию идею среди магометанского населения, что и исполнили, достигнув значительного успеха в этом, благодаря тупости магометан, склоняя их на свою сторону, отчасти несбыточными обещаниями, отчасти запугиванием, а где и прямо подкупом»[1012].

Уже после создания общества «Шурай-Ислам», Хаятов вместе с Измайловым «вел» среди астраханских татар «широкую пропаганду в оппозицию русского правительства, состоя официально в кадетской партии»[1013]. Х. Хаятов стал «ближайшим» помощником Измайлова не только в обществе «Шурай-Ислам», но и в школе «Даруль-Эдеп». Когда директор училищ К.М. Аммосов ополчился на это учебное заведение, одна из главных претензий была – отстранение от преподавания и «вообще от всех дел школы» Х. Хаятова, как «вредного в деле воспитания юношества» человека. Также Директор училищ сообщал жандармам, что когда Измайлов впервые

[1011] Астраханские губернские ведомости. – 1905 г. - №35.
[1012] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.19.
[1013] Там же. Л.20.

обратился к нему по вопросу об открытии школы, с ним вместе явился «некий перс Хаятов», который хорошо знал русский язык и переводил Измайлову те моменты, которые он не мог понять самостоятельно[1014].

В 1907-1909 гг. от общества «Шурай-Ислам» Х. Хаятов получал зарплату – 60 руб. в месяц[1015]. В этот период он активно участвовал во всех общественных проектах мусульманского общества. В период выборных кампаний агитировал за списки кадетов[1016]. Когда в конце 1907 г. жандармерия начала дело Измайлова по обвинению в антиправительственной деятельности, пытались привлечь по нему в качестве еще одного обвиняемого и Хаятова, но доказательств не оказалось. «Хаятов хоть и ускользал от ответственности, но тем не менее известен, как и его сотоварищи, за лицо политически неблагонадежное и подозрительного образа жизни», - писал по этому поводу полицмейстер [1017].

Противники Измайлова утверждали, что Хаятов был самым близким ему человеком «в делах общества». Их обоих они обвиняли и в финансовых злоупотреблениях, считая, что деньгами общества «Шурай-Ислам» они пользуются вместе и исключительно по своему собственному усмотрению. Ишкузинов сообщал также, что Хаятов «пользуется в народе плохой репутацией и не имеет определенных занятий, …живет на широкую ногу, постоянно играет в карты, состоит членом астраханского клуба велосипедистов, где постоянно играет в карты»[1018].

Также Х. Ишкузинов и З. Шарифуллин (в 1907 г. – секретарь общества «Шурай-Ислам», затем его сменит Хаятов) показали, что в городе ходят устойчивые слухи о том, что Х. Хаятов занимается скупкой и переправкой оружия «в Персию и кавказские города», «для ведения междоусобной войны между армянами и мусульманами». Подозревали опрашиваемые, что часть средств общества «Шурай-Ислам» тратилась бесконтрольно Хаятовым и

[1014] Там же. Л.90.
[1015] Там же. Л.20.
[1016] Ф. 290. Оп.4. Д.1266. Л.173.
[1017] Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.36.
[1018] Там же. Л.23об.

Измайловым как раз на эти цели. Тем более, что попытки ревизий со стороны татарской оппозиции не увенчались успехом. Так как, «книги велись на неизвестных никому языках, то ли турецком, то ли персидском» [1019]. Пристав Хлычков косвенно подтвердил эти сведения в декабре 1907 г.: «Года два назад Хаятов из Казани прислал в Астрахань гильзы для ружейных патронов, но таковые здесь, на почте, были конфискованы»[1020].

Когда в 1911 г. Измайлов, окончательно разочаровавшись в астраханских мусульманах, покинул навсегда Астрахань, Х. Хаятов не последовал его примеру. В 1910 г. он устроился управляющим в астраханский филиал бакинской нефтяной компании «Наследники Шамси Асадуллаева» и стал прилично зарабатывать. И продолжал проживать в доме брата Измайлова на Персидской улице. Удалось ему постепенно восстановить свой авторитет в среде астраханских мусульман. В 1913 г. он стал активным членом Попечительства о бедных мусульманах (татарах) г. Астрахани.

Общественная деятельность Х. Хаятова продолжилась в последние предреволюционные годы. В январе 1913 г. на очередных выборах в гласные Астраханской Городской Думы Х. Хаятов баллотировался от «татарского» 5 участка города, правда достаточного количества голосов не набрал и в Думу не прошел[1021]. После начала Первой Мировой войны он становится одним из лидеров единственно сохранившегося в городе мусульманского общества – Попечительства о бедных мусульманах. В феврале 1915 г. он был избран в комиссию (из 6 человек) Попечительства, занимавшуюся «сбором пожертвований, через подписки и устройство спектаклей, сбор с которых поступал бы в пользу населения Кавказского края, пострадавшего от военных действий»[1022]. После Февральской революции Х. Хаятов сосредоточился на проблемах спасения нефтеналивного флота Асадуллаевых

[1019] Там же. Л.24.
[1020] Там же. Л.25.
[1021] Астраханский Вестник. – 1913 г. - №20.
[1022] Ф.1. Оп.2. Д.1465. Л.33.

и какого-либо активного участия в революционных событиях 1917-1918 гг. не принимал.

Таким образом, как мы видим, «прогрессивные» азербайджанцы, оказавшиеся в Астрахани в начале XX в., стали активными участниками и даже лидерами татаро-мусульманского общественного движения в регионе. Общество «Шурай-Ислам», созданное во многом, благодаря инициативе шемахинского азербайджанца МЛ. Измайлова, объединило в своих рядах ту часть астраханской татаро-мусульманской буржуазии, которая осознала необходимость модернизации жизни российских мусульман в целях достижения социального прогресса.

Азербайджанцы в лице М. Измайлова, Н. Нариманова и Х. Хаятова оказались лидерами татарского астраханского движения, ввиду того, что первичной была идея единства прежде всего российских мусульман, то есть не на этнической, а на культурно-конфессиональной основе. Это соответствовало логике развития всего российского мусульманского общественного движения в начале XX в.

5.4. Азербайджанцы и татаро-мусульманская периодическая печать в Астрахани в начале XX в.

Особой заслугой астраханского татаро-мусульманского общественного движения в начале XX в. в Астрахани стало создание региональной татаро-мусульманской периодической печати. Связано это было с деятельностью этноконфессиональных культурно-просветительских обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия». В программе общества «Шурай-Ислам» одной из главных задач общества «на пути просвещения нации» была обозначена задача издания печатного органа.

Лидер общества «Шурай-Ислам», М.Л. Измайлов уже на первом общем собрании выдвинул и очень быстро реализовал идею о необходимости астраханским мусульманам иметь свой печатный орган. Первая в Астрахани культурная, политическая мусульманская тюркская газета «Бургани-Таракки» («Доказательство прогресса») на татарском языке (тюрки) впервые вышла в свет 14 апреля 1906 г. Кадетская «Прикаспийская газета» в январе 1906 г. обозначила это намерение как «подъем среди местных мусульман»[1023], приветствуя инициативу М. Измайлова по изданию газеты. Кадеты же, в лице издателя П.Н. Никифорова предоставили и станки для печатания газеты. Впоследствии, в 1907 г., на средства собственные и членские взносы «шураистов», Измайлов откроет собственную типографию «Мизан» («Весы»), в которой кроме газеты в течении четырех лет было напечатано значительное число религиозной, учебной, художественной литературы на татарском языке[1024].

Эта идея Измайлова, конечно, не была оригинальной. Революция 1905-1907 гг. способствовала, кроме других процессов, становлению мусульманской периодической печати. В течении десятилетий царизм не

[1023] Прикаспийский край. – 1906 г. - №1.
[1024] Завгарова Ф.Х. Татарская литература Астраханского региона в историко-культурном контексте: XIX - нач. XX вв. : автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Казань, 2002. С.10.

давал разрешение на издание газет мусульманам Волго-Уральского региона, справедливо полагая, что газеты будут способствовать распространению различных прогрессивных идей в их среде[1025]. До первой русской революции газета «Тарджиман» («Переводчик») И. Гаспринского, издававшаяся в Крыму, стала настоящим рупором идей джадидизма и читалась мусульманами на всем пространстве Российской империи. Темы, которые затрагивались в «Тарджиман» стали программой действий для мусульманского общественного движения России в период первой революции. На волне революционного подъема мусульманам Волго-Уральского региона было разрешено издавать газеты. В Казани, Санкт-Петербурге, Уфе, Оренбурге – в городах со значительным татаро-мусульманским населением начинают выходить газеты на тюрки[1026].

«Бургани-Таракки» выходила в свет до 7 марта 1911 г., всего вышло 146 номеров газеты. Хотя первоначально планировалось сделать газету ежедневной, в итоге ограничились 1-2 номерами в неделю. Годовая подписка составляла 4 руб. У газеты была стандартная для всех вновь созданных мусульманских СМИ программа: телеграммы из столиц и других центров мусульманского мира России, местная жизнь, внутренние и внешние известия, биржевые новости, статьи по вопросам общественной жизни мусульман в России и мире, объявления и т.п. Исходя из программы была сформулирована и цель издания: освещать деятельность российского правительства, законодательную и государственную политику государства, деятельность региональных властей. Также ставилась задача знакомить астраханских мусульман с жизнью мусульман в России и мире, сообщать новости о местной общине. В газете довольно часто публиковались сатирические статьи, стихотворения и беллетристика, затрагивались биржевые и иные экономические новости и судебная хроника, печатались

[1025] См.: Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. Казань, 197е.
[1026] Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905-1907 гг.). М., 1988. С.88.

справки и объявления. Главным редактором газеты в 1906 г. стал сам М. Измайлов.

Астраханские кадеты поздравили М. Измайлова с началом выхода газеты в свет. Также озвучили свои ожидания, которые заключались в том, чтобы «г. Измайлову удалось объединить мусульман не в одних только религиозных целях, а и во имя дружной защиты гражданских прав всех народностей, их свободы и разумных вольностей»[1027].

Астраханские кадеты помогали М. Измайлову в обеспечении финансирования издания. Каждый номер «Прикаспийской газеты» и «Прикаспийского края» выходил с объявлением о том, что теперь можно давать различные коммерческие объявления в татарской газете «Бургани-Таракки»[1028]. Это, безусловно, было на руку русским предпринимателем, так как мусульмане, читавшие национальную прессу и не знавшие русского языка видели теперь рекламу русских предпринимателей. А размещение их рекламы в «Бургани» давало газете дополнительный доход.

Впрочем, положительное (со стороны российской общественности) и восторженное (со стороны мусульман-тюрок) отношение к началу издания какого-либо периодического издания в годы Первой русской революции было в тот период нормой. Р.У. Амирханов отмечает в этой связи: «Появление национальных периодических изданий вызвало большой энтузиазм во всех слоях татарского общества. В публикациях на татарском языке еще более резко, чем в русской печати, подвергались критике клерикально-монархические правые издания, выражались симпатии в отношении прогрессивных газет и журналов»[1029].

Влияние главного редактора – азербайджанца М.Л. Измайлова-Ширванского прослеживается специалистами в языке газеты[1030]. Он учел, что община астраханских мусульман в этническом отношении не была

[1027] Прикаспийская газета. – 1906 г. - №121.
[1028] Например, Прикаспийская газета. – 1906 г. - №229.
[1029] Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905-1907 гг.). М., 1988. С.10.
[1030] Минуллин Б.К. Язык газеты «Борхани Таракки»: 1906-1911. Дисс. на соискание уч. степени канд. филолог. наук. Казань, 2010. С.96.

однородной (астраханские татары – юртовцы и карагаши, татары средневолжские, потомки узбекских предпринимателей, туркмены, азербайджанцы), но основа ее была тюркской. М. Измайлов, учел опыт И. Гапринского, который издавая в Крыму «Тарджиман» и сам являясь крымским татарином, ориентировался не только и не столько на крымских татар, а на весь тюрко-мусульманский мир Российской империи. Гаспринский предложил своим читателям язык тюрки, язык понятный во всех уголках империи, где проживали тюрки[1031]. В результате, «Тарджиман» стал понятен всем читателям тюркам-мусульманам, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Измайлов ставил цель издавать популярную газету, в которой мусульмане могли узнавать всю актуальную злободневную информацию, доступную для понимания всем социальным категориям, изложенную доступным языком. И в «Бургани-Таракки» читатель мог встретить информацию, как говорится, «на любой вкус».

Кроме того, в зависимости от автора, статьи отличались друг от друга и в лингвистическом отношении. Здесь есть материалы и на классическом старотатарском языке (языке казанских татар), и на татарском языке с преобладанием персидско-арабской лексики (статьи, как правило, теологического направления), и на огузо-турецком варианте тюрки, близкому к языку османов, а если точнее – азербайджанском[1032]. В результате – газета читалась всеми астраханскими тюрками. И татарами и азербайджанцами.

Газета выписывалась читателями и в городах Волго-Уральского региона и в Закавказье. Выписывал газету бакинский миллионер и меценат Зейналабдин Тагиев, который финансово поддерживал и выпуск газеты и деятельность общества «Шурай-Ислам». И в этом – безусловная заслуга Измайлова, который, безусловно, стремился к объединению татарского

[1031] См.: Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008.
[1032] Минуллин Б.К. Язык газеты «Борхани Таракки»: 1906-1911. Дисс. на соискание уч. степени канд. филолог. наук. Казань, 2010. С.12.

(суннитского) и азербайджанского (шиитского) мусульманского движения в Астрахани в единое целое.

Кроме всех прочих очевидных положительных моментов, повлиявших на развитие астраханской мусульманской общины от издания газеты «Бургани-Таракки», следует отметить и то, что она задала импульс для издательского дела мусульман в Астрахани. В начале XX в., с 1906 г. и до установления Советской власти в 1918 г., в регионе вышло в свет около 20 разных печатных периодических изданий[1033]. В издательстве Измайлова в дореволюционный период печатались и другие мусульманские (татарские) периодические издания. Располагалось издательство в самом центре Махалли (Татарской слободы), в 5 участке города, на ул. Персидской, д.8, владельцем которого был старший брат М. Измайлова – Измаил.

«Бургани-Таракки» внесла очень большой вклад в просвещение членов мусульманской общины в Астрахани, популяризацию идей джадидизма, которые общество «Шурай-Ислам» последовательно проводило в жизнь, объяснение рядовым мусульманам сложных процессов, происходивших в политическом и социальном пространстве Российской империи. Полемизируя с консервативными взглядами газеты «Идель», издававшейся обществом «Джамияти-Исламия», «Бургани-Таракки» выступала настоящим рупором прогресса для мусульман.

М. Измайлов сумел собрать в редакции «Бургани-Таракки», под своим руководством, настоящих профессионалов – татарских общественных деятелей и журналистов, горячих сторонников реформ: Зарифа Садыкова (под псевдонимом Ибрагима Муратова), Наджиба Гасри (Мавлюмбердиева), Хабибуллу Умерова, Лутфуллу Загидуллина, Курбангали Эрембетова, Закира Ходжаева. Последние двое были еще и состоятельными астраханскими купцами, финансово поддерживавшими издание газеты. И. Муратов также выступал переводчиком с русского языка и «заведовал передовыми

[1033] Завгарова Ф.Х. Татарская литература Астраханского региона в историко-культурном контексте: XIX - нач. XX вв.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Казань, 2002. С.10

статьями», что обусловило во многом «направление» самой газеты, особенно в первые месяцы ее существования.

Исследователи отмечают тот факт, что публикации «Бургани-Таракки» имели ярко выраженную социал-демократическую направленность, о чем говорят и заглавия и тексты статей. Часто поднималась тема тяжелой жизни тюрко-мусульманского пролетариата в России – как рабочих, так и крестьян во всех регионах империи, где они проживали. Также была рубрика «Заграничные новости», в которой подробно освещалась тяжелая жизнь простых людей в Турции. Связано это с тем, что основным автором и техническим редактором газеты был татарский социал-демократ Зариф Садыков (Ибрагим Муратов), который скрывался в Астрахани от преследований под псевдонимом. Хабибулла Умеров также был сторонником левых взглядов, в 1918 г. он станет одним из руководителей Астраханского Мусульманского большевистского Комиссариата. А в рассматриваемый период, Умеров заменял Измайлова в качестве главного редактора, когда тот отлучался по каким-либо делам из Астрахани. Также в газете активно печатался, находившийся в Астрахани в ссылке в 1909-1911 гг. Нариман Нариманов[1034].

К 1910 г. сам Измайлов, видимо, пришел к выводу, что издание газеты – главное дело в его общественной жизни. Агент жандармерии сообщал, что «в газете работает и день и ночь Измайлов. Сотрудников у него мало. Среди его сотрудников, как на видное лицо, можно указать на проживающего в Астрахани врача Нариманова, которому на два года, с августа 1909 г. запрещено жительство в пределах Кавказа»[1035].

В каждом номере газеты обязательно печатался фельетон. Тексты этих фельетонов по содержанию и поднимаемым вопросам были схожи с социал-демократическими прокламациями и воззваниями. Как правило под ними стояла подпись автора «Ибрагим». По всей видимости, это был Зариф

[1034] Миннуллин Б.К. Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века // Вестник Чувашского университета. – 2010. -№1. С.220-222.
[1035] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.152об.

Садыков. Еще по одной версии, которой придерживались астраханские жандармы, под псевдонимом мог скрываться еще один казанский большевик Ахметдин Тумаркин.

Газета «Бургани-Таракки» стала заметным явлением в российской умме, получив признание у мусульман всего Волго-Уральского региона. В этой газете особенно широкое освещение получили заседания Государственной Думы Российской империи всех четырех созывов, в которых принимали участие члены Мусульманской фракции[1036], что делает газету очень ценным источником по истории всего мусульманского общественного движения Российской империи в начале XX в.

В силу определенной «левой» направленности публикаций «Бургани-Таракки», а также резких выражений, которые употребляли и издатель и корреспонденты и авторы статей, особенно по вопросам связанным с характеристикой общественной жизни российских мусульман, мусульманская интеллигенция и в Астрахани и в целом в России, относилась к газете с определенной долей осуждения. Отражалось это и на восприятие самого Измайлова в махалле, как крайнего «радикала». В итоге, в апреле 1907 г. он уволил И. Муратова и Х. Умерова, когда перечитал передовицы ряда номеров и увидел в них «резкие высказывания против царя и правительства»[1037].

Очень непочтительно, с большой долей критики и осуждения в газете характеризовалось мусульманское духовенство, и это – уже с подачи самого Измайлова, который был разочарован мусульманскими улемами, в течении нескольких лет не дававшими ему разрешения на развод с женой. Причем доставалось как суннитам, так и шиитам. Кадимистские и схоластические методы образования в старометодных учебных заведениях постоянно критиковались, также как и общество «Джамияти-Исламия», в котором Измайлов и его сторонники видели главных выразителей этих идей. Отсюда

[1036] Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. Казань, 2005.
[1037] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.88.

же и острая полемика с газетой «Идель», которая издавалась видным и уважаемым в Астрахани и во всем мусульманском мире империи татарским богословом, имамом и мударрисом медресе «Низамия» Абдурахманом Умеровым от имени этого общества[1038].

Особое отношение к духовенству со стороны Измайлова прослеживается уже в первом номере газеты, в передовице было заявлено, что для самой газеты и для ее редакции «все равны» от высшего мусульманского духовенства (муфтия и казыев) до «последнего мусульманина». Обещано также было одинаково относиться и к бедным и богатым, одинаково откликаться на их общественные запросы, прямо и откровенно разрешать все вопросы – «с точки зрения человеческой». Такой подход, утверждал при этом М. Измайлов, «соответствует Корану».

Содержание статей первого номера газеты четко обозначило те вопросы, которые будут постоянно обсуждаться на страницах газеты. Фельетон был полностью посвящен вопросам образования, необходимости просвещения мусульман, увеличения количества школ для их детей. Главная статья номера отражала развивавшуюся в тот период в среде российских мусульман полемику о задачах и практической деятельности муфтиев ОМДС в Российской империи. Редакция «Бургани-Таракки» резко критикует руководство ОМДС, прежде всего за то, что муфтии и казыи ничего не делали и не делают «в области просвещения мусульман», не развивают систему образования. Еще одна статья номера показывает, что М. Измайлов, прежде чем приступить к изданию собственной газеты, ознакомился со всей мусульманской периодикой России, как в Волго-Уральском регионе, так и в Закавказье. Издатель подробно перечисляет все мусульманские газеты и дает им оценку с точки зрения их «прогрессивности»[1039].

Уже в конце 1907 г., после окончания Первой русской революции, в астраханскую жандармерию на М.Л. Измайлова поступили доносы от

[1038] Рахимов С. Габдрахман Гумари // Татарские интеллектуалы: исторические портреты. Казань, 2005. С.151-155.
[1039] Бургани-Таракки. - 1906 г. - №1.

мусульман, которые испугавшись резкой позиции «Бургани-Таракки» по отношению к российским властям и влиятельному мусульманскому духовенству. Так, учитель школы «Даруль-Эдеп», еще одного детища Измайлова, Х.Х. Ишкузинов сообщал, «Бургани-Таракки» - это «сборник самых резких, возмутительных для русского подданного, противоправительственных прокламаций». То, что это содержание неизвестно властям связано лишь с трудностями перевода статей на русский язык. При этом, Измайлов, часто свои идеи еще и преподносил не прямо, а иносказательно, так что вполне успешно обходил цензуру[1040].

Цензором произведений и газет на татарском языке в Астрахани в этот период был директор Первого русско-татарского училища, Потомственный Почетный гражданин И.Х. Искендеров, тесно связанный с местной мусульманской духовной элитой и зампредседателя общества «Джамияти-Исламия». Он сам неоднократно подвергался критике со стороны М. Измайлова, в связи с чем, вероятно, охотно подтвердил все слова Ишкузинова. Кроме того он сообщил, что 5 ноября 1906 г. Измайлов опубликовал в «Бургани-Таракки» статью, в которой осуждал действия правительства в отношении Государственной Думы Российской империи и критиковал новый избирательный закон, представил и ее перевод жандармам.

В январе 1907 г. вышла статья Измайлова о современном положении мусульман в Российской империи. Автор писал, что в течении последних трех лет (имея ввиду события революции 1905-1907 гг.), в стране произошло множество политических событий, которые привели и к большому кровопролитию. Мусульмане просили правительство предоставить им равные с русскими права, просили составлять законы (и отменить несправедливые существующие) с учетом этноконфессиональных особенностей мусульманской жизни. Правительство же в ответ, настаивало на том, что никаких притеснений в отношении мусульман не чинит,

[1040] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.19об.

прошения подавать мусульманам надобности нет. Не нашли адекватного ответа и просьбы связанные с расширением сферы национального образования[1041].

В следующем номере, от 26 января 1907 г. М. Измайлов печатает иносказательное стихотворение «Призыв к просвещению». В нем содержался открытый призыв брать пример с Японии («нашей недавней победительницы»), в которой власти всячески поощряют развитие национального образования. Вообще в ходе Первой русской революции в мусульманском общественном движении Росси выработался определенный «тренд» - хвалить и восхищаться Японией, что особенно на самом деле, подчеркивало оппозиционный характер движения и не могло не вызывать раздражения у властей[1042].

Впрочем, когда М. Измайлова допрашивали в жандармерии в начале 1908 г., он о своей деятельности в качестве издателя показал, что на самом деле не является автором этих статей. Его единственная вина как редактора – что он статьи эти перед выпуском в печать не прочитал и сам «никогда политики не касался». Политические статьи в газете писали и печатали Ибрагим Муратов и Наджиб Гасри, которые и виноваты в этих «недозволительных» публикациях»[1043].

Тем не менее, и в последующие годы, Измайлов в «Бургани-Таракки» высказывался на злободневные темы. В октябре 1909 г., когда в Астрахань прибыл Нариман Нариманов, И М. Измайлов за своим авторством опубликовал восторженную приветственную статью в «Бургани-Таракки», в которой охарактеризовал Нариманова как выдающегося борца за дело «прогресса всех мусульман». Искендеров незамедлительно представил перевод со своими комментариями губернатору. Измайлов-издатель был

[1041] Бургани-Таракки. – 1907 г. - №63.
[1042] См.: Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2013.
[1043] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.82.

оштрафован на 200 руб. «за восхваление преступной деятельности» политического ссыльного Нариманова[1044].

О том, что «Бургани-Таракки» приобретает общероссийское значение, а сам М.Л. Измайлов становится заметной фигурой в общественном российском мусульманском движении свидетельствует тот факт, что в феврале 1910 г. в АГЖУ пришел запрос из Казанского губернского жандармского управления. Казанцы интересовались газетой «Бургани-Таракки» и ее издателем – Измайловым, отмечая, что имеются агентурные сведения о том, что астраханская газета способствует «распространению идей панисламизма»[1045]. Видимо это обращение стало последней каплей и власти начинают искать хоть какой-то повод для того чтобы «закрыть» газету. Но астраханский полицмейстер, с сожалением констатировал, что газета «пока не дает повода к принятию против нее репрессивных мер»[1046].

А вот астраханский глава губернской жандармерии в ответе в апреле того же 1910 г. казанскому шефу жандармов писал, что в отличии от прошлых лет не считает уже ни «Бургани-Таракки» ни самого Измайлова угрозой в плане распространения панисламизма, «левых» идей там больше он не видит. Каждый номер газеты выходит под строгой цензурой и распространять «вредные» идеи уже не может[1047].

При всем том, что власти стали гораздо лояльнее относиться к М. Измайлову, сам он в конце 1909 г. вступает в полосу кризиса и серьезного противостояния с астраханскими мусульманами-татарами. Это противостояние в итоге приведет к тому, что Измайлов будет отстранен от руководства обществом «Шурай-Ислам», и даже исключен из него, а затем и вынужден будет отказаться от редактирования газеты, и, в конечном итоге, не поддержанный и местной шиитской общиной, в начале осени 1911 г. навсегда покинет Астрахань.

[1044] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.297. Л.43-44.
[1045] Там же. Л.84.
[1046] Там же. Л.90.
[1047] Там же. Л.117.

От должности главного редактора «Бургани-Таракки» М.Л. Измайлов отказался в конце 1910 г., выдвинув на эту «работу» заведомо подставное лицо - малограмотного торговца-азербайджанца Абдулсамеда Ширинова, уроженца с. Мюлкула, Казахского уезда, Елисаветпольской губернии Это было явно подставное лицо. Он был согласен со взглядами Измайлова и в редакции даже не появлялся, занимался своей коммерцией. И поэтому, Измайлов до самого закрытия издания продолжал фактически быть его редактором[1048]. Самой главной причиной для такого решения стали обвинения со стороны властей в протурецких настроениях газеты, что было очень опасно в условиях идущей Балканской войны. Все очевиднее становилось, что власти газету рано или поздно закроют.

С другой стороны потеря влияния Измайлова в астраханской татаро-мусульманской общине привела к серьезным финансовым проблемам и газета явно становилась убыточной и мало популярной, что также способствовало ее закрытию. Уже в начале 1910 г. астраханский губернатор, собирая сведения об издании, выяснил, что подписчиков у газеты «Бургани-Таракки» мало, и основной источник ее существования – выручка от розничной продажи[1049].

В феврале 1911 г. М.Л. Измайлов предпринял еще одну, последнюю попытку, создать популярное издание. Он ходатайствовал перед астраханскими властями об открытии газеты «Бир копек» («Одна копейка»), по цене 1 коп. за номер с периодичностью четыре выпуска в неделю. Редактором (официально) также предлагался А. Ширинов. Но план так и не был реализован.

Тучи над «Бургани» сгущались. Глава астрахаснких жандармов пристально следил за изданием. Он сообщал в Санкт-Петербург, что «Бургани-Таракки» из номера в номер перепечатывает статьи из турецких, персидских и азербайджанских источников. Статьи, которые выходили в

[1048] ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.514. Л.13, 20.
[1049] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.152.

«Бургани», по его мнению, были направлены на «восхваление» всего турецкого. Все русское же подвергалось критике и в газете четко прослеживаалась вражда «между строк ко всему русскому»[1050].

Одной из характерных черт газеты, как мы уже отмечали выше, была ярко выраженная антиклерикальная позиция. Критика мусульманского духовенства из-за консервативности и нежелания мулл «идти к прогрессу нации» звучала на страницах газеты постоянно. А в марте 1911 г. такой критике подвергся сам духовный глава мусульман Внутренней России и Сибири, муфтий ОМДС Мухамедъяр Султанов.

3 марта 1911 г. российская умма торжественно отмечала 25-летие пребывания его на этом посту. В Уфе были организованы торжества, мусульманская печать России комментировала их. В астраханской газете «Идель» А. Умерова, одного из влиятельных руководителей общества «Джамияти-Исламия» и основателя джадидского медресе «Низамия», вышла целая серия хвалебных статей и очерков с описанием торжеств и биографии Муфтия. Сам А. Умеров при этом возглавлял делегацию астраханских мусульман на юбилее.

Постоянно находившаяся в острой полемике с «Идель» газета «Бургани-Таракки» занимает противоположную позицию. Безусловно, главным организатором отрицательных отзывов о 25-летней службе муфтия ОМДС М. Султанова стал сам М. Измайлов. 14 марта 1911 г. вышла обличительная статья за подписью Измайлова, в которой говорилось о том, что Султанов за все 25 лет своей службы не сделал ничего, за что его могли бы чествовать и хвалить российские мусульмане. Вся служба муфтия – это исключительное «услуживание» российскому правительству и нежелание приносить какую-либо пользу своей нации – мусульманам. За такую политику муфтий получал щедрые поощрения, вознаграждения, ордена, знаки отличия от имперской власти. Главная же цель устроенного юбилея – очередной сбор денег, наград и подарков. Муфтия Султанова сравнивает

[1050] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297, л.152 об.

Измайлов с муфтием Кавказа (Шейхуль-Исламом) Мухамедом Пашазаде. Про последнего пишет, что тот настоящий покровитель закавказских мусульман и свои интересы подчиняет их интересам, и, «страдает» за их благополучие.

В следующем номере М. Измайлов вообще называет проведение торжественных мероприятий в честь Муфтия «обезьяньим кривлянием». Он пишет, что мусульманская нация должна «с презрением» относиться к подобным празднованиям. Праздники эти, по мнению автора нужны тольо тем, кто «безупречно служит русскому правительству» и не думают о судьбах единоверцев. Так, как это делает туфтий Султанов. Удивительно, как российские власти «не устроили ему еще Золотой Престол», хотя подарков он уже получил много от русских[1051].

Эти публикации имела два значительных последствия. Во-первых, во многом благодаря им, празднование 25-летнего юбилея служения муфтия М. Султанова в Астрахани не было поддержано общиной, несмотря на все старания указного мусульманского духовенства изменить ситуацию. Это свидетельствует о том, что, несмотря на обострившиеся отношения с верхушкой татарского общества, Измайлов весной 1911 г. имел все еще большое влияние на местных татар.

Ну а, во-вторых, публикации против муфтия стали последней каплей терпения для татарской консервативной элиты, которая в период наступившей после 1907 г. реакции не хотела уже резко конфликтовать с властями, а хотела спокойной и обеспеченной жизни с тем набором социально-экономических благ, которых удалось добиться в годы подъема общественного движения в 1905-1907 гг. И татарская средняя буржуазия, объединившись с муллами и властями, предпринимает решительные шаги для «избавления» от становящегося опасным, с его кажущимися

[1051] ГААО. Ф. 286. Оп.2. Д.297. Л.200об.

радикальными взглядами на отношениям мусульман с российскими властями, М. Измайлова[1052].

Выпускались М. Измайловым в Астрахани и другие печатные издания. В 1906 г. в издательстве «Мизан» под редактурой Измайлова недолгое время выходила газета «Ислах» («Реформа»), из названия которой следует ее направленность. Газета призывала мусульман к активным действиям по проведению широкомасштабных реформ в области образования, к пересмотру безразличного отношения к участию в жизни государства и т.п. Но материалов для публикаций оказалось недостаточно, также как и средств, и издатель, выпустив в свет полтора десятка номеров, вынужден был закрыть газету[1053].

В том же, 1906 г. в издательстве «Мизан» были выпущены три номера юмористического журнала «Туп» («Пушка»). Журнал стал заметным событием в жизни российских мусульман. Там печатались очень актуальные материалы и карикатуры, высмеивались косность и необразованность представителей мусульманской элиты, выступавшей против модернизации мусульманской уммы России, а также непопулярные действия российских властей в отношении мусульман и демократических процессов в стране. В итоге, третий номер был арестован жандармами, тираж изъят, а главный редактор (и член Правления общества «Шурай-Ислам») Хабибулла Умеров, был привлечен к следствию, также как и сам М. Измайлов[1054]. Журнал пришлось закрыть.

В 1908-1909 гг. М. Измайлов выпускал еще одну газету – «Мизан» («Весы»), название которой повторяло название его издательства. Всего было выпущено 24 номера, которые выходили один раз в неделю. Публикации в этой газете практически полностью повторяли программу «Бургани-Таракки». Газета позиционировала себя «научной, политической,

[1052] Там же. Л.201.
[1053] Миннуллин Б.К. Татарская периодическая печать Астрахани начала XX века // Вестник Чувашского университета. – 2010. -№1, с.220-222.
[1054] Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в конце XVIII- начале XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015. С.164.

литературной тюрко-мусульманской». Также в первом номере газеты была провозглашена ее цель: «оперативное и своевременное донесение до читателя информации и новостей, в которых описывается ситуация и разные происшествия среди татар в других регионах», новости из Турции, нововведения в российском законодательстве, события во внешней политике Российской империи. Также на страницах «Мизан», как и на страницах «Бургани-Таракки» нашло отражение идейное проивостояние двух астраханских мусульманских обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия». Последовательно отстаивались авторами идеи прогресса и джадидизма.

В «Мизан» печатались отчеты о деятельности общества «Шурай-Ислам», популярностью пользовалась рубрика «Новости Астрахани», в которой без каких-либо комментариев освещались актуальные события региональной жизни. Также как и «Бургани», «Мизан» отличался социал-демократической направленностью. В итоге, она не получила большой поддержки читателей, так как во многом дублировала материалы других газет и была закрыта самим М. Измайловым.

Следует также отметить, что благодаря Измайлову, астраханские татары на страницах газет, издаваемых им, познакомились с жанром публицистической поэзии, которая была очень характерна в тот период для мусульманской печати России. Часто в ущерб поэтическим формам, авторы стихотворений эзоповым языком (с целью обойти цензуру – Р.П.), доносили до читателей свои мысли о прогрессе, недовольстве политикой российских властей, консерватизмом татаро-мусульманской элиты и т.п. Одним из главных поэтов в газетах Измайлова был имам Криушинской мечети (№14) Жиганша Джаббаров, автор замечательного труда «Тарих ат-Хаджи-Тархани» («История Астрахани), вышедшего в издательстве «Мизан» в 1907 г. В этой работе содержатся шежере и сильсиля самых известных астраханских улемов и суфиев XIX – нач. XX вв.

Сам Измайлов был хорошо образован в вопросах исламской теологии, его особая популярность среди мусульман объяснялась выдающимися ораторскими качествами и тем, что он уверенно и к месту цитировал различные выдержки из Корана и Сунны. При этом же всегда настаивал на том, что служит исключительно делу общественного прогресса среди российских мусульман, главным средством которого считает просвещение. Путем просвещения он намеревался «образовать мусульманство и объединить его с русскими». Но это не означало русификации и христианизации, это означало сделать мусульман «более полезными России, так как Россия такое же наше Отечество и Родина и близка к сердцу, как и русским»[1055]. Таким образом, мы видим, что М.Л. Измайлов являлся последовательным сторонником идей джадидизма, что и транслировал астраханскому татарскому обществу.

Очевидно, что издание газеты «Бургани-Таракки» и других печатных изданий обществом «Шурай-Ислам» и издательством «Мизан» стало значительным шагом на пути развития и общероссийской и региональной астраханской татарской культуры. По своему содержанию это были издания ориентированные на национально-культурное просвещение российских мусульман.

Тот факт, что инициатором и реализатором идеи издания газеты на татарском языке был этнический азербайджанец – М.Л. Измайлов, говорит о том, что в рассматриваемый период татаро-мусульманская община Астрахани была ориентирована на развитие под лозунгами конфессионального, а не национального единства. При этом не стоит забывать, что основными сотрудниками и редакторами в издательстве были этнические татары и М.Л. Измайлов никогда не ставил под сомнение, что газеты и журналы стоит издавать на татарском языке (тюрки). Все это обусловило успех изданий, в частности о газете «Бургани-Таракки» можно уверенно говорить, что она получила общероссийское признание и стала

[1055] ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.518. Л.41.

одним из ведущих периодических изданий в среде мусульман Волго-Уральского региона в межреволюционный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История персидско-азербайджанской общины Астрахани охватывает значительный исторический период, длиной в несколько столетий, с момента ее основания персидскими купцами на рубеже XVI-XVII вв. и до падения самодержавия в Росси в начале XX в. Появление ее было обусловлено рядом экономических и геополитических причин, важнейшей из которых является необходимость развития торговли России со странами Востока после того, как Казанское и Астраханское ханство были завоеваны Иваном Грозным и Волжско-Каспийский путь оказался полностью в руках «московитов».

Община возникла как торговая фактория, со всеми сопутствующими особенностями и функциями, при непосредственном поощрении и покровительстве российских властей. Московским властям необходимо важно было в короткие сроки наладить выгодную торговлю с азиатскими странами и территориями, для чего была основана русская Астрахань в 1558 г. как главные торговые «ворота» на Восток и стала проводиться политика привлечения купечества.

В виду разных причин экономического, политического и этноконфессионального характера, русские «природные» купцы развить астраханскую торговлю не смогли. Поэтому российские власти приложили максимум усилий для привлечения в Астрахань купцов азиатского происхождения. Таким образом, уже в конце XVI – XVII вв. появились в городе этнические торговые фактории. Сарты (узбеки), индусы, армяне и персияне-кызылбашы устремились в город и основали свои гостиные Дворы – караван-сараи, которые и стали основой для формирования в дальнейшем этнических колоний – Бухарской, Индийской, Агрыжанской (индусы-мусульмане), Армянской, Гилянской (Персидской).

Если в Среднем Поволжье российское православное государство приступило к репрессивной политике насильственной христианизации

мусульманского населения, то на Нижней Волге, в целях оптимизации торговых отношений, политика была противоположной. Купцам-мусульманам в Астрахани разрешалось свободно строить мечети и исповедовать ислам, причем никаких различий и ущемлений в объеме торговых, конфессиональных прав между суннитами и шиитами не делалось, как это было, например, в ханствах Средней Азии. Это стало еще одним дополнительным фактором, способствовавшим в дальнейшем количественному росту персидской колонии. При этом основанная как торговая фактория, персидско-азербайджанская община в Астрахани на протяжении всего периода своего существования сохраняла выраженный торгово-предпринимательский характер.

Следует остановиться на применении термина «персидская община». Несмотря на то, что в науке и в публицистике принято называть астраханскую шиитскую общину «персидской», в этническом отношении в ней доминировали азербайджанцы – Рештские, Исфаганские Шемахинске, Ленкоранские, Бакинские персияне и т.д., как они сами себя обозначали в различных документах. Свободно общались эти «персияне» с местным татарским населением на тюркском языке. Объединяющими факторами для астраханских персов и азербайджанцев, конечно же, выступала религия – ислам шиитского толка, а также персидское подданство. Поэтому «персидская» астраханская община в действительности, в этническом значении, была «персидско-азербайджанской».

Астрахань окончательно утвердилась как центр российской международной торговли во второй четверти XVII в. Закончилось Смутное время, но значительные территориальные потери на Западе, сложные политические отношения с Польшей и Швецией, войны с этими государствами в течении века и невозможность развития торговли на этих направлениях, привели к тому, что в этот период Астрахань становится неоспоримым центром международной российской торговли. С этого

времени персидско-азербайджанское купечество в регионе становится ее самым активным участником, что и фиксируется в источниках того времени.

До конца XVIII в. персидско-азербайджанская община была тесно связана с армянским купечеством, которое до этого времени уверенно доминировало в астраханской международной торговле. Некоторые персияне даже предпочитали числиться в Армянском Гостином Дворе, пользуясь льготами, в большом объеме предоставлявшимися российским правительством купцам-христианам.

Между купцами двух этнических групп существовала очень высокая степень доверия и взаимодействия. Армяне же, перейдя в российское подданство и объединившись с русским купечеством, к 1780-м гг. переключились на более выгодную рыбную промышленность и торговлю, а первенство в астраханской внешней торговле и коммерческом судовладении уступили персидским купцам. Именно тогда, в конце XVIII – первой половине XIX вв., когда персидское купечество стало доминировать во внешней торговле России со странами Азии через Астрахань, большинство крупных персидских предпринимателей окончательно осели в городе.

Таможенная политика на протяжении столетий в отношении персидского купечества, торговавшего в Астрахани и через Астрахань развивалась в контексте общих экономических интересов России в целом, и в интересах развития восточного направления торговли государства, в частности. Но при этом, в отношении персидского (и армянского, находившегося в подданстве шаха) купечества создавались все возможные преференции. Особенно это касается XVIII – I половины XIX вв., когда главным, а затем и единственным направлением российско-азиатской торговли на астраханском направлении стала торговля российско-иранская.

Режим наибольшего благоприятствования, даже покровительства, российским властями был создан и в торговле и в повседневной жизни персов и азербайджанцев в городе. В свою очередь, члены общины отвечали российской короне полной взаимностью. Своей экономической и

общественной деятельностью они неизменно доказывали свою лояльность России.

Если шиизм действительно выступал объединяющим фактором, а приход Персидской мечети являлся центром религиозной и общественной жизни общины, то отношения подданства были сложными. Уже в XVIII в. в Закавказье образовался ряд независимых азербайджанских ханств, затем после русско-иранских войн 1804-1813 и 1826-1828 гг., эти территории были присоединены Российской империей. Встал вопрос о подданстве астраханских «персиян». И здесь члены общины начали откровенно манипулировать создавшейся ситуацией. В одних социально и экономически удобных для себя ситуациях они называли себя российскими подданными, в других – подданными шаха. Такая ситуация крайне затрудняла количественный учет членов общины и российские власти, несмотря на все предпринимаемые усилия упорядочить подданнический и сословный статус «персиян», не имели до начала XX в. точных данных по этому вопросу.

И все же, источники фиксируют, что после 1828 г. многие из этнических купцов-азербайджанцев предпочли перейти в российское подданство. В Астрахани состоятельные персидские купцы в 1810-1840-е гг. обзавелись значительной недвижимостью, как жилой, так и коммерческой. Большие доходные дома в восточном стиле с квартирами, лавками, магазинами, обширными складскими помещениями, приносили значительный доход их владельцам. Сами они также открывали магазины для оптовой и розничной торговли персидскими товарами в городе.

Рубеж XVIII–XIX вв. вообще стал своеобразным переломным временем в истории астраханской персидско-азербайджанской общины. В этот период произошло отделение общины с традиционным для персов старшинско-векильским управлением от Гилянского Гостиного Двора. Жители последнего, в результате сословного законодательства Екатерины II были причислены в астраханское городское общество Татар Трех дворов (Бухарского, Гилянского, Агрыжанского). Впоследствии, в 1860-1870-е гг.

население этого общества стало одним из компонентов астраханской городской татарской общины. Таким образом, персы и азербайджанцы приняли участие в формировании этнотерриториальной группы астраханских татар.

Персидско-азербайджанская же община стала развиваться автономно и в течении XIX – первых десятилетий XX вв. выдвинула из своей среды крупных купцов, которые стали частью астраханской городской купеческой элиты. А представители династии купцов Усейновых и Мир Багировых стали признанными «столпами» местного купеческого общества, были членами астраханского городского самоуправления, гласными Городской Думы, известными благотворителями и общественными деятелями.

В современной Астрахани сохранились памятники архитектуры, некогда принадлежавшие этим купцам. Благодаря Усейновым в 1861 г. в Астрахани была построена и великолепная каменная шиитская Персидская мечеть. Вообще, владение недвижимостью и сдача ее внаем, в центральных кварталах губернского центра, в XIX в. стало одним из главных направлений коммерческой деятельности наиболее состоятельной части персидско-азербайджанского купечества.

Можно говорить о том, что в целом шиитская община Астрахани 1830-1840-х гг. была представлена несколькими десятками состоятельных купцов. В центральных, 1 и 2 частях города, девять больших караван-сараев – доходных домов принадлежали персиянам: тавризскому персиянину Агамиру Алиеву, гилянскому персиянину Джафару Керимову, старшине Ага Бабе Яхъяеву, мизандаронскому персиянину Ага Али Мамеду Бекову, Аджи Молла Усейнову и сыну Мирзы Казимова – Мирзе Абдулу Визиреву. Все эти купцы были представителями своих региональных землячеств и векилями, что позволило им самим, в итоге, сколотить собственные значительные состояния.

Первые десятилетия XIX в. – это особое время для персидско-азербайджанской общины Астрахани. Это период ее окончательного

оформления, со всеми присущими атрибутами, и включения в городское социокультурное пространство. Последнее стало следствием того, что в этот период нерусское, прежде всего, мусульманское, купечество получило практически равные права со всем остальным российским сословием купцов. Мусульмане – подданные российской короны получили право участия в сословных организациях и органах местного самоуправления, вступать в гильдии и приобретать почетные звания, они могли быть награждены правительством за заслуги перед страной и короной и т.д. Члены астраханской персидско-азербайджанской общины достаточно быстро это осознали и поспешили воспользоваться новыми обстоятельствами.

В пореформенный период персидско-азербайджанская община переживает серьезные экономические изменения. Связано это было, прежде всего, с изменениями границ Российской империи и продвижением ее в Закавказье. Две русско-персидские войны, закончившиеся соответственно в 1813 и 1828 гг., привели к присоединению всего Северного Азербайджана. При этом персидские (азербайджанские) купцы Астрахани заняли позицию поддержки действий России. Видимо, перспективы своей внешнеторговой деятельности в контексте новых геополитических изменений, они предвидеть не умели. Но своеобразным признанием международного значения астраханской персидской общины Астрахани стало ее посещение шахом Насреддином в 1873 г.

Вне зависимости от того, какое подданство – российское или персидское было у членов астраханской шиитской общины, огромное влияние на ее внутренние дела имела персидская консульская служба в Астрахани. Персидские консулы стали назначаться шахским правительством с 1810-х гг., ввиду обострившихся российско-иранских противоречий, приведших к войнам. В последующем, вплоть до 1917 г., персидские консулы стали одними из главных лиц в шиитской астраханской общины, приглашались на все праздники и общественно значимые мероприятия, становились почетными членами и председателями всех создаваемых

астраханскими шиитами организаций. Такое положение дел, в определенной степени, вызывало недовольство российских властей.

Между тем, после присоединения Закавказья Россия получила новый удобный порт на Каспии, у которого не было трудностей с замерзающим на зиму фарватером и необходимостью перегрузки товаров с мореходных на речные суда. Это был Баку. Немного севернее был еще один удобный морской порт – Дербент. Пока российские власти обустраивали новые территории и шла Кавказская война, затруднявшая перевозку грузов по сухопутным дорогам Северного Кавказа, астраханская внешняя торговля еще существовала, но она стремительно сокращалась из года в год. При этом не стоит также забывать, что Астрахань была важным пунктом на прямом пути на главную российскую ярмарку – Нижегородскую.

Когда в начале 1860-х гг. была закрыта Астраханская таможня, это событие уже не стало для богатого персидского купечества событием, которое привело их к утрате капиталов и банкротствам. Персидско-азербайджанская община быстро переориентировалась с внешней торговли на внутреннюю городскую, при том, что и связей с Персией и Закавказьем она не потеряла и сохранила определенные объемы привоза персидских товаров, прежде всего свежих и сушеных фруктов.

Предприниматели-шииты вели значительную торговлю этим товаром как в самой Астрахани, так и отправляли ее отсюда на Нижегородскую ярмарку и в обе столицы. Также купцы содержали харчевни и торговые бани, заключали подряды на погрузочно-разгрузочные работы в порту. В связи с этим обстоятельством в город стали приезжать и оседать здесь персидские чернорабочие грузчики-амбалы. Увеличивалась численность общины, в пореформенный период определенное место в ее структуре начинают занимать низшие слои. Таким образом, на рубеже XIX-XX вв. персидско-азербайджанская община утратила характеристику экономически-однородной, состоящей преимущественно из представителей состоятельных социальных слоев, этноконфессиональной группы.

Появление неимущих членов в составе общины поставил вопрос об этноконфессиональной благотворительности. В начале XX в., на волне революционного пробуждения, астраханскими шиитами были созданы национальные культурно-просветительское и благотворительное общества, позже объединившиеся в одно. Но просуществовав чуть более года, общество закрылось, как и школа открытая ею, не принеся общине никаких существенных дивидендов.

Наиболее выдающиеся и активные азербайджанцы в Астрахани нашли общественное признание в среде местной татарской буржуазии, как наиболее ориентированной на идеи прогресса и модернизации части мусульманского сообщества. Персидско-азербайджанская община, как оказалась, в тот период, была еще менее подготовлена к общественным вызовам и более консервативна. В результате, Мустафа Измайлов и будущий лидер Советского Азербайджана Нариман Нариманов возглавили местное татаро-мусульманское общественное движение.

Во многом благодаря их активности, в Астрахани возникло татаро-мусульманское культурно-просветительское общество «Шурай-Ислам», школа вне рамок конфессиональной общины, национальная периодическая печать. Н. Нариманов заложил основы санитарно-гигиенического просвещения в астраханской мусульманской среде. При этом любые попытки этих азербайджанцев «оживить», то есть демократизировать или сблизить с татарским общественным движением, наталкивались на стену неприятия. В итоге, персидско-азербайджанское общественное движение так и не реализовалось во что-то полезное для общины и прекратило существовать, ввиду занятой купеческой верхушкой позиции, заключавшейся в отказе дальнейшего его финансирования.

Таким образом, персидско-азербайджанская община Астрахани в XVII – начале XX вв. прошла длительный путь развития, став значимой составной частью социально-экономического пространства региона. Руководствуясь в течении почти трех с половиной столетий прежде всего интересами

экономическими, представители общины внесли весомый вклад в развитие города Астрахани, формирование толерантных межнациональных межконфессиональных связей, российско-азиатской торговли и даже межгосударственных отношений в Прикаспии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Астраханской области

Ф.1. Канцелярия Астраханского гражданского губернатора

Оп.1. Д.1. Д.339. Д.776. Д.1070. Д.1280. Д.1745. Д.2214. Д.3045. Д.3315. Д.4212. Д.4342.

Оп.2. Д.104. Д.707. Д.799. Д.1294. Д.1730.

Оп.3. Д.131. Д.443. Д.1250.

Оп.4. Д.536. Д.782. Д.1647. Д.1831.

Оп.6. Д.2416. Д.2724.

Оп.7. Д.147. Д.1727. Д.2837.

Оп.8. Д.336. Д.894. Д.1207. Д.1285.

Оп.9. Д.381.

Оп.10. Д.32. Д.437. Д.1259.

Оп.11. Д.23. Д.195. Д.360. Д.452. Д.702. Д.709.

Оп.12. Д.29. Д.722.

Ф.2. Канцелярия Астраханского военного губернатора.

Оп.1. Д.75. Д.174. Д.182. Д.1573.

Ф.13. Астраханское Губернское Правление

Оп.1. Д.4972. Д.26877. Д.29503. Д.35201. Д.40517. Д.42742. Д.45779. Д.51318. Д.51544. Д.53304. Д.54433. Д.55737.

Оп.1а. Д.427.

Ф.33. Астраханский Сиротский суд.

Оп.1. Д.1425. Д.1617.

Ф.94. Астраханская Городская Управа

Оп.1. Д. 1611. Д.2180. Д.4561. Д.5148. Д.6240. Д.6630. Д.11212. Д.19820. Д.22984. Д.24458. Д.24716. Д.25461. Д.31466. Д.32076. Д.32695. Д.32696. Д.32973. Д.33219. Д.34274. Д.34295. Д.34305. Д.34339. Д.34507. Д.34574. Д.34685. Д.34701. Д.35054.

Оп.8. Д.3. Д.181. Д.214.

Ф.286. Астраханское губернское жандармское управление

Оп.2. Д.297. Д.334. Д.410. Д.414. Д.514. Д.518.

Ф.290. Астраханское городское полицейское отделение

Оп.1. Д.42. Д.808. Д.4285.

Оп.3. Д.521.

Оп.4. Д.303. Д.1266.

Ф.394. Астраханская губернская канцелярия.

Оп.1. Д.911. Д.1087. Д.1457. Д.1584.

Ф.433. Астраханский городовой магистрат.

Оп.1. Д.181. Д.361.

Ф.476. Кавказское наместническое правление.

Оп.1. Д.476. Д.450. Д.505. Д.593.

Ф.480. Астраханская Городская Дума

Оп.1. Д.115. Д.546. Д.667. Д.779. Д.915. Д.1346. Д.1620. Д.2005. Д.2006. Д.2957. Д.2959. Д.2984. Д.3008. Д.3134. Д.3171. Д.3284.

Оп.2. Д.194. Д.414.

Ф.488. Астраханская татарская управа

Оп.1. Д.1417. Д.1525. Д.1752. Д.1785.

Ф.542. Астраханское купеческое общество

Оп.1. Д.9. Д.12. Д.13. Д.22. Д.27.

Ф.656. Астраханская контора нефтяного производства Шамси Асадуллаева

Оп.1. Д.1.

Ф.679. Начальник Астраханского таможенного округа.

Оп.1. Д.48.

Ф.681. Астраханская таможня.

Оп.1. Д.4. Д.604. Д.632. Д.802. Д.3073. Д.3074. Д.3075. Д.3079. Д.3099. Д.3136. Д.3655. Д.3688.

Ф.687. Астраханская Казенная Палата

Оп.1. Св.199. Д.2; Св.238. Д.14.

Оп.2. Д.412. Д.1052.

Оп.3. Д.2. Д.35.

Ф.880. Астраханская городская шестигласная дума.

Оп.1. Д.56.

Ф.959. Астраханское татарское одноклассное училище Министерства Народного Просвещения.

Оп.1. Д.1.

Ф.1086. Астраханское отделение Торгового дома бр. Мирзоевых и К.Сафарова

Оп.1. Д.1.

Российский государственный архив древних актов

Ф.19. Финансы.

Оп.1. Д.17. Д.19. Д.19доп. Д.236. Д.297. Ч.13.

Ф.77. Сношения России с Персией.

1662 г. Оп.2. Д.1.

Ф.100. Сношения России с Арменией

Оп.1. 1667. Д.1; 1666-1667. Д.1; 1674. Д.2.

Ф.276. Коммерц-Коллегия.

Оп.1. Д.2833.

Оп.3. Д.1590. Д.1914.

Ф.394. Канцелярия Московских герольдмейстерских дел

Оп.1. Д.1497.

Ф.397. Комиссия о коммерции

Оп.1. Д.407. Д.410. Д.636.

Ф.1261. Фонд князя Воронцова

Оп.1. Д.4.

Оп.6. Д.138. Д.154. Ч.1; Д.251. Д.252. Д.601. Д.616. Д.619. Д.637. Д.651. Д.937. Д.942. Д.945. Д.948.

Российский государственный исторический архив

Ф.18. Департамент мануфактур и внутренней торговли

Оп.4. Д.504.

Ф.20. Департамент торговли и мануфактур

Оп.7. Д.183.

Ф.821. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий
Оп.8. Д.1188.

Ф.1329. Именные указы и высочайшие повеления Сенату (коллекция)
Оп.1. Д.35.

Ф.1575. Роман Петр Михайлович, директор общей канцелярии Министерства Финансов.
Оп.3. д.2446.

Российский государственный военно-исторический архив
Ф.52. Потемкин-Таврический Григорий Александрович.
Оп.I/194. Д.244. Д.288.

Архив внешней политики Российской империи
Ф. Главный Архив
I-9. Оп.8. Д.14; I-9. Оп.8. 1847-1854. Д.11; II-3. 1831. Оп.34. Д.8; II-10, 1816-1844 гг. Д.3.

Ф. 77. Сношения России с Персией
Оп. 1. 1734. Д.7.

Ф. Миссия в Персии,
1833. Оп.528а. Д.216.

Ф. Сношения России с Персией.
1768. Оп.77/7. Д.143.

Национальный архив Республики Татарстан

Ф.2. Казанское губернское правление

Оп.2. Д.3601.

Ф.199. Казанское губернское жандармское управление.

Оп.1. Д.675; 915.

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

2.1. Официальные материалы (законодательные и нормативные акты)

2.1.1. Александренко В.Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774 – 1906). – Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1906. – 585 с.

2.1.2. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т.1. - СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1898. – 453 с.

2.1.3. Грацианский И. Собрание ныне действующих торговых трактатов России с иностранными государствами.– СПб.: Хромолит. и тип. В. Грацианского, 1877. – 347 с.

2.1.4. Ивановский И. Собрание действующих договоров, заключенных Россией с иностранными державами. Т.1. Ч.1. – Одесса: "Экон." тип. (б. Одес. вестн.), 1890 – 959 с.

2.1.5. Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. - СПб.: С.-Петерб. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1914. – 204 с.

2.1.6. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Веселовского. Т.I-III. – СПб.: Товарищество паровой скоропечатни Яблонский и Перотт, 1890.

2.1.7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1825−1881 гг. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830−1885. – 55 т.

2.1.8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649-1825 гг. - СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. - 48 т.

2.1.9. Полное собрание русских летописей, Т. XXIII. - СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. – 239 с.

2.1.10. Полный свод законов для купечества. - М.: Унив. типогр., 1873. – 736 с.

2.1.11. Положение о государственном промысловом налоге. - СПб.: Гос. типогр., 1899. -483 с.

2.1.12. Просьбин С.А. Торгово-промышленный сборник. Свод действующих в Империи узаконений и правил о торговле и промышленности. - СПб.: пар. тип. и лит. М. Розеноер, 1910. 643 с.

2.1.13. Российское законодательство X-XX вв. / Под ред. В.Л. Янина, О.И. Чистякова. Т.1-7. - М.: Юридич. литература, 1984-1988.

2.1.14. Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся вопросов частного международного права. Т. 1.: [Консульские конвенции; Конвенции о наследствах; Трактаты о торговле и мореплавании]. – СПб.: Тип. МИД, 1889. - 402 с.

2.1.15. Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. - Пг.: Тип. МИД, 1914. - 695 с.

2.1.16. Свод законов о состояниях. - СПб.: Изд. Юридич. кн. склада "Право", 1911. – 1032 с.

2.1.17. Свод законов Российской империи. - СПб.: б/и, 1876-1917.

2.1.18. Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими соединенными штатами. - СПб., 1845: Морская типография. - 333 с.

2.1.19. Юзефович. Т. Договоры России с Востоком (политические и торговые). - СПб.: Типогр. О. И. Бакста, 1869. - 296 с.

2.2. Статистический материал

2.2.1. Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1891 г. – Нижний Новгород: Нижегородская ярморочная контора, 1891 г. – 612 с.

2.2.2. Андросов В. Хозяйственная статистика России. - М.: Тип. С. Селивановского, 1827. – 282 с.

2.2.3. Арсеньев К.И. Описание физического состояния России.– СПб.: Тип. Деп. НП, 1818. – 112 с.

2.2.4. Арсеньев К.И. Начертание статистики Российского государства. Часть I. О состоянии народа. - СПб.: Типография Воспитательного дома, 1818. – 277 с.

2.2.5. Арсеньев К.И. Статистические очерки России. - СПб.: Тип. Имп. АН, 1848. – 524 с.

2.2.6. Астраханский торгово-промышленный календарь. – Астрахань: кн-во торгово-пром., детской и школьной лит-ры, 1904. -103 с.

2.2.7. Бларамберг И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф. Бларамбергом в 1841 г. - СПб.: Тип. Имп. АН, 1853. – 358 с.

2.2.8. Виды государственной внешней торговли Российской Империи за 1831-1849 гг. - СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1832-1850.

2.2.9. Внутренняя Киргизская Орда. Краткий статистический очерк. - Астрахань: Типография губернского правления, 1891. - 103 с.

2.2.10. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.5. Ч.5. Астраханская губерния. - СПб.: Тип. Ген. штаба, 1852. – 37 с.

2.2.11. Голицын И. Статистические таблицы Российской империи с XIX столетия из новейших писателей извлеченное. - М.: Губернская типография А. Решетникова, 1807 г. – 109 с.

2.2.12. Горлов И.Я. Обозрение экономической статистики России. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1849. – 333 с.

2.2.13. Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1812-1850 гг. - СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1813-1851.

2.2.14. Далингер А.П. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда. – СПб.: Тип. П. Вощинской, 1887 - 173 с.

2.2.15. Дэн Н. Население России по Пятой ревизии. - М.: Унив. типогр., 1902. – 377 с.

2.2.16. Движение населения в Европейской России за 1867-1910 гг. - СПб.: Центр. Статистич. комитет МВД, 1872-1912.

2.2.17. Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства, географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная и пр. - М., 1878-1880. В 3 т.

2.2.18. Заблоцкий А.П. Движение народонаселения в России с 1838 по 1847 гг. – СПб.: Тип. II Отделения СЕВИК, 1851. – 276 с.

2.2.19. Золотарев А.М. Военно-статистический очерк Персии. - СПб.: Типо-литография А.К. Ландау, 1888. – 210 с.

2.2.20. Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Министерства внутренних дел. Т.1-2. - СПб.: Изд. МВД, 1839-1841.

2.2.21. Мельников П. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 гг. – Нижний Новгород: Губернская типография, 1846. – 292 с.

2.2.22. Михайлов И. Хозяйственно-статистические очерки Астраханской губернии. - СПб., 1851. – 176 с.

2.2.23. Небольсин Г.Ф. Статистические записки о внешней торговле России. - СПб.: Тип. Деп. внеш. торг., 1850. – 354 с.

2.2.24. Небольсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. - СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1850. – 496 с.

2.2.25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. II. Астраханская губерния. Тетрадь 2 (последняя). – СПб.: Центр. статист. Комитет МВД, 1904. – 190 с.

2.2.26. Российская статистика: В 2 ч. / сост. Е.Ф. Зябловский - СПб.: Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1832. - 202 с.

2.2.27. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. В 2-х т. Под. Ред. В.И. Покровского. Т.1. - СПб.: Типолитография М.П. Орловой, 1902. – 331 с.

2.2.28. Соколов В.Д. Статистические сведения о рыбной промышленности по Волге с приданной ей системой. – Астрахань: Губ. тип., 1874. – 43 с.

2.2.29. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. – СПб.: Тип. МВД, 1852. – 46 с.

2.2.30. Статистические таблицы Российской Империи. Выпуск II. Наличное население Империи за 1858 г. – СПб.: Тип. МВД, 1863 г. - 330 с.

2.2.31. Статистический временник Российской империи. – СПб.: Тип. МВД, 1866-1890.

2.2.32. Черкасов И.Г. Статистическое и хозяйственное описание Астраханской губернии. – Астрахань: Губернская типогр., 1860. – 263 с.

2.3. Источники личного происхождения

2.3.1. Аксаков И.С. Письма к родным 1844-1849 гг. – М.: Наука, 1988. – 656 с.

2.3.2. Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разныя асиятские земли, а именно: в Пекинъ, в Дербентъ и Константинополь. Перевод с фран. М. Попов. Ч.1-3. - СПб.: Имп. АН, 1776.

2.3.3. Березин И.П. Путешествие по Северной Персии. – Казань: Тип. Губ. правл. и Унив., 1852. – 72 с.

2.3.4. Бернс А. Путешествие в Бухару. Отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию в 1831-1833 гг. – М.: Университетская типография, 1849. – 520 с.

2.3.5. Бутенев А.П. Воспоминания А.П. Бутенева. // Русский Архив. - 1881.- Кн.3.- С.5-84.

2.3.6. Бутыркин В. Рассказы из службы на Волге // Морской сборник. – 1864. - №3. – С.35-62.

2.3.7. Вавилов И.С. Беседы русского купца о торговле. Ч.1-2. – СПб.: Тип. Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи, 1846. – 84 с.

2.3.8. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. - М.: А.И. Мамонтов, 1874. – 383 с.

2.3.9. Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. - СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. – 652 с.

2.3.10. Герберштейн С. Записки о Московии. - М.: Изд. МГУ , 1988. – 432 с.

2.3.11. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч.II. Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе: с начала августа 1769 г. по пятое июня 1770 г. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1777. - 361 с.

2.3.12. Дорн Б. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб.: Тип. Имп. АН, 1861. - 73 с.

2.3.13. Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812–1813 гг. Ч.1-2. – М.: Тип. Ген. штаба, 1824. – Ч.1. 201 с.; Ч.2. 182 с.

2.3.14. Ермаков Н. Астрахань и Астраханская губерния. Описание края и общественной и политической жизни ее. - М.: Тип. В. Готье, 1852. – 176 с.

2.3.15. Ермолов А.П. Журнал посольства в Персию генерала А.П. Ермолова. В кн.: Чтения общества истории древностей Российских. - М.: Унив. тип., 1863. - Кн.2. - №4.

2.3.16. Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Вып.1. – Астрахань: губ. типография, 1896 г – 96 с.

2.3.17. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг.с- М.: Университетская типография, 1896. – 62 с.

2.3.18. Карелин Г.С. Путешествие по Каспийскому морю. – СПб.: Тип. ИМп. АН, 1883. – 497 с.

2.3.19. Корф Ф. Воспоминания о Персии 1834-1835 гг. – СПб.: Гуттенбергова тип., 1838. – 298 с.

2.3.20. Круковская Е. Астраханский край. По родной земле. - СПб.: Изд-во Петерб. учеб. магазина, 1904. – 208 с.

2.3.21. Массальский Н.Ф. Письма русского из Персии. Ч.1-2. – СПб.: Тип. Штаба отдельного корпуса стражи, 1844. – 182 с.

2.3.22. Муравьев Н.Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 гг. - М.: Тип. А. Семена, 1822. – 144 с.

2.3.23. Немирович-Данченко В.И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). - СПб.: Тип. И.Л. Тулузова, 1877. – 404 с.

2.3.24. Огородников П. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. - СПб.: Тип. М.И. Попова, 1878. - 331 с.

2.3.25. Олеарий А. Описание путешествия через Московию в Персию и обратно. – СПб.: А.С. Суворин, 1906. – 528 с.

2.3.26. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. В 3 т. - СПб.: Императорской Академии наук, 1788. – 624 с.

2.3.27. Пашино П.И. Из воспоминаний драгомана // Колосья. – 1884. - № 7-8. – С.125-145.

2.3.28. Пашино П.И. Из воспоминаний секретаря посольства: О тегеранской жизни // Колосья. – 1887. № 7-8. – С.130-156.

2.3.29. Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия Его Величества по Европе в 1873 г. (Извлечение из Собственного Его Величества дневника). Пер. с персидского горного инженера Э. Кориандера. - СПб. Тип. Ю.Н. Эрлих, 1889. – 51 с.

2.3.30. Рейтенфельс Яков. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. - М.: тип. О-ва распространения полез. кн., арендуемая В.И. Вороновым, 1905. -228 с.

2.3.31. Рыбушкин М. Записки об Астрахани. – Астрахань: Губернская типогр., 1841. – 202 с.

2.3.32. Салтыков А.Д. Путешествие в Персию. Письма. - М.: Унив. тип., 1849. – 77 с.

2.3.33. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. М.: Наука, 1967. -174 с.

2.3.34. Симонич И.О. Письма об Индии. – М.:Наука , 1985. – 176 с.

2.3.35. Соломон А. Записки об Астраханской губернии // Журнал МВД. – 1836. – №20-22; 1839. – №23. – С.314-351.

2.3.36. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. - М.: Наука, 1990. – 436 с.

2.3.37. Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку Московской коммерческой практической академии воспитанника Н. Тярина. – М.: иждивением Моск. коммерч. практич. акад. действующего члена П.Ф. Веретенникова, 1827. – 124 с.

2.3.38. Эйхвальд Э.И. Путешествие по Кавказу и Каспийскому морю в 1827 и 1828 гг. – СПб.: Изд. Имп. АН, 1838. – 110 с.

2.4. Сборники документов

2.4.1. Акты собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т.1-8. –Тифлис: Тип. Управления главного наместника Кавказского, 1881 – 1885 гг.

2.4.2. Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов. – Ереван: АН АрмССР, 1953. – 420 с.

2.4.3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г. - СПб.: Тип. Имп. АН, 1869. В 3 т.

2.4.4. Ключарёвская летопись // Найдено в Астрахани: О редких изд. кн., рукописях и арх. документах / Сост. Марков, А.С. - Волгоград: Нижневолж. кн. изд-во, 1988. – 221 с.

2.4.5. Книга персидских товаров. Русская историческая библиотека, издаваемая русскою императорской археографическою комиссиею. – Т. XXIII. Дела тайного приказа. Кн. 3. - СПб.: Имп. АН, 1904. – 888 стлб.

2.4.6. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.

2.4.7. Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. -455 с.

2.4.8. Русско-иранская торговля 30-50-е гг. XIX в. Сборник документов. – М.: Наука, 1984. – 296 с.

2.4.9. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.1. 1608-1683 гг. - М.: Наука, 1969. – 614 с.

2.4.10. Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. Сб. арх. д-тов. – Ашхабад: АН ТуркмССР, 1963. – 585 с.

2.5. Справочные издания

2.5.1. Алфавитные списки армяно-григорианских церквей и магометанских мечетей в империи. - СПб.: Тип. МВД, 1886. – 371 с.

2.5.2. Алфавитный список народов, обитающих в Российской империи накануне всеобщей переписи. – СПб.: Изд. канцелярии Комитета министров, 1895. – 90 с.Астрахань (спутник-указатель). – Саратов: Изд. П. Кочергин, 1911. – 69 с.

2.5.3. Богатырев А.И. Астрахань: улицы, годы, судьбы. – Астрахань: Изд-во АГУ, 1999. – 112 с.

2.5.4. Богданов Л.Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. – СПб.: Первая центр. Вост. электропеч. И. Бораганского, 1909. – 146 с.

2.5.5. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии за 1873-1917 гг. – Астрахань: Губернская типография, 1873-1917.

2.5.6. Вся Волга. Путеводитель, справочник и адрес-календарь. – Казань: А.П. Петров, 1908. – 236 с.

2.5.7. Вся Россия: русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь. - СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1895-1913.

2.5.8. Зайончковский П.А. Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель. – М.: Книга, 1978. – 638 с.

2.5.9. Гагарин кн. С. Всеобщий географический и статистический словарь. – М.: Тип. А Семена, 1843. – 558 с.

2.5.10. Живописная Россия. Астраханская губерния. Т.1. - СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1884. -492 с.

2.5.11. Езиоранский Л.К. Фабрично-заводские предприятия Российской империи. - СПб.: Торг. дом А. Срок и К, 1909. - 1443 с.

2.5.12. Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Киев: Типография А.О. Штерензона, 1898. – 79 с.

2.5.13. Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. – СПб.: Изд. Имп.АН, 1857. – 298 с.

2.5.14. Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев европейской России. – СПб.: Изд. Имп. АН, 1861 – 510 с.

2.5.15. Ладыженский К. История русского таможенного тарифа. - СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. - 410 с.

2.5.16. Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Большой толковый словарь иностранных слов. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. Т.1. – 528 с.

2.5.17. Некоторые документальные сведения к статистической таблице о городе Астрахани. – Астрахань: Тип. Никифоровой, 1914. – 43с.

2.5.18. Обозрение состояния городов Астраханской губернии в 1835 г. – СПб.: Тип. К. Крайя, 1837. – 40 с.

2.5.19. Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 г. Ч.1. - СПб.: Тип. К.Крайя, 1837. – 67 с.

2.5.20. Отчет астраханского Биржевого комитета за 1900-1901 гг. – Астрахань: Губернская типография, 1902. – 183 с.

2.5.21. Поволжье. Торгово-промышленный, адресный и справочный указатель губерний. – Саратов: Г.О. Волох, 1909-1912.

2.5.22. Производительные силы России. – СПб.: Тип. Лейферта, 1869. – 1284 с.

2.5.23. Роспись города Астрахани на 1884-1897 гг. – Астрахань: Губ. типогр., 1884-1897.

2.5.24. Россия в конце XIX в. – СПб.: тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1900. – 968 с.

2.5.25. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.6. - СПб.: А.Ф. Девриен, 1901. - 599 с.

2.5.26. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. – СПб.: Издательство. Вестник знания (В.В. Битнера), 1912. -216 с.

2.5.27. Списки населенных мест Российской Империи. Астраханская губерния. Т.5. Ч.5. - СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861. - 51 с.

2.5.28. Список фабрик и заводов обрабатывающей промышленности Европейской России. - СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. - 828 с.

2.5.29. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 гг. (Материалы для составления предложений об улучшении общественного управления в города). – СПб., 1863. Ч.1. - 922 с.

2.6. Периодические издания

2.6.1. Астраханские губернские ведомости (1832-1917 гг.)

2.6.2. Астраханский вестник (1889-1917 гг.)

2.6.3. Астраханский край (1906 г.)

2.6.4. Астраханский листок (1897-1917 гг.)

2.6.5. Астраханский справочный листок (1865-1896 гг.)

2.6.6. Бургани-Таракки (1906-1909 гг.)

2.6.7. Восток (1867 г.)

2.6.8. Восточные известия (1815-1816 гг.)

2.6.9. Казанские известия (1830-1845 гг.)

2.6.10. Коммерческая газета (1830-1845 гг.)

2.6.11. Прикаспийская газета (1906 г.)

2.6.12. Прикаспийский край (1910-1911 гг.)

3. ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Исследования дореволюционного периода

3.1.1. Абдулджаббаров Дж. История Астрахани. – Астрахань: Мизан, 1907. – 56 с.

3.1.2. Бакулин Ф.И. Очерки торговли с Персией. – СПб.: Тип. МПС, 1875. – 125 с.

3.1.3. Баранов А.А. Исторический обзор хлопчатобумажного производства в России, в связи с таможенными тарифами. – М.: Об-во для содействия улучшению и развитию мануфактур. пром-сти, 1913. – 120 с.

3.1.4. Бахтурин Д. Краткое описание внутреннего Российской Империи судоходства между Балтийским, Черным, Белым и Каспийским морями. – СПб.: Тип. Шнора, 1802. – 64 с.

3.1.5. Башуцкий А. Вторая Московская выставка российских мануфактурных произведений в 1835 г. Отдел I – II. Шерсть. Шелк. – СПб.: Тип. III Отд. СЕИВК, 1836. – 242 с.

3.1.6. Берар Е. Персия и персидская смута. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. – 300 с.

3.1.7. Берже А.П. Александр Сергеевич Грибоедов. Деятельность его как дипломата 1827-1829 г. // Русская старина. - 1874. - Т. 11. – С.746-770.

3.1.8. Берже А.П. Грибоедов в Персии и на Кавказе 1818-1828 г. // Русская старина. - 1874. - Т. 11. – С.771-786.

3.1.9. Берже А.П. Посольство Ермолова в Персию: Исторический очерк // Русская старина. - 1877. - № 6. – С.163-207.

3.1.10. Берже А.П. Хосров-Мирза, персидский принц 1802-1875 гг.: Историко-биографический очерк // Русская старина. - 1879. - № 6-7. – С.333-401.

3.1.11. Бернс Г.К. Купец, или всеобщее рассуждение о торговле. – СПб.: напечатано иждивением К: Г: Б, 1793. – 88 с.

3.1.12. Богословский А. Управление промышленностью, мануфактурною и торговою в России от Петра Великого до настоящего времени. – М.: Унив. типогр., 1872. 56 с.

3.1.13. Богословский П. О купеческом судостроении, речном и прибрежном. Т.2. –СПб.: Изд. Морск. Учен. ком., 1863. – 138 с.

3.1.14. Бочагов А.Д. Наша торговля и промышленность в старину и нынче. Вып.1. – СПб., 1891. 203 с.

3.1.15. Булгарин Ф. Рецензия на Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г. полковника барона Мейендорфа. // Северный Архив. – 1826. - Ч.22. - №№14-15. - С.225-246.

3.1.16. Бутенко А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. – СПб.: Гермес, 1910. – 120 с.

3.1.17. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседложивущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. – 1846. – Т.47. – Отд.II. – С.1-28.

3.1.18. Бюлер Б. Особенности Астраханской губернии, ее жители и промыслы. – СПб.: Изд. МВД, 1847. – 126 с.

3.1.19. Герц К.О. О европейской и преимущественно российской торговле с Турцией и Персией. - М.: Тип. Имп. АН, 1839. – 88 с.

3.1.20. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку. – Одесса: б/и, 1840. – 18 с.

3.1.21. Гурьев Б. Торговля России с Персией и проект Великого индийского пути. В кн.: Восточный сборник. - СПб.: Типо-литогр. Евстифеева, 1913. - С.89-158.

3.1.22. Василевский С.В. Краткое рассуждение о торговле. - СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1808. – 152 с.

3.1.23. Веселовский Н.И. Приём в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал министерства народного просвещения. - 1884. - № 7. – С.68–105.

3.1.24. Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. - СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. – 364 с.

3.1.25. Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. – СПб.: изд. Д.А. Казицына и Ю.Д. Филиппова, 1909. - 362 с.

3.1.26. Вощинин В.П. Современные задачи России на севере Персии. – Пг.: Екатерин. Тип., 1915. – 118 с.

3.1.27. Вульфсон Э.С. Персы в их прошлом и настоящем. - М.: Книгоиздательство А. С. Панафидиной, 1909. - 186 с.

3.1.28. Гагемейстер Ю.А. О европейской торговле в Турции и Персии. – СПб.: Тип. Деп. Внеш. Торг., 1838. – 139 с.

3.1.29. Гагемейстер Ю.А О торговом и промышленном движении по Волге и в ее бассейне. – СПб.: Тип. МПС, 1859. – 104 с.

3.1.30. Георги Г.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопримечательностей. В 4-х частях. Ч.4. О народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именований козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве. – СПб.: Изд Имп. АН, 1799. - 385 с.

3.1.31. Герц К.О. О европейской и преимущественно российской торговле с Турцией и Персией. – М.: Деп. Внеш. Торг., 1839. – 100 с.

3.1.32. Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. – М.: Универс. Типогр., 1790-1797. – 474 с.

3.1.33. Головщиков К.Д. История города Ярославля. – Ярославль: Типо-литография Г. Фалька, 1889. – 131 с.

3.1.34. Губаревич-Радобыльский А.Ф. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами Азии.// Материалы для изучения хлопководства. Вып. 2. - СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. – 252 с.

3.1.35. Гурьев Б. Торговля России с Персией и проект Великого индийского пути. В кн.: Восточный сборник. – СПб.: Гермес, 1913. - С.89–158.

3.1.36. Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку. – Одесса: Изд. губ. правл., 1840. – 120 с.

3.1.37. Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880-1885 гг. В 4 т. - СПб.: Тип.В.С. Балашова, 1883-1884.

3.1.38. Гулишамбаров С.И. Всемирная торговля в XIX веке и участие в ней России. –СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1898. – 248 с.

3.1.39. Гулишамбаров С.И. Итоги торговли и промышленности России в царствование императора Николая I (1825 – 1855 гг.). – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаум, 1896. – 68 с.

3.1.40. Дремков В. Ярмарочная торговля в Астраханской губернии за 1901 г. - Астрахань: Губ. типография, 1903 – 36 с.

3.1.41. Дитятин И.И. Устройство и управление городов России. Т. I-II. – СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875-1877. – 508 с.

3.1.42. Довнар-Запольский М.В. История русского народного хозяйства. – Пг.: Тип. И.И. Чоколова, 1911.Т.1. – 366 с.

3.1.43. Дюкруаси И. О торговле железом в Закавказском крае. // Записки кавказского отдела РГО. – Тифлис. - 1853.- Кн.II.- С.44–53.

3.1.44. Залесов И. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // Русский вестник. – 1871. – Т.91. - С.452-457.

3.1.45. Зубов П. Картина Кавказского края в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. - СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1834. – 146 с.

3.1.46. Зубов В.А. Общее обозрение торговли с Азией (Записка В.А. Зубова). // Русский Архив. - 1873. - Кн.1. - С. 879–894.

3.1.47. Ерманский А. Крупная буржуазия до 1905 г. // Общественное движение в России в начале XX в. – СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1909 – 676 с.

3.1.48. Иогель Н.В. Исследование Волги и вод ее речной области, как системы путей движения грузов между Европой и Азией. – СПб.: Тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1884. – 88 с.

3.1.49. Исторический очерк развития торговых учреждений в России. / Под ред. П.Х. Спасского. - СПб.: Типография Императорского училища глухонемых, 1911 – 40 с.

3.1.50. История торговли и промышленности в России. В 4т. – СПб.: Деп-т внутр. торговли, 1910 – 1914. – 430 с.

3.1.51. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1893. – 224 с.

3.1.52. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. с- М.: Университетская типография, 1896. – 62 с.

3.1.53. Кауфман А.А. Сведения о производстве золота и серебра на земном шаре со времени открытия Америки до наших дней (1493 – 1892). - СПб.: Центр. Стат. комитет МВД, 1894. - 29 с.

3.1.54. Кеппен А. Драгоценные металлы, их потребление и производительность. - СПб.: Тип. и хромолитография А. Траншеля 1880. – 169 с.

3.1.55. Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII столетии. - М.: Унив. тип., 1903. – 810 с.

3.1.56. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. – М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1909. – 473 с.

3.1.57. Козловский И. Краткий очерк истории русской торговли. Вып.2. – Киев: Тип. А.О. Шнерензона,1900. – 164 с.

3.1.58. Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI - XVII вв. - СПб.: издание Н. Тиблена, 1862. – 299 с.

3.1.59. Костомаров Н.И. Очерки истории торговли Московского государства XVI-XVII столетиях. - СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. - 359 с.

3.1.60. Крюков П. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России. –СПб.: Тип. Деп-та внешней торговли, 1853. – 244 с.

3.1.61. Котлецов А.А. Русская буржуазия. – М.: Тип. Рябушинского, 1912 – 31 с.

3.1.62. Корсун Н. Военный обзор персидского театра военных действий. – Тифлис: электропечатня Штаба Кавк. воен. округа,, 1909. – 272 с.

3.1.63. Кристинин В.В. Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 по 1719 гг. – СПб.: б/и, 1795. -111 с.

3.1.64. Кулишер И.М. Очерки по истории таможенной политики России. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. – 52 с.

3.1.65. Курц Б.Б. Сочинения Кильбургира о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. - Киев: Типография И.И. Чоколова, 1915. - 606 с.

3.1.66. Курц Б.Б. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родесса. – Москва: Изд. Императорскаго О-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1915. – 268 с.

3.1.67. Кюрзон Г.Н. Персия и персидский вопрос. Извлечение из I тома Десино... II том Грен- даль // Сборник материалов по Азии. - Вып. 52. - СПб., 1893.

3.1.68. Лаппо-Данилевский А.С. Русския промышленныя и торговыя компании в первой половине XVIII столетия. - СПб.: В.С. Балашев и К, 1899. – 126 с.

3.1.69. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическом отношениях. – СПб.: Общественная польза, 1900. – 162 с.

3.1.70. Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. – 358 с.

3.1.71. Лурье Е.С. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. – СПб.: С.-Петерб. политехн. ин-т имп. Петра Великого, 1913. – 191 с.

3.1.72. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX-XVIII вв. - М.: Изд. магазина «Сотрудник школ», 1905. - 279 с.

3.1.73. Мельников П.И. Очерк Нижегородской ярмарки. – Нижний Новгород: Изд. ярмарочного купеческого общества, 1858. – 214 с.

3.1.74. Миллер П. Русская транзитная торговля в XIX столетии. // Русское экономическое обозрение. – 1903. - №6. – С.66-110.

3.1.75. Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. - СПб.: Тип. Санкт-Петерб. тов-ва «Труд»,1909. - 285 с.

3.1.76. Небольсин П.И. Очерки торговли со Средней Азией. - СПб.: Тип. Мин-ва гос. имущ-в, 1862. – 164 с.

3.1.77. Овсянников Н.Н. О торговле на Нижегородской ярмарке. – Нижний Новгород: Типография Г.А. Пендрина, 1867. – 168 с.

3.1.78. Остапенко С.С. Персидский рынок и его значение для России. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1913. – 176 с.

3.1.79. Павлов А. О азиатских народах, обитающих в южной России. - СПб.: Тип. Х. Гинца, 1841. – 53 с.

3.1.80. Пажитнов К. Очерк развития буржуазии в России // Образование. – 1907. - №2. – С.62-88.

3.1.81. Пельчинский В.С. О состоянии промышленных сил России до 1832 г. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1833. – 186 с.

3.1.82. Пичета В.И. Торговая и промышленная политика в России XVIII в. Книга для чтения по истории нового времени. Т.2. - М.: Изд. М. Сытина, 1911. - 638 с.

3.1.83. Пландовский Н. Народная перепись. - СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. – 378 с.

3.1.84. Познер М.К. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. - СПб.: Тип. Киршбаума, 1895. – 435 с.

3.1.85. Попов А. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. - СПб.: Тип. Имп. АН, 1853. – 188 с.

3.1.86. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I-IV. СПб., 1885-1888.

3.1.87. Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию типографии Вольного Экономического общества. – СПб.: Тип. ВЭО, 1809. – 550 с.

3.1.88. Руссов С.В. Путешествие из Оренбурга в Хиву самаркандского купца Рукавина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен доныне. - СПб.: Тип. МВД, 1840. – 56 с.

3.1.89. Рычков П.И. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой своей части разные известия о древнем состоянии сел губернии, и обитавших в ней народов, а во второй о покорении сего царства под державу российских монархов. – М.: Печ. При Моск. ун-те, 1774. – 76 с.

3.1.90. Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря. - СПб.: Изд. Императорской Академии наук, 1763. – 55 с.

3.1.91. Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Ч. 1-3. - СПб.: тип. И.И. Глазунова и К° 1859. - 536 с.

3.1.92. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. В 2 т. – Киев: тип. А. И. Гроссман, 1917-1919.

3.1.93. Смирнов П.П. Экономическая политика Московского государства в XVII веке. - Киев.: тип. т-ва И.Н. Кушнеров и К, 1912. - 44 с.

3.1.94. Соловьёв С.М. Московские купцы в XVII в. //Современник. - 1858. - Т.71. - № 10. - 476 с.

3.1.95. Соловьёв С.М. Русский город в XVII в. // Современник. - 1853. - Т.37. - 930 с.

3.1.96. Струве П.Б. Торговая политика России. – СПб.: Лито-типография Трофимова, 1913. – 244 с.

3.1.97. Сивков К. Городская буржуазия 10 лет тому назад // Голос минувшего. - 1915. - №12. – С.1-66.

3.1.98. Соколов А.П. Астрахань в ее прошлом и настоящем // Журнал МВД. – 1845. – № 10, с. 43 – 85; № 11, с. 177 – 210; № 12, с. 363 – 397.

3.1.99. Сыромятников Б.И. История русского торгового права. - М.: Моск. коммерч. институт, 1914. – 585 с.

3.1.100. Тарасенко-Отрешков Н.И. Индия и ее отношение к России. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1858. – 144 с.

3.1.101. Тарасенко-Отрешков Н.И. Обзор внешней торговли России последних 25 лет. – СПб.: Тип. Штаба отд. корпуса вн. стражи, 1859. – 156 с.

3.1.102. Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. – М.: Тип. Имп. АН, 1857. – 457 с.

3.1.103. Тер-Гукасов Г. Экономические и политические интересы России в Персии. –Пг.: Тип. Ф. Киршбаума, 1915. – 140 с.

3.1.104. Тярин Н. Записки о поездке на Нижегородскую ярмарку Московской коммерческой практической академии воспитанника Н. Тярина. – М.: иждивением Моск. коммерч. практич. акад. действующего члена П.Ф. Веретенникова, 1827. – 124 с.

3.1.105. Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1-2. - М.: Типография Лисснера и Гешеля, 1899. - 1552 с.

3.1.106. Ульяницкий В.А. Сношения России с Средней Азией и Индией. - М.: Университетская типография, 1889. – 65 с.

3.1.107. Ульяницкий В.А. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI – XVII вв. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн.2,3. 1888. С.1-57.

3.1.108. Федоров М.П. Соперничество торговых интересов на Востоке. - СПб.: Электро-типография Н.Я.Стойковой, 1903. - 414 с.

3.1.109. Финн-Енотаевский А. Современное хозяйство России (1890-е гг.). – СПб.: Изд. М.И. Семенова, 1911. – 522 с.

3.1.110. Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование Екатерины II. - Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1902. – 386 с.

3.1.111. Чичинадзе Д.В. Значение иностранных консулов. Права и круг их обязанностей. – Астрахань: тип. И.Н. Явленского, ар. Л.Т. Росляковым, 1876. – 17 с.

3.1.112. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от давних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. - СПБ.; М.: Тип. Имп. АН, 1781–1788. Т. 1–7 (22 кн.).

3.1.113. Шавров Н.Н. Русский путь в Закавказье. - СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. – 60 с.

3.1.114. Шавров Н. Судоходство и торговля в южной части Каспия. - СПб.: Типография Усманова, 1912. – 137 с.

3.1.115. Шавров Н.Н. Внешняя торговля Персии и участие в ней России. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1913. – 104с.

3.1.116. Шавров Н.Н. Персидское побережье Каспийского моря, его производительность и торговля. – Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1912. – 124 с.

3.1.117. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. Т.II. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1903. – 902 с.

3.1.118. Шипов А.П. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения для России. – СПб.: Тип. Т.Т. Волкова, 1857. – 96 с.

3.1.119. Шипов А.П. О значении внутренней и внешней торговли вообще и особенно в России. – М.: Тип. Бахметьева., 1861. – 92 с.

3.1.120. Шопен И.И. Некоторые замечания на книгу «Обозрение российских владений за Кавказом». – СПб.: Тип. А.А. Плюшара, 1840. – 144 с.

3.1.121. Шпаковский.А.Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI-XVII вв. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1915. – 54 с.

3.1.122. Шперк Ф.Ф. Индусы в Астрахани // Астраханский листок. - 1898 - №42-52.

3.1.123. Штылько А.Н. Астраханская летопись (известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни г. Астрахани), - Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1898. – 126 с.

3.1.124. Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань. – Саратов: Паровая скоропечатная Губернского правления, 1896. – 108 с.

3.1.125. Штылько А.Н. Волжско-Каспийское судоходство в старину.– СПб.: Типо-литография Р. Голике, 1896. – 76 с.

3.1.126. Штылько А.Н. Из истории астраханской торговли и промышленности. – Астрахань: Губернская типография, 1898. – 38 с.

3.1.127. Эллисон Ф. Взгляд на историю, настоящее положение и будущее хлопчатобумажной торговли. // Вестник промышленности. - 1861. - №7. Т.13. - № 9. Т.14. С.1–78.

3.2. Литература советского и постсоветского периодов

3.2.1. Абдуллаев Ф.А. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX века. – Ташкент: Фан, 1971. – 135 с.

3.2.2. Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения. – Ташкент: Фан, 1975. – 132 с.

3.2.3. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А. Государственное регулирование национальной политики. - М.: Славян. диалог, 2001. – 111 с.

3.2.4. Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. К 150-летию присоединения Восточной Армении к России. – М.: Наука, 1978. – 311 с.

3.2.5. Алексеев В.А., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI-XX вв. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

3.2.6. Алиев Ф.М. Миссия посланника русского государства А.П. Волынского в Азербайджане (1716-1718 гг.). – Баку: Элм, 1979. – 122 с.

3.2.7. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань: Таткнигиздат, 2005. – 152 с.

3.2.8. Амирханов Р.У. Татарская демократическая печать (1905-1907 гг.). – М.: Наука, 1988. – 191 с.

3.2.9. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России в 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. – Л.: Наука, 1991. – 200 с.

3.2.10. Ананьич Б.В. Петербург. История банков. - СПб.: Третье тысячелетие, 2001. – 304 с.

3.2.11. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVII - начале XIX в. - М.: АН СССР, 1960. – 456 с.

3.2.12. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. - М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998. – 270 с.

3.2.13. Астрахань-Гилян в истории российско-иранских отношений. – Астрахань: Изд. АГУ, 2004. – 213 с.

3.2.14. Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. – Астрахань: Волга, 1997. – 132 с.

3.2.15. Атаев Х.А. Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900-1917 гг.). – Ашхабад: Ылым, 1989. – 149 с.

3.2.16. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII-XIX вв. - М.: Наука, 1991. – 391 с.

3.2.17. Баграмов Э.А. Национальный вопрос и буржуазная идеология. – М.: Мысль, 1966. – 325 с.

3.2.18. Базилевич К.В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. - Л.: АН СССР, 1933. – 29 с.

3.2.19. Байкова Н.Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях. Ташкент: Наука, 1964. – 191 с.

3.2.20. Балаян Б.П. Международные отношения Ирана в 1813-1828 гг. – Ереван: АН АрмССР, 1967. – 297 с.

3.2.21. Балаян Б.П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. – Ереван: АН АрмССР, 1988. – 279 с.

3.2.22. Бартольд В.В. Культура мусульманства. - Пг.: Огни, 1918. – 112 с.

3.2.23. Барышников М.Н. История делового мира России. - М.: ОО «Аспект-пресс», 1994. – 224 с.

3.2.24. Берг А.С. Туркмения. Т.1. История Туркмении. - Л.: АН СССР, 1929. – 167 с.

3.2.25. Берлин П.А. Русская буржуазия в новое и старое время. - М.: Книга, 1922. - 308 с.

3.2.26. Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля: 19011923 гг. – Тифлис: Нарком по внеш. торг. ЗСФСР, 1923. – 56 с.

3.2.27. Бородина А.В. Россия: Астраханский край. Человек с историко-колонизационной точки зрения. – Петроград: КИЕПСР РАН, 1923. - 11 с.

3.2.28. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М.: Наука, 1989. – 188 с.

3.2.29. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: конец XIX в. – 1917 г. - М.: Наука, 1992. – 264 с.

3.2.30. Бромлей Ю.В. К типологии этнических общностей. Проблемы типологии в этнографии. - М.: Наука, 1979. – 271 с.

3.2.31. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1988. – 436 с.

3.2.32. Бурышкин П.А. Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – 352 с.

3.2.33. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений в 1586-1612 гг. - М.: Наука, 1976. – 478 с.

3.2.34. Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в 1715-1718 гг. - М.: Наука, 1978. – 288 с.

3.2.35. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70-е гг. XIX в.). - М.: Изд-во МГУ, 1955. – 116 с.

3.2.36. Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. – Волгоград: Нижневолжское книж. изд-во, 1973. – 47 с.

3.2.37. Ванаг Н.Н. Финансовый капитал России накануне Первой Мировой войны. - М.: Ком. ун-т им. Свердлова, 1925. – 192 с.

3.2.38. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. – Астрахань: Волга, 1958. – 122 с.

3.2.39. Внешнеэкономические связи Османской империи в Новое время (конец XVIII - начало XIX вв.). / С. М. Иванов, Н. Г. Киреев, М. С. Мейер, В. И. Шеремет; АН СССР. Ин-т Востоковедения. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. - 227 с.

3.2.40. Водарский Е.Я. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М.: Просвещение, 1973. – 160 с.

3.2.41. Гаджиев К.С., Соловьева Э.Г. Диаспоры и разделенные народы на постсоветском пространстве. - М.: ИМЭМО РАН, 2006. – 141 с.

3.2.42. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М.: ИД Прометей, 1997. – 432 с.

3.2.43. Галоян Г.А. Россия и народы Закавказья. - М.: Мысль, 1976. – 455 с.

3.2.44. Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. – Симферополь: ДОЛЯ, 2008. – 190 с.

3.2.45. Гейдаров М.Х. Города и городское ремесло Азербайджана XIII – XVIII вв. Баку: Элм, 1967. – 281 с.

3.2.46. Гейдаров М.Х. Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. – Баку: АН АзССР, 1967. – 200 с.

3.2.47. Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в к.30-н.40-х гг. XIX в. - М.: Изд-во МГУ, 1975. – 286 с.

3.2.48. Гиндин И.Ф. Из истории финансового капитала в России. – М.: Госфиниздат, 1948. – 246 с.

3.2.49. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 215 с.

3.2.50. Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705-1706 г. - М.: Изд. МГУ, 1975. – 326 с.

3.2.51. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во II половине XIX в. (социально-экономическое исследование). - Чебоксары: Изд-во ЧПГИ, 1994. – 192 с.

3.2.52. Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX - начала XX вв. М.: Терра, 1999. – 243 с.

3.2.53. Города феодальной России. – М.: Наука, 1966. - 400 с.

3.2.54. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л.: Гидрометеоиздат, 1989. – 526 с.

3.2.55. Гурко-Кряжин В.А. Краткая история Персии. - М.: Прометей, 1925. – 99 с.

3.2.56. Декин Н.И. К истории Астраханской губернии (до 1917 г.). – М.: Наука, 1998. – 202 с.

3.2.57. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. - М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 240 с.

3.2.58. Дмитриев Н.Н. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1935. – 309.

3.2.59. Достояние республики: из истории астраханских рыбных промыслов (XVIII – начало XX в.). – Астрахань: Изд-во КаспНИРХ, 2003. – 323 с.

3.2.60. Дробижев В.З. Историческая география СССР. - М.: Высшая школа, 1973. – 319 с.

3.2.61. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - нач. XX вв.). - СПб.: ЛИСС, 1998. – 1000 с.

3.2.62. Зайцев В.И. Астраханское ханство. - М.: Восточная литература, 2004. – 301 с.

3.2.63. Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией: сб. ст. / под ред. А.М. Петрова. - М.: Институт Востоковедения РАН, 2000. – 197 с.

3.2.64. Затеев В. И. Национальные отношения при социализме. - Улан-Удэ: Бурят. кн. из-во, 1975. – 184 с.

3.2.65. Зевакин Е.С. К истории прикаспийского вопроса. – Тифлис: ЗакГиз, 1934. – 41 с.

3.2.66. Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации в начале XVIII века. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана, 1927. – 32 с.

3.2.67. Зияев Х.З. Средняя Азия и Сибирь (II половина XVI—XIX в.). – Ташкент: АН УзССР, 1964. – 88 с.

3.2.68. Зияев Х.З. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина. XVI—XIX вв.). – Ташкент: АН УзССР, 1965. – 260 с.

3.2.69. Зоннештраль-Пискорский А.А. Международные торговые отношения Персии.- М.: Соцэкгиз, 1931. – 435 с.Ерасов Б.С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. – М.: Наука, 1990. – 207 с.

3.2.70. Ибрагимбейли Х.М. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. - М.: Наука, 1969. -286 с.

3.2.71. Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. – Самарканд: Самаркандский госуниверситет, 1961. – 296 с.

3.2.72. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). — Москва: Изд-во восточной литературы, 1958. – 251 с.

3.2.73. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. - М.: Госполитиздат, 1952. – 468 с.

3.2.74. Из истории империализма в России. Сборник статей. - М.-Л.: АН СССР, 1959. – 458 с.

3.2.75. Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). - М.: Нойес Лебен, 1994. – 167 с.

3.2.76. Имашева М.М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX в. – Саратов: СГАУ им. Н.И. Вавилова, 2010. – 247 с.

3.2.77. Имашева М.М. Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в кон. XVIII - нач. XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. – Астрахань: Изд. дом Р.В. Сорокина, 2015. – 186 с.

3.2.78. Имашева М.М. Татарское общественное движение в Астраханской губернии в к. XIX – н. XX вв. – Казань: Изд. Казанского университета, 2020. – 296.

3.2.79. Имперский строй в региональном измерении. XIX – начало XX вв. / Под ред. П.И. Савельева. - М.: МОНФ, 1996. – 342 с.

3.2.80. Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. – Ереван: АН АрмССР, 1958. – 447.

3.2.81. Исаев Г.С. Роль текстильной промышленности в генезисе и развитии капитализма в Росси 1760-1860 гг. - М.: Наука, 1970. – 186 с.

3.2.82. История Астраханского края. – Астрахань: Изд. АГУ, 2000. – 1122 с.

3.2.83. История Ирана / Отв. ред. М.С. Иванов. - М.: Изд. МГУ, 1977. – 487 с.

3.2.84. История Востока. Восток на рубеже средневековья и нового времени. Т.3. - М.: Восточная литература, 2000. – 695 с.

3.2.85. История внешней политики России. XVIII в. - М.: Международные отношения, 1998. – 304 с.

3.2.86. История отечественного востоковедения, с середины XIX в. до 1917 г. - М.: Восточная литература, 1997. – 358 с.

3.2.87. История предпринимательства в России. Книга 1. От средневековья до сер. XIX в. – М.: Изд-во МГИМО, 2000. – 504 с.

3.2.88. Иран: Сборник статей. / Под ред. А.З. Арабаджяна и Н.А. Кузнецовой - М.: Наука, 1973. – 215 с.

3.2.89. Кабузан В.М. Изменение в размещении населения России в XVII - I пол. XIX вв. (по материалам ревизий). – М.: Наука, 1971. – 192 с.

3.2.90. Казиев М. Нариман Нариманов. (Жизнь и деятельность). – Баку: Азернешр, 1970. – 187 с.

3.2.91. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. - М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 212 с.

3.2.92. Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX в. – Казань: Таткнигоиздат, 1974. – 319 с.

3.2.93. Карпов Н. Экономика современной Персии. – Тифлис: Заккнига, 1928. – 220 с.

3.2.94. Касымов Г. Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. - Казань: Татиздат, 1932. – 48 с.

3.2.95. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. – М.: АН СССР, 1958. – 355 с.

3.2.96. Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е гг. XIX в.). - М.: Изд-во МГУ, 1968. – 454 с.

3.2.97. Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. - М.: Высшая школа, 1963. – 288 с.

3.2.98. Кирокосьян М. Пираты Каспийского моря: Очерки пиратства на Волге и Каспийском море. – Астрахань: Чилим, 2007. – 190 с.

3.2.99. Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России. – Самара: Изд-во ВНИИСЗ, 1994. – 187 с.

3.2.100. Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в к. XIX – н. XX в. – Саратов: Изд-во СГУ, 1981. – 199 с.

3.2.101. Клокман Р.Ю. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XIX в. - М.: Наука, 1967. – 335 с.

3.2.102. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. - М.: Прометей, 1991. – 333 с.

3.2.103. Ключников Ю, Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч.1. - М.: Литиздат НКИД, 1925. – 372 с.

3.2.104. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XYIII - начало XX вв.: Опыт количественного анализа. - М.: Наука, 1974. - 413 с.

3.2.105. Крандиевский С.И. Очерки по историографии экономической истории (XVII-XIX вв.). - Харьков: изд-во ХГУ, 1964. – 308 с.

3.2.106. Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX в. - М.: Наука, 1983. – 265 с.

3.2.107. Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). - М.: Институт Востоковедения РАН, 1998. – 116 с.

3.2.108. Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII - первой половине XIX вв. – Саранск: Мордов. книж. изд., 1977. – 288 с.

3.2.109. Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. – Саранск: Изд. МордГУ, 1993. – 167 с.

3.2.110. Кугрышева Э.В. История армян в Астрахани. – Астрахань: Волга, 2007. – 288 с.

3.2.111. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. - Челябинск: Социум, 2008. – 756 с.

3.2.112. Кулишер И.М. Очерки истории русской промышленности. – Пг.: Изд-во Петрогубпрофсовета, 1922. – 156 с.

3.2.113. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. - Пг.: Изд-во Коминтерна, 1923. – 328 с.

3.2.114. Кундакбаева Ж.Б. Политика российской Империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII в.: историография проблемы и источники изучения. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 123 с.

3.2.115. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Ее императорского Величества…» Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. – М.: АИРО-XXI, 2005. – 304 с.

3.2.116. Купечество в России, XV – первая половина XIX вв.: Сб. статей в честь проф. А.А. Преображенского / РАН Ин-т российской истории. Отв. Ред. Семенова А.В. – М.: Изд-во РАН, 1997. – 254 с.

3.2.117. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в. - М.: ИИ АН СССР, 1963. – 371 с.

3.2.118. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861-1900 гг.). - М.: Мысль, 1974. – 250 с.

3.2.119. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – 195 с.

3.2.120. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. – Баку: АН АзССР, 1948. – 190 с.

3.2.121. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). - М.: Крафт+, 2001. – 170 с.

3.2.122. Летопись Астрахани. Под ред. А.А. Раздолина. – Астрахань: Изд-во АГУ, 2008. – 352 с.

3.2.123. Липчанский А.М. Столица преславной провинции: История астраханского городского общественного самоуправления. — Астрахань: Изд-во АГУ, 2008. – 363 с.

3.2.124. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I, 1722-1723 гг. - М.: Изд. МГУ, 1951. – 247 с.

3.2.125. Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности XVII – нач. XIX вв. – М.: Гос. Изд-во политич. лит-ры, 1947. – 352 с.

3.2.126. Любомиров П.Г. Ткацкая промышленность в Астрахани в XVIII - I половине XIX вв. – Астрахань: Губплан, 1926. – 20 с.

3.2.127. Люстерник Е.Я. Русско-индийские экономические связи в XIX в. – М.: Наука, 1958. – 202 с.

3.2.128. Лященко П.И. История народного хозяйства. - М.: Политиздат, 1952. – 738 с.

3.2.129. Мавродин В.В. Экономический рост России, внутренняя и внешняя политика в конце XVII – первой половине XVIII в. - М.: б/и, 1957. – 68 с.

3.2.130. Марков А.С. Забытые страницы. – М.: Советская Россия, 1984. – 236 с.

3.2.131. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. - М.: МГУ, 1996. – 304 с.

3.2.132. Менталитет и культура предпринимателей России XVII-XIX вв.: Сб. статей / Под ред. Пушкарева Л.Н. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 342 с.

3.2.133. Мехтиев Г.Г. Присоединение Азербайджана к России и его историческое значение. – Баку: Азгосуниверситет, 1950. – 180 с.

3.2.134. Мешалин И.В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII - I половине XIX века. - М.: АН СССР, 1950. – 257 с.

3.2.135. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во II пол. XVIII – I пол. XIX вв. - М.: Наука, 1986. – 259 с.

3.2.136. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 1 т., 548 с., 2 т., 583 с.

3.2.137. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). - Л.: Наука, 1985. – 301 с.

3.2.138. Монополии и иностранный капитал в России. Сборник статей. - М.-Л.: АН СССР, 1962. – 435 с.

3.2.139. Мусульманские депутаты Государственной Думы 1906-1917 гг.: Сборник документов и материалов / Составитель Л.А. Ямаева. Уфа, 1998. – 389 с.

3.2.140. Мустафаев Дж. М. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII – начало XIX вв.). – Баку: Элм, 1989. – 128 с.

3.2.141. Мухаметдинов Р.Ф. Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, ССР, СНГ (70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). – Казань: Заман, 1996. – 270 с.

3.2.142. Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России 1880-1890 гг. – Л., 1974.

3.2.143. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х - начале 90-х годов XIX в. - Л., 1984.

3.2.144. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. – М. 1994.

3.2.145. Насыров К.З. Магелланы Каспийского моря. – Казань: Грумант, 2022. – 185 с.

3.2.146. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сборник статей / Под ред. академика РАН Ю.А. Полякова и доктора исторических наук Г.Я. Тарле. Составитель Г.Я. Тарле. - М.: Институт рос. истории, 2001. – 330 с.

3.2.147. Новая история стран Зарубежного Востока. Т.1. - М.:Изд. МГУ, 1952. – 564 с.

3.2.148. Об особенностях империализма в России. Сборник статей / Ред. коллегия: А. Л. Сидоров (отв. ред.) и др. - М.: АН СССР, 1963. – 440 с.

3.2.149. Оль П.В. Иностранные капиталы в России. – Пг.: 4-я Государственная типография, 1922. – 304 с.

3.2.150. От губернии к области: страницы далекого прошлого Астраханского края. – Астрахань: ГААО, 1995. – 32 с.

3.2.151. От Кутума до Кизани. Историко-краеведческий очерк. – Астрахань: Пента, 2000. – 92 с.

3.2.152. Очерки истории СССР. XVIII в. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. - М.: АН СССР, 1954. – 814 с.

3.2.153. Павлович М.П. Революционный восток. Часть I: СССР и Восток. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. – 332 с.

3.2.154. Пажитнов К.А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России: хлопчатобумажная, льнопеньковая и шелковая промышленность. - М.: АН СССР, 1986. – 425 с.

3.2.155. Пажитнов К.А. Очерки истории хлопчатобумажной, льнопеньковой и шелковой промышленности. - М.: АН СССР, 1958. – 423 с.

3.2.156. Переход от феодализма к капитализму. Материалы Всесоюз. дискуссии / Ред. коллегия: чл.-кор. АН СССР В.И. Шунков (отв. ред.) и др. - М.: Наука, 1969. - 413 с.

3.2.157. Петрушевский И.П. Колониальная политика российского царизма в Азербайджане 20-60-х гг. XIX в. - М.-Л.: АН СССР, 1937. – 488 с.

3.2.158. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI - начале XIX вв. - Л.: Изд. ЛГУ, 1949. – 182 с.

3.2.159. Петров Ю.А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. – М.: Мосгорархив, 2002. – 436 с.

3.2.160. Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX-XX вв.). - М.: Госфиниздат, 1954. – 268 с.

3.2.161. Покровский С.А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. - М.: Междунар. книга, 1947. – 404 с.

3.2.162. Половников А.П. Торговля в старой России. – М.: Государственное издательство торговой литературы, 1958. – 100 с.

3.2.163. Полоскова Т. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. - М.: Наука , 1999. – 252 с.

3.2.164. Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 416 с.

3.2.165. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. - М.: ИС РАН, 2003. – 337 с.

3.2.166. Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. – М.: ИРИ, 1994. – 231 с.

3.2.167. Предпринимательство в России (II половина XIX – начало XX в.) / Составители Дранишникова А.В. и др. – М.: ИРИ, 1992. – 572 с.

3.2.168. Предпринимательство и городская культура в России. 1861-1914. (Б.В. Ананьич, С.Г. Беляев, С.К. Лебедев и др.) - М.: Три квадрата, 2002. – 312 с.

3.2.169. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. / Редкол.: д.и.н., проф. В. И. Бовыкин и др. - М.: РОССПЭН, 1997. – 343 с.

3.2.170. Раванди-Фадаи Л.М., Атабаки Т. Жертвы времени: жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. - М.: ИВ РАН, 2020. – 531 с.

3.2.171. Разгон В.Н. Современная американская и английская историография российской буржуазии. – Барнаул: АГУ, 1988 – 87 с.

3.2.172. Ратин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). – М.: Госстатиздат, 1956. – 352 с.

3.2.173. Рожкова М.К. Экономические связи России со Средней Азии (40-60-е гг. XIX вв.). - М.: Изд. АН СССР, 1963 – 236 с.

3.2.174. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во II четверти XIX века и русская буржуазия. – М.: Изд. АН СССР, 1949. – 392 с.

3.2.175. Ронин С.Л. Иностранный капитал и русские банки. - М.: Ком. ун-т им. Свердлова, 1926. – 144 с.

3.2.176. Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / В. В. Трепавлов, Н. Е. Бекмаханова, Д. И. Исмаил-Заде и др. – М.: Наука, 2003. – 376 с.

3.2.177. Россия. Астраханский край. Человек с историко-колонизационной точки зрения. – Пг: б/и, 1923. – 11с.

3.2.178. Рудных С. География Ирана. - М.: Институт Востоковедения, 1941. – 244 с.

3.2.179. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 560 с.

3.2.180. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. – М.: Наука, 1983. – 269 с.

3.2.181. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. – М.: Мысль, 1978. – 295 с.

3.2.182. Рябцев А.Л. Роль Ирана в восточной торговле России в XVIII в. – М.: Изд-во МПГУ, 2002. – 214 с.

3.2.183. Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. – Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2012. – 118 с.

3.2.184. Савлин М.Л. Меценатство в России: научно-аналитический обзор. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – 50 с.

3.2.185. Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX вв. – Казань: изд-во Академии наук «Фан» Академии наук РТ, 2004. – 260 с.

3.2.186. Селенский Ю. Не расти у дороги. – Волгоград: Нижневолжск. книж. изд-во, 1983. – 304 с.

3.2.187. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905-1916 гг.). – Нижний Новгород: Медина. – 2009 – 518 с.

3.2.188. Семёнов Л.С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. - Л.: ЛГУ, 1963. – 142 с.

3.2.189. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. - М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.

3.2.190. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв. Т.1. - М.: Соцэкгиз, 1947. – 246 с.

3.2.191. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 т. - М.: Соцэкгиз, 1959-1966.

3.2.192. Соловьев О.Ф. Из истории русско-индийских связей. - М.: Соцэкгиз, 1958. – 97 с.

3.2.193. Султан-заде А.С. Современная Персия. М.: Госиздат, 1922. – 66 с.

3.2.194. Сухова А.А. Предпринимательство и предприниматели в российской истории. – Пенза: Пензенский госуниверситет, 2000 – 142 с.

3.2.195. Сысоев П.С. Из истории борьбы за установление советской власти в Астрахани (исторический очерк). – Астрахань: Волга, 1956 – 50 с.

3.2.196. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. - М.: Наука, 1964 – 244 с.

3.2.197. Тарновский К.Н. Социально-экономическое развитие России. Начало XX в. Советская историография середины 1950-х – 1960-х гг. – М.: Наука, 1990 – 290 с.

3.2.198. Тимофеева А.А. История предпринимательства в России. – Владивосток: ВГУЭС, 2005. – 218 с.

3.2.199. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII-начале XX в. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 368 с.

3.2.200. Тишков В.А. Политическая антропология // Российские исследования в гуманитарных науках.- Lewiston: The E.Mellen Press, 2000. Т.1. – 338 с.

3.2.201. Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI-XVIII вв. / Сост.: А.И. Раздорский, А.В. Юрасов; Отв. ред. А.П. Павлов. - СПб.: Изд. СПбГУ, 2001. – 302 с.

3.2.202. Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Н.Б. Голиковой. / Редкол.: Л. А. Тимошина (отв. ред.), И. А. Тихонюк; Вступ. ст. В. М. Соловьева. – М.: Археографческий центр, 1994. – 303 с.

3.2.203. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. - М.: Восточная литература, 2002. – 751 с.

3.2.204. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 460 с.

3.2.205. Усманова Д. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной думе России (1906-1917). – Казань: Мастер-Лайн, 1999. – 163 с.

3.2.206. Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX века. - М.: Наука, 1958. – 396 с.

3.2.207. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. - М.: Наука, 1960. – 398 с.

3.2.208. Фирсов Н.Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. – Казань: Гос. изд-во ТССР, 1922. – 236 с.

3.2.209. Хабенская Е.О. Татары о татарском. - М.: Наталис, 2000. – 206 с.

3.2.210. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии. - М.: Восточная литература, 1960. – 272 с.

3.2.211. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в к.XVIII – нач. XX вв. – Казань: Идел-Пресс, 2001. - 383 с.

3.2.212. Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788-1917): институты, идеи, люди. - Нижний Новгород: ИД «Медина», 2010. - 208 с.

3.2.213. Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе - М.: Издательский дом Марджани, 2013. - 344 с.

3.2.214. Хромов П.А. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. - М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. – 176 с.

3.2.215. Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. - М.: Госполитиздат, 1957. - 367 с.

3.2.216. Цыбин В.М. Пароход на Волге. – Саратов: Изд. и книготорговый дом «Пароход», 1996. – 3661 с.

3.2.217. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. - М.: Восточная литература, 1979. – 286 с.

3.2.218. Шацило М.К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. – М.: Институт российской истории РАН, 2004. – 265 с.

3.2.219. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во II половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

3.2.220. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. – М.: Наука, 1987. – 272 с.

3.2.221. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. – Л.: Наука, 1973. – 347 с.

3.2.222. Шитов Г.В. Персия под властью Каджаров. - Л.: АН СССР, 1933. – 229 с.

3.2.223. Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII - первой половине XIX в. – Ульяновск: УлГУ, 2007. – 427 с.

3.2.224. Штраух А. 'Торговый капитал в Московском государстве. - М.: Молодая гвардия, 1931. – 144 с.

3.2.225. Этнические группы в городах Европейской части СССР / Редкол.: Е. М. Поспелов (пред.) и др. - М.: АН СССР, 1987. – 146 с.

3.2.226. Эфрос Г.М. Шелковая промышленность в России и наша таможенная политика. - М.: МГУ, 1918. – 275 с.

3.2.227. Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. – Баку: АН АзССР, 1988. – 158 с.

3.2.228. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX - начало XX в. Статистический анализ. – М.: Наука, 1987. – 223 с.

3.2.229. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60 годы XVIII века). - М.: ИРИ РАН, 1994. – 261 с.

3.2.230. Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. - М.: Изд. АН СССР, 1953. -203 с.

3.2.231. Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. - М.: Наука, 1973. – 302 с.

3.3. Статьи в периодических изданиях и коллективных монографиях

3.3.1. Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. - 2000. - №2. – С.74-78.

3.3.2. Аствацатурова М. Северокавказские этнические сообщества Ставрополья: движение к диаспоре // Диаспора. - 2001. - №1. – С.11-23.

3.3.3. Базилевич К.В. Новоторговый устав // Известия АН СССР. - 1932. - № 7. – С.589-622.

3.3.4. Базилевич К.В. Элементы меркантилизма в экономической политике Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. - М., 1940. - Вып. 41. – С.3-34.

3.3.5. Байкова Н.Б. К вопросу о русско-индийских торговых отношениях в XVI-XVII вв. // Труды Института Востоковедения АН УзССР. - 1956. – Вып.4. – С.75-94.

3.3.6. Бакланова Н.Д. Внешняя торговля России в XVII в. // Очерки по истории торговли и промышленности России в XVII и в начале XVIII столетиях. М.: Госполитиздат, 1928. - С. 6-42.

3.3.7. Бахрушин С.В. Ярославские торги в XVII в. // Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. - М.: Наука, 1987. – С.141-158.

3.3.8. Бредникова О., Паченков О. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспора. - 2001. - №1. – С.131-147.

3.3.9. Бушев П.П. Беспошлинная торговля русских купцов в Иране в 1732-1747 гг. // Иран. История и культура в средние века и в новое время. М.: Наука, 1980. - С. 78-90.

3.3.10. Буяхаев С. Этнические меньшинства в республике Бурятия // Российский этнограф. - 1993. - №12. – С.60-61.

3.3.11. Боханов А.Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. // История СССР. – 1985. - №4. – С.106-118.

3.3.12. Боханов А.Н. Торговые дома в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. – 1990. - №4. – С.88-101.

3.3.13. Боханов А.Н. Дореволюционная буржуазия: парадоксы российского предпринимательства // Российская провинция. – 1995. - №2. – С.66-78.

3.3.14. Бунаков Е.В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. // Советское востоковедение. – 1941. - №2. - С.5-26.

3.3.15. Васильева Е.А. История становления полиэтничного состава населения Астраханского края // Русские древности. Сборник научных трудов. К 75-летию профессора И.Я. Фроянова. Труды исторического факультета СПбГУ. Т.6. - СПб., 2011. – С.328-341.

3.3.16. Вилков О.П. Русские товары на Тобольском рынке в XVII в. // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Сиб. отд. АН СССР, 1965. - Вып.2 - С.40-92.

3.3.17. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественные науки современности. - 2000. - №3. – С.115-130.

3.3.18. Водарский Е.Я., Кабузан В.М. Население городов России в XVI – начала XX в. (к вопросу о методике изучения численности и состава) // Второй всесоюзный семинар по исторической демографии. – Рига: АН ЛатвССР 1977. – С.84-85.

3.3.19. Волков М.Я. Таможенная реформа 1753-1757 гг. // Исторические записки. Т.71. - М.: АН СССР, 1985. - С. 134-157.

3.3.20. Волков М.Я. Об особенностях первой стадии первоначального накопления в России // Вопросы истории. – 1970. - №10. – С.100-115.

3.3.21. Воробьева А.Г. О торговых пошлинах в российско-азербайджанской торговле // Известия АН АзССР. - 1981. - №1. - С.43-48.

3.3.22. Гейдаров М.Х. О товарах ремесленного производства, вывозимых из Азербайджана по Каспийско-Волжскому пути в XVII в. // Известия АН АзССР. - 1965. - №5. - С.32-45.

3.3.23. Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. – 1963. - №2. – С.57-80.

3.3.24. Гиндин И.Ф. О некоторых особенностях экономической и социальной структуры российского капитализма в начале XX в. // История СССР. - 1966. - №3. - С.51-56.

3.3.25. Голикова Н.Б. Торговые связи городов Подмосковья в конце XVII - начале XVIII вв. // Русский город. - М.: Наука, 1976. – С.70-104.

3.3.26. Голикова Н.Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII - первой четверти XVIII вв. // Русский город. М.: Наука, 1980. – С.37-65.

3.3.27. Голикова Н.Б. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // Архив русской истории: Научно-исторический журнал. - 1995. - №6. – С.13-19.

3.3.28. Гольдберг Н.М. Русско-индийские отношения в XVII в. // Ученые записки Тихоокеанского института. АН СССР. Т.2. - М.: АН СССР, 1949. - С.129-141.

3.3.29. Горшков Н., Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в Российской истории и историографии // Ислам в Евразии: современные этические и эстетические концепции суннитского Ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С.81-94.

3.3.30. Граве В.В. Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. – 1956. - №6. – С.63-74.

3.3.31. Давыдова А.А. История издания и функционирования газеты «Бурганъ-Таракки» (1905-1911 гг.) // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2011. - №3(39). – С.17-25.

3.3.32. Дахшлейгер Г.Д. Из истории русско-индийских связей в XVII - первой половине XVIII вв. // Вестник АН КазССР. - 1956. - № 3. – С.84-98.

3.3.33. Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность // Вопросы истории. - 1976. - № 4. – С.16-30.

3.3.34. Дуров В. Лев, Солнце и Орел // Родина. Россия и Иран: диалог цивилизаций. – 2001. - №5. –С.93.-95.

3.3.35. Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. - 2004. - №3. - С. 126–138.

3.3.36. Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. - 1999. - №1. – С.222-234.

3.3.37. Жовтун Д.Т. Конфликтология. Межэтнические конфликты в структуре современного российского социума // Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 1. – С.132-145.

3.3.38. Ермолаева Л.К. Крупное купечество России в XVII – первой четверти XVIII в. (По материалам астраханской торговли) // Исторические записки. Т.114. - М., 1986. - С.303-325.

3.3.39. Загидуллина Дж. Габдулла Тукай в Астрахани // Татарский мир. – 2008. - №4.

3.3.40. Загородникова. Т.Н. Индийский поход русской армии // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. - 2004. - № 3. - С.134-142.

3.3.41. Захаров В.Н. Торговля западноевропейских купцов в России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т.112. - М.,1985. - С.141-176.

3.3.42. Зевакин Е.С. Роспись торгового пути из Астрахани в Индию в середине XVII в. // Новый Восток. - 1925. - № 8-9. – С.140-162.

3.3.43. Злотников М. От мануфактуры к фабрике // Вопросы истории. – 1946. - №11-12. – С.31-48.

3.3.44. Зыков Ф.П. Шелк, хлопок и ткацкое дело в экономике Астраханского края в прошлом // Астрахань и Астраханский край. – Астрахань: Коммунист, 1925. – С.18-25.

3.3.45. Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении. // Астрахань и Астраханский край. – Астрахань: Коммунист, 1924. С.102-126.

3.3.46. Иванов И. Экономические предпосылки к 1905 г. (Краткий обзор) // 1905 год в Астрахани. – Астрахань: Коммунист, 1925. – С.10-22.

3.3.47. Иванов М.С. Иранская революция 1905-1911 годов. - М.: Изд. ИМО, 1957. – 560 с.

3.3.48. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сборник статей. – М.: Наука, 1971. – С.312-340.

3.3.49. Имашева М.М. Мусульманские общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в документах Астраханского губернского жандармского управления (1906-1913 гг.) // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт

этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)». – Казань: Ихлас, 2011, с.116-122.

3.3.50. Имашева М.М. О предпринимательстве татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов в конце XVIII – начале XIX вв. // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. - 2012. - №3. С.40-50.

3.3.51. Имашева М.М. Участие азербайджанского купечества во внутренней и внешней торговле Астраханской губернии в I половине XIX века // Каспийский регион: Политика, экономика и культура. - 2014. - №4. – С.36-44.

3.3.52. Имашева М.М. Участие астраханских мусульман в выборах в государственные Думы Российской Империи в 1906-1912 гг. (по материалам периодической печати и Государственного архива Астраханской области) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. - 2014. - №4 (17). - С.175-182.

3.3.53. Имашева М.М. Деятельность мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации в Астраханской губернии в начале XX века // Исламоведение. - 2015. - Т.6. №1 (23). - С.69-83.

3.3.54. Имашева М.М. Мустафа Лутфи Измайлов – лидер астраханского регионального общественного движения мусульман начала XX века // Преподаватель XXI век. - 2014. - №4-2. - С.283-298.

3.3.55. Имашева М.М. Национальная татарская школа вне рамок конфессиональной общины в начале XX века (на примере Астраханской мусульманской школы «Даруль-Эдеп») // Каспийский регион: политика, экономика и культура. - 2015. - №1 (42). - С.24-31.

3.3.56. Имашева М.М. Общественное движение мусульман на периферии Российской империи глазами агента жандармерии. По материалам Государственного архива Астраханской области // Вестник архивиста. - 2018. - №1. - С.207-218.

3.3.57. Имашева М.М. Мусульманские общества «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в документах Астраханского губернского жандармского управления (1906-1913 гг.) // Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)». – Казань: Ихлас, 2011. – С.115-119.

3.3.58. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. - 2005. - №5. - С.63-78.

3.3.59. Исхаков Д.М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и оценка численности в XVIII – н. XX вв. // Астраханские татары. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – С.5-33.

3.3.60. Исхаков Д.М. Татары в крупных городах Поволжья и Приуралья в к.XIX – н. XX вв. (этностатистический очерк) // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). - М.: АН СССР, 1987. – С.82-90.

3.3.61. Караваева И. О роли государства в развитии промышленного предпринимательства до 1917 г. // Вопросы экономики. – 1996. - №9. – С.54-62.

3.3.62. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. - 1995. - № 1. - С.3-34.

3.3.63. Козлова Н.В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1987. - №6. – С.47-55.

3.3.64. Козлова Н.В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1989. - №4. – С.17-28.

3.3.65. Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М., 1994. – С.214-229.

3.3.66. Кошман Л.В. Русская дореформенная буржуазия. Постановка вопроса и историография проблемы // История СССР. – 1974. - №6. – С.77-94.

3.3.67. Козинцева Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа. // Проблемы источниковедения АН СССР. – М.: ИИ АН СССР, 1962. - С.154-194.

3.3.68. Козинцева Р.И. От таможенного тарифа 1724 г. к тарифу 1731 г.// Вопросы генезиса капитализма в России.: сб. статей. - Л.: Изд. ЛГУ, 1960. С.182-216.

3.3.69. Котляр И.Б. «Справочная книга Санкт-Петербургского купечества» как источник этнической антропонимики Санкт-Петербурга // Этнические группы в городах Европейской части СССР. - М.: АН СССР, 1987. – С.14-22.

3.3.70. Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII вв. // Исторические записки. Т.57. - М., 1956. - С.232-254.

3.3.71. Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30-40-х годах XVIII в. // Исторические записки. Т.23. - М.,1947. - С.44-104.

3.3.72. Кушева Е.Н. Материалы Астраханской таможни как источник по социально-экономической истории России XVII-XVIII вв. // Из экономической и общественной жизни России. - М.: Наука, 1976. - С.261-272.

3.3.73. Лаверычев В.Я. Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей. - М.: Наука, 1986. - С.183-194.

3.3.74. Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки института ист. яз. и лит. им. Г. Цадасы. Махачкала, 1958. - Т.4. - С.12-25.

3.3.75. Лапина С., Лелюхина Н. Государственное предпринимательство в России (начало XX века) // Вопросы экономики. – 1994. - №8. - С.69-79.

3.3.76. Лебедев В.И. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. - 1954. - С.121–132.

3.3.77. Любомиров П.Г. Начальные моменты в истории хлопчатобумажной промышленности в России. // Исторический сборник. – 1936. №5. - С.39-76.

3.3.78. Люстерник Е.Н., Шапот Е.Г. О некоторых проектах организации русско-индийской торговли в XVIII в. // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып.9. - Л., 1960. - С. 15–30.

3.3.79. Мальцева Т.В. Восточная тема в русской документальной прозе XIX в. // Art Logos. – 2019. – №4(9). – С.6-19

3.3.80. Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII века. // Ученые записки Института востоковедения. Т.1. - Баку: Изд. АН АзССР, 1969. - С. 98-112.

3.3.81. Матвиевский Н.Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. - 1968. - №3. - С.98-111.

3.3.82. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» и к выработке его определения // Диаспоры. - 1999. - №2. - С.54-58.

3.3.83. Миронов Б.Н. Социальная мобильность российского купечества в XVIII - начале XIX вв. (опыт изучения) / Проблемы исторической демографии СССР. – Таллин: АН ЭССР, 1977. – С.207-217.

3.3.84. Минуллин Б.К. Татарская периодическая печать в Астрахани в начале XX в. // Научный Татарстан. – 2009. - №4. – С.220-222.

3.3.85. Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения XVII - первой половины XVIII в. в зарубежной историографии // История СССР. - 1960.- № 3. – С.183-190.

3.3.86. Обидина Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях // Запад-Восток. – 2012. -№4-5. – С.5-18.

3.3.87. Оздамирова Э.М. Правовая регламентация торговой деятельности персидского и азербайджанского купечества на Каспии в российском законодательстве первой половины XIX в. // Вестник АН Чеченской республики. - 2016. - №4. – С.67-71.

3.3.88. Остапенко Л., Субботина И. Проблемы социально-экономической адаптации выходцев из Закавказья в Москве // Диаспоры. - 2001. - №1. – С.50-59.

3.3.89. Парусов А.И. Из истории внутренней торговли России к. XVIII – I четверти XIX вв. // Ученые записки Горьковского Гос. Университета. Т.41 - 1960. - №4. - С.3-57.

3.3.90. Полонская Л.Р. Ислам и проблема адаптации к условиям «чужой» цивилизации // Ислам и проблемы межцивилизационного взаимодействия. Сборник статей. - М.: Наука, 1992. – С.45-79.

3.3.91. Попков В. Как живется кавказцам в российской провинции? (на примере Калуги) // Диаспора. - 2001. - №1. – С.11-24.

3.3.92. Попов А.Л. Из истории завоевания Средней Азии // Исторические записки – 1940. - №9. - С.180-212.

3.3.93. Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм // Исторические записки. – 1940. – №7. - С.182-235.

3.3.94. Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России 1861-1916 гг. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М.: РОССПЭН, 1997. – С.19-34.

3.3.95. Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.) // Вопросы истории. – 1961. - №4. – С.81-109.

3.3.96. Преображенский А.А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. // Исторические записки. Т.36. - М., 1951. - С. 269–286.

3.3.97. Петров А.М. Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии. // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. - С.5-62.

3.3.98. Рабинович Г.Х., Разгон В.Н. Российская буржуазия периода империализма в современной английской и американской историографии // Вопросы истории. – 1985. - №22. – С.20-32.

3.3.99. Рахимов С. Габдрахман Гумари // Татарские интеллектуалы: исторические портреты. – Казань: Магариф, 2005. - С.151-155.

3.3.100. Репин Н.Н. Русские и западноевропейские купцы в России XVII-XVIII вв. (К вопросу периодизации борьбы за рынок) // Торговля, промышленность и город в России XVII- начала XIX в. – М.: Наука, 1987. – С.51-67.

3.3.101. Репин Н.Н. К вопросу о связи внешнего и внутреннего рынка России со второй половины XVII - первой четверти XVIII вв. // Вестник МГУ. - 1970. - №6. – С.160-168.

3.3.102. Рожкова М.К. Торговля. // Очерки экономической истории России I половины XIX в. - М.: Соцэкгиз, 1959. – С.200-272.

3.3.103. Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. Т.54. – М., 1955. - С. 338-346.

3.3.104. Рутковская Л.А. Города России в конце XIX в. (из опыта создания карты исторического атласа СССР) // История географии и историческая география. – М.: Наука, 1975. – С.88-102.

3.3.105. Рухманова Э.Д. Архангельская торговля России (XVII в.) // Архангельская торговля России (XVII в.) // Вопросы истории европейского Севера. - Петрозаводск, 1980. – С.137-156.

3.3.106. Рындзюнский П Г. Гильдейская реформа Канкрина 1824 г. // Исторические записки. М., 1952. Т.39. - С.110-139.

3.3.107. Рябцев А.Л. Источники по истории Астраханского купечества последней четверти XVIII – н. XIX вв. // Астраханский гуманитарный сборник. – Астрахань: АГПУ, 1991. – С.14-19.

3.3.108. Рябцев А.Л. Особенности импортной и транзитной торговли России через Астрахань в XVIII в. // Вопросы истории. - 2003. - № 7. - С.144–149.

3.3.109. Рябцев А.Л. Особенности восточной торговли России XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2012. - № 5. - С.38–50 .

3.3.110. Рябцев А.Л. Проект таможенного тарифа В.Н. Татищева для Астраханского порта и его судьба // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 10(36). - Ч.1. - С.155–157.

3.3.111. Рябцев А.Л. Астраханское гильдейское купечество и его специализация в конце XVIII – начале XIX в.// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 9(35). - Ч. 2. - С.147–151 .

3.3.112. Рябцев А.Л. Роль Ирана в геополитических планах России в XVIII в. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI международной конференции (Волгоград, 28-30 ноября 2002 г.). - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. - С.30-42.

3.3.113. Рябцев А.Л. Иранское купечество в восточной торговле России XVIII в. // Человек и общество на рубеже тысячелетий. Вып.30. - Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2005. - С.265–275.

3.3.114. Салихов Р.Р. Мусульманская благотворительность и проблема формирования общинного самоуправления // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. – Казань: Мастер Лайн, 2002. – С.240-258.

3.3.115. Сафронова Е.В. Внутригосударственная организация консульской службы в России в XVIII-XIX вв. // Право и политика. – 2001. - №6. – С.117-122.

3.3.116. Сербина К.Н. Из истории местного рынка XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. - М.: Институт истории СССР, 1962. – С.86-98.

3.3.117. Тавакалян Н.А. Переселение армян из Персии и Турции в Закавказье после присоединения Восточной Армении к России // Историко-филологический журнал. - 1978. - № 3. – С.26-40

3.3.118. Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60 гг. XVII в. // Исторические записки. – 1955. - №53. – С.258-290.

3.3.119. Тихомирова Е. На кизылбашское дело // Родина. – 2001. - №5. – С.44-45.

3.3.120. Торопицын И.В. Протесты астраханского тюркского населения на действия местных российских властей в XVIII в. // Эхо веков. – 2022. – №3. – С.62-74.

3.3.121. Торопицын И.В. «По принятому в Персии обычаю». К визиту персидского шаха Насир эд-Дина в Астрахань. 1873 г. // Астраханский край в истории России XVI-XXI вв. – Астрахань: Изд. АГУ, 2007. - С.105-113.

3.3.122. Торопицын И.В. Попытки шахского двора наладить прямые торговые связи с западноеропейским рынком в первой половине XVIII в. // Россия и Иран. Пять веков сотрудничества.- М.: Институт востоковедения, 2022. С. 21-29.

3.3.123. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. - 1996. - №12. – С.33-42.

3.3.124. Фадеев А.В. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х гг. XIX века. // Исторические записки. – 1955. - № 54-55. – С.327-342.

3.3.125. Фадеев А.В. Россия в системе международных отношений 1815-1849 гг. // История СССР с древнейших времен. Т. 4. – М.: Институт истории АН СССР, 1961. – С.68-70.

3.3.126. Флоря Б.П. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске // Средние века. – 1973. - Вып. 36. – С.129-151.

3.3.127. Халмухамедов А.М. Армянская диаспора как этнополитический феномен // Этнографическое обозрение. - 1999. - №2. - С.82-92.

3.3.128. Халфин Н.А. О движущих мотивах политики России в Средней Азии (60-70-е гг. XIX в.) // История СССР. – 1972. - №4. – С.128-135.

3.3.129. Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией и Индией в XVI-XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. - Л.: АН СССР, 1933. – С.234-268.

3.3.130. Шацилло М.К. Иностранцы в составе российского предпринимательства // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. - М.: РОССПЭН, 1997. – С.34-53.

3.3.131. Шибаев В.П. Этнический состав населения Европейской части СССР // Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Выпуск 2. - Л.: АН ССР, 1930. – С.21-117.

3.3.132. Щербинина А.Н., Иглина Н.А., Сурикова А.А. Ревитализация как направление сохранения памятников культовой архитектуры (на примере здания Персидской мечети в г. Астрахани) // Вестник АГТУ. – 2022. - №2(74). – С.54-62.

3.3.133. Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. - 2003. - № 1. - С.160-172.

3.3.134. Чистякова Е.В. Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. Т.34. – М., 1950. – С.198-235.

3.3.135. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. – 1957. - №3. – С.135-141.

3.3.136. Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII – XVIII вв. и участие в ней индийского купечества. // История СССР. - 1978. - №6. - С.42-60.

3.3.137. Юхт А.И. Восточная торговля России в 30–40-х гг. XVIII в. и роль в ней армянских купцов // Известия АН Армянской ССР. - 1956. - № 8. - С.42–62.

3.3.138. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во 2-ой четверти XVIII в. // История СССР. - 1961. - № 1. - С.131-146.

3.3.139. Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XII - нач. XX в. - М.; Наука, 1975. - С. 177-192.

3.3.140. Юхт А.И. Торговые компании в России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т.111. - М., 1984. - С.238–295.

3.3.141. Юхт А.И. В.Н. Татищев и экономическое развитие России в первой половине XVIII в. // История СССР. - 1986. - № 3. -С.81–98.

3.3.142. Яцунский В.К. Крупная промышленность России в 1790-1860 гг. // В кн.: Очерки экономической истории России I половины XIX в. - М.: АН СССР, 1959. - С.118-220.

3.4. Зарубежная литература

3.4.1. Aitchison C.U. Collection of treaties, engagements and sanads relating to neighbouring countries. - 5 th. ed. - V. 13. Calcutta, 1933.

3.4.2. Allen W.E. Caucasian battlefield. London, 1953.

3.4.3. Armstrong J.A. Mobilized and proletarian diasporas // American political science review. Washington, 1976. Vol. 70. № 2.

3.4.4. Archbold W.A. Afganistan, Russia and Persia. The Cambridge History of the British Empare. Cambridge, 1929. - V. IV.

3.4.5. Avery P.W. Modern Iran. New-York - Washington, 1965.

3.4.6. Atkin M. Russia and Iran, 1780-1828. Minneapolis, 1980.

3.4.7. Bairoch P. De Jericho a Mexico. Villes et Economies dans l'Histoire. Paris : Gallimard,1985.

3.4.8. Bairoch P. Economics and World History: Myths and Paradoxes. N.Y.: University Of Chicago Press (July 15), 1993.

3.4.9. Boulgen D.C. England and Russia in Central Asia. London, 1879.V.2.

3.4.10. Brubaker R. Accidental diasporas and external «homelands» in Central and Eastern Europe: Past a. present. Wien., 2000.

3.4.11. Bruneau M. Espaces et territoires de diaspora – Diaspora. P., 1995

3.4.12. Estât de la Perse en 1660 par P.- Raphaël Du Mans. 1900.

3.4.13. Charden. J. Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de L'Orient. V. I-II. Amsterdam, 1735.

3.4.14. Cohen R. Global diasporas: An introduction // Global diasporas /Ed. by R. Cohen. Second edition. N.Y., 2008.

3.4.15. Cohen R. Global diasporas: An introduction. N.Y., 1997.

3.4.16. Conolly A. Jorney to the North of India overland from England through Russia, Persia and Afganistan. London, 1838.V.I.

3.4.17. Connor Walker. The impact of homelands upon diaspors // Modern Diasporas in Internetional Politiks, London: Groom Helm. 1989.

3.4.18. Esman M. Ethnic politics. Ithaka. N.Y., 1994.

3.4.19. Gamba J. Voyage la Russie Meridionale. Paris, 1826.V.1.

3.4.20. Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge, 1962.

3.4.21. Gurzon G.N. Persia and the Persian Question. London, 1892. V.1-2.

3.4.22. Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat 1906-1917. Organisationsformen, Machtverhaeltnisse und Leistunbilanz im Industrialisierungprozess. Hain, 1980.

3.4.23. Hunt N.C. The Russian Company and the Government, 1730–1742. //Oxford Slavonic Papers, 1957. Vol. 7. P. 27–65.

3.4.24. Lockhart.L. The foil of the Safavi dinasty and the Afghan occupation of Persia. L.-N.Y., 1958.

3.4.25. Kollarz.W. Russia and her colonies. N.Y., 1952.

3.4.26. Mac Gregor J. Commercial Statistics. Vol. 4. L.:Whittaker and Co, 1850. – 1036 p.

3.4.27. O'Brien P. European Industrialization from the Voyages of Discovery to the Industrial Revolution // Papers of the Tenth International Economic History Congress. Stuttgart, 1990. P. 160 - 191.

3.4.28. Oddy J.J. European Commerce. Vol. I. Fhiladelphia, 1807. – 292 p.

3.4.29. Rawlinson H. England and Russia in the East: a Series of Papers on the Political and Geographical Condition of central Asia by Major-General Sir Henry Rawlinson, K.C.B., F.R.C., President of Royal Geographical Society, and member of the Council of India. London, 1875.

3.4.30. Reading D. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Hanven, 1967.

3.4.31. Rieber A. Merchants and enterpreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill, 1982.

3.4.32. Ruckman D.A. The Moscow business elite. A social and cultural portrait of two generations, 1840-1905. North Illinois Univ. Press, 1984.

3.4.33. The Portfolio or a Collection of State papers. London, 1836. V.5.

3.4.34. Safran W. Deconstructing and comparing diasporas. Diaspora, identity and religion: New directions in theory and research. Routledge, 2003.

3.4.35. Usher A.P. The Growth of England Shopping. 1572-1922.// The Quaterly Journal of Economics. (1928) 42 (3). P. 465-478.

3.4.36. Vucinich.A. Russia and the Near and Middle East // Current History. - V. 28.-№ 162, 1955.

3.4.37. Али Акбар Бина. Политическая и дипломатическая история Ирана. Т.I. Тегеран, 1958.

3.4.38. Кали-Хисам Моэзи. История международных отношений Ирана. Т.I. Тегеран, 1946,

3.4.39. Махмуд М. История политических связей Ирана с Англией. Т. I.- Тегеран, 1958. .

3.4.40. Махмуд М. Тарих-е равабет-е сияси Иран ва Энглис дар гарне нуздахом (История политических отношений между Ираном и Англией в XIX веке). Т.1. Тегеран, 1328(1949).

3.4.41. Фалсафи Н., Шамим А.А. Тарих-е мофассал-е кешвар-е Иран ва тарих-е омуми (Полная история Ирана и общая история). Тегеран, 1940.

3.4.42. Хамадани А.Р. Тарих-е Иран (История Ирана). Тегеран, 1937.

3.5. Диссертационные исследования

3.5.1. Абдуллаев Г.Б. Северо-восточный Азербайджан и Россия во второй половине XVIII в.: Дисс. … д-ра ист. наук. - Баку, 1961. Ч. 1–2.

3.5.2. Абдуллаев Ф. Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX в.: Автореф. дисс. … канд. истор. наук. - Ташкент, 1965.

3.5.3. Алексеев И.Л. Ислам в политической жизни России (XIX – начало XX вв.). Дисс. … канд. ист. наук. - М., 2002.

3.5.4. Андронова Е.В. Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII – первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - М., 2002.

3.5.5. Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. - Владимир, 2009.

3.5.6. Букшпан П.Я. История шелководства и шелковой промышленности России в первой половине XIX в.: Дисс … канд. ист. наук. - М., 1962.

3.5.7. Бушев П.П. Становление русско-иранских дипломатических отношений в 1586-1612 гг.: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. - М., 1975.

3.5.8. Ватанина Л.И. Восточное купечество в Астрахани XVII в. Дисс. … канд. ист. наук. – Саранск, 2004.

3.5.9. Волков В.В. Исторический опыт формирования буржуазного общества в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Дисс. … канд. ист. наук. – Москва, 2008.

3.5.10. Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2003.

3.5.11. Гапеева А.В. Национальнокультурные центры как фактор стабильности межкультурных отношений в полиэтническом обществе: Дис. … канд. культурологии. - Улан-Удэ, 2002.

3.5.12. Джесанидзе Д.В. Иранский вопрос во внешней политике России во второй половине XVIII в. (1747–1787): Дис. … канд. ист. наук. - Кутаиси, 1954.

3.5.13. Ермолаева Л.К. Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII в. (К проблеме формирования всероссийского рынка).: Автореф. дисс. … кан. ист. наук. - Л., 1982.

3.5.14. Завгарова Ф.Х. Татарская литература Астраханского региона в историко-культурном контексте: XIX - нач. XX вв.: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. - Казань, 2002.

3.5.15. Имашева М.М. Торговля России со странами Востока через Астрахань в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. - Астрахань, 2004.

3.5.16. Имашева М.М. Социально-экономическая и общественная деятельность мусульманского предпринимательства Астраханской губернии в к.XVIII – начале XX вв. Дисс. … докт. ист. наук. - Грозный, 2016.

3.5.17. Карагодин А.И. Астраханский край в к. XVIII – I половине XIX вв. (К вопросу о генезисе капитализма на южных окраинах России). Дисс. … канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 1972.

3.5.18. Кулаков В.О. Роль Астрахани в государственной политике России в отношении Персии в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Астрахань, 2010.

3.5.19. Кисалов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - М., 1971.

3.5.20. Козинцева Р.И. Очерки внешней торговли и таможенной политики России первой трети XVIII в.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Л., 1963.

3.5.21. Мамедова Г.Н.-К. Русские консулы об Азербайджане (20–60-е гг. XVIII в.): Дисс. … канд. ист. наук. - Баку, 1979.

3.5.22. Никонов О.А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII–XIX вв.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - М., 2011.

3.5.23. Орлов Д.И. Правовое и социально-экономическое положение российского купечества во II половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 2001.

3.5.24. Полоскова Т.В. Диаспоры в системе международных связей: дисс. … доктора политических наук. - Москва, 2000

3.5.25. Поспелова Ю.А. Становление внешней торговли России через Азовские и Черноморские порты в последней четверти XVIII - начале XIX века. Автореф. дисс…к.и.н. - Москва, 2012.

3.5.26. Резонова В.М. Предпринимательская деятельность купечества России в историко-культурном контексте XVIII – начала XX в. Дисс. … канд. культурологии. – Саранск., 2005.

3.5.27. Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. - М., 1995.

3.5.28. Рябцев А.Л. Роль евро-азиатского транзита в восточной торговле России в XVIII в. Дисс. … докт. ист. наук. - Владикавказ, 2014.

3.5.29. Сергеев А.П. Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX в. Дисс. … канд. ист. наук. – Волгоград, 1971.

3.5.30. Сидорова В.П. Транзитная торговля британских купцов с Ираном через территорию России в 30-40-е гг. XVIII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. - М., 2012.

3.5.31. Оздамирова Э.М. Восточное купечество в русско-азиатской торговле через Астрахань в первой половине XIX в. Дисс. … канд. ист. наук. - Грозный, 2018.

3.5.32. Хачикян Ш.Л. Армянское купечество Новой Джульфы и его роль в армяно-русских торговых отношениях (XVII-XVII вв.). Автореф. дисс. …канд. ист. наук. - Ереван, 1984.

3.5.33. Шацилло М.К. Источники по социальной структуре российской буржуазии начала XX в. Дисс. … канд. ист. наук. – М., 1986.

3.5.34. Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX. Дисс. … докт. ист. наук. – Саранск, 2009.

3.5.35. Шарашанидзе З.М. Иран во второй половине XVIII века. Дисс. … докт. ист. наук. - Тбилисси, 1971.

3.5.36. Шкляева О.В. Торговые связи Средней Азии с Россией во второй половине XVII – первой четверти XVIII в.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Владимир, 2003.

3.5.37. Юхт А.И. Армянская колония в Астрахани в первой половине XVIII в.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Ереван, 1952.

Приложение 1

Торговые обороты купечества Ирана и Закавказья в торговле России через Астрахань в XVIII в.[1056]

Год	Персидско-азербайджанское купечество		Армянские купцы		Другие торговцы		Всего за год	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
1753	-	-	169295	100,0	-	-	169295	100
1754	3334	3,6	89896	96,4	-	-	93228	100
1755	5344	9,2	52657	90,8	-	-	58002	100
1756	9341	17,0	45450	82,7	144	0,3	54935	100
1774	178742	32,6	359004	65,5	10127	1,9	547876	100
1777	49697	23,2	156715	73,1	7946	3,7	214358	100
1778	113140	46,5	126886	52,1	3284	1,4	243312	100
1779	92781	36,4	161181	63,2	1115	0,4	255079	100
1780	133205	52,3	120797	47,4	823	0,3	254825	100
1781	269777	62,9	157025	36,7	1681	0,4	428486	100
1787	309126	57,8	224258	42,0	1253	0,2	534639	100
1788	394755	58,9	275353	41,1	279	0,0	670388	100
1789	304648	43,7	385792	55,3	7101	1,0	697543	100
1790	231910	39,9	338737	58,2	10976	1,9	581623	100
1791	267579	46,3	307290	53,2	2503	0,5	577373	100

[1056] Из кн.: Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. – Астрахань, 2012.

Приложение 2

КУПЕЧЕСТВО ИРАНА И ЗАКАВКАЗЬЯ В ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ ЧЕРЕЗ АСТРАХАНЬ В XVIII ВЕКЕ[1057]

Год	Иранские купцы		Армяне		Другие торговые люди		Всего за год	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
ИМПОРТ								
1753	-	-	57935	100,0	-	-	57935	100
1754	1646	3,4	46508	96,6	-	-	48154	100
1755	1701	5,4	29534	94,6	-	-	31235	100
1756	6326	17,7	29307	81,9	144	0,4	35777	100
1774	77324	26,8	201152	69,8	9517	3,4	287993	100
1777	14566	22,0	50724	76,6	895	1,4	66185	100
1778	44367	56,8	32457	41,5	1331	1,7	78155	100
1779	73686	43,4	94949	56,0	1050	0,6	169685	100
1780	133205	58,3	95085	41,6	193	0,1	228483	100
1781	51630	49,0	53347	50,6	436	0,4	105413	100
1787	131540	52,2	119293	47,4	1011	0,4	251844	100
1788	168614	65,1	90400	34,9	-	-	259014	100
1789	137301	38,2	222178	61,8	237	0,0	359716	100
1790	110851	44,4	137190	55,0	1442	0,6	249483	100
1791	135225	45,4	162334	54,5	400	0,1	297959	100
ЭКСПОРТ								
1753	-	-	111360	100,0	-	-	111360	100
1754	1686	3,7	43388	96,3	-	-	45074	100
1755	3643	13,6	23123	86,4	-	-	26767	100

[1057] Из кн.: Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII-XVIII вв. – Астрахань, 2012.

1756	3015	15,5	16143	84,5	-	-	19452	100
1774	101418	39,0	157852	60,7	610	0,3	259883	100
1777	35131	23,7	105991	71,5	7051	4,8	148173	100
1778	68773	41,6	94429	57,2	1953	1,2	165157	100
1779	19097	22,4	66232	77,5	65	0,1	85394	100
1780	-	-	25712	97,6	630	2,4	26342	100
1781	218147	67,5	103678	32,1	1245	0,4	323073	100
1787	177586	62,8	104965	37,1	242	0,1	282795	100
1788	226141	55,0	184953	45,0	279	0,0	411374	100
1789	167347	49,5	163614	48,5	6864	2,0	337827	100
1790	121059	36,5	201547	60,7	9534	2,8	332142	100
1791	132354	47,4	144956	51,9	2103	0,7	279414	100

Приложение 3

Таблица

Список персиянам, проживающим в Астрахани и производящим в 1828, 1829 и 1830 гг. торговлю оптом[1058]

Как зовут	Где живет
Мазендаранский Абдул Гасим Мамедалиев	2 ч., с.д.
Испаганский Сеит мамед Мирзаманов	2 ч., с.д.
Тавризский Мамед асен Ага Усейнов	2 ч., с.д.
Гилянский Ага Али Султан Мамедов	2 ч., с.д.
Ширванский Ага Раим Шафиев	2 ч., дом перса Ага Алиева
Тавризский Мамед Сали Усейнов	2 уч., дом армянина Аванеса Иванова
Тавризский Ага Ибраимов Джафаров	2 ч., с.д.
Шакинский Азис	2 ч., с.д.
Шакинский Ага Мирза Шахалиев	2 ч., дом Давыда Иванова Измайлова
Шакинский Аджи Ага Аджи Абраимов	2 ч., в доме татарина Абдуллаева
Зянганский Ага Раим Ага Шафиев	2 ч., дом перса Мамед Садыкова
Хоросанский Аджи Саферов	2 ч., дом перса Мирзы Абдуллаева
Гилянский Машады Багиров	2 ч., дом армянина ?

[1058] ГААО, ф.290, оп.1, д.42, л.54-56об.

Ленкоранский Ага рза Велаибов	2 ч., в доме перса Байрамова
Шакинский Аджи Зугайнов	2 ч., дом армянина Мандрасова
Гилянский Мирза Джаинов	2 ч., в доме перса Кербалая Гадыева
Хоросанский Таги	2 ч.
Удинский Машады Багиров	2 ч.
Тавризский Исмаил Аджи Али Мамедов	1 ч., д.Агабабова
Тавризский Ага Мирзаев	1 ч., д.Агабабова
Тарбанский Ага Яхъяев	1 ч., д.Агабабова
Мизандронский Рагим	1 ч., дом перса Ага Алиева
Гилянский Али Мамедов	1 ч., д.Агабабова
Гилянский Мамед Алиев	1 ч., д.Агабабова
Мизандронский Кербалай Абдуллаев	1 ч., с.д.
Мизандронский Мирза Мамед Алиев	1 ч., в доме армянина Данилова
Мизандронский Мамед Ибраимов	1 ч., дом Алабова
Тавризский Аббас	1 ч., дом Алабова
Бакинский Мурат Сафаров	1 ч., дом Углева
Мизандронский Сеит Арзанов	1 ч., с.д.
Мизандронский Али Джанов	1 ч., дом перса Садыкова
Мизандронский Исмаил Ибраимов	1 ч., дом Данилова

Тавризский Ага Таир Аджи Ходжаев	1 ч., дом Данилова
Тавризский Мамед Резанов	1 ч., дом Данилова
Тавризский Ага Рафиев	1 ч., дом Данилова
Тавризский Малик Мамед Усейнов	1 ч., дом Агабабова
Тавризский Сабжи Алиев	1 ч., дом Данилова
Мизандронский Ага Обурков	1 ч., дом Алабова
Казбинский Машады Бабаев	1 ч., дом Агабабова

Список о постоянно живущих в Астрахани персиянах в 1815 г.[1059], выглядит так:

1) Тавризский Ага Гусейн Магмедов
2) Ардабильский Ага Баба Яхъяев
3) Гилянский Ага Казим Шарифов;
4) Гянжинский Абзай Магмед;
5) Ширванский Ага Тамур Усейн Алиев
6) Гилянский Келбалай Ады Адишев;
7) Наинский Агамир Алиев
8) Зарбанский Ага Исмаил Аджи Ибрагимов
9) Казбинский Мамед Салех Усейнов
10) Ширванский Ага Рагим Усейнов

[1059] ГААО, ф.13, оп.1, д.29503. л.64.

11) Гилянский Ага Курбан Али Шафиев
12) Испаганский Ага Карим
13) Бакинский Рахимбек Усейн Гулиев
14) Мизандаронский Ага Исмаил Резаев Алиев
15) Ленкоранский Ага Магмед Асан Гулиев

Приложение 4

Таблица

О долгах персидских предпринимателей

(вторая половина XIX века)

Год	Кто должен	Кому должен	Сумма
1854[1060]	Астраханская купчиха Матрена Ловцова	Московский 2 гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	9000 руб.
1854[1061]	Хивинец Аман Бабесов	Астраханский Почетный гражданинА.М. Хлебников	2095 руб. 7 коп.
1854[1062]	Туркменец Мамед-Нияз Букумбаев	Астраханский купец Григорий Авессаломов	2522 руб. 50 коп.
1855[1063]	Астраханские армяне Татевос и Манвел Медниковы	Шакинский татарин Аджи Ага Ибраимов	14280 руб.
1855[1064]	Испаганский персиянин Сеит-Мамед Мирзаманов	Гилянский персиянин Дадаш-Режеп Алиев	6700 руб.
1855[1065]	Он же	Астраханский купеческий сын Р.М. Алабов	7714 руб. 28,5 коп.
1855[1066]	Инженер-капитан Дорофеев	Инженер-капитан Дорофеев Бакинский персиянин Мир-Казим Мир-	2386 руб. 85 коп.

[1060] Астраханские губернские ведомости. –854 г. - №23.
[1061] Астраханские губернские ведомости. – 16 июля 1854 г. - №29.
[1062] Астраханские губернские ведомости. – 03 сентября 1854 г. - №36.
[1063] Астраханские губернские ведомости. – 11 февраля 1855 г. - №6.
[1064] Астраханские губернские ведомости. – 22 марта 1855 г. - №22.
[1065] Там же.
[1066] Астраханские губернские ведомости. – 30 мая 1855 г.

		Ибрагимов	
1855[1067]	Ленкоранский персиянин Усей-Гули Машады Режеп-Алиев	Московский 2 гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	647 руб.
1855[1068]	Хивинец Аллаши Бабаев	Астраханский Почетный гражданин А.М. Холщевников	2055 руб. 7 коп.
1857[1069]	Астраханский купец И.Е. Франгулов	Бакинские персияне Абдул Меджид и Абдул Халык Рамазановы	30000 руб.
1858[1070]	Астраханский купец из персиян Мир-Амин Мир-Багиров	Московские купцы Таги Мамедов и Нагиев	5429 руб. 14,5 коп.
1858[1071]	Татарин Бухарского двора Дервиш-Хаджи-Ильяз Ходжаев	Астраханский купец Григорий Авессаломов	836 руб. 57 коп.
1859[1072]	Зензелинский персиянин Кербалай Сафар Али Ага Бабаев	Астраханский 1-й гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	5900 руб.
1861[1073]	Астраханский купец А. Е. Мадатов	Астраханский мещанин Абдулла Абдулвагапов Султанов	448 руб. 10 коп.
1861[1074]	Персидскоподданный персиянин Ага-Сеит-Рза Мир-Багиров	Сальянский персиянин Сеит-Али мир-Масумов	925 руб.

[1067] Астраханские губернские ведомости. – 11 ноября 1855 г. - №45.
[1068] Астраханские губернские ведомости. – 18 ноября 1855 г. - №46.
[1069] Астраханские губернские ведомости. – 01 декабря 1857 г. - №49.
[1070] Астраханские губернские ведомости. – 05 января 1858 г. - №1.
[1071] Там же.
[1072] Астраханские губернские ведомости. – 03 марта 1859 г. - №18.
[1073] Астраханские губернские ведомости. – 14 марта 1861 г. - №19.
[1074] Астраханские губернские ведомости. – 31 августа 1861 г. - №34.

1861[1075]	Астраханский армянин Вартаз Лазарев	Астраханский 1-й гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	818 руб.
1862[1076]	Колежский советник И.Ф. Замберский	Бакинский персиянин Абдул-Меджид Рамазанов	5025 руб.
1862[1077]	Тавризский персиянин Машады Аджи-Сеид Али-Мамедов	Астраханский 1-й гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	289 руб. 55 коп.
1866[1078]	Тавризский персиянин Абдул Азис Алиев	Тавризский персиянин Хаджи Фатулла Хаджи Гасимов	2500 руб.
1867[1079]	Астраханский мещанин П.Г. Равенков	Астраханский 1-й гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	1000 руб.
1868[1080]	Астраханский купец Абдул Алиев Ибрагимов	Астраханский купец М.Б. Попов	2000 руб.
1871[1081]	Купец 2 гильдии Абдул Али Ибраимов	Купец М.Б. Попов	840 руб.
1879[1082]	Прусско-подданная Анна Крауз	Астрахаснкий купец Аджи-Ага-Хан Мир Багиров	494 руб.
1879[1083]	Она же	Астраханский 1-й гильдии купец Аджи Молла Али Аскер Усейнов	500 руб.

[1075] Астраханские губернские ведомости. – 22 сентября 1861 г. - №39.
[1076] Астраханские губернские ведомости. – 04 января 1862 г. - №1.
[1077] Астраханские губернские ведомости. – 27 февраля 1862 г. - №12.
[1078] Астраханские губернские ведомости. – 14 марта 1866 г. - №19.
[1079] Астраханские губернские ведомости. – 07 марта 1867 г. - №13.
[1080] Астраханские губернские ведомости. – 09 февраля 1868 г. - №9.
[1081] Астраханские губернские ведомости. – 20 ноября 1871 г. - №48.
[1082] Астраханские губернские ведомости. – 19 сентября 1879 г. - №60.
[1083] Там же.

1883[1084]	Татарин Бухарского двора Хожамберды Усманов	Торговый дом И. Козлов и сыновья	1600 руб.
1883[1085]	Он же	Астраханский купец С. Франгулов	1048 руб.
1884[1086]	Туркмены Аюб Мусаилов Кула Мирза Аллавердыев	Астраханский купец П. Вейнер	3140 руб.
1884[1087]	Они же	Астраханский купец И. Богомолов	1400 руб.
1886[1088]	Астраханский купец Аджи Мухамет Адельшинов	Астраханскский купец Прокофий Баранов	800 руб.
1886[1089]	Он же	Астраханский купец Павел Шайкин	1953 руб. 08 коп.
1886[1090]	Он же	Коллежский секретарь Михаил Поляков	777 руб. 67 коп.
1889[1091]	Персияне Аджи-Джеват, Багир и Мамед-Садык Шафиевы	Астраханский 1-й гильдии купец Али-Акбер Аджи Усейнов	12322 руб. 57 коп.

[1084] Астраханские губернские ведомости. – 12 сентября 1882 г. - №104.
[1085] Там же
[1086] Астраханские губернские ведомости. – 13 марта 1884 г. - №25.
[1087] Там же.
[1088] Астраханские губернские ведомости. – 12 января 1886 г. - №10.
[1089] Там же.
[1090] Там же.
[1091] Астраханские губернские ведомости. – 12 марта 1889 г. - №33.

Приложение 5

Персидская мечеть в Астрахани начата постройкой с 1857 г. и до 1874 г. поддерживалась поправками и починками на деньги пожертвованными как Российско-подданными так и Персидско-подданными[1092].

Имена и жертвования их следующие:

1.	Мирза Юсуф Хан, бывший персидский консул	500 руб.
2.	Аджи Мулла Али Аскер Аджи Усейнов	3000 руб.
3.	Аджи Мамед Али Тавризский	1000 руб.
4.	Аджи Усейн Резаев Бакинский	1000 руб.
5.	Аджи Керим Шафиев, Шемахинский	1500 руб.
6.	Абдулла Бек Ханаиров	500 руб.
7.	Ага Юсуф, Мизандоронский	100 руб.
8.	Аджи Шах Али, Бакинский	600 руб.
9.	Ага Мамед Али, Бакинский	200 руб.
10.	Машады Мамед Казим, Бакинский	150 руб.
11.	Машады Джавад, Бакинский	150 руб.
12.	Машады Ажаббар, Бакинский	150 руб.
13.	Аджи Исмаил, Бакинский	500 руб.
14.	Мулла Аджи Ага, Астрабадский	150 руб.
15.	Ага Мамед Уссеин, Тавризский	100 руб.
16.	Ага Раим, Тавризский	100 руб.
17.	Аджи Фатулла, Тавризский	150 руб.
18.	Аджи Салим, Бакинский	500 руб.
19.	Аджи Меджид, Дербентский	150 руб.
20.	Ага Гулам Усейн, Ленкоранский	500 руб.
21.	Карбалай Усейн, Ардебильский	100 руб.
22.	Ага Казим, Тавризский	50 руб.

[1092] РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.1188. Л.25-26об.

23.	Аджи Мирза Али Аскер, Рештский	50 руб.
24.	Ага Джавад, Ардебильский	50 руб.
25.	Машады Аббас, Тавризский	50 руб.
26.	Машады Ага Усейн, Тавризский	50 руб.
27.	Карбалай Мамед Малик, Бакинский	50 руб.
28.	Аджи Абрахман, Бакинский	300 руб.
29.	Аджи Мустафа, Бакинский	100 руб.
30.	Машады Абдул Вагаб, Бакинский	100 руб.
31.	Машады Мамед, Бакинский	50 руб.
32.	Аджи Гафур, Ардебильский	100 руб.
33.	Аджи Абдураззак, Тавризский	500 руб.
34.	Карбалай Ата Киши, Бакинский	50 руб.
35.	Аджи Гафар, Бакинский	500 руб.
36.	Карбалай Ага, Бакинский	200 руб.
37.	Аджи Асан, Бакинский	50 руб.
38.	Машады Айдар, Дербентский	25 руб.
39.	Ага Аскер, Дербентский	100 руб.
40.	Ага Мамед Наги, Дербентский	100 руб.
41.	Ага Раим, Шемахинский	100 руб.
42.	Аджи Абдул Гасим, Ленкоранский	50 руб.
43.	Карабалай Гурбан Али, Бакинский	25 руб.
44.	Карбалай Али Аскер, Бакинский	50 руб.
45.	Несколько астрабадских купцов	500 руб.
46.	Аджи Аджи Ага, Бакинский	300 руб.
47.	Аджи Мир Аббас Бек, Ленкоранский	500 руб.
48.	Ага Аслан, Бакинский	100 руб.
49.	Ага Абдул Меджид, Бакинский	200 руб.
50.	Аджи Форадж, Ленкоранский	100 руб.
51.	Ага Мамед Ибраим, Кашанский	25 руб.

52.	Аджи Мамед Асан, Кашанский	100 руб.
53.	Машады Ага, Бакинский	100 руб.
54.	Машады Зайнал, Бакинский	100 руб.
55.	Ага Аджи Али Ага Дадашев, Бакинский	150 руб.
56.	Ага Шариф Бек, Ленкоранский	50 руб.

Итого пожертвовано русскими купцами и армянами из астраханских жителей до 3000 руб.

Русско-подданными 12400 руб.

Персидско-подданными персиянами 3625 руб.

А всего 19025 руб.

Кроме этих пожертвований, сделанных поименованными лицами, было пожертвовано на мечеть и другими, приезжавшими в Астрахань, как персидскопдданными, так и русскоподданными, а также некоторыми из жителей Кавказских, но кто они были такие, не помним, а назвали только тех, которые нам известны и которых мы помним. В чем подписом своим и свидетельствуем. 10 ноября 1874 г.

Подписали:

Аджи Гафар Аджи Ага Оглы, Бакинский

Карбалай Ага Мулла Рафил Оглы, Бакинский

Аджи Асан Амза Оглы, Бакинский

Вагаб Мулла Растим Оглы, Бакинский

Малик Мамед Шахбаз Оглы, Дербентский

Аджи Джавад Шафиев, Шамахинский

Машады Рамазан Машады Искендер Оглы

Ади Кербалай Джафар Оглы, Бакинский

Мустафа Ахмет Оглы

Али Аскер Машады Тураб Оглы, а за неумением его грамоте Сали Абдурразак Оглы руку приложил

Машады Муталиб Машады Асан Оглы, Бакинский

Аджи Ага Аджи Абуталиб Оглы, Бакинский

Машады Халык Ага Мамед Рза оглы, Бакинский, а за неумением его грамоте Машады Рамазан Машады Искендер Оглы руку приложил

Сали Мамед абдурразак Оглы

Переводил Астраханский 1 гильдии купец Али Акбер Аджи Усейнов

Приложение 6

Таблица

Ведомость о числе магометан, простолюдинов, их духовенства и мечетей в городе Астрахани за 1886 г.[1093]

№ участка	национальность	мужчин	женщин	духовенства		мечетей
				мужчин	женщин	
1	татар	110	29	-	-	-
	персиян	-	-	-	-	-
2	татар	191	117	-	-	-
	персиян	244	73	-	-	-
3	татар	200	60	-	-	-
	персиян	9	-	-	-	-
4	татар	177	85	-	-	-
	персиян	-	-	-	-	-
5	татар	1838	1690	15	16	3
	персиян	280	225	2	1	1
6	татар	1795	1574	12	13	9
	персиян	6	3	9	19	-
Всего	татар	4301	3555	27	29	12
	персиян	556	301	11	10	1

* из числа мечетей – каменных 3, деревянных 10.

[1093] ГААО. Ф.289. Оп.1. Д.237. Л.15.

Приложение 7

Список судовладельцев-мусульман вновь выстроенных или купленных судов в Астрахани в 1846 г. [1094]

1. Астраханской 3 гильдии из татар купчихе Арзамак Искаковой на выстроенную «в Астрахани из покупных материалов», расшиву измещением 56 ластов. Мастер юртовский татарин Али Шабанов. Объявленная стоимость – 700 руб.
2. Бакинскому персиянину Али Рза Али Бабаеву на выстроенную в Нижнем Новгороде расшиву, измещением 34 ластов. Мастер Яков Бугров. Оценена в 300 руб.
3. Астраханскому купцу Сеит Маулюмберды Мухамедову, на выстроенное мореходное судно в Астрахани, измещением 96 ластов. Оценено в 400 руб.
4. Астраханскому купцу 2 гильдии Мамед Усейн Али Рзаеву, на выстроенную в Астрахани расшиву, измещением 53 ласта. Названа «Бриг Тавриз». Оценена в 1000 руб.
5. Бакинскому персиянину Мамед Рза Али Рамазанову, на выстроенную в Астрахани расшиву, измещением 58,5 ластов. Мастер Иван Иванов. Названа «Св. Николай». Оценена в 3000 руб.
6. Бакинскому персиянину Машады Мешеды Ули Кербалай Кадырову, на выстроенную в г. Балахне Нижегородской губернии расшиву, измещением 50 ластов. Названа «Яхта Полиевкта». Оценена в 1000 руб.
7. Юртовскому татарину Салдыбаю Ахметову, на выстроенную в Астрахани расшиву, измещением 54 ласта. Мастер юртовский татарин Абдулла Мустафаев. Оценена в 500 руб.
8. Бакинскому персиянину Мамед Багир Аджи Алекперову, на выстроенный в Астрахани корабль, измещением 78,5 ластов. Мастер

[1094] ГААО. Ф.433. Оп.1. Д.181. Л.12-55об.

крестьянин Нижегородской губернии Сергей Мажов. Названа «Махмут». Оценена в 1714 руб.

9. Бакинскому персиянину Мамед Рза Аджи Рамазанову, на вновь выстроенную в Астрахани расшиву, измещением 87 ластов. Мастер астраханский мещанин Иван Иванов. Названа «Солнце». Оценена в 2500 руб.

10. Бакинскому персиянину Машады Абдул Мирза Баба Оглы , на вновь выстроенное в г. Балахна Нижегородской губернии кусовое судно, измещением 29 ластов. Названо «Мирза Баба». Оценено в 1000 руб.

11. Ленкоранскому персиянину Мухамет Меджид Бек Мухамет Али Беков, на вновь выстроенный в Астрахани корабль, измещением 103 ласта. Мастер казанский татарин Файзулла Бикчентаев. Назван «Св. Николай». Оценена в 3500 руб.

12. Российскоподданному из персиян дворянину Мир Таги Мир Багирову, на купленную у астраханского мещанина Е. Рыглова расшиву, измещением 52 ласта. Названа «Бриг Гасим». Оценена в 900 руб.

13. Бакинскому персиянину Хасану Салиеву, на купленную в г. Балахне расшиву, измещением 34 ласта. Названа «Бриг Абаз Салим». Оценена в 471 руб.

14. Российскоподданному из персиян дворянину Мир Таги Мир Багирову, на купленную в г. Балахне расшиву, измещением 51 ласт. Названа «Бриг Ашраф». Оценена в 2250 руб.

15. Бакинскому персиянину Зурбаки Аджи Абдинову, на купленную в Балахне расшиву, измещением 59 ластов. Названа « Св. Дамиан». Оценена в 1000 руб.

16. Бакинский персиянин Аджи Али Усейнов, на корабль, купленный у управляющего имением князя Юсупова И.В. Шуминова, измещением 100 ластов. Назван «Мелик». Оценен в 1200 руб.

Приложение 8

Астраханская казенная палата – Астраханской городской управе. №931, 10 марта 1871 г. О причислении в Астраханское 2 гильдии купечество[1095].

Астраханский мещанин Мирза Абдулла Джеват Мир Багиров прошением, поданным в Казенную Палату 26 ноября 1870 г., ходатайствует о причислении его в Астраханское 2 гильдии купечество. Причем представил копию с купеческих документов, выданных ему на 1871 г. из Астраханской Городской Думы. Предварительно причисления Багирова Казенная Палата 8 декабря 1870 г. за №4362 предписала Городской Думе донести палате, нет ли препятствий к причислению Багирова в астраханское 2 гильдии купечество. На что Дума, распоряжением от 18 декабря за №1719 донесла Палате, что препятствий на причисление Багирова с 1871 г. в Астраханское 2 гильдии купечество не имеется.

Вследствие сего и на основании 562 ст. по Продолжению 1868 г. и ст.1230, 67 и 87 Положения о пшлинах за право торговли и промыслов, Высочайше утвержденного 9 февраля 1865 г. Казенная Палата предлагает Городской Управе вышеозначенного мещанина Мирза Абдулла Джеват мир Багирова с женою его Аминат, в 1 мужского и 1 женского пола душах, причислить в Астраханское 2 гильдии купечество на 1871 г.

[1095] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.2116. Л.1-2.

Приложение 9

Список лицам (мусульманам), имеющим право голоса в избрании гласных Астраханской городской думы на четырехлетие с 1891 г., составленный на основании ст.17-24 Городового Положения 1870 г.[1096]

1-й разряд. Всего 78 лиц.

1. Багиров Аджи Ага Хан Мирза
2. Багиров Мир Абдул Джеват
3. Усейнова Нур Ниса Аджи
4. Усейнов Ага Али
5. Усейнов Али Акпер Аджи Мулла Али Аскер
6. Усейнов Усейн Али
7. Усейнов Юсуф Али

2-й разряд. Всего 445 лиц.

1. Амзаев Мир Абдул Касим (перс)
2. Ахмедов Уразали
3. Ахундовы (персы)
4. Ижбаев Мухамед Ширин (хивинец)
5. Казаков Мухамед Шакир (Потомственный Почетный гражданин)
6. Караев Аджи Мухамед-Умер
7. Кардашев Измаил Кутлаев
8. Мамедов Али Таги
9. Мухамедов Искак (юртовский татарин)
10. Сафетдинов Абдулла Нур-Мухамед (татарин)
11. Усейнов Абдул Мешады (перс)

[1096] ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34574. Л.25-25об.

12. Усейнов Мешады Джафар Мешады
13. Шафиев Аджи Джеват (перс)
14. Якупов Нугай Бек (татарин)
15. Яхъяев Мамед Садык Баба (перс)

Приложение 10

Список гласных-мусульман Городской Думы, состоявших на службе в ней с 1871 по 1917 гг.[1097]

Четырехлетие с 1871 г. – гласных-мусульман нет.

Четырехлетие с 1875 г. –

По первому разряду – Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

Четырехлетие с 1879 г. –

По первому разряду – Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

Четырехлетие с 1883 г. –

По первому разряду – Усейнов Алиакпер Аджи Ага;

Мир Багиров Аджи Ага Хан.

Четырехлетие с 1887 г. –

По первому разряду – Усейнов Алиакпер Аджи Ага;

Мир Багиров Аджи Ага Хан.

Четырехлетие с 1891 г. –

По первому разряду – Усейнов Алиакпер Аджи Ага;

Четырехлетие с 1893 г. Гласных, кандидатов к ним – мусульман, от шести избирательных участков – нет.

Четырехлетие 1897 г. Гласных-мусульман от 6 избирательных участков – нет. От пятого избирательного участка Алиакпер Аджи Усейнов вступил в должность гласного, взамен утратившего избирательный ценз Н.Я. Герца.

Четырехлетие с 1901 г.

По второму избирательному участку - Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

Четырехлетие с 1905 г.

По второму избирательному участку - Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

Четырехлетие с 1909 г.

По второму избирательному участку - Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

[1097] ГААО. Ф. 94. Оп.1. Д.34274. Л.1-12.

По пятому избирательному участку (из 14 гласных) –

Халитов Газимзян;

Курмалеев Мухаметжан Тажетдинович;

Измайлов Ага-Измаил Садретдинович;

Дашкин Абубекир Абушахманович.

По шестому избирательному участку - Ходжаев Ады-Ходжа Ахун.

Четырехлетие с 1913 г.

По второму избирательному участку - Усейнов Алиакпер Аджи Ага.

По пятому избирательному участку (из 14 гласных) –

Нариманов Нариман Бек;

Ходжаев Ады-Ходжа Ахун;

Хаятов Гусейн Ахметович;

Халитов Газимзян;

Акжигитов Мухамедамин;

По шестому избирательному участку - Шабанов Муртаза Ильясович;

Абдурахманов Исхак Илясович;

Ахметов Абдрахман.

Кандидаты, по пятому участку – Еналеев Умар Якупович;

Турпищев Ибрагим Изятуллович;

Сулейманов Абубекир Абейдуллович;

Амзаев Аджи Багир.

По шестому участку – Бердеев Туктар Аджи».

Приложение 11

Союз астраханских мусульман (Маджлис Шурай-Ислам)

Устав[1098]

1) Союз имеет целью – объединение своих членов для защиты свобод, объявленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. и удовлетворения нужд мусульман: правовых, духовных и материальных.

2) В Союз, в члены, могут быть принимаемы мусульмане обоих толков, обоих полов, проживающие в Астраханской губернии. Проживающие в других губерниях могут быть членами-соревнователями.

3) В области духовных интересов Союз устраивает библиотеки, читальни, лекции, беседы и литературные вечера, курсы прикладных знаний и народные митинги, школы.

4) В области материальных нужд Союз осуществляет особую кассу для поддержки неимущих членов и для осуществления задач Союза.

5) В области правовых отношений Союз осуществляет юридическую помощь и оказывает защиту гражданских прав.

6) Членский взнос и ежегодная смета приходов определяется Общим Собранием членов по большинству голосов.

7) Для управления делами Союз избирает Совет из членов Союза сроком на 1 год – 15 членов.

Кроме этих членов в Совете принимают участие на правах членов Совета все учредители этого Союза, имена и фамилии коих перечислены в конце сей программы.

Совет из своей среды выбирает Председателя, Казначея и Секретаря.

8) Члены в Союз принимаются Советом по большинству голосов.

[1098] Астраханский вестник – 29 декабря 1905 г. - №4879.

9) Для денежных отчетов выбирается Общим Собранием Ревизионная Комиссия из 3-х членов и 3-х кандидатов. Доклад их о ревизии представляется на рассмотрение Общего Собрания.

10) Председатель Общего Собрания избирается каждый раз этим Собранием из числа членов Союза.

11) В случае допущения членом таких действий, которые вредят задачам Союза, он может быть исключен из союза по решению Совета. Если исключенный недоволен решением Совета, он может передать решение вопроса на рассмотрение Союза.

Учредители Союза:

Мустафа Лутфи Измайлов

Хасян Давлекамов

Юсуп Сафаралиев

Закир Ходжаев

Измаил Ханбеков

Курбан-Гали Эрембетов

Аллаберди Султанов

Сафа Абдулкеримов

Муся Самакаев

Ахметжан Ижбердеев.

Приложение 12

Перевод с татарского языка на русский письма, написанного на имя М.Л. Измайлова сыном ахуна г. Астрахани Хасяном Максютовым 29 марта 1908 г.[1099]

Истина, Истина и Истина!
Мустафа Эфенди!

Согрешение Богу, уклонение от правды и углубление в невежестве объясняются двумя причинами: невежеством и борьбой за существование. У пишущего эти строки кроме этих двух пороков есть еще более важный порок – это «трусость». Что составляет самый важный недостаток у человека. Имея жену и двух детей, существование которых поставило меня в полную зависимость от отца моего и, такова зависимость сделала меня глубоко и бесконечно виноватым перед Вами.

Если желаете узнать истинную правду. Прочтите внимательно нижеизложенное:

В 1906 г., 30 мая я вернулся из Бухары в Астрахань, через две недели по приезде моем, отец поехал лечиться в Тинаки, где был и я и ухаживал за больным отцом. В это время я читал «Бургани-Таракки». Поздравил Вас письмом с появлением на свет этой, издаваемой Вами газеты. Что было Вами напечатано в сказанной газете. Закрыв глаза на все, вышел из общества «Джамиятти-Исламия», где состоял членом и об этом послал письменное объявление в Вашу газету.

Такое мое понимание того, что идет по правдивой дороге, не понравилось носящим белые чалмы и они начали доносить моему отцу на меня.

[1099] ГААО. Ф.1. Оп.12. Д.722. Л.113-114.

Отец был недоволен таким моим направлением. И, хотя отец начал вести со мной политическую войну, но я, как слепой, не выпускает из своей руки то, за что схватился, остался твердым в своем убеждении и продолжал следовать вашему направлению. Отец явно и открыто стал нападать на меня с самыми незаслуженными упреками и показывать свою явную ко мне вражду и все это он твердил перед людьми, пользующимися авторитетом в глазах общества.

Несколько месяцев я не обращал внимания на гневные взгляды моего отца; тогда он решил удалить меня и отказать в совместном с ним жительстве в доме, перешедшем к нам от деда моего. Таковое его ко мне отношение встречало полное одобрение среди старых местных мусульманских богачей. Нужда, заставившая меня остаться жить в Астрахани, окончательно победила меня, и я решил опустить перед отцом голову и завязать навсегда себе язык.

Чтобы угодить отцу своему, вместе с Ишкузиновым и Искендеровым неправильно и несправедливо начал переводить Вашу газету «Бургани-Таракки» на русский язык. С тем, чтобы этим вам вредить.

8 февраля был у жандармского начальника и дал показания против Вас, как и мой отец. Не имея возможности скрывать свою несправедливость от невежества и подчинения отцу своему от такого дальновидного и тонкого человека как Вы, я изложенное в этом письме посылаю Вам.

Мустафа Эфенди! Моя голова и Ваша шпага справедливости: отрубите эту голову, которая подчиняясь чувству трусости, окончательно и навсегда обесчестила себя.

Эфенди! Если не простите меня, имеете на это право, а простивши совершите подвиг.

Разве возможно одного человека подвергнуть наказанию с двух сторон? Я, как человек, имею ли право просить прощения? Будучи полуневеждой, имею ли право вторгнуться в сокровищницу истины?

Да будет вам известно, что прочитав 17 номер Вашей газеты «Бургани-Таракки» сказал несправедливому отцу: «Прошло несколько дней, почему же

против Измайлова ничего не предпринимается? Он ведь очернил Вас?». На это мне он ничего не ответил. Молчание есть знак согласия.

Да, Мустафа Эфенди, знайте, что носил револьвер не с целью Вас убить. А может быть мое несправедливо преступное отношение к Вам было известно многим членам общества «Шурай-Ислам», среди которых есть люди с горячим темпераментом и боясь их, я и носил его, а брат Ваш Измаил, не зная этого, был причиной конфискации моего револьвера, купленного на с трудом собранные гроши.

Хасян Максютов.

Приложение 13.

Доклад императору Александру II

Государственного канцлера Российской империи А.М. Горчакова по программе предстоящего визита в Россию персидского шаха Насир-эд Дина[1100]

5 января 1871 г.

Утверждаю
Государем императорам
по докладу Государственного Канцлера,
5 января 1873 года.

Вчера происходило совещание между Мирзою Мальком-Ханом и Директором Азиатского Департамента, для определения в главных основных чертах, программы предстоящего путешествия Шаха Персидского.

После продолжительных обсуждений были определены следующие пункты, к совершенному удовольствию Персидского уполномоченнаго.

1.Ответное письмо к шаху от Вашего Императорского Величества будет отправлено в скорости в Тегеран и представлено нашим там Посланником, который при этом объявит шаху, что он уполномочен проводить Его величество до границ Его владений, то есть до города Решта.

2.В Реште, откланиваясь шаху, Посланник представит ему Старшего Драгомана Императорской Миссии, как долженствующего сопровождать Шаха в Его путешествии.

3. Так как, оставляя твердую землю в Реште и садясь на пароход шах уже вступает на Русскую территорию, то он будет там встречен теми лицами,

[1100] ГААО. Ф.1. Оп. 11. Д. 709. Л. 2-3об.

которым Вашим Императорским Величеством будет Всемилостивейше поручено приветствовать Шаха и сопровождать Его в путешествии.

4. Шах и Его свита будут посажены на высланные к тому времени пароходы общества Кавказ и Меркурий, которые будут конвоируемы войсковыми судами Каспийской флотилии.

5. Эта эскадра направится прямо к устью Волги, где, посредством…пароходов, путешественники будут перевезены в Астрахань.

6. В Астрахани будет дан двухдневный отдых….

9. В Москве – трёхдневный отдых, и туда будет выслан, для приветствия Шаха и поступления в Его распоряжение, Начальник Драгоманата Азиатского Департамента Действительный статский советник Гамазов.

10. При следовании Шаха по железной дороге из Москвы, за несколько станций до Петербурга, Он будет встречен и приветствуем Директором Азиатского Департамента.

11.Отъезд Шаха из Тегерана должен быть рассчитан так, чтобы Он мог сесть на пароход в Реште в последних числах апреля, а следовательно его прибытие в Петербург произойдёт в первой половине мая. Впрочем, числа, относящиеся к путешествию, будут точно означены впоследствии.

12. Мирза Малько́м-Хан сообщит подробный и точный список свиты Шаха.

13. Более подробная программа путешествия будет выработана по сношению с последующими уведомлениями.

Осмеливаюсь присовокупить, что означенный маршрут избран, как согласно желанию Персидского уполномоченного, что таким образом избегается потребность во множестве экипажей и почтовых лошадей и облегчает изготовление мест отдыха и угощения.

/Подписал/ Горчаков

Программа пребывания персидского шаха в Астраханской губернии[1101]

21 февраля 1873 г.
В собственные руки
Высочайше одобрено,
21 февраля 1873 года

Программа

Предстоящего пребывания Его Величества Шаха Персидского в Астраханской губернии.

1.Астраханский губернатор выедет на встречу Шаху Персидскому на рейд в море и будет сопровождать Его Величество до г. Астрахани, где, не доезжая до пристани Общества «Кавказ и Меркурий», Шаха Персидского встретит пальба из орудий, а у самой пристани на отдельном пароходе – музыка, персидским манером.

Пристань будет убрана растениями, коврами и флагами русскими и персидскими, а также будет предоставлено городу убрать коврами и флагами свои дома.

2. Сойдя с парохода, на пристани Его Величество встретят лица военного и гражданского ведомств, Персидский консул, представители сословий, городской голова, персидско-подданные: духовенство и депутации и почётные дамы.

3. Шах Персидский в экипаже, сопровождаемый двумя взводами Астраханского коннаго казачьего полка, последуют по аллеям порта к бульвару Императора Александра II к приготовленному для него помещению, Губернаторскому дому.

4.Подъезжая к Губернаторскому дому. Его Величество встретит почётный караул от войск, расположенных в городе, а в доме, по принятому в Персии обычаю, - будут предложены сласти (ширине).

[1101] Там же. Л.4.

В это же время Его Величеству будут представлены все те, на представление которых получается разрешение Шаха.

5. Затем Его Величество останется в доме, где будет пользоваться отдыхом после совершенного им путешествия.

6. После обеда, который, по принятому обычаю в Персии, будет поднесён Шаху отдельно, для каковой цели при всех домах, которые имеют быть заняты Шахом и Свитою, предположено устроить отдельные кухни и буфеты, с обеденною, чайною и кофейною сервировкою, - вечером будет предложено Его Величеству посетить городской театр, где будет дан балет и поставлены живые картины с сюжетами, приличными случаю. Для Шаха и свиты будут отделены и убраны ложи.

7. По окончании театра Шах возвращается в своё помещение. Во все время пребывания Его Величества в городе, вечером город будет иллюминирован, а против Губернаторского дома, помещения для свиты и в бойких проездных местах будут устроены Шахские вензели и бенгальские огни.

8. На другой день Его Величеству будет предложено посетить Персидскую мечеть, учебныя и благотворительныя заведения, конский и механические заводы и все то, что, составляя признаки особого благоустройства, могут быть удостоены внимания Шаха, а также достопримечательности города, как то Домик Петра Великого и т{ому} под{обное}.

9. По возвращении из упомянутых выше мест, Его Величество останется для отдыха у себя дома и уже после обеда вечером будет Ему снова предложен театр, откуда Его Величество возвратится в своё помещение.

10. На третий день пребывания в городе Его Величество со свитою последует на пристань Общества «Кавказ и Меркурий» и на пароходе «Александр II» отправится в дальнейшее путешествие в сопровождении в пределах губернии Астраханской Губернатором, который будет обязан раскланяться с Его Величеством в г. Царицыне.

В 140 верстах от г. Астрахани, где перегружаются из морских на речные суда.

Верно: Губернатор Биппен.

Используемые сокращения

АКАК – Акты собранные Кавказской археографической комиссией.

АТУ – Астраханская Татарская управа.

АГЖУ – Астраханское губернское жандармское управление.

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи.

ГААО – Государственный архив астраханской области.

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий

МВД – Министерство внутренних дел.

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.